

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Каринэ Христофоровна Кушнарёва
в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, октябрь 2004 г.

Karine Kh. Kushnareva
at the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus of IHMC RAS, October 2004

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 27

St. Petersburg
2022

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 27

Санкт-Петербург
2022

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2022. № 27. 224 с.
ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2022.
No. 27. 224 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёшкин, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба (отв. ред. номера), Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba (editor of no. 27), L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

В № 27 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы междисциплинарного научного симпозиума СТЕК № 2 «Кавказ в системе контактов и связей в эпоху палеометалла (IV — начало I тыс. до н. э.)», который состоялся 26–27 мая 2022 г. в ИИМК РАН и был посвящен 100-летию со дня рождения К. Х. Кушнарёвой.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 27th issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents the materials of the Interdisciplinary Scientific Symposium STEC No. 2 “The Caucasus in the system of contacts and connections of the Paleometal Epoch (IV — early I mil. BC)” held at IHMC RAS on 26–27 May 2022. The event was dedicated to the 100th anniversary of the birth of K. Kh. Kushnareva.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Т. Каиуба</i> СТЕК № 2 — к 100-летию К. Х. Кушнарёвой.....	9
---	---

КАРИНЭ ХРИСТОФОРОВНА КУШНАРЁВА: ТРУДЫ И ДНИ. КАВКАЗ

<i>В. А. Алёкин, Ю. Ю. Пиотровский</i> Каринэ Христофоровна Кушнарёва и ее вклад в развитие археологии Южного Кавказа в Северной столице.....	14
<i>М. Ю. Вахтина</i> Опыт работы с Кариной Христофоровной Кушнарёвой над таблицами по «Археологии СССР»	24
<i>М. В. Медведева</i> Армения в работах предшественников К. Х. Кушнарёвой: судьба архива академика Н. Я. Марра.....	27
<i>О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева</i> Материалы научной деятельности К. Х. Кушнарёвой в архивном собрании ИИМК РАН	40
Список печатных работ К. Х. Кушнарёвой (<i>составитель Л. М. Всевиов</i>)	55

КАВКАЗ И ОКРУЖАЮЩИЕ ТЕРРИТОРИИ В СИСТЕМЕ КОНТАКТОВ И СВЯЗЕЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV — НАЧАЛО I ТЫС. ДО Н. Э.)

<i>Е. А. Черлёнок</i> Глиняные конусы как маркер энеолитической культуры Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Мешоко).....	62
<i>Т. И. Ахундов</i> Неолит Муганской степи.....	66
<i>Л. Р. Тер-Минасян</i> 3D-моделирование неолитического поселения Акнашен.....	77
<i>А. В. Субботин, А. К. Каспаров, Д. Н. Фёдорова</i> Наблюдения по результатам анализа материалов из раскопок в урочище Лунная Поляна (Архыз, Карачаево-Черкесская Республика, Северный Кавказ).....	84
<i>Е. Е. Васильева, И. Ж. Тутаева, С. В. Хаврин</i> Литейные формы эпохи бронзы с территории Центрального Кавказа из коллекции В. И. Долбежева (Государственный Эрмитаж)	92

<i>В. С. Бочкарёв, А. Л. Пелих</i> Связи прикубанского очага металлопроизводства периода поздней бронзы с Центральным и Западным Закавказьем.....	105
<i>М. Т. Кашуба</i> Ареал каменных топоров бородинской группы в Восточной Европе (в связи с «архивной находкой» в Цареуке/Царёвке, Средний Днестр).....	117
<i>Е. Е. Васильева</i> Изображения животных в металле из памятников эпохи бронзы и раннего железного века Центрального Кавказа (относительная хронология и развитие образов).....	128
<i>Г. Н. Керцева (Вольная)</i> Симметричные зооморфные композиции кобанской культуры Центрального Кавказа	146
<i>В. Т. Чшиев</i> Транскавказские культурно-экономические связи в эпоху палеометалла (по материалам Адайдонского некрополя кобанской культуры)	156
<i>А. А. Кадиева, С. В. Демиденко</i> К вопросу о наследственности власти у носителей западной кобанской археологической культуры	164
<i>О. В. Сычёва</i> К вопросу о культурной принадлежности так называемого восточного варианта кобанской культуры (по данным погребальных памятников).....	175

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Н. Н. Чемодуров</i> «Считали утерянными»: неизвестные фрагменты рукописи «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР» И. В. Фабрициус	183
<i>А. В. Кияшко, О. П. Ларенок</i> Новое по историографии финала среднего бронзового века степи и лесостепи Причерноморья от Дона до Прута.....	191

ЮЖНАЯ СИБИРЬ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

<i>О. В. Ковалёва, П. Б. Амзараков, А. В. Поляков</i> Исследования памятников карасукского времени под горой Георгиевской в 2006 г. (могильник Тесь-IX)	205
---	-----

ХРОНИКА

<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев</i> Круглый стол, посвященный памяти И. Б. Брашинского (1928–1982) и И. Г. Шургая (1934–1982).....	219
Список сокращений	221

CONTENTS

<i>M. T. Kashuba</i> STEK No. 2. To the 100 th anniversary of Karine Kh. Kushnareva.....	9
--	---

KARINE KHRISTOFOROVNA KUSHNAREVA: WORKS AND DAYS. THE CAUCASUS

<i>V. A. Alekshin, Yu. Yu. Piotrovsky</i> Karine Khristoforovna Kushnareva and her contribution to the development of the archaeology of the South Caucasus in the Northern Capital of Russia.....	14
<i>M. Yu. Vakhtina</i> Memories of work with Karina Khristoforovna Kushnareva on the preparation of plates for “Archaeology of the USSR”.....	24
<i>M. V. Medvedeva</i> Armenia in the works of K. Kh. Kushnareva’s predecessors: the fate of N. Ya. Marr’s archive	27
<i>O. V. Grigorieva, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva</i> K. Kh. Kushnareva’s research materials in the Archive of IHMC RAS	40
Bibliography of K. Kh. Kushnareva’s works (<i>comp. L. M. Vsevirov</i>)	55

THE CAUCASUS AND SURROUNDING REGIONS IN THE SYSTEM OF CONTACTS AND CONNECTIONS OF THE PALEOMETAL EPOCH (IV — EARLY I MILLENNIUM BC)

<i>E. A. Cherlenok</i> Clay cones as a marker of the Eneolithic culture in the Northwestern Caucasus (based on the materials of the Meshoko rockshelter).....	62
<i>T. I. Akhundov</i> Neolithic of the Mugan steppe.....	66
<i>L. R. Ter-Minasyan</i> 3D-modeling of the Neolithic site of Aknashen.....	77
<i>A. V. Subbotin, A. K. Kasparov, D. N. Fedorova</i> Observations on the results of analysis of the materials from the excavations at the Lunnaya Polyana area (Arkhyz, Karachay-Cherkess Republic, North Caucasus)	84
<i>E. E. Vasileva, I. Zh. Tutaeva, S. V. Khavrin</i> Bronze Age casting molds from the Central Caucasus in V. I. Dolbezhev’s collection (the State Hermitage)	92

<i>V. S. Bochkarev, A. L. Pelikh</i> Connections of the Kuban Late Bronze Age center of metallurgy with the Central and Western Transcaucasia	105
<i>M. T. Kashuba</i> Area of the Borodino group stone axes in East Europe (in connection with the “archive find” at Tsareuke/Tsarevka, the Middle Dniester)	117
<i>E. E. Vasilieva</i> Animal images in metal from the Bronze and Early Iron Age sites of the Central Caucasus (relative chronology and evolution)	128
<i>G. N. Kertseva (Volnaya)</i> Symmetrical zoomorphic compositions of the Koban culture, the Central Caucasus.....	146
<i>V. T. Chshiev</i> Trans-Caucasian cultural and economic connections in the Paleometal Epoch (based on the materials of the Adaidon necropolis, the Koban culture)	156
<i>A. A. Kadieva, S. V. Demidenko</i> Towards the question of hereditary power among the people of the West Koban culture....	164
<i>O. V. Sycheva</i> Towards the question of cultural affiliation of the so called Eastern Variant of the Koban culture (according to the data of burial sites).....	175

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>N. N. Chemodurov</i> “Thought lost”: unknown fragments of I. V. Fabritzius’ manuscript “Archaeological Map of the Black Sea Region of the Ukrainian SSR”	183
<i>A. V. Kiyashko, O. P. Larenok</i> New developments in the historiography of the final Middle Bronze Age of the Black Sea steppes and forest-steppes between the Don and the Prut.....	191

SOUTH SIBERIA IN THE LATE BRONZE AGE: NEW MATERIALS

<i>O. V. Kovaleva, P. B. Amzarakov, A. V. Polyakov</i> Studies of the Karasuk time sites at the foot of Georghievskaya Mountain in 2006 (Tes’-IX cemetery)	205
--	-----

CHRONICLE

<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev</i> Round table dedicated to the memory of I. B. Brashinsky (1928–1982) and I. G. Shurgaya (1934–1982)	219
List of abbreviations	221

СТЕК № 2 — К 100-ЛЕТИЮ К. Х. КУШНАРЁВОЙ¹

М. Т. КАШУБА²

Ключевые слова: *К. Х. Кушнарёва, научное взаимодействие, Кавказ, эпоха палеометалла, СТЕК (сырье — технология — культура).*

Сообщение содержит информацию о работе Междисциплинарного научного симпозиума СТЕК № 2, который состоялся 26–27 мая 2022 г. в ИИМК РАН (Санкт-Петербург, Россия) и был посвящен 100-летию со дня рождения К. Х. Кушнарёвой. Различные аспекты темы «Кавказ в системе контактов и связей в эпоху палеометалла (IV — начало I тыс. до н. э.)» были затронуты в 17 научных докладах ученых из научных, музейных и образовательных учреждений России и республик Кавказа. Состоялись широкий обмен мнениями и обсуждение, в котором приняли участие более 40 человек. Все заслушанные доклады (за исключением нескольких) публикуются в настоящем издании. В этот же блок включены две работы, имеющие непосредственное отношение к теме симпозиума.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-9-13

26–27 мая 2022 г. в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа при активном участии сотрудников Научного архива (ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия) прошел Междисциплинарный научный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения Каринэ Христофоровны Кушнарёвой, чья научная биография неразрывно связана с нашим учреждением. Рассмотренные проблемы на втором симпозиуме новой площадки научного взаимодействия СТЕК (сырье — технология — культура) в полной мере отразили направления научной деятельности исследовательницы, которая внесла значительный вклад в изучение первобытных древностей Кавказского региона.

Тема СТЕК № 2 «Кавказ в системе контактов и связей в эпоху палеометалла (IV — начало I тыс. до н. э.)» объединила археологов из научных, музейных и образовательных учреждений России и республик Кавказа. С докладами выступили активно работающие и участвующие Кавказ специалисты из Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Армавира, Владикавказа, Баку, Еревана (рис. 1; 2).

В приветственном слове директора ИИМК РАН А. В. Полякова была отмечена непреходящая значимость изучения Кавказа эпохи палеометалла, поддержки и развития этого направления в научной деятельности Отдела, а также важность традиции сохранения памяти об ушедших сотрудниках Института. Ю. Ю. Пиотровский поделился воспоминаниями о радости и теплоте встреч (личных и рабочих) с Каринэ Христофоровной. И. о. генерального консула Армении в Санкт-Петербурге Мария Бабаян в своем выступлении

¹ Научное мероприятие проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

подчеркнула значимость и ценность изучения древней культуры Кавказа, отметила большой вклад семьи Кушнарёвых и выразила благодарность за память и проведение научного форума в честь Каринэ Христовой.

В 17 заслушанных докладах представлены как информация и данные по разнообразным аспектам истории археологии, результатам новых полевых исследований, так и обобщения по металлопроизводству бронзового века Кавказа с прилегающими территориями и различным вопросам изучения кобанской культуры. Многие отдельные проблемы были рассмотрены сквозь призму общих процессов развития Северного Причерноморья и Кавказа в преистории.

Доклады участников симпозиума и статьи настоящего издания разделены на два больших блока: историографический, куда закономерно вошла мемориальная часть, и собственно исследовательский.

Блок «Каринэ Христовой Кушнарёва: труды и дни. Кавказ» включает воспоминания о ней как об исследователе и человеке (Г. Н. Керцева (Вольная), М. Ю. Вахтина), оценку ее вклада в археологическую науку (В. А. Алёкшин, Ю. Ю. Пиотровский), обзор материалов ее научной деятельности в Научном архиве ИИМК РАН (М. В. Медведева, О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская) и проблемы судьбы архива академика Н. Я. Марра (М. В. Медведева). Впервые публикуется библиография работ К. Х. Кушнарёвой, составленная Л. М. Всевиовым.

В блоке «Кавказ в системе контактов и связей в эпоху палеометалла (IV — начало I тыс. до н. э.) — современные исследования» несколько выступлений (статей в настоящем издании) были посвящены актуальным проблемам энеолита и неолита Кавказа (Е. А. Черлёнок, Т. И. Ахундов, Л. Р. Тер-Минасян); в других выступлениях были затронуты вопросы изучения раннего и среднего бронзового века (А. Е. Симонян, А. В. Кияшко). Три выступления обусловлены важностью изучения металлопроизводства бронзового века Кавказа и прилегающих территорий; также прозвучали новые обоснованные суждения о характере и интенсивности контактов Прикубанья с Центральным и Западным Закавказьем (В. С. Бочкарёв и А. Л. Пелих; Е. Е. Васильева, С. В. Хаврин и И. Ж. Тутаева; А. И. Климушина). В пяти докладах (и статьях настоящего издания) рассмотрены многообразные аспекты изучения одной из ярчайших археологических культур Кавказа — кобанской: рассмотрены металлические скульптурные изображения животных (Е. Е. Васильева) и особенности зооморфных композиций на металлических изделиях (Г. Н. Керцева (Вольная)), а также ряд ключевых проблем в изучении кобанской культуры, связанных с транскавказскими культурно-экономическими связями (Х. Т. Чшиев), наследственности власти у носителей западной кобанской культуры (А. А. Кадиева и С. В. Демиденко) и основ выделения восточного варианта кобанской культуры (О. В. Сычёва).

В своих докладах участники продемонстрировали анализ различных видов источников, высокое качество теоретических обобщений, использование естественнонаучных методов и современных способов документации в изучении археологических памятников и артефактов, а также применение междисциплинарного, комплексного подхода к их анализу. Состоялись широкий обмен мнениями и заинтересованное обсуждение, в котором приняли участие более 40 человек. Все заслушанные доклады (за исключением нескольких) публикуются в настоящем издании.

Также публикуются две работы, имеющие непосредственное отношение к теме симпозиума: об ареале восточноевропейских топоров с лопастью бородинской группы позднего бронзового века (М. Т. Кашуба) и анализ некоторых материалов из недавних раскопок (2020 г.) каменных насыпей в урочище Лунная Поляна (Северный Кавказ) — на сезонном долговременном пастушеском поселении (А. В. Субботин, А. К. Каспаров, Д. Н. Фёдорова).

Рис. 1. СТЕК № 2. Краткий фоторепортаж заседания 26 мая 2022 г. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия): 1 — А. В. Поляков; 2 — Ю. Ю. Пиотровский; 3 — Мария Бабаян; 4 — В. А. Алёшкин; 5 — О. В. Григорьева; 6 — М. В. Медведева; 7 — Е. А. Черлёнок. Фото А. И. Климужиной, О. В. Сычёвой

Fig. 1. STEK No. 2. Short photo report of the session held on 26 May 2022 (IHMC RAS, St. Petersburg, Russia): 1 — A. V. Polyakov; 2 — Yu. Yu. Piotrovsky; 3 — Maria Babayan; 4 — V. A. Alekshin; 5 — O. V. Grigorieva; 6 — M. V. Medvedeva; 7 — E. A. Cherlenok. Photo by A. I. Klimushina and O. V. Sycheva

Рис. 2. СТЕК № 2. Краткий фоторепортаж заседания 27 мая 2022 г. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия): 1 — В. С. Бочкарёв; 2 — И. Ж. Тутаева; 3 — Е. Е. Васильева; 4 — А. Л. Пелих; 5 — О. В. Сычёва; 6 — А. И. Климушина. Фото О. В. Сычёвой и А. И. Климушиной

Fig. 2. STEK No. 2. Short photo report of the session held on 27 May 2022 (IHMC RAS, St. Petersburg, Russia): 1 — V. S. Bochkarev; 2 — I. Zh. Tutaeva; 3 — E. E. Vasilieva; 4 — A. L. Pelikh; 5 — O. V. Sycheva; 6 — A. I. Klimushina. Photo by O. V. Sycheva and A. I. Klimushina

**STEK NO. 2. TO THE 100TH ANNIVERSARY
OF KARINE KH. KUSHNAREVA**

M. T. KASHUBA

Keywords: *K. Kh. Kushnareva, scientific interaction, Caucasus, Paleometal Epoch, STEK (raw materials — technology — culture).*

The paper provides information about the 2nd Interdisciplinary Scientific Symposium “Raw Materials — Technology — Culture” held at IHMC RAS on 26–27 May 2022. The event was dedicated to the 100th anniversary of the birth of K. Kh. Kushnareva. Participants from different scientific, museum and educational institutions of Russia and Caucasian republics presented 17 papers devoted to various aspects of the theme “The Caucasus in the system of contacts and connections of the Paleometal Epoch (IV — early I mil. BC.)”. The presentations were followed by debates and a rich exchange of views from more than 40 experts. Almost all of the papers given at the symposium are published in the present edition.

КАРИНЭ ХРИСТОФОРОВНА КУШНАРЁВА: ТРУДЫ И ДНИ. КАВКАЗ

КАРИНЭ ХРИСТОФОРОВНА КУШНАРЁВА И ЕЕ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЕ¹

В. А. АЛЁКШИН, Ю. Ю. ПИОТРОВСКИЙ²

Ключевые слова: *К. Х. Кушнарёва, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, энеолит, бронзовый век, Южный Кавказ, археологическая культура, культурогенез.*

Каринэ Христофоровна Кушнарёва, известная российская исследовательница энеолита и бронзового века Южного Кавказа, родилась 18 апреля 1922 г. в Тифлисе (ныне Тбилиси), в армянской семье музыкантов. В 1926 г. ее отец Х. С. Кушнарёв, ставший доцентом Ленинградской государственной консерватории, перевез из Тифлиса в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) дочь Каринэ и супругу Н. И. Спендиарову. В 1939 г. К. Х. Кушнарёва поступила в Ленинградский госуниверситет на археологическое отделение исторического факультета. Окончив Университет в 1947 г., она поступила в аспирантуру ЛОИИМК, а в 1952 г. была зачислена в Сектор Средней Азии и Кавказа этого Института. Ее учителями стали знаменитые археологи-кавказоведы Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. К. Х. Кушнарёва сделала значительный вклад в науку, специализируясь на исследовании первобытных древностей Южного Кавказа. Она разрабатывала вопросы, связанные с зарождением, развитием и исчезновением археологических культур в Закавказье, детально анализируя их в единстве и разнообразии. К. Х. Кушнарёва была цельной личностью, крупным ученым, оставившим глубокий след в изучении поселений и могильников Южного Кавказа, относящихся к VI–II тыс. до н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-14-23

Каринэ Христофоровна Кушнарёва, известная российская исследовательница древностей энеолита и бронзового века Южного Кавказа, родилась 18 апреля 1922 г. в Тифлисе (ныне Тбилиси), в армянской семье музыкантов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 1, 5). Ее отец Христофор Степанович Кушнарёв (1890–1960), уроженец Симферополя, происходил из семьи мастера часовых дел. В 1900 г. семейство деда Каринэ Христофоровны переехало в Тифлис, где Христофор в 1909 г. окончил с золотой медалью гимназию и музыкальное училище по классу скрипки. В 1909–1916 гг. он обучался на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского (с 1914 г. — Петроградского) университета и одновременно (1912–1915) являлся студентом отделения теории композиции Санкт-Петербургской консерватории. После окончания

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² В. А. Алёкшин — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия; Ю. Ю. Пиотровский — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург, 190000, Россия.

университетского курса молодой специалист был мобилизован и направлен в Константиновское артиллерийское училище. Прапорщик артиллерии Х. С. Кушнарёв воевал на Кавказском фронте (1917–1918). Демобилизовавшись, он вернулся в Тифлис, где преподавал в музыкальном училище (1919–1921), а затем в местной консерватории (1921–1923). Х. С. Кушнарёв завершил музыкальное образование в 1923–1925 гг. в Петроградской (с 1924 г. — Ленинградской) государственной консерватории. По окончании Консерватории он был приглашен ее ректором А. К. Глазуновым на должность преподавателя Консерватории³.

В 1926 г. Х. С. Кушнарёв, исполнявший к этому времени обязанности доцента, перевез из Тифлиса в Ленинград дочь Каринэ и супругу (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 1–2, 5) Нину Ивановну Спендиарову (1892–1968), дочь известного в Тифлисе адвоката И. С. Спендиарова. Супруга также поступила в Консерваторию. Впоследствии пианистка Н. И. Спендиарова стала педагогом детской музыкальной школы Ленинского района в Ленинграде (Там же. Л. 2).

К. Х. Кушнарёва в 1939 г. по окончании средней школы № 7 Куйбышевского района поступила в Ленинградский государственный университет на археологическое отделение исторического факультета (Там же. Л. 1, 4–5).

Девушка избрала для себя профессию археолога, вероятно, под влиянием отца — человека разносторонних интересов. Находясь постоянно в Ленинграде, он, по утверждениям окружавших его людей, носил в душе неутолимую тоску по Армении (Багдасарян 2010: 43, 44). Х. С. Кушнарёв мечтал об организации музыкально-фольклорных экспедиций в Армению и населенные армянами районы Грузии с целью изучения традиционной армянской музыкальной культуры. По разрешению А. К. Глазунова музыкант осуществил три таких полевых проекта в 1927–1929 гг. (Там же). Организационной базой этих исследований стал Этнографический кабинет Ленинградской консерватории (Редькова 2019: 44). Х. С. Кушнарёв и его коллеги записали на фонограф более 500 образцов армянской, курдской и азербайджанской народной музыки, представлявших не только музыкальную, но и этнографическую ценность (Там же: 45–51). Возможно, интерес к традиционной культуре древних народов сформировался у дочери музыковеда под влиянием его рассказов о своих экспедициях.

Студенческая жизнь К. Х. Кушнарёвой (рис. 1) была прервана грозными событиями начавшейся Великой Отечественной войны. В августе 1941 г. после завершения второго курса обучения в ЛГУ она уехала с семьей в Ташкент, куда была эвакуирована Консерватория, где работал ее отец, ставший к этому времени профессором и получивший звание «Заслуженный деятель искусств Армянской ССР» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 5).

Оказавшись в Ташкенте, студентка продолжила археологическое образование. Она поступила на третий курс исторического факультета Среднеазиатского государственного университета. Ее наставником стал крупнейший специалист в области античных и средневековых памятников профессор М. Е. Массон, заведующий кафедрой археологии этого учебного заведения. Под его руководством К. Х. Кушнарёва в течение двух лет изучала древности Средней Азии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 5).

В 1943 г. она оказалась в Ереване, куда по службе был переведен ее отец. В Ереване Х. С. Кушнарёв стал заведующим сектором истории и теории музыки АН Армянской ССР, а его дочь в столице Армянской ССР поступила на отделение французского языка в Институт иностранных языков, параллельно занималась археологией Кавказа под руководством известного исследователя доктора ист. наук Б. Б. Пиотровского (Там же). Последний в письме А. А. Иессену от 3 августа 1944 г. отметил К. Х. Кушнарёву как лучшую из пяти

³ Сведения о профессиональной карьере Христофора Степановича Кушнарёва см.: URL: <https://www.conservatory.ru/esweb/kushnaryov-khristofor-stepanovich-1890-1960> (дата обращения: 12.09.2022).

Рис. 1. Студентка К. Х. Кушнарёва (сидит в первом ряду, третья справа) на археологической практике в Старой Ладоге; третий слева — Г. П. Гроздилов. Лето 1940 г. (АГЭ. Фонд Отдела археологии Восточной Европы и Сибири)

Fig. 1. Undergraduate student Karine Kushnareva (sitting in the front row, third from the right) during field-period at Staraya Ladoga; third from the left is G. P. Grozdilov. Summer of 1940 (from the Archive of the State Hermitage)

здешних слушателей его «приватного» курса по археологии Кавказа и способствовал ее скорейшему возвращению в Ленинград (АГЭ. Ф. 50 (фонд Б. Б. Пиотровского)).

После возвращения в родной город и восстановления в ЛГУ на четвертом курсе исторического факультета К. Х. Кушнарёва стала заниматься археологией Кавказа под руководством Б. Б. Пиотровского (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 5об.).

В 1947 г. она окончила ЛГУ, защитив дипломную работу «Культура Центрального Закавказья в середине II тыс. до н. э.» с оценкой «отлично». Решением Государственной экзаменационной комиссии от 30 июня 1947 г. ей присвоена квалификация «археолог» (Там же. Л. 1, 4). В том же году К. Х. Кушнарёва поступила в аспирантуру ЛОИИМК, причем научным руководителем аспирантки остался Б. Б. Пиотровский. 1 ноября 1950 г. обучение в аспирантуре было завершено (Там же. Л. 1). Исследовательница приступила к окончательному редактированию текста своей кандидатской диссертации «Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III — середина I тыс. до н. э.)», которую она успешно защитила на заседании ученого совета исторического факультета ЛГУ летом 1951 г. (Там же. Л. 1, 3-4, 5об.). Эта квалификационная работа, написанная на основе изучения археологических коллекций из музеев Армении, до сих пор не утратила своего научного значения.

Около года решался вопрос о дальнейшем трудоустройстве молодого кандидата наук. В течение этого времени К. Х. Кушнарёва работала по договору и в Донской археологической экспедиции как лаборант (5 июня — 15 сентября 1951 г.) и в Музее истории религии АН СССР как младший научный сотрудник (21 сентября 1951 г. — 1 июля 1952 г.) (Там же. Л. 2об.).

1 августа 1952 г. она была зачислена в штат ЛОИИМК на должность младшего научного сотрудника в Сектор Средней Азии и Кавказа (Там же. Л. 7). Поскольку исследовательница являлась специалистом по первобытной археологии Закавказья, ее в 1953 г. включили в число сотрудников Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции

Рис. 2. Азербайджанская (Оренкалинская) экспедиция. К. Х. Кушнарёва сидит в первом ряду в центре; во втором ряду второй слева — руководитель экспедиции А. А. Иессен (фото из личного архива К. Х. Кушнарёвой)

Fig. 2. Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition. K. Kh. Kushnareva is sitting in the front row, in the center. Second from the right in the second row is the head of the expedition A. A. Iessen (from K. Kh. Kushnareva's personal archive)

Рис. 3. Лагерь Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции. К. Х. Кушнарёва сидит на переднем плане слева, рядом с ней — руководитель экспедиции А. А. Иессен (фото из личного архива К. Х. Кушнарёвой)

Fig. 3. Camp of the Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition. K. Kh. Kushnareva is sitting in the foreground. Next to her, on her left, is the head of the expedition A. A. Iessen (from K. Kh. Kushnareva's personal archive)

ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР и Института истории АН Азербайджанской ССР, которую возглавил канд. ист. наук А. А. Иессен (Там же). В составе этого коллектива К. Х. Кушнарёва проводила полевые изыскания в 1953–1959 гг. (рис. 2–4). С 1954 г. она стала исполнять обязанности начальника отряда экспедиции (Там же. Л. 10, 11), причем в 1959 г. К. Х. Кушнарёва была также начальником отряда (рис. 5) в Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР (Там же. Л. 11, 14, 17, 20, 23, 26, 28).

Рис. 4. Раскопки Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции. К. Х. Кушнарёва сидит на переднем плане справа, рядом с ней — руководитель экспедиции А. А. Иессен (фото из личного архива К. Х. Кушнарёвой)

Fig. 4. Works of the Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition. K. Kh. Kushnareva is sitting in the foreground. Next to her, on her right, is the head of the expedition A. A. Iessen (from K. Kh. Kushnareva's personal archive)

Рис. 5. Иркутская экспедиция. На переднем плане справа — К. Х. Кушнарёва. 1959 г. (НА ИИМК РАН. ФО. О.3596-74)

Fig. 5. Irkutsk Expedition. K. Kh. Kushnareva is in the foreground, on he right. 1959 (SA IMHC RAS. Photo Dep. O.3596-74)

Рис. 6. Двинская экспедиция. Сидят на скамейке: первая слева — К. Х. Кушнарёва, второй справа — руководитель экспедиции К. Г. Кафадарян; стоит за скамейкой, вторая слева, Р. М. Джанполадян. Конец 1960-х — начало 1970-х гг. (АГЭ. Ф. 50 — фонд Б. Б. Пиотровского)
Fig. 6. Dvin Expedition. Sitting on the bench are K. Kh. Kushnareva (first from the left), the head of the expedition K. G. Kafadaryan (second from the right). Standing behind the bench, second from the left, is R. M. Djanpoladyan. Late 1960s — early 1970s (from the Archive of the State Hermitage)

Курируя молодую исследовательницу, Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, младший и старший ученики крупнейшего отечественного археолога-кавказоведа профессора А. А. Миллера, преопределили научную судьбу К. Х. Кушнарёвой. Она стала активной участницей традиционного для Северной столицы полевого проекта, связанного с изучением культур Кавказа первобытной эпохи, причем в его разработку Каринэ Христофоровна сделала свой особый вклад, ориентируясь на раскопки древних памятников Южного Кавказа.

Будучи сотрудником Азербайджанской экспедиции, археолог раскапывала (1954–1956) в западной части междуречья Куры и Аракса, вблизи г. Агдама, Узерлик-тепе — поселение конца среднего бронзового века, датируемое второй четвертью II тыс. до н. э. Обитатели этого располагавшегося в степи поселка вели многоотраслевое хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве, виноградарстве и садоводстве. Они занимались металлообработкой, гончарством, производством изделий из камня и кости. Узерлик-тепе и сейчас остается единственным поселенческим памятником Южного Кавказа среднего бронзового века, на котором осуществлены систематические и крупномасштабные раскопки. Кроме того, К. Х. Кушнарёва руководила разведочными работами вблизи селения Ходжалы в Нагорном Карабахе (Кушнарёва 1987: 4, 5). Семилетнее участие в работах Азербайджанской экспедиции сформировало ее как профессионала, в совершенстве освоившего применявшуюся в этом коллективе тщательную методику раскопок древних поселений и могильников. После безвременной кончины в 1964 г. начальника полевого проекта К. Х. Кушнарёва подготовила к изданию второй и третий тома трудов экспедиции, вышедшие в свет в 1965 г. (Тр. Азербайджанской... 1965а; 1965б).

Приобретенные в Оренкалинской экспедиции навыки раскопок она с успехом использовала позднее при изучении городища Двин, работая в 1967–1972 гг. по приглашению армянских археологов в составе экспедиции Института археологии и этнографии

Рис. 7. К. Х. Кушнарёва. ЛОИА АН СССР, 1965 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 58676)

Fig. 7. K. Kh. Kushnareva 1965 (SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. I 58676)

ных с зарождением, развитием и исчезновением археологических культур. Интерес к этим вопросам применительно к археологии Южного Кавказа проявился у К. Х. Кушнарёвой еще в конце 1960-х гг. С этой проблематикой связана ее совместная с Т. Н. Чубинишвили монография (Кушнарёва, Чубинишвили 1970), посвященная узловым проблемам закавказской археологии — выявлению местных корней куро-араксской культуры раннего бронзового века и ее эволюции в этом обширном регионе.

Свои многолетние исследования в области культурогенеза археолог обобщила в докторской диссертации «Южный Кавказ в VI–II тыс. до н. э.: этапы культурного и социально-экономического развития» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 98), которую она успешно защитила в Ереване 14 октября 1986 г.

Спустя семь лет ведущий научный сотрудник ИИМК РАН К. Х. Кушнарёва (Там же. Л. 102) опубликовала это фундаментальное исследование, дополнив его новыми материалами (Кушнарёва 1993). В отечественной науке имеется не так много обобщающих работ в этой области археологии. Указанная монография исследовательницы стоит в одном ряду с образцовым трудом Р. М. Мунчаева (Мунчаев 1975), но по территориальному и хронологическому охвату анализируемых археологических памятников превосходит его. В книге К. Х. Кушнарёвой дан детальный анализ археологических культур Южного Кавказа

АН Армянской ССР (рис. 6). Основное внимание исследовательницы при раскопках древнего слоя этого памятника (III тыс. до н. э.) было обращено на изучение святилища и выявление свидетельств развития древней металлургии на Южном Кавказе. Итоги этих полевых изысканий были детально опубликованы (Кушнарёва 1977).

В конце 1960-х — 1970-х гг. внимание отечественной археологии привлекла социологическая интерпретация археологических источников, разумеется, на более высоком методическом уровне, чем в 1930-е гг. К. Х. Кушнарёва (рис. 7) принимает самое активное участие в симпозиумах и конференциях, посвященных этой тематике, разрабатывая на археологических материалах Южного Кавказа вопросы развития ремесла, историю обмена и торговли, а также общественные отношения, реконструируемые по данным могильников и поселений (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 46).

В 1974 г. исследовательница становится старшим научным сотрудником (Там же. Л. 44), а 7 февраля 1980 г. получает звание старшего научного сотрудника (Там же. Л. 67).

Одним из основных направлений, которое с 1970-х гг. разрабатывал Сектор Средней Азии и Кавказа (впоследствии Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа) ЛОИА АН СССР (с 1991 г. ИИМК РАН), являлось изучение древнего культурогенеза, то есть проблем, связан-

в их культурном единстве и разнообразии, прослежены основные тенденции хозяйственного и социального развития этого обширного региона. Монография до сих пор служит отправной точкой для многих, прежде всего молодых, археологов, посвятивших себя изучению первобытного прошлого Закавказья. Этот труд был переведен на английский язык и издан в США (Kushnareva 1997).

Огромное значение для археологии Кавказа имеет книга «Ранняя и средняя бронза Кавказа» (М.: Наука, 1994, 383 с.), вышедшая в многотомной серии «Археология СССР» как часть тома «Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 107). К. Х. Кушнарёва стала одним из авторов этого тома и одним из его ответственных редакторов. Как редактор она проделала титаническую работу по созданию единой территориально-хронологической канвы данного труда. Как автор исследовательница написала четыре раздела, посвященных памятникам триалетской, кармирбердской (тазакендской), севанозерликской и кармирванкской (кызылванкской) археологическим культурам (Кушнарёва 1994а; 1994б; 1994в; 1994г), а также раздел, в котором рассматриваются вопросы хозяйства, связей и общественного строя (Кушнарёва 1994д). Кроме того, в соавторстве с другими археологами К. Х. Кушнарёва написала введение (Кушнарёва, Марковин 1994) к данному тому и раздел об истории изучения памятников среднего бронзового века на Южном Кавказе (Джапаридзе и др. 1994). В разделах, вышедших из-под ее пера, изложены результаты исследования ученой в области культуругенеза. Над этой проблематикой она работала вплоть до своей смерти. Ее последняя статья, посвященная данному вопросу (Кушнарёва 2007), была издана в 2007 г. уже после кончины исследовательницы, случившейся 19 февраля 2006 г.

Всего за свою научную карьеру К. Х. Кушнарёва написала более 200 работ по различным проблемам археологии Южного Кавказа. Она вела разнообразную научно-организационную работу в Институте: в различные годы исполняла обязанности заведующей аспирантурой ЛОИА АН СССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 32), ученого секретаря Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА (Там же. Л. 33), входила в состав редколлегии издания «Краткие сообщения Института археологии АН СССР» (Там же. Л. 35), состояла в Отделе полевых исследований ЛОИА и являлась членом Ученого совета ЛОИА (Там же. Л. 81, 82).

Исследовательница не раз получала благодарности от руководства Института за успехи, достигнутые ею в научной и научно-организационной деятельности, а 5 ноября 1974 г. в связи с 250-летием АН СССР была удостоена Почетной грамоты Президиума АН СССР (Там же. Л. 45).

К. Х. Кушнарёва (рис. 8), будучи талантливым представителем ленинградской/петербургской школы археологов-кавказоведов, обладала не только высоким профессионализмом, но и своеобразной манерой передачи молодым коллегам своего богатого научного опыта. Хлебосольная хозяйка, она часто принимала в своей квартире не только приезжих

Рис. 8. К. Х. Кушнарёва. ИИМК РАН, октябрь 2004 г. (фото В. Я. Стёганцевой)

Fig. 8. K. Kh. Kushnareva at IHMC RAS, October 2004 (Photo by V. Ya. Stegantseva)

коллег из различных союзных республик Кавказа, но и начинающих археологов из ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН. За ее обеденным столом происходили и шумные научные диспуты по актуальным проблемам археологии, и оживленный обмен мнениями в связи с новыми археологическими находками. Участники этих встреч отмечали и тонкое чувство юмора, свойственное хозяйке дома, и убедительность ее научной аргументации.

В памяти всех коллег, знавших Каринэ Христофоровну Кушнарёву, она остается цельной личностью, чутким доброжелательным человеком, крупным ученым, оставившим особый след в отечественном изучении первобытных древностей Южного Кавказа.

Литература и источники

- Багдасарян 2010 — Багдасарян А. Христофор Степанович Кушнарёв и армянская музыкальная культура // Александрова Н. В., Сень М. А. (редкол.). Петербург и национальные музыкальные культуры: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 25 января 2010 г.). СПб.: Российский ин-т истории искусств, 2010. С. 41–47.
- Джапаридзе и др. 1994 — Джапаридзе О. М., Кушнарёва К. Х., Микеладзе Т. К. История изучения памятников средней бронзы Южного Кавказа // Кушнарёва К. Х., Марковин В. И. (отв. ред.). Ранняя и средняя бронза Кавказа: Сб. ст. М.: Наука, 1994. С. 58–66 (Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии).
- Кушнарёва 1977 — Кушнарёва К. Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. 116 с.
- Кушнарёва 1987 — Кушнарёва К. Х. Значение Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 3–6.
- Кушнарёва 1993 — Кушнарёва К. Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. 312 с.
- Кушнарёва 1994а — Кушнарёва К. Х. Кармирбердская (тазакендская) культура // Кушнарёва К. Х., Марковин В. И. (отв. ред.). Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 106–117 (Археология СССР).
- Кушнарёва 1994б — Кушнарёва К. Х. Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызилванкской) культуры // Там же. С. 128–132.
- Кушнарёва 1994в — Кушнарёва К. Х. Памятники триалетской культуры на территории Закавказья // Там же. С. 93–105.
- Кушнарёва 1994г — Кушнарёва К. Х. Севано-Узерликская группа памятников // Там же. С. 118–127.
- Кушнарёва 1994д — Кушнарёва К. Х. Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Там же. С. 133–146.
- Кушнарёва 2007 — Кушнарёва К. Х. Новая датировка кармирбердской культуры // АВ. 2007. Вып. 14. С. 166–183.
- Кушнарёва, Марковин 1994 — Кушнарёва К. Х., Марковин В. И. Введение // Кушнарёва К. Х., Марковин В. И. (отв. ред.). Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 5–6 (Археология СССР).
- Кушнарёва, Чубинишвили 1970 — Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). Л.: Наука, 1970. 191 с.
- Мунчаев 1975 — Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 416 с.
- Редькова 2019 — Редькова Е. С. Из истории первых экспедиций Этнографического кабинета Ленинградской консерватории // Opera musicologica. Научный журнал Санкт-Петербургской консерватории. 2019. Т. 11, № 3 [41]. С. 44–55.

- Тр. Азербайджанской... 1965а — Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. Т. 2. 1956–1960 гг. / Иессен А. А., Кушнарева К. Х. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 230 с. (МИА. № 125).
- Тр. Азербайджанской... 1965б — Средневековые памятники Азербайджана. Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 3 / Иессен А. А., Кушнарева К. Х. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 111 с. (МИА. № 133).
- Kushnareva 1997 — *Kushnareva K. Kh. The Southern Caucasus in prehistory: stages of cultural and socioeconomic development from the eight to second millennium B. C.* Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1997. 279 p. (University Museum Monograph. No. 99).
- АГЭ. Ф. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири; Ф. 50 (фонд Б. Б. Пиотровского).
НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530; ФО. О.3596-74. Нег. I 58676.

KARINE KHRISTOFOROVNA KUSHNAREVA AND HER CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE ARCHAEOLOGY OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE NORTHERN CAPITAL OF RUSSIA

V. A. ALEKSHIN, YU. YU. PIOTROVSKY

Keywords: *K. Kh. Kushnareva, A. A. Iessen, B. B. Piotrovsky, Eneolithic, Bronze Age, South Caucasus, archaeological culture, culturegenesis.*

Karine Khristoforovna Kushnareva, a renowned Russian researcher of the Eneolithic and Bronze Age of the South Caucasus, was born on April 18, 1922, in Tiflis (now Tbilisi), in the family of Armenian musicians. In 1926 her father, Kh. S. Kushnarev, became an assistant professor at the Leningrad State Conservatory and the family moved to Leningrad. In 1939 K. Kh. Kushnareva entered the Department of Archaeology at the Historical Faculty of Leningrad State University. Upon graduation from the university in 1947, she joined the post graduate program at the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR, and in 1952 she became a member of the Department of Central Asia and the Caucasus at the same institute. Among her teachers were such outstanding specialists in the archaeology of the Caucasus as B. B. Piotrovsky and A. A. Iessen. K. Kh. Kushnareva made a significant contribution to the study of prehistoric antiquities of the South Caucasus. Her research interests were focused on the origin, development and decline of archaeological cultures in the Transcaucasia. K. Kh. Kushnareva was a whole person and a prominent scholar, who left a deep mark in the study of the South Caucasian settlements and cemeteries dating from the VI–II mil. BC.

ОПЫТ РАБОТЫ С КАРИНОЙ ХРИСТОФОРОВНОЙ КУШНАРЁВОЙ НАД ТАБЛИЦАМИ ПО «АРХЕОЛОГИИ СССР»

М. Ю. ВАХТИНА¹

Ключевые слова: *Карина Христофоровна Кушнарёва, «Археология СССР», тексты, таблицы.*

Заметка посвящена воспоминаниям о работе под руководством К. Х. Кушнарёвой над подготовкой к изданию раздела «Ранняя и средняя бронза Кавказа» для «Археологии СССР».

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-24-26

Среди сотрудников ЛОИА/ИИМК, встреченных на моем жизненном пути в первые годы работы в Институте, Карина Христофоровна Кушнарёва занимает особое место. Мне довелось узнать ее после окончания аспирантуры. После подробного обсуждения первого варианта текста диссертации на заседании Группы античной археологии ЛОИА было принято решение об успешном завершении аспирантуры с «представлением работы», которую было рекомендовано «довести до ума», прежде чем предложить ее для защиты на Ученом совете Института. По тогдашним правилам это давало мне возможность поступить на работу в штат Института, куда я и была зачислена в начале 1980-х гг. на должность лаборанта существующей тогда Лаборатории камеральной обработки материалов. В этой должности, как и было положено, я выполняла самые различные работы и поручения.

Карина Христофоровна Кушнарёва была в те годы занята подготовкой 14-го тома «Ранняя и средняя бронза Кавказа» в серии многотомной «Археологии СССР»². Она приняла на себя колоссальный труд по редактированию текстов и иллюстраций. В связи с большим объемом работы она обратилась к руководству с просьбой о предоставлении ей помощника-лаборанта, и волею судеб выбор пал на меня. Это было большой удачей во многих отношениях. Карина Христофоровна первым делом обговорила с начальством, что по неприсутственным дням мы будем работать у нее дома, что вылилось в гибкий, достаточно свободный график работы. Это, конечно, не означало, что мы мало трудились над томом, просто дни большой нагрузки чередовались с днями, когда я получала «задание на дом», что давало мне возможность заниматься и своей работой. И, конечно же, особую радость приносили общение с Мариной Христофоровной и пребывание в ее гостеприимном доме, переступив порог которого, я сразу же оценила царившую там особую атмосферу — интеллигентности, творчества, доброжелательности и легкости. Все это исходило от Марины Христофоровны. Муж ласково называл ее Карихой. Легкая походка, блеск темных глаз, искренняя улыбка, озарявшая ее лицо, — весь облик Марины Христофоровны был чрезвычайно привлекательным.

¹ Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² Кушнарёва К. Х., Марковин В. И. (отв. ред.). Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. 384 с. (Археология СССР).

Мы работали в большой комнате ее квартиры, располагавшейся неподалеку от станции метро «Горьковская», за столом, заваленным рукописями, рисунками, фотографиями памятников и находок. Непрерывно звонил телефон — Карина Христофоровна находилась на связи с авторами, обсуждала тексты, иллюстрации, задавала вопросы, спорила, делилась новостями. Со многими из кавказских авторов-участников издания ее связывали многолетние дружеские отношения. Все эти споры и обсуждения проходили живо и эмоционально, невольно придавая работе какой-то особый теплый колорит. В то же время Карине Христофоровне удавалось твердой рукой вносить изменения и правки, вести работу к завершению и в целом успешно играть роль дирижера этой «симфонии». Она бодро стучала на пишущей машинке, разрезала ножницами тексты, меняя местами части, вклеивая вставки, а после испещряла рукописи дополнительными правками. Иногда она доверяла мне прочесть текст или перепечатать на машинке исправленные отрывки.

Однако основным фронтом моих работ были таблицы, которые «строились» из присланных авторами фото и рисунков. В докомпьютерную эпоху это делалось механически: изображения вырезались ножницами, затем их нужно было расположить в определенной последовательности на листе твердой бумаги нужного формата и, сделав конструкцию оптимальной, аккуратно приклеить каждую картинку резиновым клеем (люди моего поколения помнят, что такой клей дает возможность легко отделять приклеенное от бумаги, если захочется впоследствии что-либо переместить или удалить). После составления «проектов таблиц» они передавались на доработку художникам. Таким «рукоделием» под руководством Карины Христофоровны мы занимались довольно долго. Процесс был творческим и увлекательным. Эти занятия, конечно же, существенно расширили круг моих представлений об археологии Кавказа эпохи бронзы. Карина Христофоровна много и увлеченно рассказывала о памятниках и достопримечательностях этого края, о своем опыте раскопок, друзьях и знакомых... Из чисто практической сферы нельзя не сказать о том, что, работая над таблицами, иллюстрирующими «кавказскую» часть тома, я достаточно «набила руку» в их монтаже, что очень пригодилось в скором времени, когда пришло время приняться за оформление иллюстраций к собственной работе.

Я с благодарностью вспоминаю, как и, наверное, очень многие, общение с Мариной Христофоровной в ее гостеприимном доме. Там всегда царили приятный, приветливый порядок, мир и уют, которые она организовывала и поддерживала как-то легко и «между прочим». В частности, при всей ее постоянной занятости — работой, общением с друзьями, поездками — на ее небольшой уютной кухне всегда имелся полный обед (салат-первое-второе-десерт), заботливо ею приготовленный (я задавалась вопросом — когда?!), которым она частенько меня угощала, когда мы засиживались за работой. Это не говоря о вкуснейших армянских сладостях, которые она изготавливала или получала от друзей: «Попробуй, какое чудесное варенье (печенье, фрукты...) мне прислали!».

Среди множества историй, которые она поведала мне в то время, был и сюжет из ее аспирантских лет, связанный с занятиями домоводством. Когда-то на свадьбу ей в числе прочего подарили хорошую иллюстрированную поваренную книгу, воспользоваться которой у Карины Христофоровны сразу не получилось. И как-то раз, когда юная Карина торопилась на семинар Б. Б. Пиотровского, она оставила записку мужу, который должен был вскоре вернуться домой: «Пожалуйста, пообедай на 76 стр.». К записке прилагалась поваренная книга с закладкой на нужной странице. Она, смеясь, уверяла, что просто хотела указать на несложный рецепт, руководствуясь которым, молодой муж мог бы что-либо приготовить самостоятельно. Но, увы, супруг воспринял ее вполне доброжелательный жест как насмешку... Брак этот скоро завершился, и во втором замужестве, счастливом и гармоничном, Карина Христофоровна придерживалась в этом вопросе принципиально иной линии...

Эта «история с моралью» произвела на меня неизгладимое впечатление. В процессе совместной работы и в дальнейшем Карина Христофоровна живо интересовалась моими делами и занятиями, старалась всегда поддержать меня как делом, так и словом, в частности, вспоминая иногда различные жизненные ситуации, не только поучительные, но часто занимательные и забавные.

В этой небольшой заметке мне хотелось сказать хотя бы несколько слов благодарности Карине Христофоровне Кушнарёвой через разделяющую нас бездну — за ее высокий профессионализм и преданность делу, доброту, отзывчивость и щедрость, за светлое, оптимистичное отношение к жизни и окружавшим ее людям.

MEMORIES OF WORK WITH KARINA KHRISTOFOROVNA KUSHNAREVA ON THE PREPARATION OF PLATES FOR “ARCHAEOLOGY OF THE USSR”

M. YU. VAKHTINA

Keywords: *Karine Khristoforovna Kushnareva, “Archaeology of USSR”, texts, plates.*

The paper shares the author’s memories of working under the guidance of K. Kh. Kushnareva on the preparation of plates for one of the volumes (“The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia”) of the multi-volume series “Archaeology of the USSR”.

АРМЕНИЯ В РАБОТАХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ К. Х. КУШНАРЁВОЙ: СУДЬБА АРХИВА АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА¹

М. В. МЕДВЕДЕВА²

Ключевые слова: *история археологии, Академия истории материальной культуры, кабинет Н. Я. Марра, фотографии, архивные документы, Анийская экспедиция, этнография.*

Армения занимала важное место в жизни и научной работе К. Х. Кушнарёвой. Сотрудники Императорской археологической комиссии и затем Академии истории материальной культуры приступили к изучению армянских древностей задолго до начала ее профессиональной деятельности. Выдающееся место в исследованиях конца XIX — начала XX в. в этом регионе принадлежит работам Н. Я. Марра и его учеников. В результате многочисленных экспедиций и поездок Н. Я. Марра в Армению появился значительный корпус документов: фотографии, чертежи, рисунки, отчеты, дневники, переписка. Некоторые до сих пор остаются неопубликованными. В 1950 г. архив ученого оказался разделен между собраниями ИИМК АН СССР и ЛО Архива АН СССР. В статье приводится обзор документов, относящихся к работам Н. Я. Марра в Армении, из хранения ИИМК РАН, а также рассматривается история их поступления и дальнейшая судьба.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-27-39

Введение

Армения всегда присутствовала в жизни Каринэ Христофоровны Кушнарёвой, и не только в виде семейной истории. Научная работа исследовательницы также была тесно связана с изучением древнего прошлого этой страны. К. Х. Кушнарёва принимала участие в раскопках памятников Армении и посвятила немало печатных трудов ее археологии³. Разумеется, научные исследования армянских древностей начались не в ИИМК АН СССР, куда она пришла работать молодым специалистом, а задолго до этого. Истоки их следует искать в деятельности предшественников этого ведущего археологического учреждения Ленинграда — в трудах Академии истории материальной культуры (1919–1937) и Императорской археологической комиссии (1859–1918), и, безусловно, первостепенное значение в деле изучения археологических памятников Армении имеют работы академика Николая Яковлевича Марра (рис. 1) и его талантливых учеников.

Н. Я. Марр был сложной и противоречивой личностью, после его смерти и развенчывания марризма в публикациях давались разные оценки его деятельности, часто негатив-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> «Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV вв.», в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете.

² Научный архив, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия. Национальный исследовательский. Московский государственный строительный университет; Москва, 129337, Россия

³ См. библиографию К. Х. Кушнарёвой на с. 55 настоящего издания.

Рис. 1. Н. Я. Марр в кабинете, 1915 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.1067/36)

Fig. 1. N. Ya. Marr in his study room, 1915 (SA IMHC RAS. Photo Dep. Print O.1067/36)

ные. Кто-то называл его гениальным безумцем, кто-то «шаманом» (Алпатов 2004: 75–77; Дьяконов 1988; Сидорчук 2017). Тем не менее если оставить в стороне его «Новое учение о языке», то вне всякого сомнения Н. Я. Марр много сделал для развития кавказоведения и российской археологии. Даже самые непримиримые критики признают, что Н. Я. Марр обладал блестящими административными способностями⁴. В дореволюционный период прежде всего вспоминаются его масштабные исследования в Ани — средневековой столице Армянского царства. Уровень их организации, позволивший превратить руины заброшенного города к 1917 г. в музей под открытым небом и мощный научный центр, до сих пор впечатляет современных исследователей. После революции во многом именно благодаря энергичным действиям Н. Я. Марра Археологическая комиссия была не уничтожена, а преобразована: на ее базе создали Академию истории материальной культуры, работы которой не просто послужили делу выживанию российской археологии, а обеспечили в 1920-е гг. расцвет комплексного изучения древностей. Н. Я. Марр стойко нес нелегкое бремя руководителя ведущего археологического учреждения России в трудные послереволюционные годы, оставаясь председателем ГАИМК до самой кончины в 1934 г. (Платонова 1998, 2013, 2022; Сидорчук 2016).

Краткий обзор материалов Н. Я. Марра в собрании Научного архива ИИМК РАН

В результате плодотворной научной деятельности Н. Я. Марра сформировалось обширное документальное наследие огромной научной значимости. К сожалению, комплекс материалов был разделен: рукописная часть личного фонда хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 800), а личный фотографический фонд —

⁴ О Н. Я. Марре как организаторе археологической науки см.: Платонова 1998; 2013; 2022: 83–99.

в Научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 23). Кроме того, материалы по деятельности Н. Я. Марра хранятся в рукописных и фотографических коллекциях ИАК и ГАИМК ИАК и ГАИМК из архивного собрания ИИМК РАН, а также в личных фондах принимавших участие в его экспедициях археологов, историков искусства Я. И. Смирнова, Н. П. Сычёва и архитектора К. К. Романова.

В дореволюционный период исследования в Армении были одним из основных лейт-мотивов научной деятельности Н. Я. Марра, поэтому неудивительно, что среди материалов ученого значительный массив составляют документы его поездок и раскопок в Карской области и Эриванской губернии Российской империи. Они разнообразны по своему составу и характеру, наиболее ранние датируются 1890-ми гг.

В 1892–1893 гг. приват-доцент Санкт-Петербургского университета Н. Я. Марр по поручению ИАК предпринял археологические поездки в «Русскую Армению» для выбора перспективного места будущих исследований. Эти путешествия положили начало знаменитой многолетней Анийской экспедиции. Н. Я. Марр сразу выбрал Ани, где лучше всего к тому времени сохранились развалины древних зданий на городище, в качестве центрального пункта своих работ. Оттуда он совершал выезды для составления общей картины сохранности и мониторинга наличия археологических и архитектурных памятников в этом регионе. По заданию ИАК Н. Я. Марр должен был собрать максимально полные и точные данные: 1) о памятниках древности, которые он осмотрит и опишет лично в процессе поездки; 2) о памятниках, о которых он получит сведения от других лиц; 3) о случайных археологических находках; 4) о собраниях местных любителей старины; 5) о древностях, находящихся в продаже у частных лиц (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892 г. Д. 33. Л. 5). На путевые издержки, производство раскопок и приобретение у местных жителей «древних вещиц» и монет Археологическая комиссия ассигновала Н. Я. Марру в первый год 1000 рублей, а во второй — 1200 рублей. Для изготовления фотографических снимков ему был отпущен на время поездок фотографический аппарат.

Все сведения и собранные во время поездки предметы вместе с рисунками и снимками он должен был передать Комиссии вместе с подробным отчетом или дневником о работах, что Н. Я. Марр и сделал. В результате в Научном архиве ИИМК РАН в фонде ИАК сохранился потрясающий комплекс документов из его поездок в Армению в 1892–1893 гг. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892 г. Д. 33; 1893 г. Д. 61). Материалы до сих пор лишь отчасти введены в научный оборот⁵. Документация о работах этих двух лет сохранилась в Архиве ИАК целиком, в отличие от материалов последующих исследований начала XX в.⁶ Архивные дела включают фотографии и описи находок, подробнейшие дневники, переписку, рисунки, финансовые документы. В полевых дневниках помимо научных наблюдений Н. Я. Марр увлекательно описывает все перипетии своих путешествий, в том числе экспедиционный быт, проблемы организационного характера, взаимоотношения с местным населением и представителями армянского духовенства, приводит сведения по этнографии региона.

Ценнейшую часть материалов этих путешествий составляет фотоколлекция, содержащая оригинальные стеклянные негативы (около 400 ед. хр.) и сделанные с них отпечатки (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 23. Инв. № 54473–54853). Фотофиксация в полевых условиях археологической экспедиции в то время делала только первые шаги и была достаточно трудоемким и дорогим занятием. Н. Я. Марр высоко оценивал фотографию как объективный и

⁵ Результаты работ в кратком виде вошли в печатный отчет ИАК о деятельности за 1892 г. и за 1893 г. (Раскопки... 1894; Производство... 1895: 33–38) и в обобщающую монографию Н. Я. Марра (Марр 1934: 54–55). В 1981 г. были опубликованы докладные записки Н. Я. Марра в ИАК, составленные в процессе поездок 1892–1893 гг. (Пескарева, Баликян 1981а; 1981б).

⁶ Большая часть документации Анийской экспедиции утрачена (Платонова 1998: 377).

точный метод исследования. К началу экспедиции он специально окончил курсы по фотоделу, где успешно овладел техникой фотосъемки и научился делать весьма качественные снимки. В процессе поездок он фотографировал сам, в некоторых случаях ему помогал фотограф Эчмиадзина М. Папазян (Девель, Томес 1971: 290). В итоге в архиве ИИМК РАН сложилась представительная и информативная фотоколлекция из поездок 1892–1893 гг. Н. Я. Марра в Армению. На снимках запечатлены раскопки в Ани и открытые архитектурные детали, древние надписи и другие находки (рис. 2; 3), ландшафты окрестностей, средневековые храмы и монастыри (рис. 4; 5) (Там же: 292), исследования Ворнакского могильника.

Раскопки Ани (1892–1893, 1904–1917) стали основным местом археологических исследований под руководством Н. Я. Марра в Армении и в то же время главным проектом ИАК на Кавказе. Финансирование многолетних систематических раскопок Министерством императорских дел, создание Анийского музея — далеко не все экспедиции Императорской археологической комиссии достигли таких высот⁷. Если бы не трагические обстоятельства начала XX в., этот памятник усилиями Н. Я. Марра стал бы одним из первых и передовых археологических музеев-парков. Всего состоялось 16 анийских кампаний, внесших значительный вклад в изучение истории и материальной культуры Армении.

Археологическое наследие из раскопок Ани и основная часть отчетной документации загадочно исчезли в годы революционных перемен, поэтому сохранившиеся в Научном архиве ИИМК РАН разрозненные материалы, касающиеся исследований Анийского городища в конце XIX — начале XX в., приобрели особую источниковедческую значимость. Открытые листы, организационная переписка, краткие сведения о раскопках, описи находок, фотографии (рис. 6; 7), рисунки и чертежи Анийской экспедиции находятся в личном фотофонде Н. Я. Марра, в собрании ИАК и в разряде крупноформатных иллюстраций, в личных архивах архитекторов и искусствоведов, участвовавших в исследованиях. Все они нуждаются в единой систематизации по хронологии, объектам и авторам, чтобы составить объективную картину доступных в настоящее время документов, оставшихся после раскопок Ани под руководством Н. Я. Марра. Наиболее полное описание выполнено для фотоизображений. На них можно увидеть анийские ландшафты, процесс раскопок, архитектурные объекты и сделанные находки, сотрудников экспедиции в разные годы, Н. Я. Марра и членов его семьи, интерьеры Анийского музея.

В начале XX в. музей развернул широкую публикационную и просветительскую деятельность (Казарян 2016), в том числе печатались открытки с видами анийских древностей (рис. 8). В печатном Отчете музея за 1916 г. упоминается об издании третьей серии (15 шт.) «Открытых писем» с видами анийских памятников и окрестностей (Чубинов 1918: 2) как средства популяризации истории и архитектуры Ани. В фотоархиве Н. Я. Марра из таких открыток собран альбом, где представлены виды анийских церквей, крепостных стен, дворцовых и других строений, статуя царя Гагика I, а также древняя архитектура окрестных мест (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом О.749). Отдельную серию составляют фотоматериалы, выполненные к обобщающей монографии Н. Я. Марра по истории Ани (Марр 1934; НА ИИМК РАН. ФО. Альбомы Q 687–689).

Помимо анийских материалов в собрании ИИМК РАН хранятся документы экспедиционных работ Н. Я. Марра, его коллег и учеников на других памятниках археологии и архитектуры Армении. Н. Я. Марр впервые обратил внимание на необходимость археологических исследований городища Двин и в 1899 г. при финансировании ИАК произвел разведочные раскопки древнего города. В архивном деле, посвященном этим раскопкам, есть

⁷ Следует отметить, что значительные суммы на проведение работ в Ани и на создание музея выделялись также Советом по управлению имуществами армянских церквей в Санкт-Петербурге.

Рис. 2. Ани, Церковь Аbugамренц, 1893 г. (Фото Н. Я. Марра. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 27)

Fig. 2. Ani, Church of the Abugamrents, 1893 (Photo by N. Ya. Marr. PSA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. III 27)

Рис. 3. Ани. Церковь Бахтагеки, фрагменты фресковой росписи, 1892 г. (Фото Н. Я. Марра. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 94)

Fig. 3. Ani, Bakhtageki Church, fragments of painting on dry plaster, 1892 (Photo by N. Ya. Marr. SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. III 94)

Рис. 4. Монастырь Багнайр близ Ани, 1892 г. (Фото Н. Я. Марра. НА ИИМК РАН. ФО. Нер. III 157)
Fig. 4. Bagnair Monastery near Ani, 1892 (Photo by N. Ya. Marr. SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. III 157)

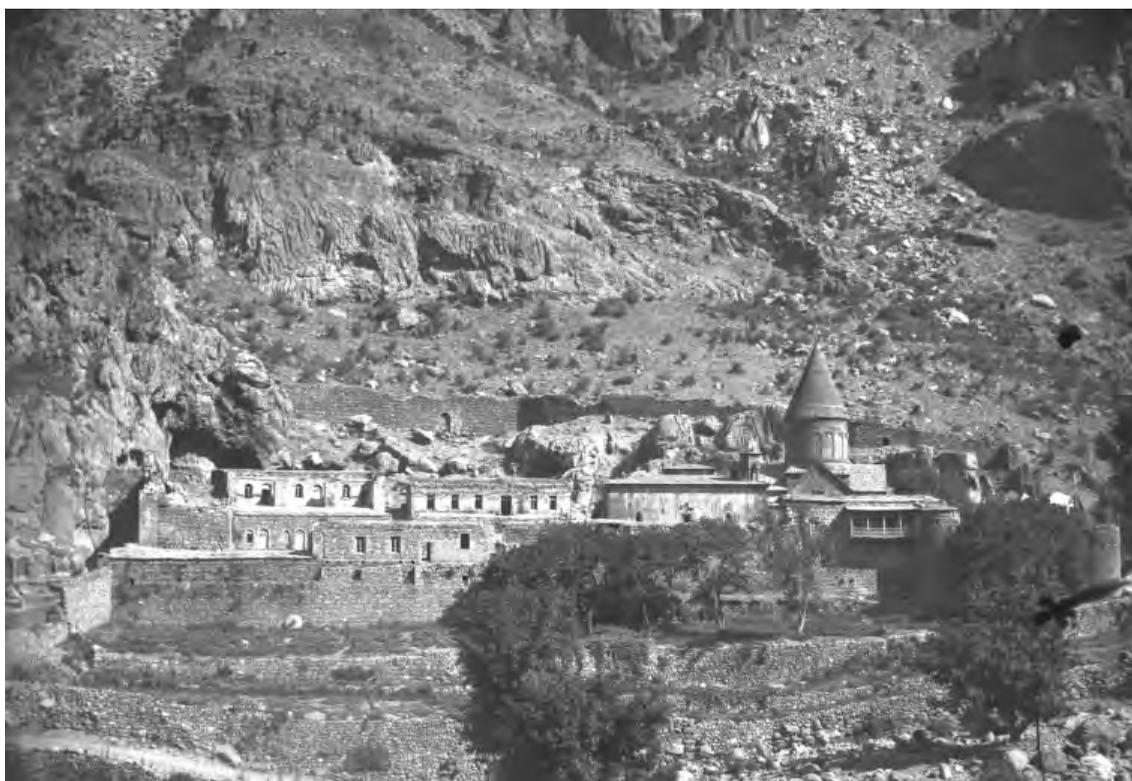

Рис. 5. Монастырь Гегард, 1893 г. (Фото Н. Я. Марра. НА ИИМК РАН. ФО. Нер. III 175)
Fig. 5. Geghard Monastery, 1893 (Photo by N. Ya. Marr. SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. III 175)

Рис. 6. Ани, вид на Вышгород, 1908 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.194/10)

Fig. 6. Ani, view of Vyshgorod, 1908 (SA IMHC RAS. Photo Dep. Print O.194/10)

Рис. 7. Ани, раскопки на участке с древним водопроводом, 1910 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.195/25)

Fig. 7. Ani, excavations in the area with ancient water pipes, 1910 (SA IMHC RAS. Photo Dep. Print O.195/25)

Рис. 8. «Открытое письмо» — Католикос Маттеос II у статуи царя Гагика I в Анийском музее древностей (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 756/73)

Fig. 8. «Public letter» — Catholicos Matthew II near the stature of Tsar Gagik I in the Ani Museum of Antiquities (SA IMHC RAS. Photo Dep. Print Q 756/73)

каждодневное описание работ, фотографии находок, план крепости (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1899 г. Д. 119). Н. Я. Марр исследовал средневековую часть памятника, а спустя многие годы здесь же работала К. Х. Кушнарёва с более ранними по хронологии слоями (Кушнарёва 1977).

Значительный комплекс фотодокументов и рукописных описаний посвящен обследованиям вишапов, которыми Н. Я. Марр занимался вместе с Я. И. Смирновым в 1909–1912 гг. (Длужневская 2014: 27; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 11; ФО. Альбом Q 560; рис. 9). К этим же годам относятся и фотодокументы исследований храма в Гарни (Длужневская 2014: 26, 27).

В 1911 г. Н. Я. Марр по поручению ИАК обследовал Сардарский дворец в Ереване. Сохранилась подробная переписка по этому вопросу, фотографии и экспертное мнение Н. Я. Марра о сохранности дворца (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 52). В итоге Археологическая комиссия даже обратилась в Министерство императорского двора с инициативой, чтобы Сардарский дворец передали из военного ведомства в ведение ИАК и выделили средства на его поддержание. К сожалению, идея не получила дальнейшего развития, и дворец вскоре разрушился.

Ряд снимков отражает облик несуществующей ныне церкви Петра и Павла в Ереване. На фотографиях фиксируются разборка храма в 1931 г. и фресковая живопись в интерьере церкви (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом Q 755).

В годы Первой мировой войны в результате боевых операций на Кавказском фронте русскими войсками был занят ряд областей Османской империи. Академией наук было предпринято несколько научных экспедиций на занятые по праву войны территории для изучения сохранности памятников в зоне военных действий, их описания, фотофиксации и выработки программы мероприятий для их дальнейшей охраны (Басаргина 2008: 488, 489; Колчинский и др. 2018: 421–431). На кавказском направлении в декабре 1915 г. и летом 1916 г. старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян изучал христианские памятники на территории от Эрзерума до Эрзинджана: составлял их описание, копировал древние надписи, собирал рукописи и сделал множество фотографий, которые затем вошли в собрание Н. Я. Марра⁸ (Длужневская 2014: 29). В то же время в Ване археологическая экспедиция Русского археологического общества под руководством И. А. Орбели и Н. Я. Марра занималась раскопками Урартского древнего города (Марр, Орбели 1922). Одним из главных достижений ее стало открытие надписи Сардура II. Фотоснимки из этой поездки также хранятся в фотоархиве Н. Я. Марра⁹ (Длужневская 2014: 27).

В 1917 г. для участия в экспедиции по охране памятников в районе военных действий на Кавказском фронте Н. Я. Марром был приглашен историк искусства Н. Л. Окунев. Он уже принимал до этого участие в проектах Н. Я. Марра, работал в Анийской экспедиции в 1911 г. В течение трех месяцев Н. Л. Окунев обследовал памятники в районе Эрзерума и Эрзинджана, по течению р. Чорох и в Карской области. По результатам работ был опубликован предварительный отчет (Янчаркова 2007: 499–501). В ходе экспедиции Н. Л. Окуневым было сделано 500 фотографий, стеклянные пластинки-негативы он отдал вместе со списком Н. Я. Марру (Там же: 501). Позже они попали в фотоархив ГАИМК в составе личного фонда Н. Я. Марра (НА ИИМК РАН. ФО. Альбомы О.186–О.192; рис. 10).

В 1915 г. архитектор Н. М. Токарский выполнил свое первое обследование в провинции Тайк, когда служил добровольцем в Красном Кресте на Кавказском фронте.

⁸ Отчеты по обследованию памятников на Кавказе в годы Первой мировой войны, как и фотографии, хранились у Н. Я. Марра, после его смерти — сначала в ГАИМК/ИИМК АН СССР, затем в ЛО Архива АН СССР.

⁹ Там же хранятся фотоматериалы более ранних исследований И. А. Орбели в Армении (Длужневская 2014: 27).

Рис. 9. Вишап у Аджага-юрта. Поездка Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова в Гехамские горы в 1911 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 560/10)

Fig. 9. Vishap near Adzhaga-Yurt. N. Ya. Marr and Ya. I. Smirnov's trip to the Gegham mountains in 1911 (SA IMHC RAS. Photo Dep. Print Q 560/10)

Рис. 10. Эрзерум, цитадель, 1917 г. (Фото Н. Л. Окунева)

Fig. 10. Erzurum, citadel, 1917 (Photo by N. L. Okunev)

Рис. 11. Армения, Варташен(?). Праздник местных жителей (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 14566)
 Fig. 11. Armenia, Vartashen(?). Local festival (SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. III 14566)

Его транспортная группа вьючных носилок состояла при Кубанском пластунском батальоне казаков. В тот момент Н. М. Токарский уже учился в Институте гражданских инженеров, по собственной инициативе он обмерил, сфотографировал, зарисовал и описал церковь Ишхан. Н. Я. Марр заинтересовался работами Н. М. Токарского и приобрел его чертежи, зарисовки и фотографии для «Анийского историко-археологического института», а на следующий год взял его с собой в Ани. Впоследствии материалы Н. М. Токарского также оказались в фотособрании Н. Я. Марра (Медведева 2019).

Ценную часть среди материалов Н. Я. Марра в собрании ИИМК РАН составляет не до конца атрибутированная этнографическая коллекция снимков. Изображения не получается соотнести напрямую с экспедициями Н. Я. Марра¹⁰, и, видимо, они были сделаны другим исследователем. Комплекс состоит из десяти коробок, содержащих около 150 стеклянных высококачественных негативов хорошей сохранности трех размеров (от 9 × 12 см до 18 × 24 см). На момент составления описи к ним не было представлено никаких сопроводительных документов, но на коробках имеются надписи «Армения, Варташен?», «Армения, село Чалет», «Вернашен, Лори?» и дата — 1914–1916 гг. Снимки фиксируют архитектурные памятники, праздничные обряды, местных жителей в национальном костюме и их занятия (рис. 11). В обзоре фотофонда Н. Я. Марра 1971 г. эта коллекция значится как «Этнографическая серия по Закавказью не установленного автора, относящаяся к 90-м гг. XIX в. — типы населения, занятия, праздники» (Девель, Томес 1971: 295).

¹⁰ Только на некоторых кадрах опознается Ани.

История поступления в архив и судьба документального собрания Н. Я. Марра

Отдельные фотоматериалы Н. Я. Марра по изучению армянских древностей дополнили фотоархив ГАИМК еще при жизни исследователя, а отчетные документы дореволюционных экспедиций поступали в собрание ИАК сразу по окончании работ. После кончины Н. Я. Марра в соответствии с его желанием весь персональный архив целиком был передан в ГАИМК, где специально для его хранения организовали научно-исследовательский кабинет Н. Я. Марра. Заведование кабинетом возложили на В. А. Миханкову, которая на протяжении многих лет была его личным секретарем и доверенным лицом. В 1949 г. она успела еще до разоблачения марризма опубликовать монографическое исследование о жизни Н. Я. Марра, до сих пор остающееся наиболее подробным биографическим очерком ученого (Миханкова 1949). Незадолго до этого в 1947 г. В. А. Миханкова отчиталась о работе кабинета и представила краткий систематический обзор архива Н. Я. Марра (Миханкова 1947). Там же она сообщала, что к 1940 г. было готово второе издание капитального исследования Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» (Марр 1934). Переиздание должно было стать более полным и включить все упущенные в первом издании материалы по раскопкам Ани, в том числе отчеты 1892–1893 гг. и другие документы. Сличив первое издание с составом кабинета Н. Я. Марра, В. А. Миханкова отмечала, что «таких материалов было выявлено в 148 рукописях... Иногда это были отдельные заметки, иногда большие работы, дневники раскопок и поездок, отчеты и т. п. ... В результате оказалось около 15 печатных листов дополнений» (Миханкова 1949: 83). Но новый вариант книги так и не вышел.

В 1950 г. работа И. В. Сталина низвергла лингвистическую теорию академика Н. Я. Марра с научного пьедестала, и началась яростная борьба с марризмом (Романовский 2004: 236–239; Алпатов 2004: 184–190). Опубликовать наследие Н. Я. Марра стало не только нежелательно, но и опасно. Почти все его последователи, как могли, отрешивались от него и от его научного творчества (Алпатов 2004: 191–213). Работа кабинета в ИИМК АН СССР сразу же была свернута. Рукописный архив академика Н. Я. Марра в кратчайшие сроки передали в Ленинградское отделение Архива АН СССР, оставив фотографическую часть в ИИМК АН СССР, так как там располагался единственный в то время в системе академических учреждений специализированный фотоархив. Вскоре скончалась и преданная помощница Н. Я. Марра В. А. Миханкова, активно занимавшаяся разбором и подготовкой к публикации его материалов, для которой все происходящее стало тяжелым ударом (Каганович 2007: 519). Документальное наследие академика Н. Я. Марра оказалось в забвении на долгие годы.

В настоящее время архив Н. Я. Марра чрезвычайно востребован специалистами разных научных направлений. Активизировался интерес и к личности самого академика, а также к переоценке его деятельности и вклада в развитие русской науки (Каганович 2007; Корнилов 2014; Костева 2020; Платонова 2022; Сидорчук 2017). Потенциал сохранившегося документального наследия Н. Я. Марра далеко не исчерпан, однако его изучение затруднено из-за раздробленности личного архива, составлявшего до 1950 г. единый комплекс материалов, органично дополнявших друг друга. Приведенный краткий обзор документов Н. Я. Марра, полученных в результате исследований ученого в конце XIX — начале XX в. и хранящихся ныне в архиве ИИМК РАН, дает все основания говорить об их уникальности и важности в деле реставрации архитектуры и изучения культурно-исторического наследия Армении и Кавказа в целом, особенно с учетом того, что многие описанные и сфотографированные тогда памятники не сохранились до наших дней, и теперь исследователям в своей работе приходится опираться исключительно на архивные материалы. Современные реалии российской науки, безусловно, делают актуальным их широкое введение в научный оборот.

Литература и источники

- Алпатов 2004 — *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
- Басаргина 2008 — *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М.: Индрик, 2008. 656 с.
- Девель, Томес 1971 — *Девель Т. М., Томес Т. Б.* Собрание Н. Я. Марра в фотоархиве ЛОИА АН СССР // ИФЖ. 1971. № 3. С. 289–295.
- Длужневская 2014 — *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.
- Дьяконов 1988 — *Дьяконов И. М.* По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре // Алаев Л. Б. и др. (редкол.). Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации: Сб. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. Вып. 3. С. 178–181.
- Каганович 2007 — *Каганович Б. С. Е. Ч.* Скржинская о Н. Я. Марре // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 2007. Т. 30. С. 514–519.
- Казарян 2016 — *Казарян А. Ю.* Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // *Вопросы всеобщей истории архитектуры.* М.; СПб.: Нестор-История, 2016. Вып. 7. С. 9–28.
- Колчинский и др. 2018 — *Колчинский Э. И., Зенкевич С. И., Ермолаев А. И., Ретунская С. В., Самокиш А. В.* Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.
- Корнилов 2014 — *Корнилов Н. В.* Академик Н. Я. Марр (к 150-летию со дня рождения) // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2014. № 10 (69). С. 271–283.
- Костева 2020 — *Костева В. М.* Деятельность Николая Яковлевича Марра в свете нарративной лингвоисториографии // *Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки.* 2020. Вып. 4 (833). С. 21–30.
- Кушнарёва 1977 — *Кушнарёва К. Х.* Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР. 110 с.
- Марр 1934 — *Марр Н. Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.; М.: Соцэкгиз, 1934. 12, [2], 133 с.
- Марр, Орбели 1922 — *Марр Н. Я., Орбели И. А.* Археологическая экспедиция 1916 года в Ван. Раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура Второго из раскопок западной ниши. Доклады Н. Марра и И. Орбели. Пг.: Русское археологическое общество; Академическая тип., 1922. 68 с.
- Медведева 2019 — *Медведева М. В.* Фотоколлекции Николая Михайловича Токарского (1892–1977) в архиве Института истории материальной культуры РАН // *Архивный поиск.* Вып. 1: электронный сб. науч. ст. и публикаций. М.: Архив РАН, 2019. С. 455–466.
- Миханкова 1947 — *Миханкова В. А.* Работа кабинета Н. Я. Марра за 1936–1944 гг. Доклад на объединенном заседании ИИМК АН СССР и ЛГУ в Ленинграде, посвященном памяти Н. Я. Марра. АН СССР // КСИИМК. 1947. Вып. 15. С. 77–87.
- Миханкова 1949 — *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 555 с.
- Пескарева, Баликян 1981а — *Пескарева К. С., Баликян О. С.* Докладные записки Н. Я. Марра о раскопках в Ани (1892 г.) // *Вестник общественных наук АН АрмССР.* 1981. № 5. С. 100–110.
- Пескарева, Баликян 1981б — *Пескарева К. С., Баликян О. С.* Докладные записки Н. Я. Марра о раскопках в Ани (1893 г.) // *Вестник общественных наук АН АрмССР.* 1981. № 6. С. 98–114.
- Платонова 1998 — *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // *АВ.* 1998. Вып. 5. С. 371–382.
- Платонова 2013 — *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — председатель РАИМК/ГАИМК в 1919–1920 и 1923–1934 гг. // *Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология*

- на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 15–18.
- Платонова 2022 — Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр (1864–1934) // Горончаровский В. А. (науч. ред.-сост.). Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 68–100.
- Производство... 1895 — Производство археологических раскопок // Отчет ИАК за 1893 г. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1895. С. 1–38.
- Раскопки... 1894 г. — Раскопки в Эриванской губернии // Отчет ИАК за 1892 г. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1894. С. 75–86.
- Романовский 2004 — Романовский С. И. Притащенная наука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 348 с.
- Сидорчук 2016 — Сидорчук И. В. Деятельность Н. Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // Научно-технические ведомости С.-Петербургского гос. политехнического ун-та. Гуманитарные и общественные науки. 2016. 4 (255). С. 96–107.
- Сидорчук 2017 — Сидорчук И. В. Н. Я. Марр и марризм в западной историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 330–339.
- Чубинов 1918 — Чубинов Г. Б. Отчет о деятельности Анийского музея древностей за 1916 г. Анийские древности. III. Пг.: Тип. А. Ф. Дресслера, 1918. 28 с.; XII табл.
- Янчаркова 2007 — Янчаркова Ю. К истории взаимоотношений Н. Л. Окунева с Н. Я. Марром // Вспомогательные исторические дисциплины. 2007. Т. 30. С. 495–513.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892 г. Д. 33. Дело ИАК о командировании г. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий. 240 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893 г. Д. 61. Дело ИАК о продолжении г. Марром производства археологических розысканий в Русской Армении. 189 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1899 г. Д. 119. Дело ИАК о раскопках приват-доцента Н. Я. Марра в Эриванской губернии. 42 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 52. Переписка с Эриванским губернатором о принятии мер к прекращению расхищения мечети во дворце Сардара. 42 л.
- НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 23. Инв. № 54473–54853. Коллекция Н. Я. Марра. Раскопки в Ани в 1892–1893 гг. и поездка по Армении (негативы).
- НА ИИМК РАН. ФО. Альбомы О.749, Q 560, Q 687–689, Q 755.

ARMENIA IN THE WORKS OF K. KH. KUSHNAREVA'S PREDECESSORS: THE FATE OF N. YA. MARR'S ARCHIVE

M. V. MEDVEDEVA

Keywords: *history of archaeology, Academy of the History of Material Culture, N. Ya. Marr's cabinet, photographs, archive documents, Ani Expedition, ethnography.*

Armenia occupied an important place in K. Kh. Kushnareva's life and work. However, members of the Imperial Archaeological Commission and of the Academy of the History of Material Culture had started studying Armenian antiquities well before the beginning of Kushnareva's professional activity. An exceptional place in the works of the late XIX — early XX c. in this region belongs to N. Ya. Marr and his disciples. Marr's numerous expeditions and visits to Armenia resulted in the formation of a rich documentary heritage: photographs, drafts, drawings, reports, diaries, correspondence. Some of them remain unpublished. In 1950 the archive of the scholar was divided between the Institute for the History of Material Culture of the Academy of Science of the USSR and the Leningrad Branch of the Archive of the Academy of Science of the USSR. The paper gives an overview of the documents related to Marr's work in Armenia that are stored now at IHMC RAS and considers the history of their receipt and their further fate.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Х. КУШНАРЁВОЙ В АРХИВНОМ СОБРАНИИ ИИМК РАН¹

О. В. ГРИГОРЬЕВА, Н. А. ЛАЗАРЕВСКАЯ, М. В. МЕДВЕДЕВА²

Ключевые слова: *К. Х. Кушнарёва, ЛОИА АН СССР, ИИМК РАН, археология, Южный Кавказ, Армения, Нагорный Карабах, Научный архив, рукописные и фотографические документы.*

В статье дается обзор документального научного наследия известного археолога К. Х. Кушнарёвой, специалиста по эпохе неолита и бронзы Южного Кавказа, ученицы Б. Б. Пиотровского и А. А. Иессена. Всю свою жизнь она проработала в ИИМК/ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), продолжая и развивая традиции своих предшественников и учителей в области археологического изучения Кавказа. В Научном архиве ИИМК РАН отложился богатый документальный комплекс, позволяющий более полно проследить ее научную биографию и дополнить ценными сведениями историю школы ленинградского кавказоведения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-40-54

Карина Христофоровна Кушнарёва (рис. 1) проработала 60 лет (1947–2006) в ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), где в Секторе/Отделе Средней Азии и Кавказа она прошла путь от младшего до ведущего научного сотрудника, от аспиранта до доктора исторических наук (Алёшин, Бобровская 2013: 359; Каринэ Христофоровна Кушнарёва... 2013: 11; Рысин 2006; 2007). В результате ее многолетней научной деятельности сформировался основательный документальный комплекс фото- и рукописных материалов, поступивший на хранение в Научный архив Института истории материальной культуры РАН (далее ИИМК РАН). В рукописном отделе материалы К. Х. Кушнарёвой представлены в научно-организационной документации Института (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1) и в документах по личному составу учреждения (НА ИИМК РАН. РО. Оп. 4, 5), а также в личном фонде исследовательницы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 105), в фотографическом отделе — в коллекциях фонда Института за разные годы (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 47, 48).

Личный фонд К. Х. Кушнарёвой

Личные материалы К. Х. Кушнарёвой были переданы в архив ИИМК РАН в 2018 г. из Отдела Центральной Азии и Кавказа (см.: приложение 1. № 1)³. Важно отметить, что

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № FMZF-2022-0015.

² О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева — Научный архив, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Объем личного фонда К. Х. Кушнарёвой составляет 1,7 пог. м россыпи принятых на хранение документов. В настоящее время материалы личного фонда исследовательницы еще не прошли научно-техническую обработку и недоступны для работы исследователям. Ввиду ценности документального

исследовательница весьма ответственно подошла к вопросу сохранения и систематизации собственного научного наследия: в процессе накопления бумаг она сама группировала их и раскладывала по отдельным папкам в соответствии с определенной темой. В таком виде они и попали в рукописный отдел НА ИИМК РАН. Почти на всех папках имеются сделанные рукой К. Х. Кушнарёвой надписи об их содержимом. Внутри папок документы структурированы по отдельным сюжетам. Благодаря такой авторской классификации значительно упростилась работа по описанию фонда при его научно-технической обработке.

В результате предварительной систематизации фонда К. Х. Кушнарёвой удалось выявить основные группы документов в составе ее персонального собрания. Самый многочисленный массив составляют материалы к опубликованным и неопубликованным научным работам исследовательницы. Сюда входят тексты докладов и тезисов, рукописи статей и монографий с авторской правкой, подготовленные к ним материалы, карты, рисунки, фотографии, выписки из архивов и публикаций. Названия на папках, в которые собраны все эти документы, отражают основные научные интересы К. Х. Кушнарёвой: «Древние культуры Южного Кавказа V–III тыс. до н. э.», «Памятники эпохи ранней бронзы в Триалети», «Двин (научные материалы)», «Хозяйство и общество Южного Кавказа в эпоху энеолита и бронзы», «Неолит–энеолит: хозяйство, промыслы, поселения», «Библиография: поздняя бронза», «Металлургия», «Материалы к культурам», «Материалы к реконструкциям типов хозяйства». В папке «Узерлик-тепе: отчеты, тезисы, определения, фотографии» хранятся материалы ее полевой работы 1955–1956 гг. на поселении эпохи бронзы в Азербайджане (Кушнарёва 1959а; 1965).

Важную часть среди этой группы документов занимают черновики рукописей и иллюстрации к тому «Археологии СССР» (Эпоха бронзы Кавказа... 1994), в подготовке которого К. Х. Кушнарёва сыграла значительную роль, будучи одним из ответственных редакторов этого фундаментального труда⁴.

Две объемные папки подписаны «Ходжалинский могильник (рукопись)» и включают материалы по изучению уникального древнего памятника Карабаха — одного из наиболее значимых некрополей Кавказа позднего бронзового и раннего железного века. Этой же серии принадлежит и крупноформатный альбом с рисунками, фотографиями и чертежами могильника. Анализом результатов раскопок Ходжалинского погребального комплекса в конце XIX — первой половине XX в. К. Х. Кушнарёва активно занималась в аспирантуре ИИМК АН СССР, когда она под руководством Б. Б. Пиотровского написала и защитила кандидатскую диссертацию «Культура племен Нагорного Карабаха в первой половине I тыс. до н. э.» (Кушнарёва 1951). В задачи диссертационного исследования входила

собрания к юбилею К. Х. Кушнарёвой в 2022 г. было принято решение провести первичную тематическую систематизацию материалов и составить их предварительный обзор.

⁴ Об этом см. также заметку М. Ю. Вахтиной в настоящем издании, с. 24–25.

Рис. 1. К. Х. Кушнарёва, 1960 г., подвал ЛОИА АН СССР (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. к 1825/1)

Fig. 1. K. Kh. Kushnareva, 1960, Leningrad, basement of the Institute of Archaeology (SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. к 1825/1)

обработка и введение в научный оборот неопубликованных материалов раскопок большого количества курганов, произведенных Э. Рёслером в конце XIX в. у с. Ходжалы в Нагорном Карабахе (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 4. Д. 19. Л. 18, 19, 31), с чем К. Х. Кушнарёва успешно справилась. В 1954 г. она уже проводила самостоятельные раскопки Ходжалинского могильника. Объем рукописей, посвященных изучению этого могильника в личном фонде К. Х. Кушнарёвой, превышает объем ее печатных работ по данной проблематике (Кушнарёва 1959б; 1970), и можно предполагать, что архивные документы выявят дополнительные, неизвестные ранее факты как о самом памятнике, так и о работе на нем К. Х. Кушнарёвой и ее предшественников.

К документам научной деятельности исследовательницы относятся и материалы, отражающие процесс подготовки и защит кандидатской и докторской диссертаций: протоколы обсуждения работ, характеристики, отзывы на работы, стенографические отчеты заседаний.

В отдельной папке, подписанной «Мои научные дела», К. Х. Кушнарёва собрала рабочие отчеты, автобиографии разных лет, характеристики для туристических поездок за границу, списки публикаций, отзывы на свои монографии, документы о приеме на работу в ИИМК АН СССР. Все они дают возможность более подробно охарактеризовать ее служебную деятельность на фоне эпохи советского и постсоветского периодов отечественной науки.

Большой блок в личном фонде Карины Христофоровны составляют аккуратно записанные и рассортированные по папкам переводы разнообразных статей, сделанные с европейских и восточных языков самой исследовательницей во время научной работы.

К. Х. Кушнарёвой как крупнейшему специалисту по археологии эпохи бронзы Кавказа постоянно присылали на редактирование и рецензирование книги и статьи по данной тематике, она неоднократно выступала оппонентом и научным консультантом диссертационных исследований. Особенно тесно исследовательница контактировала с археологами закавказских республик, изучающих памятники той же эпохи. В результате большое количество авторефератов, отданных на рецензию рукописей, диссертаций других ученых, оттисков статей и пр., датирующихся 1940–1980 гг., отложилось в архивном наследии К. Х. Кушнарёвой и войдет в опись ее личного фонда в раздел «Труды других лиц». Многие из них содержат дарственные надписи авторов, что позволяет очертить круг ее научного общения. С искренней симпатией обращались к ней ее учителя и наставники — Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Самый ранний оттиск статьи о раскопках 1940 г. в Кармир-Блуре был подарен студентке К. Х. Кушнарёвой Б. Б. Пиотровским и подписан: «*Все археологи должны уважать Урарту. Подрастающему археологу Карине Кушнарёвой*». В 1950-е гг. одну из своих работ А. А. Иессен сопроводил подписью: «*Дорогой Карине на память о томительных днях на Орен-кала*». Такие уважительные и дружеские дарственные надписи можно увидеть и на работах коллег из Ленинграда и Москвы (Р. М. Джанполадян, И. Б. Брашинского, В. М. Массона, Е. И. Крупнова), а также сотрудников ведущих учреждений науки и культуры Армении (Г. Е. Арешяна, К. Г. Кафадаряна, С. А. Есяяна, А. О. Мнацаканяна, А. Е. Симоняна).

Среди материалов других лиц в личном фонде К. Х. Кушнарёвой выделяются документы, принадлежащие А. А. Иессену. После его смерти в 1963 г. она продолжила разработку их общих научных тем и использовала собранные А. А. Иессеном сведения и его картошки. Таким образом в архивном наследии К. Х. Кушнарёвой оказалась папка с систематизированными А. А. Иессеном материалами по Кызыл-Ванку — могильнику бронзового века в Азербайджане. Комплекс документов был подготовлен к публикации о сосуде в виде ноги — уникальной находке из раскопок этого памятника. В папке (подписана рукой А. А. Иессена «Сапожок», с разделами «Нога» и «Сапог-Нога») хранятся картотека аналогий этому предмету, рукопись А. А. Иессена, подготовленные им рисунки и фотографии.

Кроме того, имеется подборка кратких отчетов о научной работе А. А. Иессена за 1940–1950 гг., планы его работ по Северному Кавказу. Вероятно, из его же архива происходят документы, касающиеся раскопок А. А. Миллера 1926 г. в Кызыл-Ванке: финансовая документация, рисунки, переписка по организации экспедиции. Все эти материалы уникальны и требуют введения в научный оборот.

Документы к биографии содержат интересные материалы, отражающие семейную историю К. Х. Кушнарёвой. На фотографиях разных лет запечатлены ее родители: отец — Христофор Степанович Кушнарёв (1890–1960) — композитор, музыковед, профессор Ленинградской консерватории (Атаян 1976: 114; Южак, Селиверстова 2015); мать — Нина Ивановна Спендиарова-Кушнарёва (1892–1968) — пианистка, дочь известного в Тифлисе адвоката Ивана Семеновича Спендиарова (двоюродного брата классика армянской музыки Александра Афанасьевича Спендиарова) и оперной певицы Юлии Каракаш-Спендиаровой (Хачатрян 2011: 325). С творчеством последней связана небольшая, но примечательная коллекция объявлений (в основном дореволюционного времени) о концертных выступлениях и музыкальных спектаклях с участием бабушки К. Х. Кушнарёвой. Здесь же собраны многочисленные вырезки из газет на русском, армянском и грузинском языках о выступлениях певицы. Кроме того, сохранилась одна старинная фотография, подписанная «Тифлис, 1915 г.», на которой совсем молодые родители К. Х. Кушнарёвой запечатлены вместе с бабушкой.

Среди документов личного архива обнаружен целый альбом фотографий Карины Христофоровны с раскопок Кармир-Блура 1946 г. под руководством Б. Б. Пиотровского — одной из первых ее экспедиций. Фотографии небольшого формата наклеены на 24 картонных листа и располагаются по одной, две или три на листе. На них зафиксированы виды раскопа, рабочие моменты, участники экспедиции. Сожаление вызывает отсутствие подписей под снимками.

Остальные фотографии биографического характера из личного фонда исследовательницы относятся к более позднему периоду. На нескольких снимках К. Х. Кушнарёва зафиксирована во время работы в Иркутской (Байкальской) экспедиции ЛОИИМК АН СССР в 1959 г., ряд фотографий отражает ее поездки на конференции и прогулки с зарубежными коллегами и А. А. Иессеном по Ленинграду и его пригородам в конце 1960-х гг.

Даже предварительный обзор материалов персонального рукописного собрания К. Х. Кушнарёвой показывает несомненную источниковедческую ценность этих документов как для истории науки, так и для исследований в области археологии эпохи бронзы Кавказа.

Материалы К. Х. Кушнарёвой в рукописном фонде ЛОИА/ИИМК РАН

Документы к биографии К. Х. Кушнарёвой и по ее полевым работам хранятся также в фонде учреждения, с которым была связана вся ее служебная и научная деятельность (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 4, 5).

Основные биографические сведения о К. Х. Кушнарёвой находятся в личном деле сотрудника Института (см.: Приложение 1. № 2). Дело начали формировать 29 июля 1952 г. и закончили 20 февраля 2006 г., оно содержит 114 листов. В личном деле имеется одна фотография и собраны разнообразные документы об учебе и научной работе ученой в Институте: анкетные листы; выписки из диплома об окончании исторического факультета ЛГУ по специальности «археология» и присвоении квалификации археолога (30 июня 1947 г.); выписки из диплома кандидата наук о присуждении ученой степени кандидата исторических наук (27 июня 1951 г.); автобиографии; характеристики; выписка из приказа о зачислении на должность младшего научного сотрудника (с 1 июля 1952 г.); выписки из приказов об утверждении в составах экспедиций Института, о командировках на конференции и пленумы; списки печатных работ; о возложении различных административных

обязанностей и т. д. Перечисленные биографические материалы хорошо дополняются документами из личного дела аспиранта К. Х. Кушнарёвой (см.: приложение 1. № 3), начатого 20 июля 1947 г. и оконченого 30 марта 1951 г. В деле представлены автобиография, отзыв проф. М. И. Артамонова о работе студентки К. Х. Кушнарёвой на тему «Культура центрального Закавказья в середине II тыс. до н. э.», выписка из приказа о допуске к вступительным экзаменам в аспирантуру ЛОИИМК по специальности «археология Кавказа», документы по утверждению Б. Б. Пиотровского ее научным руководителем в аспирантуре, план диссертации на тему «Культура племен Нагорного Карабаха в первой половине I тыс. до н. э.», материалы по ее защите и мн. др.

Кроме биографических документов в фонде ЛОИА/ИИМК отложились материалы полевой деятельности К. Х. Кушнарёвой. В раскопках она принимала самое активное участие: руководила участками больших раскопок, вела полевые дневники, составляла описи находок, точно и методично зарисовывала обнаруженные древности. В экспедициях ЛОИИМК К. Х. Кушнарёва начала работать в 1951 г., когда она, не являясь еще сотрудником данного учреждения, устроилась лаборантом по договору в разведочный отряд И. И. Ляпушкина в составе Волго-Донской археологической экспедиции (нач. эксп. — М. И. Артамонов) (см.: приложение 3). Экспедиция продолжала исследования в зоне затопления Цимлянского водохранилища, начатые в 1950 г. Перед разведочным отрядом стояла задача закончить сплошное обследование затопляемой территории с целью выявления археологических памятников и произвести раскопочные работы на наиболее интересных памятниках (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1951. Д. 28. Л. 1). Такие раскопки были проведены, в том числе, и на поселении у хут. Карнаухова, где К. Х. Кушнарёва следила за работами на вверенном ей раскопе и вела полевые дневники (см.: приложение 1. № 4, 5). В них она подробно и обстоятельно описывала процесс разборки культурного слоя, зарисовывала схемы разборки квадратов и объектов в раскопе. Стиль ее изложения в дневниках сухой, деловой, без лирических отступлений и бытовых подробностей, что очень похоже на стиль дневников И. И. Ляпушкина. Можно предположить, что именно у него она училась работать с полевой документацией.

Основные материалы самостоятельной полевой деятельности К. Х. Кушнарёвой находятся в документации Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции А. А. Иессена (1953–1961 гг.). В ней Карина Христофоровна работала уже в качестве полноправного научного сотрудника Института и помощника руководителя экспедиции, производила собственные раскопки. Через много лет она вспоминала: *«Это было очень сложное и ответственное поручение, требовавшее мобилизации всех его сил (А. А. Иессена. — Примеч. О. Г.) и переключения на новую проблематику. <...> Перед ним оказались археологически неизвестные просторы Мильской степи, древнюю историю которой надлежало „прочитать“ с помощью разведок и раскопок. Необходимо было собрать дружный научный коллектив, которому было бы по плечу решение этой сложнейшей задачи. Надо было обживать голую степь, оборудовать жилье, для большого коллектива, добывать из дальних селений рабочих. Бывали дни, когда количество сотрудников и рабочих достигало сотни человек. Проблемы питания и воды в этих условиях были также очень сложными. <...> Я работала в экспедиции все семь лет ее существования. Каждый год мы проводили в поле по четыре-пять месяцев. Это был наш родной дом. <...> Работали мы крайне напряженно в условиях непривычного степного зноя, часто без выходных дней. А если такие выдавались — ездили все вместе на экскурсии, осматривали новые памятники»* (Кушнарёва 1996: 17, 18). Результаты работ Азербайджанской экспедиции были изданы в серии МИА (Труды... 1959; 1965а; 1965б). В процессе раскопок были открыты раннеземледельческие энеолитические поселения с расписной керамикой в Мильско-Карабахской степи и прилегающей части Мурганской степи, имеющие большое значение для истории Закавказья (Алёшкин 2013: 136, 137).

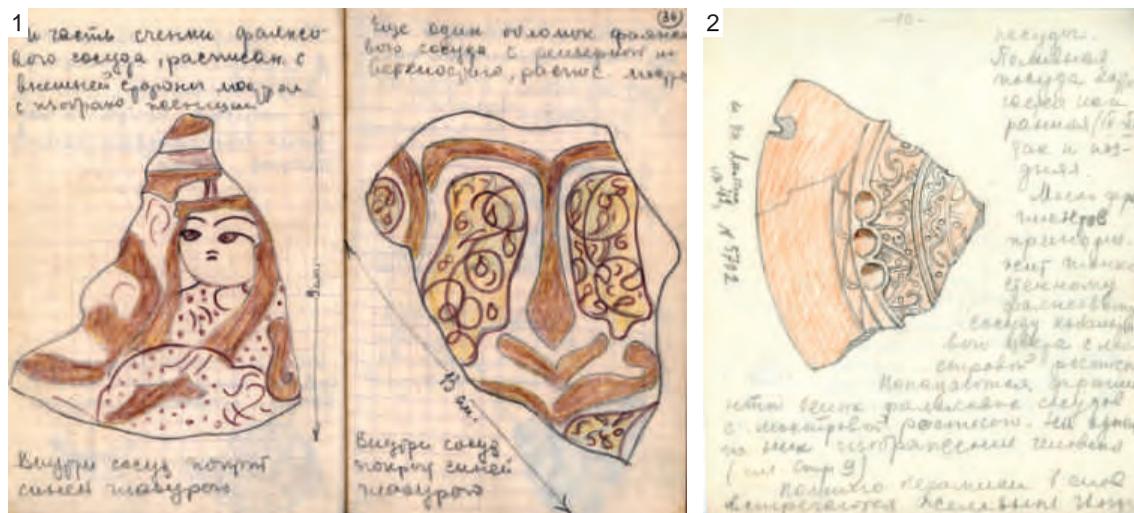

Рис. 2. Фрагменты расписных поливных фаянсовых сосудов из раскопок городища Орен-Кала в 1953 (1) и 1954 гг. (2). Рисунки из полевого дневника К. Х. Кушнарёвой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1 — 1953 г. Д. 8. Л. 35об.–36, 2 — 1954 г. Д. 4. Л. 10)

Fig. 2. Fragments of glazed faience vessels excavated at Oren-Kala in 1953. Drawings from K. Kh. Kushnareva's field diary (SA IMHC RAS. Man. Dep. F. 35. Inv. 1. 1953. File 8. L. 35ob.–36; 2 — 1954. File 4. L. 10)

Среди полевых материалов этой экспедиции в рукописном отделе архива ИИМК РАН 18 дел связаны непосредственно с именем К. Х. Кушнарёвой. Преимущественно это полевые дневники раскопок разных лет таких памятников, как Ходжалинские курганы, городища Узерлик-Тепе и Орен-Кала (см.: приложение 1. № 6–13). Дневники содержат подробное описание полевых работ, множество схем, планов и зарисовки в цвете находок (рис. 2).

В 1959 г., наряду с работами в Азербайджанской экспедиции, Карина Христофоровна приняла участие в масштабной Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР. Срочная спасательная экспедиция под руководством М. П. Грязнова была организована в связи с предстоящим поднятием уровня Байкала из-за строительства Иркутской ГЭС (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1959. Д. 238). В июне–июле 1959 г. К. Х. Кушнарёва руководила Листвянским отрядом, под ее руководством проведены разведки на юго-западном побережье Байкала, между пос. Лиственичный и пос. Коты, открыты стоянки Березовый мыс, Обухеиха, Черная Падь, Смородовка, Средняя Падь, падь Жилище и др., раскопаны стоянки Обухеиха и Средняя Падь (см.: приложение 3).

В 1963 г. после кончины А. А. Иессена раскопки памятников неолита и эпохи бронзы Закавказья в Институте были остановлены, а проблематика утратила свою актуальность (Алёшкин 2013: 141). С этого времени К. Х. Кушнарёва переключается на сотрудничество с экспедициями научных учреждений Закавказья и участвует в раскопках близких ей памятников (см.: приложение 3). Об этих работах исследовательницы в архивном собрании ИИМК РАН содержатся лишь краткие упоминания.

Материалы К. Х. Кушнарёвой в фотографическом отделе Научного архива ИИМК РАН

В фотоотделе в фондах ИИМК АН СССР и ЛОИА АН СССР хранится еще одна серия архивных документов, связанная с именем К. Х. Кушнарёвой. Наиболее ранние фотодокументы относятся к 1940-м гг. Сейчас фотоархив К. Х. Кушнарёвой можно разделить на три категории: *Personalia*, материалы полевых исследований и материалы к научным работам (см.: приложение 2). Весь фотокомплекс насчитывает чуть более 850 единиц хранения

Рис. 3. К. Х. Кушнарёва: 1 — 1956 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. л 1937/3); 2 — 1970-е гг. (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 76732)

Fig. 3. K. Kh. Kushnareva: 1 — 1956 (Ph. Div. SA IMHC RAS. Neg. л 1937/3); 2 — 1970s (SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. I 76732)

Рис. 4. К. Х. Кушнарёва на берегу Байкала (справа). Стоянка Обухеиха, Иркутская экспедиция, 1959 г. Снимок экспедиции, 1959 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. O.3596/75)

Fig. 4. K. Kh. Kushnareva on the shore of Lake Baikal (on the right). Obukheikha site, Irkutsk Expedition, 1959 (SA IMHC RAS. Photo Dep. Print O.3596/75)

(431 отпечаток и 422 негатива). К сожалению, несмотря на то что исследовательница проработала в Институте много лет, в разделе *Personalia* хранится совсем небольшое количество ее изображений. Главным образом это официальные портреты, сделанные в фотолаборатории Института по заказу учреждения (рис. 3). Две фотографии представляют К. Х. Кушнарёву в Иркутской экспедиции 1959 г. на берегу Байкала (рис. 4). Этим же годом датируется

Рис. 5. К. Х. Кушнарёва и М. П. Грязнов за работой. Комбинированная съемка. Снимок Лаборатории ЛОИА АН СССР, 1959 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Her. II 83451)

Fig. 5. K. Kh. Kushnareva and M. P. Gryaznov at work, 1959. Combined shooting. Photograph of the Laboratory of LBIA of the AS USSR, 1959. (SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. II 83451)

комбинированная съемка, на которой фигуры К. Х. Кушнарёвой и М. П. Грязнова раздваиваются и за столом сидят и работают с находками уже четыре персонажа (рис. 5).

Среди фотоматериалов полевых исследований, как и в рукописном отделе, основную часть занимают фотографии из Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции 1954–1956 гг.: раскопки поселения и могильника Узерлик-Тепе, курганного могильника Ходжалы и др. (рис. 6). Имеются фотографии работ Иркутской (Байкальской) экспедиции 1959 г. — виды неолитической стоянки Обухеиха.

Заключение

Архивные материалы Карины Христофоровны Кушнарёвой, безусловно, имеют большую научную значимость, а их потенциал документального источника использован далеко не в полной мере. Документы позволяют более подробно и объективно проследить ее научную биографию, а также дополнить ценными сведениями археологические и историографические исследования в области кавказоведения. Остается надеяться, что весь комплекс архивного наследия К. Х. Кушнарёвой в перспективе будет введен в научный оборот и станет доступен самому широкому кругу исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Материалы К. Х. Кушнарёвой в Рукописном отделе

Личный фонд К. Х. Кушнарёвой (Ф. 105).

Personalia

1. Кушнарёва К. Х. Личное дело сотрудника (Ф. 35. Оп. 5. Д. 530). 114 л.
2. Кушнарёва К. Х. Личное дело диссертанта (Ф. 35. Оп. 4. Д. 19). 43 л.

Рис. 6. Раскопки Узерлик-Тепе. Материалы Азербайджанской экспедиции, 1955 г.: 1 — зачистка крепостной стены и ямы (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 36877); 2 — погр. № 7 (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 36891)

Excavations of Uzerlik-Tepe. Materials of the Azerbaijan Expedition, 1955: 1 — fortress wall and a pit (SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. I 36877); 2 — burial 7 (SA IMHC RAS. Photo Dep. Neg. I 36891)

Материалы полевых исследований

3. Волго-Донская экспедиция ЛОИИМК АН СССР 1951 г. Разведочный отряд (рук. И. И. Ляпушкин). Дневник раскопок поселения у хут. Карнаухова в 1951 г. Раскоп I. Северо-западный участок. Тетрадь № 9. Июль–август. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1951. Д. 41). 14 л.

4. Волго-Донская экспедиция ЛОИИМК АН СССР 1951 г. Разведочный отряд (рук. И. И. Ляпушкин). Дневник раскопок поселения у хут. Карнаухова в 1951 г. Раскоп IV. Тетрадь № 3. Август. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1951. Д. 45). 23 л.

5. Азербайджанская экспедиция 1953 г. (рук. А. А. Иессен). Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. Май–июнь. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1953. Д. 8). 57 л.

6. Азербайджанская экспедиция 1954 г. (рук. А. А. Иессен). Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. Май–июнь. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1954. Д. 4). 70 л.

7. Азербайджанская экспедиция 1954 г. (рук. А. А. Иессен). Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с планами и рисунками находок. Июнь. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1954. Д. 5). 24 л.

8. Азербайджанская экспедиция 1954 г. (рук. А. А. Иессен). Ходжалинский (Карабахский) отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Полевой дневник раскопок Ходжалинских курганов и обследования памятников по берегам р. Ходжалинки. Сентябрь–октябрь. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1954. Д. 20). 73 л.

9. Азербайджанская экспедиция 1954 г. (рук. А. А. Иессен). Ходжалинский (Карабахский) отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Нивелировочные данные Ходжалинских курганов (Ф. 35. Оп. 1. 1954. Д. 21). 26 л.

10. Азербайджанская экспедиция 1954 г. (рук. А. А. Иессен). Ходжалинский (Карабахский) отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Планы городища Ходжалы и расположения курганов. Составила К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1954. Д. 23). 6 л.

11. Азербайджанская экспедиция 1954 г. (рук. А. А. Иессен). Ходжалинский (Карабахский) отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Планы раскопок курганов № 2 и 4 у Нора-Гюх. Составила К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1954. Д. 24). 3 л.

12. Азербайджанская экспедиция 1955 г. (рук. А. А. Иессен). Орен-Калинский I отряд (рук. А. Л. Якобсон). Полевой дневник раскопок городища Орен-Кала с рисунками находок. Раскоп I. Май–июнь. Вела К. Х. Кушнарёва и Д. Раппопорт (Ф. 35. Оп. 1. 1955. Д. 6). 29 л.

13. Азербайджанская экспедиция 1955 г. (рук. А. А. Иессен). Агдамский отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Полевой дневник раскопок городища Узерлик-тепе с рисунками находок. Июнь. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1955. Д. 11). 77 л.

14. Азербайджанская экспедиция 1955 г. (рук. А. А. Иессен). Агдамский отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Полевые чертежи раскопок городища Узерлик-тепе (Ф. 35. Оп. 1. 1955. Д. 12). 11 л.

15. Азербайджанская экспедиция 1955 г. (рук. А. А. Иессен). Агдамский отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Рисунки погребений и находок из раскопок городища Узерлик-тепе (Ф. 35. Оп. 1. 1955. Д. 13). 10 л.

16. Азербайджанская экспедиция 1956 г. (рук. А. А. Иессен). Агдамский отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Полевой дневник раскопок городища Узерлик-тепе с рисунками находок. Июнь, октябрь. Вела К. Х. Кушнарёва (Ф. 35. Оп. 1. 1956. Д. 4). 29 л.

17. Азербайджанская экспедиция 1956 г. (рук. А. А. Иессен). Агдамский отряд (рук. К. Х. Кушнарёва). Полевые чертежи раскопок Узерлик-тепе (Ф. 35. Оп. 1. 1956. Д. 5). 19 л.

18. Иркутская экспедиция 1959 г. (рук. М. П. Грязнов). Листвянский отряд (рук. К. Х. Кушнарёва (июнь-июль), И. Н. Хлопин (август-сентябрь)). Раскопки стоянок Обухеиха и Средняя Падь; Малая Сенная Падь и Смородовка. Полевой отчет (Ф. 35. Оп. 1. 1959. Д. 236). 15 л.

Составитель О. В. Григорьева

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Материалы К. Х. Кушнарёвой в Фотоотделе

Personalia

О.929/84–85. л⁵ 1937/1–4. к 1825/1. I 58676. Кол. 1108/246–247. Нег. — 3, отп. — 2. Портрет К. Х. Кушнарёвой, младшего научного сотрудника Сектора Средней Азии и Кавказа. Сн. 1956. 1960, 1965 гг.

II 83451. Кол. 1373/68. Нег. — 1. Портрет К. Х. Кушнарёвой и М. П. Грязнова за работой. Комбинированная съемка. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1959 г.

⁵ Принятые в фотографическом отделе НА ИИМК РАН сокращения при шифровании: л — лейка, к — катушка (для негативов); отп. — отпечаток; сн. — снимок.

О.3596/74–75. Кол. 2084/2–3. Нег. — 2, отп. — 2. К. Х. Кушнарёва на берегу Байкала. Стоянка Обухеиха, Иркутская экспедиция, 1959 г. Сн. экспедиции, 1959 г.

І 76732. Кол. 1373/114. Нег. — 1. Портрет К. Х. Кушнарёвой. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1970-е гг.

Материалы полевых исследований

О.1962/1–24, 39. Кол. 1735/73–96, 111. Нег. — 25, отп. — 25. Материалы исследования поселения Узерлик-Тепе, Мильская степь, Азербайджан: разрезы стенок раскопа, находки. Азербайджанская экспедиция, 1954 г. Сн. Лаборатории ИИМК АН СССР, 1955 г.

О.1962/25. Кол. 1735/97. Нег. — 1, отп. — 1. Материалы исследования городища Чаят, Мильская степь, Азербайджан: план городища. Азербайджанская экспедиция, 1954 г. Сн. Лаборатории ИИМК АН СССР, 1955 г.

О.1962/26–30. Кол. 1735/98–102. Нег. — 5, отп. — 5. Материалы исследования могильника Нора-гюх, Мильская степь, Азербайджан: планы и разрезы курганов 2, 4; планы погребений; керамика. Азербайджанская экспедиция, 1954 г. Сн. Лаборатории ИИМК АН СССР, 1955 г.

О.1962/31–38, 42–46, 48. Кол. 1735/103–110, 114–118, 120. Нег. — 14, отп. — 14. Материалы исследования курганного могильника Ходжалы, Мильская степь, Азербайджан: план сооружения из камней, находки — керамика, таблица зарисовок украшений; план Ходжалинского района. Азербайджанская экспедиция, 1954 г. Сн. Лаборатории ИИМК АН СССР, 1955 г.

О.2016/1–20. Кол. 1868/76–94, 149. Нег. — 20, отп. — 20. Материалы исследования поселения и могильника Узерлик-Тепе, Агдамский район, Азербайджан: полевая работа. Азербайджанская экспедиция, 1955 г. Сн. экспедиции, 1955 г.

О.2069/16–53, 59–70. Кол. 1868/163–200, 206–217. Нег. — 50, отп. — 50. Материалы исследования поселения и могильника Узерлик-тепе: чертежи и находки. Агдамский район, Азербайджан. Азербайджанская экспедиция, 1955 г. Сн. экспедиции, 1955 г.

О.713/10–17. Кол. 1868/231–238. Нег. — 8, отп. — 8. Материалы исследования поселения и могильника Узерлик-Тепе: находки — керамика. Агдамский район, Азербайджан. Азербайджанская экспедиция, 1955 г. Сн. Лаборатории ИИМК АН СССР, 1956 г.

О.2067/3–34, 40–60, 68–85. Кол. 1908/68–80, 206–217. Нег. — 71, отп. — 71. Материалы исследования поселения и могильника Узерлик-тепе 1954–1956 гг.: чертежи и находки. Агдамский район Азербайджан. Агдамский отряд Азербайджанской экспедиции, 1956 г. Сн. Лаборатории ИИМК АН СССР, 1956–1958 гг.

О.2274/57–61. Кол. 2084/139–143. Нег. — 5, отп. — 5. Материалы исследования поселения Обухеиха: зарисовки находок. Иркутская экспедиция, 1959 г. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1961 г.

Материалы к работам

О.1712/43–56. Кол. 1341/1–14. Нег. — 14, отп. — 14. Материалы к работе «Культура Закавказья в середине II тыс. до н. э.»: керамика и бронза. Сн. Лаборатории ИИМК АН СССР, 1948 г.

О.2290/1–3. Кол. 1341/15–17. Нег. — 3, отп. — 3. Материалы к статье «Тазакендский могильник в Армении»: план местности, таблицы керамики из раскопок П. В. Чарновского 1896 г. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1962 г. (опубликовано: Тазакендский могильник в Армении // СА. 1960. № 1. С. 137–147: ил.).

О.2290/4–5. Кол. 1341/18–19. Нег. — 2, отп. — 2. Материалы к статье «Керамика Узерлик-тепе и некоторые закавказские параллели»: материалы Ереванского музея. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1960 г.

О.2290/6. Кол. 1341/21. Нег. — 1, отп. — 1. Материалы к статье (совм. с Т. Н. Чубинишвили) «Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э.»: древности Южного

Кавказа в рисунках. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1962 г. (опубликовано: Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. // СА. 1963. № 3. С. 10–24: ил., карт. (в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили).

О.2290/7–10, 23. Кол. 2358/22–25. Нег. — 5, отп. — 5. Материалы к статье «Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама»: сосуды из Узерлик-тепе, а также из Грузии и Армении. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1964 г. (опубликовано: Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама // МИА. 1966. № 125. С. 74–102: ил.; 1 л. ил.).

О.2290/11–20. Кол. 1341/26–35. Нег. — 10, отп. — 10. Материалы к статье «Ходжалинский могильник»: находки из раскопок И. И. Мещанинова, Я. И. Гуммеля и Э. Рёслера. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1964 г. (опубликовано: Ходжалинский могильник // ИФЖ. 1970. № 3. С. 109–124: ил.).

О.2290/21–22. Кол. 2358/1–2. Нег. — 2, отп. — 2. Материалы к статье (совм. с Д. М. Атаевым) «Два поселения в урочище Чинна, Дагестан»: план крепости и таблица керамики. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1962 г. (опубликовано: Два поселения в урочище Чинна (Горный Дагестан) // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 68–73: ил. (в соавторстве с Д. М. Атаевым)).

О.2290/24–64. Кол. 2358/4–44. Нег. — 41, отп. — 41. Материалы к статье (совм. с Т. Н. Чубинишвили) «Древние культуры Южного Кавказа»: планы поселений и таблицы зарисовок древностей. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1969 г. (опубликовано: Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). Л.: Наука, ЛО, 1970. 192 с: Археологические экспедиции... 1962: 141, № 376 ил.; 4 л. ил. (в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили)).

О.2290/65–70. Кол. 2358/45–50. Нег. — 6, отп. — 6. Материалы к различным работам К. Х. Кушнарёвой: карты распространения обсидиана в Малой и Передней Азии в VII–V вв. до н. э.; литейные формы и украшения из Двина и Гантиады; карта кладов Закавказья. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1972 г.

О.3427/1–65. Кол. 2358/51–115. Нег. — 65, отп. — 65. Иллюстрации к работе «Закавказье в эпоху ранней и средней бронзы» для тома «Археологии СССР». Сн. Лаборатории ЛОИА, 1990-е гг. (опубликовано: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К. Х. Кушнарёва, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 382 (Археология СССР).

О.3427/66–68. Кол. 2358/116–118. Нег. — 3, отп. — 3. Иллюстрации к докладу на 4-м Международном симпозиуме по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983 г. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1982 г. (Опубликовано: Символика двух сосудов из святилища древнего Двина: IV Международ. симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 13 с.: ил.).

О.3427/69–135. Кол. 2358/119–193. Нег. — 74, отп. — 67. Иллюстрации к работе «Древнейшие памятники Двина». Сн. Лаборатории ЛОИА, 1981 г. (Опубликовано: Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. 110 с.: ил.; 15 л. ил.).

Составитель Н. А. Лазаревская

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 Археологические экспедиции К. Х. Кушнарёвой

1940 г. Староладожская экспедиция (рук. В. И. Равдоникас)

Систематические исследования средневекового Земляного городища в Старой Ладогге. Совместные работы ЛОИИМК АН СССР и ЛГУ им. А. А. Жданова. К. Х. — студент-практикант (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 118. Л. 3; Археологические экспедиции... 1962: 115, № 310).

1946 г. Кармир-Блурская археологическая экспедиция (рук. Б. Б. Пиотровский)

Систематические раскопки древней урартской крепости Тейшебаини в Армении. Совместные работы ЛОИИМК АН СССР, Института истории АН АрмССР и Государственного Эрмитажа. К. Х. — студент-практикант (сведения по материалам личного фонда: Археологические экспедиции... 1962: 141, № 376).

1951 г. Разведочный отряд (рук. И. И. Ляпушкин)

в составе Волго-Донской экспедиции (рук. М. И. Артамонов)

Разведки зоны затопления Цимлянского водохранилища в Волгоградской и Ростовской областях и раскопки поселений IX–X вв. салтово-маяцкой культуры. Экспедиция ЛОИИМК АН СССР. К. Х. — лаборант по договору, работала на раскопках поселения близ хут. Карнаухова на левом берегу р. Котлубанки (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 506; Археологические экспедиции... 1962: 171, № 448). 1953–1959 гг. Азербайджанская экспедиция (рук. А. А. Иессен) 1953–1954 гг.

1953–1959 гг. *Азербайджанская экспедиция* (рук. А. А. Иессен)

1953–1954 гг.

Широкомасштабные археологические исследования на территории Азербайджана и прежде всего — Мильско-Карабахского региона. К. Х. — руководитель Ходжалинского отряда, работала в разведках и на раскопках памятников в окрестностях с. Ходжалы (Нагорный Карабах); курганов у с. Нора-Гюх; на поселении Узерлик-Тепе (г. Агдам); на средневековом городище Орен-Кала. Совместная экспедиция ЛОИИМК АН СССР и Института истории, археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 9, приказ № 37; Л. 11, приказ № 37; Археологические экспедиции... 1962: 197, № 504).

1955–1956 гг.

К. Х. — руководитель Агдамского отряда, работала на раскопках поселения эпохи бронзы Узерлик-Тепе (г. Агдам), средневекового городища Орен-Кала (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 14, приказ № 31; Л. 17, приказ № 49; Археологические экспедиции... 1962: 197, № 504).

1957–1958 гг.

К. Х. — научный сотрудник экспедиции, работала на раскопках городища Орен-Кала, поселения Кара-Тепе, большого кургана в урочище Уч-Тепе (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 20, приказ № 38; Д. 530. Л. 23, приказ № 92).

1959 г.

К. Х. — научный сотрудник экспедиции, работала на раскопках поселения и кургана в урочище Уч-Тепе, в разведках в Мильской степи (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 28, приказ № 95; Л. 90).

1959 г. *Иркутская экспедиция* (рук. М. П. Грязнов)

Срочные спасательные работы в связи с предстоящим поднятием уровня Байкала в результате строительства Иркутской ГЭС. К. Х. — научный сотрудник экспедиции и руководитель Листвянского отряда (июнь–июль). Проводила разведки на юго-западном побережье Байкала, между пос. Лиственичный и пос. Коты (открыты стоянки Березовый мыс, Обухеиха, Черная Падь, Смородовка, Средняя Падь, падь Жилище и др.), проводила раскопки стоянок Обухеиха и Средняя Падь. Экспедиция ЛОИА АН СССР (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 26, приказ № 46; Ф. 35. Оп. 1. 1959. Д. 118. Л. 294; Д. 236).

1960–1970-е гг.

В архивных документах НА ИИМК РАН содержатся только упоминания об участии К. Х. Кушнарёвой в экспедициях научных учреждений республик Закавказья (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 530. Л. 37, 90): *Севанской экспедиции* АН Армянской ССР; *Квемо-Картлийской экспедиции* Института истории, этнографии и археологии АН Грузинской ССР; *Двинской экспедиции* Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.

Составитель О. В. Григорьева

Литература

- Алёкшин 2013 — Алёкшин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Алёкшин, Бобровская 2013 — Алёкшин В. А., Бобровская Е. В. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Там же. С. 327–400.
- Археологические экспедиции... 1962 — Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: Указатель. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 264 с.
- Атаян 1976 — Атаян Р. А. Кушнарёв Христофор Степанович // Келдыш Ю. В. (гл. ред.). Музыкальная энциклопедия. В 6 т. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1976. Стб. 114.
- Каринэ Христофоровна Кушнарёва... 2013 — Каринэ Христофоровна Кушнарёва: к 80-летию со дня рождения // АВ. 2003. Вып. 10. С. 11.
- Кушнарёва 1951 — Кушнарёва К. Х. Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III — середина I тысячелетия до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. ЛОИИМК АН СССР. М.; Л., 1951. 11 с.
- Кушнарёва 1959а — Кушнарёва К. Х. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама // Иессен А. А., Кушнарёва К. Х. (отв. ред.). Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I: 1953–1955 гг. М.; Л.: Наука, 1959. С. 388–430 (МИА. № 67).
- Кушнарёва 1959б — Кушнарёва К. Х. Археологические работы 1954 г. в окрестностях селения Ходжалы // Там же. С. 370–380.
- Кушнарёва 1965 — Кушнарёва К. Х. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама // Иессен А. А., Кушнарёва К. Х. (отв. ред.). Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. II: 1956–1960 гг. М.; Л.: Наука, 1965. С. 74–102 (МИА. № 125).
- Кушнарёва 1970 — Кушнарёва К. Х. Ходжалинский могильник // ИФЖ. 1970. № 3. С. 109–124.
- Кушнарёва 1996 — Кушнарёва К. Х. А. А. Иессен: вехи жизни и творчества // Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: МК, посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 11–21.
- Рысин 2006 — Рысин М. Б. Памяти Каринэ Христофоровны Кушнарёвой (1922–2006) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2006. Т. 2 (27). С. 610–612.
- Рысин 2007 — Рысин М. Б. Памяти Каринэ Христофоровны Кушнарёвой (18.04.1922–20.02.2006) // АВ. 2007. Вып. 14. С. 268–269.
- Труды... 1959 — Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I: 1953–1955 гг. / Иессен А. А. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 452 с. (МИА. № 67).
- Труды... 1965а — Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. II: 1956–1960 гг. / Иессен А. А., Кушнарёва К. Х. (отв. ред.). М.; Л.: Наука, 1965. 230 с. (МИА. № 125).
- Труды... 1965б — Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. III: Средневековые памятники Азербайджана / Иессен А. А., Кушнарёва К. Х. (отв. ред.). М.; Л.: Наука, 1965. 111 с. (МИА. № 133).
- Хачатрян 2011 — Хачатрян Н. Переписка Христофора Кушнарёва и Мартироса Сарьяна // ИФЖ. 2011. № 1. С. 322–327.
- Эпоха бронзы Кавказа... 1994 — Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Кушнарёва К. Х., Марковин В. И. (отв. ред.). М.: Наука. 382 с. (Археология СССР).

Южак, Селиверстова 2015 — Южак К. И., Селиверстова Н. Б. Кушнарёв Христофор Степанович (1890–1960). Кафедра теории музыки. Профессор // Официальный сайт С.-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conservatory.ru/esweb/kushnaryov-khristofor-stepanovich-1890-1960> (дата обращения: 22.10.2022).

K. KH. KUSHNAREVA'S RESEARCH MATERIALS IN THE ARCHIVE OF IHMC RAS

O. V. GRIGORIEVA, N. A. LAZAREVSKAYA, M. V. MEDVEDENA

Keywords: *K. Kh. Kushnareva, Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, IHMC RAS, archaeology, South Caucasus, Armenia, Mountain Karabakh, Scientific Archive, manuscripts, photographs.*

The paper gives an overview of the documentary scholarly heritage of K. Kh. Kushnareva, a renowned expert in the Neolithic and Bronze Age of the South Caucasus, a disciple of B. B. Piotrovsky and A. A. Iessen. She spent her entire life working at IHMC/LBIHMC/LBIA AS USSR (now IHMC RAS), continuing and developing the traditions laid by her predecessor and teachers. The Scientific Archive of IHMC RAS stores a rich collection of documents which permit to trace her research biography and to add new valuable data to the history of the Leningrad school of Caucasian studies.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ К. Х. КУШНАРЁВОЙ

СОСТАВИТЕЛЬ Л. М. ВСЕВИОВ¹

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-55-61

1951

Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III — середина I тысячелетия до н. э.): Автореф. ... канд. ист. наук / АН СССР. ЛО ИИМК. М.; Л. 11 с.

1954

Памятники медного века в Нагорном Карабахе // СА. № 20. С. 265–179: ил.

Рец.: Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / АН СССР. ИИМК. Под ред. Е. И. Крупнова. — М.; Л., 1951. — (МИА. № 23) // СА. № 21. С. 403–414 (в соавторстве с В. П. Шиловым).

1957

Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. № 27. С. 135–177: ил.

Раскопки на холме Узерлик-Тепе около Агдама (из работ Азербайджанской экспедиции 1954 г.) // КСИИМК. Вып. 69. С. 129–135: ил.

1958

Введение к работе А. П. Круглова Северо-Восточный Кавказ во II–I тысячелетиях до н. э. // МИА. № 68. С. 7–16.

1959

Археологические работы 1954 г. в окрестностях селения Ходжалы // МИА. № 67. С. 370–380: ил.; 1 л. ил.

Памятники эпохи раннего металла в Восточном Закавказье и раскопки поселения Узерлик-Тепе // ТД на научной сессии ИИЯЛ Дагестанского ф-ла АН СССР, посвящ. археологии Дагестана. Махачкала. С. 12–13.

Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама // МИА. № 67. С. 388–430: ил.; 1 л. ил.

1960

Тазакендский могильник в Армении // СА. № 1. С. 137–147: ил.

1962

Сектор Средней Азии и Кавказа в 1960 году // КСИА. Вып. 91. С. 16–118.

¹ Отдел БАН при ИИМК РАН, Библиотека РАН; Санкт-Петербург, 199034, Россия.

1963

Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. // СА. № 3. С. 10–24: ил., карт. (в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили).

Работа секторов Института археологии АН СССР в 1961 г.: Сектор Средней Азии и Кавказа // КСИА. Вып. 93. С. 116–118.

1964

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР. 1. Сектор Средней Азии и Кавказа в 1962 г. // КСИА. Вып. 98. С. 126–130.

The historical significance of the Southern Caucasus in the 3rd millennium B. C. E. // Soviet anthropology and archaeology. Vol. 2, no. 3. P. 3–16: ill. (в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили).

1965

Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама // МИА. № 125. С. 74–102: ил.; 1 л. ил.

Рец.: Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа / АН АрмССР. ИАЭ. — Ереван, 1964 // ИФЖ. № 4. С. 272–277.

1966

Два поселения в урочище Чинна (Горный Дагестан) // КСИА. Вып. 108. С. 68–73: ил. (в соавторстве с Д. М. Атаевым).

Основные проблемы и итоги работ Азербайджанской экспедиции // КСИА. Вып. 108. С. 6–13.

1967

Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V–VI тыс. до н. э.) // Вестник общественных наук АН ГрузССР. № 6. С. 336–362: ил., карт. (в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили).

1968

Б. Б. Пиотровский (к 60-летию со дня рождения) // ИФЖ. № 1. С. 309–312: портр. Арм.
Рец.: Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении (III–I тыс. до н. э.) / АН АрмССР. ИАЭ. — Ереван, 1966 // ИФЖ. № 2. С. 227–230.

1970

Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.) / АН СССР. ИА. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 192 с: ил.; 4 л. ил. (в соавторстве с Т. Н. Чубинишвили).

К вопросу о развитии металлургии и гончарства на древнем Кавказе // Домашние промыслы и ремесло / АН СССР. ЛОИА. Л. С. 17–22.

Ходжалинский могильник // ИФЖ. № 3. С. 109–124: ил.

1971

К организации ремесла на древнем Кавказе // ТД 5-й Всесоюзной сессии по древнему Востоку / АН ГрузССР. Отделение обществ. наук. Тбилиси. С. 125–127.

1972

Археология Армении: (Обзор литературы вышедшей в Армении с 1943 по 1970 г.). Раздел 1 — от каменного века до урартского периода // КСИА. Вып. 132. С. 103–115.

Обмен и торговля Закавказья в древности // Обмен и торговля в древних обществах: КТД / АН СССР. ЛОИА. Л. С. 12–15.

Производственный комплекс древнего Двина в Армении // ТД на сессии, посвящ. итогам полевых исследований 1971 г. Археологические секции / АН СССР. ИА. М. С. 422.

1973

К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. Вып. 134. С. 11–19.

К вопросу об экономических связях населения Южного Кавказа в эпоху энеолита и бронзы // ТД сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР / Отв. ред.: А. А. Аскарлов, Ю. Ф. Буряков. Ташкент: Фан. С. 229–230.

Производственный комплекс древнего Двина // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 235–242: ил.

1974

Древние поселения Южного Кавказа и некоторые вопросы социально-экономического порядка // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: КТД / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: АН СССР. ЛОИА. Л. С. 26–29.

К вопросу о развитии ремесла на Южном Кавказе в древности: (По данным металлургии и гончарства) // ИФЖ. № 2. С. 55–70.

Обмен и торговля в Закавказье в древности // КСИА. Вып. 138. С. 27–37: карт.

Реферат: Успехи Среднеазиатской археологии / АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1962. — Вып. 1 // Реферат. журнал «Общественные науки в СССР». Серия 5. История. № 3. С. 195–200.

1976

Рец.: Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975. 288 с.: ил. // ИФЖ. № 2. С. 243–248.

1977

Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР. 110 с.: ил.; 15 л. ил.

О времени становления земледелия на Южном Кавказе (к постановке проблемы) // ИФЖ. № 4. С. 83–98.

Типы поселений эпохи палеометалла и истоки урбанизации в Закавказье // Древние города: Материалы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 8–10.

1978

Символика алтарных стел из святилищ Двина [Доклад]: II Междунар. симпозиум по армянскому искусству. Ереван: АН АрмССР. 11 с.

Рец.: Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1978. 416 с.: ил., карт. (в соавторстве с О. М. Джапаридзе) // СА. № 1. С. 279–289.

1979

О возникновении пашенного земледелия в Закавказье (к постановке проблемы) // СА. № 2. С. 5–18: ил. (в соавторстве с Г. Н. Лисицкой).

1981

Ритуальный кубок из святилища древнего Двина // Древний Восток в мировой культуре: Сб. / Отв. ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. С. 63–66: ил.

Символика алтарных стел из святилища древнего Двина // Второй Междунар. симпозиум по армянскому искусству: Сб. докл. Т. 1 / Предс. редкол. Р. В. Зарян. Ереван: АН АрмССР. С. 98–105: ил.

1982

К выделению культур эпохи средней бронзы Южного Кавказа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюзного симпозиума / Ред.: Б. Н. Аракелян, В. М. Массон, Э. В. Ханзадян. Ереван: Изд-во АН АрмССР. С. 61–64.

Прогресс земледельческого производства у племен Южного Кавказа // Там же. С. 109–111 (в соавторстве с Н. Н. Лисицкой).

1983

Символика двух сосудов из святилища древнего Двина [Доклад]: IV Междунар. симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси: Мецниереба. 13 с.: ил. (То же. На англ. яз.).

К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе // КСИА. Вып. 176. С. 9–15: карт.

Предыстория древневосточных цивилизаций. Гл. 1.7. Первые земледельцы Закавказья // История древнего Востока. Ч. 1. Месопотамия / Под ред. И. М. Дьяконова. М.: Гл. ред. восточной литературы. С. 62–63.

Символика двух культовых сосудов из святилищ древнего Двина // Сб. докл. IV Междунар. симпозиум по грузинскому искусству / Под ред. В. В. Беридзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 149–160: ил.

1984

К проблеме кавказского мезолита // ИФЖ. № 3. С. 45–58: ил.

1985

Значение работ Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке: ТД. [Ч. 1] / Отв. ред.: В. П. Шилов, Дж. А. Халилов. Баку: АН АзССР. С. 207–210.

Севано-узерликская культура периода средней бронзы на территории Южного Кавказа // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения: Сб. ст. к 75-летию Б. Б. Пиотровского / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. Л.: Наука. С. 89–105: ил.

Ювелирная мастерская древнего Двина // IV Междунар. симпозиум по армянскому искусству: ТД / Предс. редкол. Р. В. Зарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР. С. 161–162.

1986

Южный Кавказ в VI–II тыс. до н. э. (этапы культурного и социально-экономического развития): Автореф. ... д-ра ист. наук / АН АрмССР. ИАЭ. Ереван. 50 с.

Важнейшие аспекты становления и развития производящего хозяйства на Южном и Северо-Восточном Кавказе (VI–III тыс. до н. э.) // *Studia praehistorica*. Т. 8. С. 7–31: ил. (в соавторстве с Г. Н. Лисицкой).

1987

Значение Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа // КСИА. Вып. 192. С. 3–6.

1990

Культурное и хозяйственное единство Южного Кавказа в VI–III тыс. до н. э. // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей: Сб. докл. / Ред.: С. А. Есян, Г. Е. Арешян. Ереван: Изд-во Ереванского ГУ. С. 194–204.

1991

Борис Борисович Пиотровский (1908–1990 гг.) // СА. № 3. С. 108–111: портр. (в соавторстве с Н. Г. Горбуновой, К. В. Каспаровой, Г. И. Смирновой).

О социальной структуре общества Кавказа VI–IV тыс. до н. э. // ИФЖ. № 1. С. 155–166.

1992

Жилище в реконструкции общественных структур древнего Кавказа (VII–II тыс. до н. э.) // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса: Тез. межрегион. конф. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 155–158.

К проблеме триалетской культуры Южного Кавказа // Северная Евразия от древности до средневековья: ТД конф. к 90-летию М. П. Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 69–72.

Раскопки поселений на юго-западном побережье Байкала // Древности Байкала: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. М. Массон. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ. С. 84–92: ил. (в соавторстве с И. Н. Хлопиным).

1993

Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э.: Этапы культурного и социального развития. СПб.: Петербургское Востоковедение. 312 с.: ил., карт. (Археологические изыскания. 9).

Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // КСИА. Вып. 209. С. 89–110: ил.

1994

Металл и развитие древних обществ (по материалам эпохи палеометалла Кавказа) // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений 1993 г. / Отв. ред. В. П. Курылёв. СПб.: МАЭ РАН. С. 41–43.

Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. (Археология СССР): Введение. С. 5–7 (в соавторстве с В. И. Марковиным); Глава 2. История изучения памятников средней бронзы Южного Кавказа. С. 58–66: ил. (в соавторстве с О. М. Джапаридзе, Т. К. Микеладзе); Глава 5. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья. С. 93–105: ил.; Глава 6. Каримбердская (тазакендская) культура. С. 106–117: ил.; Глава 7. Севано-узерликская группа памятников. С. 118–127: ил.; Глава 8. Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызилванской) культуры. С. 128–132: ил.; Глава 9. Хозяйство, связи, элементы общественного строя. С. 133–146.

1995

К вопросу о критериях финального этапа эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе на Южном Кавказе // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. I: Материалы конф. (21–25 августа 1995 г., Саратов) / Отв. ред. В. С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН. С. 65–71.

К вопросу об обороне поселений Южного Кавказа (IX–II тыс. до н. э.) // Фортификация в древности и средневековье: Материалы методического семинара ИИМК / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 7–11 (Археологические изыскания. 9).

Связи Кавказа и восточноевропейских степей в эпоху палеометалла (хронологический аспект) // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: Материалы пленума ИИМК (11–14 апреля 1995 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 23–25 (Археологические изыскания. 22) (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

1996

А. А. Иессен: вехи жизни и творчества // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 11–21.

К проблеме культурных и экономических связей Кавказа в эпоху палеометалла // Там же. С. 41–43.

Петербург — Кавказ. Научные связи (по материалам азербайджанской экспедиции) // Традиции российской археологии: Материалы методического семинара ИИМК / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Госкомстат. С. 47–50.

Роль Кавказа в системе межрегиональных связей в древности // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: ИА РАН. С. 101–102 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

1997

The Southern Caucasus in Prehistory: Stages of cultural socioeconomic development from the eighth to the second millennium B. C. / University of Pennsylvania. Philadelphia. 280 p.: ill., maps. (University Museum monograph; 99).

А. А. Иессен: К столетию со дня рождения (1896–1996) // Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы / Ред. О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Джорбенадзе. Тбилиси: АН ГрузССР. С. 76–77.

Проблемы смены кавказских культур в финале ранней бронзы // Там же . С. 77–80 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

Ранние комплексные общества Южного Кавказа // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла : ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 11–43; ил. (Археологические изыскания. 46.)

4-й Международный симпозиум (коллоквиум) «Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии» // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы Пленума ИИМК РАН (28–30 апреля 1997 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 136–138 (Археологические изыскания. 42).

Problems of the change of Caucasian cultures at the end of the Early Bronze Age // Archaeology of Caucasus. International Scientific Session: Abstracts of Papers / Ed. by O. D. Lordkipanidze, V. A. Jorbenadze, A. A. Tchanturia. Tbilisi: Georgian Academy of Sciences. The Centre for Archaeological Studies. P. 43–46 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

1998

К проблеме влияния южных цивилизаций на генезис культур эпохи бронзы // Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: ТД / Редкол. И. М. Чеченов и др. Ставрополь: Железноводский музей краеведения. С. 79–81 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

Международный симпозиум-коллоквиум «Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии» // АВ. Вып. 5. С. 361–362.

Проблемы хронологии, периодизации и территориальных границ памятников триалетской культуры // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: ТД / Науч. ред. Л. К. Галанина, А. А. Иерусалимская, Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 41–44.

Ранние археологические свидетельства появления и развития дружины на Кавказе // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы МК (2–5 сентября 1998) / Отв. ред. Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 34–37 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

1999

Бедено-алазанская группа памятников Кавказа: (К пересмотру хронологии, периодизации и культурно-экономических связей) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы МК (23–25 ноября 1999) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Европейский Дом. С. 81–82 (Археологические изыскания. 61) (в соавторстве с М. Б. Рысиным) .

Поиски стабильности и ориентация города внутри города: (к проблеме формирования социально-экономического пространства урбанизации. III–I тыс. до н. э. Юг Кавказа — Север Двуречья) // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука. С. 129–134 (в соавторстве с Н. Б. Янковской).

2000

Бедено-алазанская группа памятников Кавказа (к пересмотру хронологии, периодизации и культурно-экономических связей) // Взаимодействие культур и цивилизаций: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: ИИМК РАН. С. 60–109; ил., карт. (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя. С. 70–90: ил. (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

К проблеме культурогенеза среднебронзового века Южного Кавказа // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД / Отв. за вып. И. В. Кожевников. Кисловодск: Наследие. С. 82–83 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

Some Evidence of Musical Instruments in Bronze Age Caucasus // Orient-Archäologie. Bd. 7. S. 103–112: ill.

2001

К проблеме уточнения хронологии и периодизации ранней курганной культуры Южного Кавказа // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы МНК «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века юж. половины Вост. Европы» (23–28 апреля 2001) / Ред. кол. Ю. И. Колев и др. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 99–100 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

Новые данные к проблеме датировки памятников «цветущей поры» триалетской культуры // Caucasus Essays on the Archaeology of the Neolithic-Bronze Age (Dziebani. Supplement VI) / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 101–116: ил., карт.

2003

Некоторые соображения по поводу развития кармирбердской культуры // Древнейшая культура Армении. [Вып.] 3 / Отв. ред. А. А. Калантарян, Р. С. Бадалян. Ереван: Мутни. С. 33–37.

Новые данные к хронологии памятников эпохи средней бронзы Южного Кавказа // АВ. Вып. 10. С. 114–127 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

2004

К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе): Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН. С. 14–37 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

Парадная посуда и ювелирные изделия из триалетско-кировкаканских «царских» курганов // АВ. Вып. 11. С. 55–70 (в соавторстве с М. Б. Рысиным).

2006

Обсидиан в аспекте связей древних культур Старого Света // In situ. К 85-летию профессора А. Д. Столяра: Сб. ст. / Отв. ред. А. А. Никонова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 156–173.

2007

Новая датировка каримбердской культуры // АВ. Вып. 14. С. 166–183: ил.

Литература о К. Х. Кушнарёвой

Каринэ Христофоровна Кушнарёва: к 80-летию со дня рождения // АВ. 2003. Вып. 10. С. 11: портр.

Рысин М. Б. Памяти Каринэ Христофоровны Кушнарёвой (1922–2006) // ЗВОРАО. Новая серия. Т. 2. С. 610–612: портр.

Рысин М. Б. Памяти Каринэ Христофоровны Кушнарёвой (18.04.1922–20.02.2006) // АВ. 2007. Вып. 14. С. 268–269: портр.

КАВКАЗ И ОКРУЖАЮЩИЕ ТЕРРИТОРИИ В СИСТЕМЕ КОНТАКТОВ И СВЯЗЕЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV — НАЧАЛО I ТЫС. ДО Н. Э.)

ГЛИНЯНЫЕ КОНУСЫ КАК МАРКЕР ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ НАВЕСА МЕШОКО)

Е. А. ЧЕРЛЁНОК¹

Ключевые слова: *глиняный конус, навес Мешоко, энеолит, мешоковская культура, Северо-Западный Кавказ.*

Статья посвящена анализу глиняных конусов из навеса Мешоко раскопок 2011–2019 и 2021 гг. . Изучение археологически целых предметов, а также обломков конусов показало, что они представляют собой достаточно массовый и сравнительно однородный материал. Выделяется лишь одно изделие, поверхность которого наряду с определенными отличиями по форме украшена ямочным орнаментом (рис. 1). Положение находок в культурном слое указывает на рядовой характер их депонирования. Аналогии конусам из навеса Мешоко имеются в ближайших к нему энеолитических памятниках (рис. 2). По мнению автора, морфология самих предметов и их распространение позволяют отчетливо отделять конусы от «очажных подставок» раннего бронзового века и считать их маркерами энеолитической культуры окрестностей пос. Каменноостский.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-62-65

Под глиняными конусами мы понимаем сравнительно крупные изделия (с диаметром основания $\approx 7\text{--}11$ см) подконусовидной формы без отверстия, которые встречаются на некоторых энеолитических памятниках Северо-Западного Кавказа. С одной стороны, по своим размерам эти предметы значительно крупнее синхронных им небольших керамических «конусов», которые, вероятно, могли являться подвесками или фишками. С другой — особенности формы отличают их от «очажных подставок» (или «глиняных конусов с отверстиями») раннего бронзового века.

Первые конусы были обнаружены в конце 1950-х гг. в ходе раскопок Хаджохских навесов (Формозов 1961: 52–55, 67). Впоследствии они были найдены и на других энеолитических поселениях. Долгое время представления об облике этих предметов базировались только на их описаниях. Лишь в 2000-х гг. были опубликованы первые изображения конусов, происходящих из старых раскопок (Резепкин 2000: рис. 2, 6, 7; 6, 10, 11; 2005: табл. 21, 8).

Важным памятником, где были найдены глиняные конусы, является навес Мешоко. Впервые он изучался в 1963–1964 гг. Северокавказской археологической экспедицией (Столяр, Формозов 2009: 107, 108). К сожалению, материалы навеса не были опубликованы, хотя и упоминались в некоторых исследованиях (Формозов 1965: 80). В 2011 г. раскопки здесь были возобновлены силами Закубанской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С. М. Осташинского (при участии СПбГУ). Всего за 10 лет работ было обнаружено 360 фрагментов конусов. В основном это сравнительно небольшие обломки

¹ Кафедра археологии, Институт истории СПбГУ; Санкт-Петербург, 199034, Россия.

размерами в несколько сантиметров, хотя встречаются и крупные находки, в которых уз-
наются части стенок, основания или вершины.

Наиболее полное представление об облике этих предметов дают два археологически целых экземпляра. Первый представляет собой изделие диаметром ≈ 10 см и высотой ≈ 11 см, с выделенным основанием и широкой округлой вершиной (Осташинский, Черленок 2013: рис. 2, 1, 3). Судя по морфологии крупных фрагментов, большая часть конусов из навеса Мешоко была похожа на этот экземпляр. Второй целый предмет представляет собой уникальную находку для памятника. Это конус, у которого диаметр (≈ 8 см) превышает высоту (≈ 7 см), вершина узкая, а основание не выделено. Поверхность покрыта ямочным орнаментом, организованным в прямые или округлые линии (рис. 1).

Стратиграфия навеса Мешоко представлена шестью базовыми слоями, два из которых имеют отчетливую культурную атрибуцию. Третий сверху слой относится к кругу майкопских памятников, а пятый — к энеолитической (мешоковской) культуре (Осташинский, Черленок 2020: 42–44). Послойный анализ распределения фрагментов конусов отчетливо показывает, что подавляющее их количество ($\approx 94\%$) сосредоточено в пятом слое. Таким образом, они могут считаться характерным атрибутом энеолитических отложений памятника. Можно утверждать, что в это время конусы были достаточно распространенной категорией материальной культуры, поскольку по частоте встречаемости они занимают пятое место среди всех находок (после фрагментов керамических сосудов, костей животных, кремневых отщепов и неопределенных кремневых обломков соответственно).

Функция конусов остается загадочной. А. А. Формозов осторожно писал, что схожие предметы в других культурах обычно связаны с очагами (Формозов 1961: 52–55). А. Д. Резепкин, видимо, по аналогии с майкопскими материалами предлагал считать их очажными подставками (Резепкин 2000: 226). При этом необходимо отметить, что археологически целые экземпляры конусов из навеса Мешоко не показывают реального контекста функционирования этих изделий. Так, целый неорнаментированный экземпляр найден в наклонном положении вершиной вниз среди каменного обломочника, а две крупные части орнаментированного предмета были обнаружены на расстоянии около 2 м друг от друга. Создается впечатление, что эти вещи были выброшены как обычный мусор. Расположение других фрагментов в культурном слое также не выявляет отчетливых закономерностей и близко к «естественному». Они сравнительно равномерно распределяются по всей площади раскопа, иногда концентрируясь в ямах, что, возможно, связано с фрагментацией одного изделия. О рядовом характере депонирования обломков глиняных конусов свидетельствует схожее распределение фрагментов керамических сосудов.

В территориальном отношении глиняные конусы связаны с энеолитическими памятниками района пос. Каменноостровский (рис. 2). Кроме навеса Мешоко они найдены на одноименном поселении Мешоко, на поселении Скала и в Хаджохских навесах (Формозов 1961: 52–55, 67; 1972: 8, 9; Столяр, Формозов 2009: 137). Среди опубликованных материалов из энеолитических памятников мешоковской культуры, расположенных в других частях

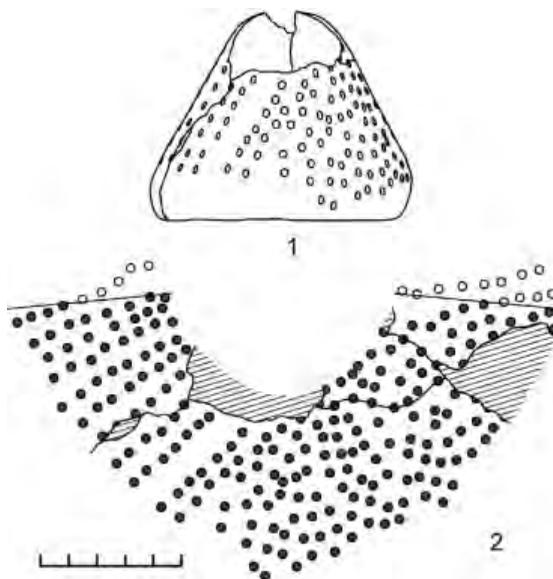

Рис. 1. Орнаментированный глиняный конус из навеса Мешоко: 1 — вид сбоку; 2 — развертка орнамента

Fig. 1. Ornamented clay cone from the Meshoko rockshelter: 1 — side view; 2 — sweep of the ornament

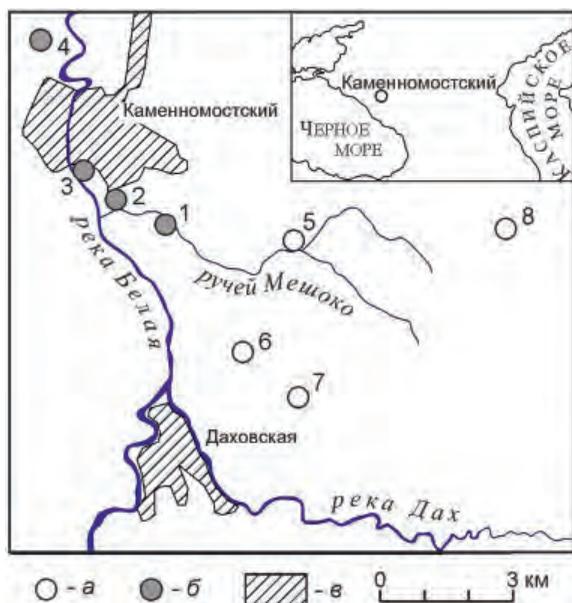

Рис. 2. Энеолитические памятники в окрестностях пос. Каменноостский: 1 — навес Мешоко; 2 — поселение Мешоко; 3 — Хаджохские навесы; 4 — поселение Скала; 5 — Каменноостская пещера; 6 — Даховская пещера; 7 — Унакозовская пещера; 8 — поселение Хутор Веселый (а — энеолитические памятники; б — места находок глиняных конусов; в — современные постройки)

Fig. 2. Eneolithic sites in the environs of the Kamennomostskiy village: 1 — Meshoko rockshelter; 2 — Meshoko settlement; 3 — Khajokh rockshelters; 4 — Skala settlement; 5 — Kamennomostskaya cave; 6 — Dakhovskaya cave; 7 — Unakozovskaya cave; 8 — Khutor Veselyi settlement (a — Eneolithic sites; б — places where clay cones were found; в — modern buildings)

земля и несколько обломков, а в Хаджохских навесах — 10 обломков и один целый конус (Формозов 1972: 8, 9; Резепкин 2000: 226). Однако, вероятно, малое число находок связано с особенностями формирования коллекций, которые были получены в результате раскопок конца 1950-х — 1960-х гг. Это подтверждается сравнением с количеством обломков конусов из старых раскопок навеса Мешоко 1963–1964 гг., где было зафиксировано всего 11 крупных фрагментов.

В середине — второй половине IV тыс. до н. э. на смену энеолитическим памятникам в регионе приходит майкопская культура раннего бронзового века. В навесе Мешоко это событие нашло отражение в материалах третьего слоя. Количество фрагментов конусов здесь очень невелико ($\approx 2\%$ от всех обнаруженных в навесе), что свидетельствует о случайном их попадании из-за нарушения «майкопцами» нижележащих энеолитических отложений. В то же время среди материалов третьего слоя есть классические майкопские «очажные подставки» (Ostashinskii, Cherlenok 2021: 593). В настоящее время сложно сказать, связаны ли обе группы предметов линией преемственности. В любом случае энеолитические конусы разительно отличаются от майкопских «подставок» и могут служить одним из маркеров мешоковской культуры.

Северного Кавказа, находки конусов не отмечены, поэтому можно предполагать, что эта категория изделий имела локальное распространение.

В хронологическом отношении из мест, где были найдены глиняные конусы, выделяется поселение Мешоко. Традиционно считается, что два его базовых слоя маркируют ранний и средний этапы развития энеолита в регионе (Формозов 1965: 83, табл. 2). В этой связи необходимо отметить, что конусы не найдены в нижнем слое этого памятника и появляются только в его верхнем слое. Судя по всему, конусы здесь являются очень редкой находкой. В коллекции из раскопок 1958–1960 и 1962–1964 гг., несмотря на огромное количество другого материала, они представлены лишь двумя обломками, а в ходе раскопок 2007–2008 гг. эти изделия не были обнаружены (Резепкин 2005: 208; Осташинский 2012; 2019).

Пик использования конусов приходится на завершающий этап развития мешоковской культуры, который представлен материалами навеса Мешоко и датируется 3800–3600 calBC (Осташинский, Черленок 2020: 51). Вероятно, к этому времени относятся и предметы из поселения Скала и особенно Хаджохских навесов, которые традиционно относятся к более позднему времени, нежели верхний слой поселения Мешоко (Формозов 1972: 9). Количество конусов на этих памятниках сравнительно невелико: на поселении Скала обнаружены один целый экземпляр

Литература

- Осташинский 2012 — *Осташинский С. М.* Материалы раскопок 2007 г. на поселении Мешоко // АВ. 2012. Вып. 18. С. 43–66.
- Осташинский 2019 — *Осташинский С. М.* Материалы раскопок 2008 г. на поселении Мешоко // Кавказология. 2019. № 3. С. 38–61.
- Осташинский, Черленок 2013 — *Осташинский С. М., Черленок Е. А.* Новые данные о соотношении позднеэнеолитической и майкопской культуры в предгорьях Северо-Западного Кавказа // Марченко И. И. (отв. ред.). Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: МК. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 321–324.
- Осташинский, Черленок 2020 — *Осташинский С. М., Черленок Е. А.* Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита и бронзового века на Северо-Западном Кавказе // Кашуба М. Т. и др. (отв. ред.). Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: МНК по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, С.-Петербург). Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020. С. 41–53 (Archäologie in Iran und Turan. Bd. 19).
- Резепкин 2000 — *Резепкин А. Д.* Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова Поляна // Горбунова Н. Г. (сост. и науч. ред.). Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина: Сб. ст. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 223–235.
- Резепкин 2005 — *Резепкин А. Д.* Энеолитическое поселение Мешоко // Марченко И. И. (отв. ред.). Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Кубанский ГУ, 2005. Вып. 5. С. 73–93.
- Столяр, Формозов 2009 — *Столяр А. Д., Формозов А. А.* Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. // Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты северокавказской экспедиции Гос. Эрмитажа 1958–1965 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 12–194.
- Формозов 1961 — *Формозов А. А.* Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Анфимов Н. В. (ред.). Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 2. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1961. С. 39–72.
- Формозов 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.
- Формозов 1972 — *Формозов А. А.* Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // Анфимов Н. В., Аутлев П. У. (отв. ред.). Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 3. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1972. С. 5–29.
- Ostashinskii, Cherlenok 2021 — *Ostashinskii S. M., Cherlenok E. A.* The Site of the Maykop Culture in the Mountains of the Northwestern Caucasus // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2021. Vol. 66, is. 2. P. 585–601.

**CLAY CONES AS A MARKER OF THE ENEOLITHIC CULTURE
IN THE NORTHWESTERN CAUCASUS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MESHOKO ROCKSHELTER)**

Е. А. CHERLENOK

Keywords: *clay cone, Meshoko rockshelter, Eneolithic, Meshoko culture, Northwestern Caucasus.*

The paper is devoted to the analysis of clay cones excavated from the Meshoko rockshelter in 2011–2019 and 2021. Both intact cones and cone fragments were studied. The study has shown that they are rather numerous and relatively homogenous. There is only one cone which has a somewhat peculiar form and is decorated with pit ornamentation (fig. 1). The position of the finds in the cultural layer is indicative of the mundane character of their deposition. The analogies to the Meshoko cones are present in some of the neighboring Eneolithic sites (fig. 2). In the author's opinion, both the morphology of the objects in question and their distribution make it possible, first, to confidently distinguish them from the «hearth supports» of the early Bronze Age and, second, to consider them markers of the Eneolithic culture in the environs of the Kamennomostsky village.

НЕОЛИТ МУГАНСКОЙ СТЕПИ

Т. И. АХУНДОВ¹

Ключевые слова: Южный Кавказ, неолит Муганской степи, традиция, расселение, поселения, погребения, обжигательные печи, керамика, роспись, статуэтки.

Южный Кавказ — один из регионов Древнего мира, в котором проходило взаимодействие местного населения с носителями древнейшего производящего хозяйства. В результате таких взаимодействий складывались и развивались самобытные традиции разных южнокавказских регионов. Среди неолитических традиций Южного Кавказа традиция Муганского неолита, или неолита Муганской степи, — самая молодая (конец V тыс. до н. э.), что, прежде всего, обусловлено динамикой геоклиматических процессов развития равнин региона. В статье дано краткое описание особенностей материальной культуры неолита Муганской степи, в первую очередь на материалах исследований поселения Полутепе.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-66-76

Географическое положение Кавказа, через который во все времена из Европы и Азии мигрировали различные народы с присущими им культурами и традициями, способствовало сосуществованию на этой относительно небольшой территории различных этнокультурных начал. Проникшие на Кавказ племена, смешиваясь и между собой, и с существовавшим до их прихода массивом «аборигенного населения», в ходе дальнейшего развития становились новым пластом «аборигенов Кавказа». Этот процесс неоднократно повторялся на разных территориях, охватывая неоднородные по численности племена и создавая множество их сочетаний. В результате на Кавказе накопилась энергия, которая при всем этнокультурном и языковом многообразии этого региона предопределила сложение общекавказского менталитета, превратила Кавказ из коридора, где сталкивались азиатские и европейские культурные импульсы, в самостоятельную систему, влияющую на них.

Археологические исследования на Кавказе позволяют выделить различные культурные образования, сложившиеся в результате указанных процессов, и очертить соответствующие им ареалы. Так, для эпохи неолита, времени зарождения Кавказской цивилизации на Южном Кавказе, его обитатели освоили равнины между р. Курой и северо-восточными склонами Малого Кавказа, от Борчалинской равнины на северо-западе до Мильской равнины на юго-востоке и далее, пересекая р. Аракс, включая узкую подгорную полосу Южно-Муганской равнины к северо-востоку от Талышских гор. В границах указанной территории сложились три этнокультурных образования, ареалы которых плавно переходили один в другой. В научной литературе они обозначены как шумутепинская традиция (культура), традиция Гарабагского (Карабахского) неолита и традиция Муганского неолита. Наряду с определенными культурными различиями эти традиции имели много общего из-за их эпохальной, региональной и геоклиматической близости.

¹ Отдел позднего неолита и халколита, Институт археологии, этнографии и антропологии НАН Азербайджана; Баку, AZ1073, Азербайджанская Республика (Bakı ş. AZ1073, Azərbaycan Respublikası).

Традиция Муганского неолита является самой поздней, что обусловлено динамикой геоклиматических процессов на равнинах Южного Кавказа. На Южно-Муганской равнине условия, благоприятные для развития неолитического хозяйства, в целом возникли несколько позже, чем на остальных равнинах. Этот регион представляет собой узкую подгорную полосу, ограниченную с запада невысокими отрогами Талышских гор, с востока — Каспийским морем и рассеченную множеством небольших речек и суходолов, спускающихся с гор в сторону моря.

На сегодняшний день на Муганской равнине зафиксировано более 20 поселений эпохи неолита. На двух из них (Аликёмектепе и Полутепе) проведены широкомасштабные раскопки. Поселение Фяттепе исследовано стратиграфическим шурфом. Все остальные памятники изучены лишь визуально. Собранный на них подъемный материал идентичен материалам, полученным из раскопанных поселений. Это указывает на культурно-хронологическое единство всех этих памятников (Ахундов 2011; Akhundov 2021).

Остатки поселений сохранились в виде тепе, площадь которых колеблется от 0,25 до 6,00 га. В основном они расположены на краю береговых террас рек и суходолов. В некоторых случаях памятники находятся на тех участках равнины, где нет видимых следов водных артерий. Однако изучение геоморфологических процессов на Муганской равнине показало, что во время функционирования таких поселений рядом с ними также проходили водные артерии, к настоящему времени перекрытые последующими аллювиальными отложениями.

Толщина культурных отложений эпохи неолита на раскопанных поселениях достигает 4,0 м на Аликёмектепе, 5,5 м — на Фяттепе, 6,0 м — на Полутепе. Последний памятник и Аликёмектепе расположены на крутом южном правом берегу ныне усыхающей р. Инджачай, на расстоянии 1,2 км друг от друга. Выше по течению на том же берегу зафиксировано еще два аналогичных поселения — Инджачай и Пашатепе.

Поселок Фяттепе находится в 4 км к северу от этой реки, на возвышенной равнине с пологими склонами. В 1,5 км к востоку от него находятся остатки сильно разрушенного и в значительной степени покрытого аллювиальными отложениями памятника Сулейманхараба. Все остальные выявленные неолитические поселения находятся к югу от р. Инджачай.

Аликёмектепе является первым памятником эпохи неолита, исследованным на Муганской равнине. Его холмообразные развалины были использованы как могильники позже, в среднем бронзовом веке, в античную и средневековую эпохи. Работы здесь осуществил Ф. Махмудов в 1971–1979, 1990–1991 гг. (Махмудов, Нариманов 1967; 1972а; 1972б; 1973; 1974а; 1974б; 1975а; 1975б). Он же выявил почти все остальные поселки этой эпохи на Муганской равнине. В то время их относили к эпохе энеолита.

В 2004–2018 гг. изучение Муганского неолита производил автор этих строк. Полевые работы были сконцентрированы на Полутепе — самом крупном поселении, площадь которого достигает 6 га, а толщина неолитических отложений — 6 м (рис. 1, 1). Его руины были позже кратковременно обжиты носителями куро-араксской и посткуро-араксской «раннекурганной» традиций. В среднем бронзовом веке поселок использовали для совершения погребений с расписной керамикой. Памятник был также заселен в IX–XI вв. н. э. (Akhundov 2021: 27).

Неолитические отложения на поселении Фяттепе перекрыты лишь тонким средневековым слоем (IX–XI вв. н. э.), но рядом с поселком, за предполагаемой водной артерией, находятся остатки лейлатепинского памятника Алхантепе. Недалеко от визуально исследованного поселения Пашатепе, представленного только отложениями неолита, находятся остатки поселка среднего бронзового века с расписной керамикой. Все остальные известные неолитические памятники Муганской равнины однослойны.

Рис. 1. Поселение Полутепе: 1 — общий вид холма и раскопа с С; 2 — вид раскопа с Ю
 Fig. 1. Polutepe settlement: 1 — general view of the hill and excavation from the North; ,
 2 — view of the excavation from the South

На значительной площади речного берега, прилегающего к поселениям Полутепе и Фяттепе, часто попадаются материалы периода раннего железа, но на самих поселениях артефакты этого времени не обнаружены.

На раскопанных памятниках выявлены остатки зданий. Они представлены прямоугольными, овальными и круглыми строениями, сложенными из прямоугольного сырцового кирпича (рис. 1, 2), положенного в основном на тонкий глиняный раствор. Впрочем, выявлены и постройки, при сооружении которых, вероятно, использовали влажный кирпич без связующего раствора.

Стены помещений в подавляющем большинстве имеют толщину в один кирпич, уложенный вдоль. Выявлены также остатки стен толщиной в два кирпича.

Вместе с тем в верхней толще культурных отложений поселения Полутепе остатки кирпичных строений не зафиксированы, что допускает наличие в неолитической архитектуре

Рис. 2. Поселение Полутепе, погребения: 1 — младенец; 2 — взрослый
 Fig. 2. Polutepe settlement, burials: 1 — infant; 2 — adult

Муганской равнины сооружений из легких конструкций. Подобное предположение подтверждается находками жженого турлука.

В культурных отложениях поселений, оставленных носителями традиции Муганского неолита, выявлены и захоронения, совершенные в неглубоких ямах. Покойников укладывали в скорченном положении на правом или левом боку, реже — на спине, в одном случае — сидя. Ориентация умерших неустойчива. Представлены все половозрастные группы погребенных: от младенцев (рис. 2, 1) до взрослых (рис. 2, 2). В большинстве случаев усопшего и могилу посыпали красно-бордовой охрой. Некоторые погребенные, в том числе и младенцы, имели сопровождающий инвентарь, чаще всего небольшую чашечку, положенную в области головы или живота, а также различные бусы.

Вместе с тем количество обнаруженных погребений слишком мало по сравнению со временем существования памятника, что предполагает наличие и других форм обращения с покойниками у носителей традиции Муганского неолита.

Самобытность археологической традиции в значительной степени определяется керамической продукцией. Для поселений Муганского неолита характерно изобилие глиняной посуды. Сосуды формованы от руки и в подавляющем большинстве изготовлены из глины с растительной примесью. Они обычно покрыты качественным ангобом и равномерно обожжены. Поверхность изделий заглажена, причем некоторые небольшие сосуды слегка залощены. Преобладает ангоб различных тонов кофейного цвета, но немало и образцов других цветов, от беловатого до буро-черного.

В верхней толще отложений Полутепе встречаются фрагменты крупных чаш, формованных в плетеной форме. Отпечатки плетения хорошо сохранились на всей внешней поверхности этих сосудов, за исключением 3–5-сантиметровой полосы у верхнего среза, находящегося над краем плетеной формы.

В отличие от других неолитических традиций Кавказа для Муганского неолита характерна расписная керамика (рис. 3), составляющая от 1,0 до 1,5 % от всего количества посуды. Роспись наносили на ангобированную поверхность. Этот декор характерен и для чаш, изготовленных в плетеной форме. В зависимости от функционального назначения сосуда и его формы росписью покрывали внутреннюю (рис. 3, 1, 2, 4, 6, 7, 9) или внешнюю (рис. 3, 3, 5, 8, 10–13) поверхность глиняной емкости или обе ее поверхности одновременно. Нередко до нанесения росписи поверхность посуды, прежде всего миниатюрных изделий, предварительно окрашивали.

Глиняные сосуды обычно расписывали до обжига коричневой или буровато-черной (рис. 3, 1, 4–13), реже красной (рис. 3, 2) краской. В единичных случаях использовали желтый цвет (рис. 3, 3). Роспись представлена лишь геометрическими мотивами (в основном свисающие пустые или залитые треугольники, реже — ромбы, лесенка, сетка и т. д.).

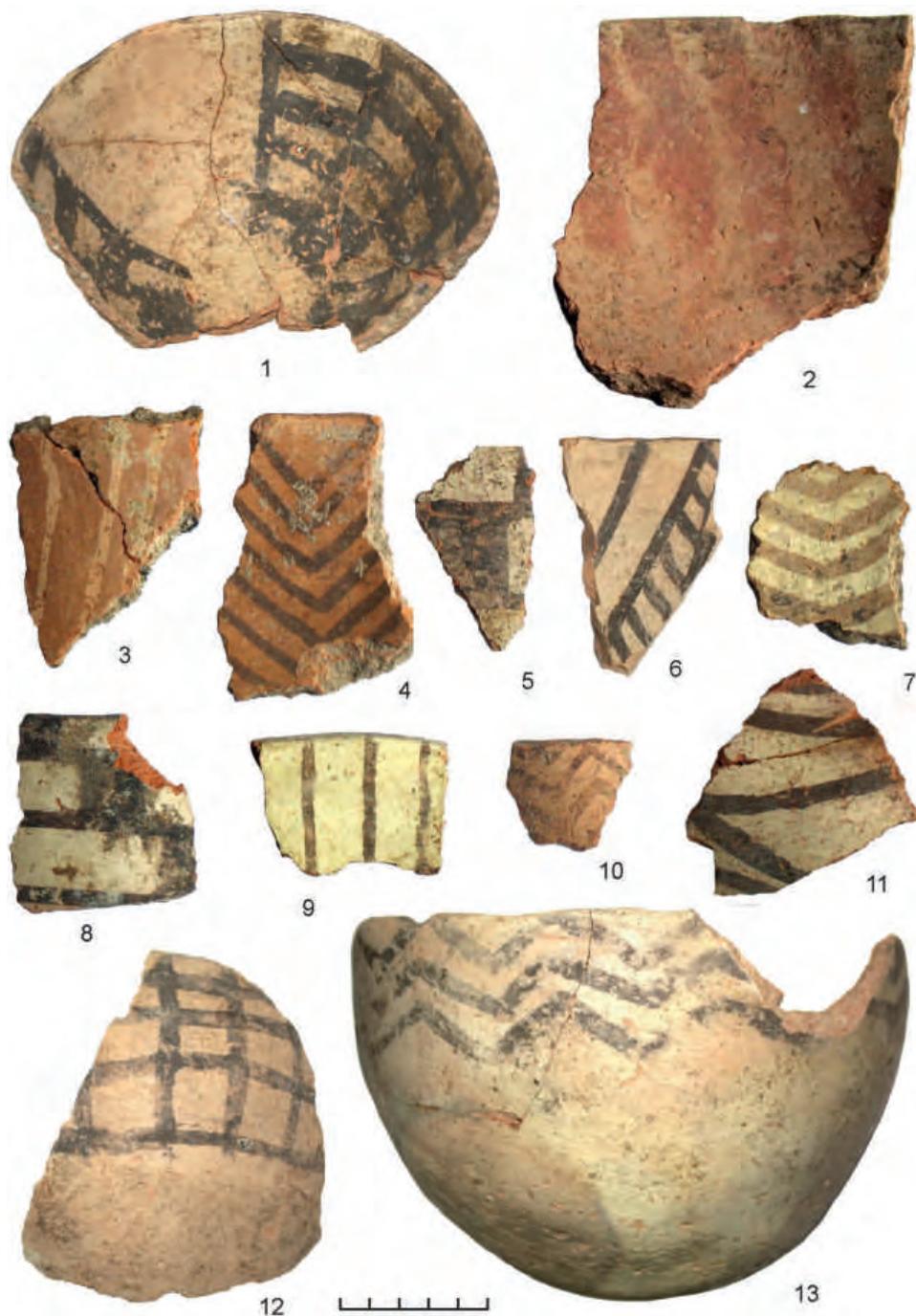

Рис. 3. Поселение Полутепе, расписная керамика

Fig. 4. Polutepe settlement, painted ceramis

Изготавливали посуду различных размеров, от миниатюрной, высота и диаметр которой составляла 5–6 см, до сосудов диаметром свыше 1,2 м, толщина черепка которых достигала 4 см. За исключением небольших пиал, изделия плоскодонные. В зависимости от их формы и назначения имеются емкости как с широким, так и с узким дном. Донья последних порой слегка утолщены, а на их внешней стороне имеются отпечатки циновки концентрического плетения.

Керамический комплекс характеризуется небольшими полушаровидными пиалами, плоскодонными чашами, от миниатюрных до крупных (диаметром свыше 50 см), «казанами» с широким дном и крупными бочкообразными сосудами, суживающимися как к доньшку, так и к горловине, причем последние иногда имеют почти цилиндрическую форму. Ручки на этих сосудах отсутствуют. Только «казаны» снабжались кулачками-прихватками, которым, видимо, придавалось некое магическое значение, так как среди них часто попадаются экземпляры, моделированные в форме головы животного (рис. 4, 1), а иногда в виде женских и мужских половых органов.

В основной массе посуды венчики не выражены, а округлые края горловины сглажены. Встречаются, однако, сосуды, у которых имеются уплощенные края горловины, которые утолщены валиком, и сосуды со слегка отогнутым верхним краем.

Для Муганского неолита характерны также узкогорлые кувшины с цилиндрической шейкой и выраженными плечиками. Обычно они снабжены массивной петлевидной ручкой, соединяющей край горловины с плечиком сосуда. Найдена чаша с аналогичной ручкой.

Наряду с росписью керамическая продукция украшена также различными налепами. Речь идет главным образом о бугорках, форма которых напоминает сосочки. Они располагаются по внешнему периметру края горловины или под ним. Количество сосочков различно, от одного до ряда, опоясывающего верх горловины. Реже встречаются сосочки, размещенные в различных сочетаниях на плечиках сосуда. Многие другие налеты моделированы в виде коротких косых и прямых полос, полумесяцев, колец и т. д.

Помимо глиняной посуды на поселениях Муганского неолита найдены фрагменты разнообразных жаровен, крышки, предметы в виде ложек различных размеров (черпаки?) и т. д. Особый интерес вызывают трехплоскостные «пирамидки» высотой от 1 до 5–6 см. Они иногда окрашены в красный цвет и, возможно, являлись индивидуальными или семейными алтарями.

Изготовление такого количества различной керамической продукции невозможно представить без наличия обжигательных печей. На поселениях Аликёмектепе и Полутепе выявлено несколько десятков двухъярусных горнов для обжига керамики. Они представлены тремя типами.

Преобладают печи (I тип) с вырытой в грунте топочной камерой в форме желоба. На уровне горизонта она перекрыта сооруженной из битой глины и сырцового кирпича площадкой, которая является подом обжигательной камеры. Несколько пар теплораспределительных продухов топочной камеры, устроенных в ее продольных стенах, выведены в верхнюю камеру, которая оконтурена сырцовой стенкой и, вероятно, была перекрыта сводом из сырцового кирпича. С обоих концов топочная камера завершается овально расширенными пандусами, выведенными на горизонт за пределы стен верхней камеры. Обжигательные камеры печей этого типа достигали 2,4 м в длину и 1,8 м в ширину, хотя многие из них имели меньшие размеры (рис. 5, 2, 3).

На поселении Полутепе выявлены квадратные печи (II тип) более сложной конструкции. Их продухи, соединяясь и разделяясь под подом обжигательной камеры, выведены на его поверхность по всему периметру (рис. 5, 1).

На поселении Аликёмектепе исследованы небольшие печи (III тип), от которых сохранился лишь нижний ярус в виде округлой выемки с отходящим от него небольшим желобком. Общая длина этого сооружения составляла около 0,8 м.

На Аликёмектепе в самом нижнем горизонте были найдены антропоморфные фигурки из необожженной глины (рис. 4, 2–4). Аналогичные изделия (рис. 4, 1, 5–7) обнаружены и на Полутепе. Большая их часть (около двух десятков экземпляров) выявлена в ранних отложениях поселения, в районе алтарного сооружения. Остатки последнего сохранились в виде огороженной и устланной циновками площадки, в центре которой находилась цилиндрическая выемка с вставленным в нее котлом. И котел, и выемка были заполнены

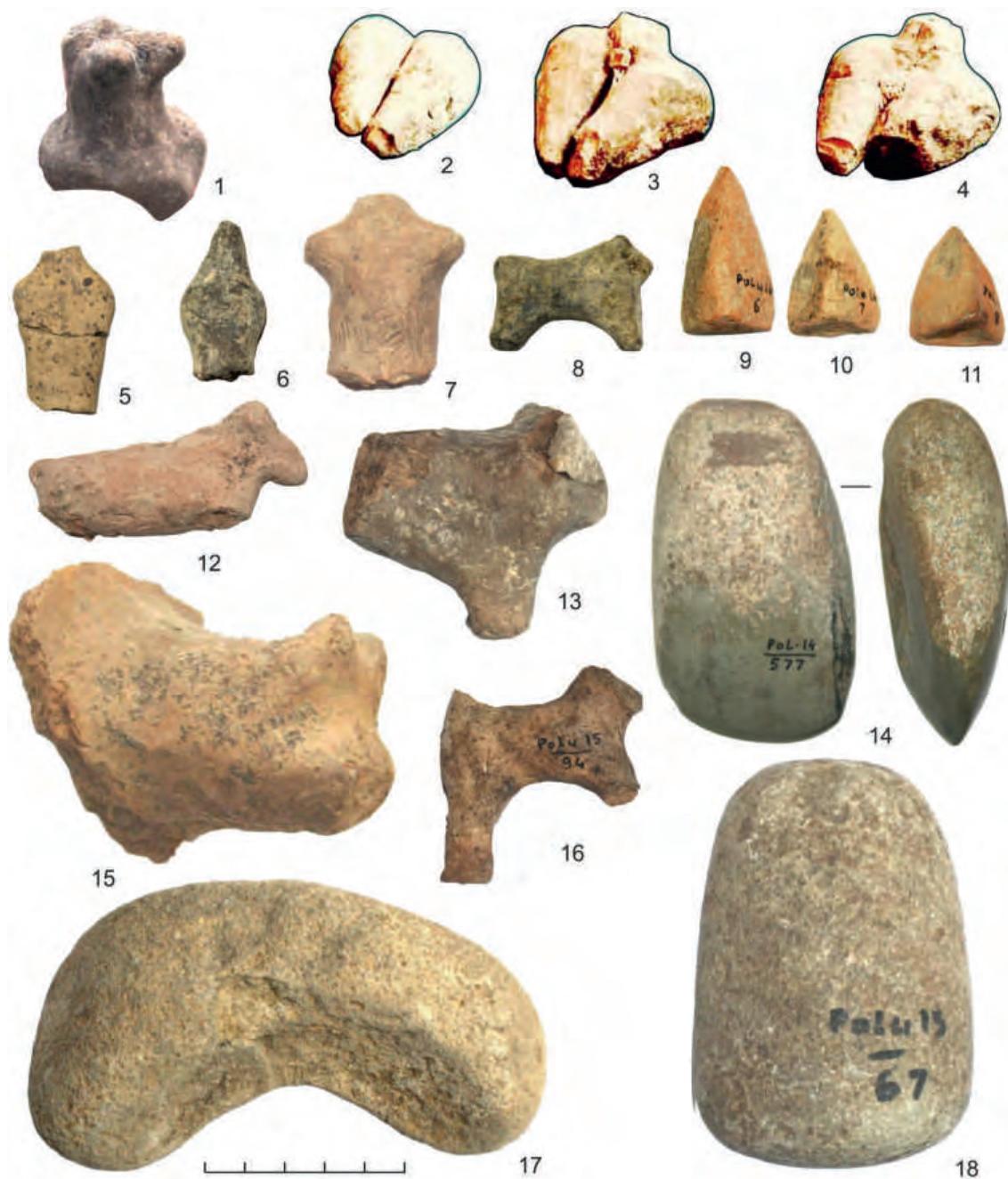

Рис. 4. Поселения Полутепе (1, 5–18) и Аликёмектепе (2–4): 1–7 — антропоморфные фигурки; 8, 12, 13, 16 — зооморфные фигурки; 9–11 — пирамидки; 14 — топор; 15 — зооморфно моделированная ручка; 17 — скребло; 18 — пест. 1–8 — сырая и обожженная глина; 9–13, 16 — обожженная глина; 14 — базальт; 15 — керамика; 17, 18 — песчаник

Fig. 4. Polutepe (1, 5–18) and Alikyomektepe (2–4) settlements: 1–7 — anthropomorphic figurines; 8, 12, 13, 16 — zoomorphic figurines; 9–11 — small pyramids; 14 — axe; 15 — zoomorph-shaped handle; 17 — sidescraper; 18 — pestle. 1–8 — raw and fired clay; 9–13, 16 — fired clay; 14 — basalt; 15 — ceramics; 17, 18 — sandstone

Рис. 5. Поселение Потутепе, печи для обжига керамики: 1 — печи двух конструкций, вид с Ю; 2 — печи двух последующих горизонтов; 3 — расчистка керамической печи

Fig. 5. Polutepe settlement, pottery burning kilns: 1 — kilns of two different constructions, view from the South; 2 — kilns in two adjacent horizons; 3 — pottery kiln in the process on excavation

Рис. 6. Поселение Полутепе, орудия труда. 1-9, 11, 13, 14 — кость; 10, 12 — рог
Fig. 6. Polutepe settlement, tools. 1-9, 11, 13, 14 — bone; 10, 12 — antler

чистой золой. Встреченные в этой части памятника сидячие и стоячие стилизованные глиняные фигурки не обожжены. Помимо антропоморфных обнаружено небольшое количество зооморфных обожженных фигурок (рис. 4, 8, 12, 13, 16).

Для всех памятников этого региона от неолита до раннего бронзового века характерны многочисленные находки биконически-овальных глиняных ядер для пращи. Зафиксированы как отдельные экземпляры, так и скопления, насчитывающие несколько десятков таких артефактов.

Эпохе неолита присуще использование большого количества орудий из кости и рога. Не являются исключением и поселения Муганского неолита, на которых находки таких изделий носят массовый характер (рис. 6).

Среди этих артефактов преобладают проколки, выполненные в основном из трубчатых костей мелкого рогатого скота. В большинстве случаев для этого использовали расщепленную кость с сохраненным или удаленным эпифизом и заостренным концом (рис. 6, 6, 9). Реже конец трубчатой кости косо срезали и заостряли (рис. 6, 5). Наряду с проколками из трубчатых костей имеется немало подобных изделий, изготовленных из других костей. Наибольший интерес вызывают проколки, выполненные из костей предплечья овцы (рис. 6, 7). Они редко встречаются на неолитических памятниках, но широко представлены в куро-араксских комплексах.

На поселениях Муганского неолита найдено также много лоцил и скребков. Первые сделаны из трубчатых костей мелкого рогатого скота, причем косо срезанный конец кости образует рабочую поверхность такого инструмента (рис. 6, 1). Скрепки сделаны из продольно разрезанной лопаточной кости (рис. 6, 2, 3). Выявлено также немало мотыгообразных орудий из кости (рис. 6, 13) и рога (рис. 6, 10, 12), обнаружены лопатообразные предметы из лопаточной кости крупного рогатого скота (рис. 6, 11) и предметы неопределенного назначения (рис. 6, 14).

Также зафиксированы костяные кинжал, штык (рис. 6, 8) и миниатюрные орудия для каменных вкладышей (рис. 6, 4).

Для изготовления орудий широко применяли различные породы камня. В качестве пластинчатых режущих, сверлящих, прокалывающих инструментов, как правило, использовали местный сероватый кремль, реже — плотную гальку. Судя по количеству производственных отходов и готовых орудий, сырье обрабатывали непосредственно на поселениях.

В культурном слое памятников выявлены многочисленные зернотерки и терочки из плотного песчаника, различные песты (рис. 4, 18), скребла (рис. 4, 17). Имеются ступки, каменные чаши и шлифованные клиновидные топоры из базальта (рис. 4, 14).

Исходя из полученных при раскопках данных, можно сделать вывод, что хозяйство людей, оставивших поселения Муганского неолита, основывалось на возделывании злаков, содержании различных видов домашних животных, рыболовстве и охоте, на которой использовали собак. Изучаются найденные на памятниках кости лошади для решения пока еще открытого вопроса о ее доместикации.

Как упоминалось, традиция Муганского неолита относится к поздней стадии этой эпохи. В соответствии с классической схемой (без учета калиброванных дат) полученные материалы позволяют соотнести данную традицию с концом V тыс. до н. э.

Литература

- Ахундов 2011 — Ахундов Т. И. Памятники Муганской степи и предпосылки расселения ранних земледельцев на Южном Кавказе в эпоху неолита–энеолита // *Stratum plus*. 2011. № 2. С. 219–236.
- Махмудов, Нариманов 1967 — Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Энеолитические памятники на Мугани // *Известия АН АзССР. Серия истории, философии и права*. Баку: Элм, 1967. № 2. С. 88–96.

- Махмудов, Нариманов 1972а — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* О раскопках на поселении Аликёмектепеси // АО 1971 года. 1972. С. 480–481.
- Махмудов, Нариманов 1972б — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* Раскопки двух новых энеолитических поселений Азербайджана в 1971 г. // ТД сессии, посвящ. итогам полевых археологических и этнографических исследований в Азербайджане 1971 г. Баку: Элм, 1972. С. 9–12.
- Махмудов, Нариманов 1973 — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* Раскопки холма Аликёмектепеси // Итоги полевых археологических исследований за 1972 г. в Азербайджанской ССР: ТД. Баку: Элм, 1973. С. 9–11.
- Махмудов, Нариманов 1974а — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* Поселение Аликёмектепеси // АО 1973 года. 1974. С. 454–455.
- Махмудов, Нариманов 1974б — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* Раскопки холма Аликёмектепеси // Археологические и этнографические исследования в Азербайджане в 1973 г. Баку: Элм, 1974. С. 12–16.
- Махмудов, Нариманов 1975а — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* Исследования на поселении Аликёмектепеси // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974). Баку: Элм, 1975. С. 10–14.
- Махмудов, Нариманов 1975б — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* Раскопки поселения Аликёмектепеси // АО 1974 года. 1975. С. 472–473.
- Akhundov 2021 — *Akhundov T. I.* Ethnical Traditions of the Mugan steppe in the 5th –3th Millennia BC // Narimanishvili G. (ed.-in-Chief) et al. (eds.). Problems of the Archaeology of Caucasus. Tbilisi: Centre for Preservation and Study of Antiquities, Trialeti, 2021. S. 26–34.

NEOLITHIC OF THE MUGAN STEPPE

T. I. AKHUNDOV

Keywords: *Southern Caucasus, Neolithic, Mugan steppe, tradition, settlement, burials, burning kilns, pottery, paintings, statuettes.*

The Southern Caucasus is one of the regions where ancient local populations interacted with the bearers of the earliest farming cultures. It is due to such interactions that a number of indigenous South Caucasian traditions had formed. The Mugan steppe Neolithic tradition is the youngest among the Neolithic traditions of the Southern Caucasus (late V mil. BC). The paper provides a short description of the material culture of the Mugan steppe Neolithic, with particular reference to the evidence from the Polutepe settlement.

3D-МОДЕЛИРОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АКНАШЕН

Л. Р. ТЕР-МИНАСЯН¹

Ключевые слова: Южный Кавказ, Армения, архитектура, археология, неолит, поселение, 3D-реконструкция, многослойный памятник, глинобит, круглые постройки.

Акнашен — одно из неолитических поселений Араратской долины Армении. Памятник датируется VI тыс. до н. э. и относится к араташенско-шулавери-шомутепской культуре. Акнашен имеет семь строительных горизонтов, толщина культурного слоя 4,75 м. Постройки возведены из глинобита, толщина стен составляет 30–35 см. Стены сохранились на высоту 30–70 см.

В 3D-модели реконструированы и обобщены строительные горизонты памятника. В полном объеме восстановлены те здания и конструкции, контуры которых четко зафиксированы. В Акнашене имеются здания трех типов: 1) с круглой планировкой; 2) с нечеткими овальными формами; 3) прямоугольной планировки (одно сооружение). Круглые в плане здания смоделированы в куполообразной форме. Постройки с нечеткими овальными формами смоделированы с вертикальными стенами. Рассматривая вместе слои памятника, можно заметить определенное сходство в организации пространства между некоторыми строительными горизонтами. Представленная 3D-модель — первая попытка реконструкции построек Акнашена. Некоторые параметры в силу недостатка информации приняты условно и в дальнейшем могут быть уточнены.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-77-83

На протяжении последних двух десятилетий в исследованиях археологических памятников Армении возросла роль 3D-реконструкций. Трехмерные модели используются в процессе реставрации памятников, а также в научных изысканиях. 3D-реконструкции играют важную роль и в популяризации археологических памятников. Например, в музее-заповеднике Эребуни представлены реконструкции урартских крепостей Кармир-блур и Эребуни².

Модели создаются при помощи съемок, сделанных беспилотным летательным аппаратом, и на основе двухмерных обмеров. Первый метод был применен в процессе изучения ряда монументальных памятников Армении эпохи бронзы и железа (Avetisyan et al. 2021). Примером использования второго метода может служить реконструкция многих памятников средневековой столицы Армении Ани, сделанная П. Франгяном с высоким уровнем визуализации³.

¹ Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения; г. Ереван, 0025, Республика Армения.

² Автор реконструкций — Р. Саркисян.

³ URL: <http://www.raa-am.com>.

В основе трехмерных реконструкций Акнашена лежат обмеры, сделанные автором во время раскопок памятника. Модель реконструкции создана в программе AutoCAD, изображения доработаны с помощью программы Adobe Photoshop.

В изучении архитектуры многослойных археологических памятников 3D-модели играют важную роль. Во время раскопок неизбежно снимаются верхние слои, чтобы исследовать более ранние строительные горизонты. Утрачиваются конструктивные элементы, иногда и целые здания, а вместе с ними — возможность рассмотреть все слои в совокупности, следовательно, и перспектива понять взаимосвязь пространственных решений. Иногда строительный горизонт в разных частях памятника фиксируется с разрывом во времени, поэтому на фотографиях не удастся запечатлеть все постройки вместе. В виртуальном варианте можно визуально обобщить строительные горизонты и рассмотреть объемные решения всех слоев памятника.

Неолитическое поселение Акнашен — пример многослойного памятника. Поселение датируется VI тыс. до н. э. и имеет семь археологических горизонтов. Акнашен находится в Армавирском районе Армении, на северо-восточной окраине одноименного села. По мнению палеогеологов, в VI тыс. до н. э. ландшафт здесь значительно отличался от современного. На протяжении конца плейстоцена и начала голоцена Араратскую долину занимало огромное палеозеро, которое служило истоком р. Аракс. Со временем уровень озера понизился, и на высохшем участке был построен Акнашен. В прибрежных частях палеозера были также расположены неолитические поселения Араташен и Масис блур (Karakhanyan et al. 2021).

Акнашен представляет собой искусственный холм с круглым в плане основанием диаметром 100 м, относительная высота его над равниной — около 3 м. Абсолютный ноль для памятника зафиксирован на высоте 838,12 м над уровнем моря. Толщина культурного слоя Акнашена — 4,75 м. Раскоп размерами 32 × 10 м ориентирован с запада на восток. Постройки на поселении в плане круглые, овальные или неправильной округлой формы. Исключение составляет одно прямоугольное здание в горизонте VII. Постройки возведены из глинобита, толщина стен 30–35 см.

Глина как строительный материал в Араратской долине использовалась начиная с неолита до середины прошлого века. Основной материал для строительства в Армении, конечно, камень, однако в рассматриваемом регионе наряду с ним на протяжении тысячелетий использовалась и глина. Это объясняется ее наличием в большом объеме и жарким сухим климатом (Ter-Minasyan 2014). Применялись кладки из сырцовых и обожженных кирпичей. В Акнашене не только стены, а практически весь интерьер построек выполнен из глины. Глиняные очаги, хранилища, рабочие площадки использовались для организации быта поселения. Очаги Акнашена разные по форме — круглые, овальные, двухсекционные, в виде восьмерки или трилистника. Хранилища имеют круглую или овальную форму.

Акнашен — один из наиболее хорошо изученных неолитических памятников Армении. Раскопки проводились в 2004–2009, 2011–2019 гг. совместной армяно-французской экспедицией под руководством Р. Бадаляна и А. Арутюнян. По их мнению, памятник относится к араташенско-шулавери-шомутепской культуре — древнейшей из известных в настоящее время культур на северо-востоке Армянского нагорья и на Южном Кавказе, базирующейся на производящей экономике. Культурный слой Акнашена отражает весь хронологический период существования этой культуры и, кроме того, включает более ранний горизонт VII (Badalyan, Harutyunyan 2021).

Южный Кавказ, несмотря на региональные особенности, рассматривается как сегментированная географическая область, в пределах которой развивались общины примерно с одинаковыми «технокультурными» показателями. Соседствующие общины контактировали между собой и влияли друг на друга (Baudouin 2019). Архитектура неолитических

поселений Южного Кавказа в строительной технике и конструктивных решениях имеет много общих черт (круглая планировка строений, использование глины в качестве строительного материала). Однако в северных и южных частях региона технология строительства различалась. На поселениях бассейна р. Аракс на памятниках Акнашен, Араташен, Масис блур, Нахичеванский Кюль-тепе I стены построек складывали из комков и блоков глинистой почвы с добавлением большого количества органики. На поселениях бассейна р. Куры для возведения стен в основном применяли сырцовые кирпичи.

Акнашен, как и другие неолитические поселения Араратской долины, имел тесные связи с юго-западными областями Армянского нагорья, с памятниками бассейна верхнего течения р. Тигр. В частности, зафиксированная в горизонте VII прямоугольная в плане постройка имеет параллели с архитектурой поселения Хакеми Юз (Badalyan et al. 2021).

Представленная 3D-модель — первая попытка реконструкции построек Акнашена. Была поставлена задача составить общее представление об объемно-пространственном решении памятника. Некоторые параметры в силу недостатка сведений приняты условно и в дальнейшем могут быть уточнены. Моделирование выполнялось в два этапа: на первом — реконструированы все объемы, выявленные в процессе раскопок; на втором — восстановлены те здания и конструкции, контуры которых четко зафиксированы. На поселении выявлено несколько стен, которые не стыкуются с другими. В некоторых случаях такие стены выходят за пределы раскопа, в других — остальные стены сооружения просто не сохранились, поэтому невозможно определить, к какому зданию или открытой площадке они относятся. Такие стены были оставлены в существующих объемах.

Вопрос о конфигурации объемов зданий сложен. Фактически в нашем распоряжении находятся только планы зданий, поскольку стены сохранились на высоту 30–70 см. Исходя из планов построек, можно предполагать два варианта формирования объемов: первый — стены были возведены вертикально, образуя цилиндрический объем здания; второй — диаметр постройки по мере набора высоты постепенно уменьшался, образуя куполообразный объем. В ряде лучше сохранившихся памятников Южного Кавказа (Имирис-гора, Шулаверис-гора, Шомутепе) наблюдалось постепенное уменьшение диаметра постройки. Для этих памятников А. Джавахишвили реконструировал куполообразную форму перекрытия (Джавахишвили 1973). Куполообразные варианты перекрытий предполагались и в других неолитических памятниках, например, в Хирокитии на Кипре (Mellaart 1981).

Куполообразная форма — довольно прочная глиняная конструкция. После испарения влаги глина становится легкой, и купол в состоянии нести вертикальную нагрузку. Куполообразный объем можно представить как увеличенный в масштабе глиняный сосуд. При общих расчетах отношение толщины стен к диаметру для строений и для керамических изделий примерно одинаково. Например, сосуд диаметром 52 см имеет стенки толщиной 2,5 см (Narutyunyan 2021: 86, fig. 4, 12), пропорция 1 : 20. Если в 10 раз увеличить параметры сосуда, то получится строение диаметром 5,2 м и толщиной стен 25 см (после обмазки — 30 см). Самое большое здание Акнашена имеет примерно такие размеры. Процессы строительства дома и изготовление керамического сосуда также сходны. Каждый ряд блоков в строении аналогичен ленте жгута в керамике. Глиняные комки или блоки, так же как и при изготовлении керамических изделий, обмазывались более жидким раствором. В процессе сушки из него испарялось много влаги, в результате он давал большую усадку, уменьшался в объеме, и блоки плотно связывались между собой. Вследствие этого стена обретала прочность и цельность.

Круглые в плане здания Акнашена были смоделированы в форме купола. Зафиксированы два таких здания. Поскольку в постройках имеются очаги, то в центре куполообразных объемов оставлены светодымовые отверстия. Дверные проемы на 3D-модели имеют размеры 0,65 × 1,00 м. Возможно, в Акнашене, как и в других неолитических памятниках региона,

были не дверные проемы, а скорее проходы размерами примерно $0,6 \times 0,7$ м. При аналогичном горизонтальном размере высота проема на модели сделана чуть больше. Входы устроены на 50 см выше уровня полов. Поскольку на сохранившихся участках стен проемы зафиксированы не были, сделано предположение, что они должны были находиться выше уцелевших высот. В других памятниках, например в Шулаверис-гора, Шомутепе, входные проемы также сделаны выше уровня двора и пола дома (Джавахишвили 1973). Это обеспечивало защиту жилища от дождевых вод и животных.

В Акнашене были постройки и другого типа. Здания с нечеткими овальными формами не могли иметь куполообразную форму. Очевидно, что на основе плана такой геометрической формы невозможно создать купол. Стены подобных построек должны были подниматься вертикально. Таких зданий в Акнашене пять. Невозможно точно утверждать, до какой отметки поднимались стены, но для обеспечения устойчивости постройки они должны были иметь небольшую высоту. В 3D-модели была принята условная высота жилых помещений 2 м. Хранилища и подсобные помещения, исходя из их функций, вероятно, были ниже жилищ. Для подсобных помещений была принята высота 1,2 м. Некоторые хранилища могли даже не иметь кровли и входных отверстий, доступ в них осуществлялся при помощи переносных деревянных лестниц. Некруглые в плане постройки, исходя из толщины стен, могли быть перекрыты только легкими деревянными конструкциями. Об окончательном объеме крыш на данном этапе исследования судить трудно. В реконструкции показаны только деревянные балки, которые служили основой для перекрытия.

Таким образом, в Акнашене есть три типа зданий: 1) круглые дома куполообразной формы; 2) постройки с нечеткими овальными формами; 3) прямоугольное здание.

Стены домов Акнашена возводились из блоков шириной 20–22 см, толщиной 7–9 см, длиной 25–50 см, толщина слоя раствора достигала 2–3 см. Стены не имели фундаментов, а возводились непосредственно на глинистой почве, на 5–10 см ниже отметки полов.

В различных частях памятника горизонты имеют разные отметки, в некоторых случаях они были раскопаны не в один год. На 3D-модели обобщены объемы каждого строительного горизонта и рассмотрены все слои вместе.

Горизонт I состоит из средневекового культурного слоя и захоронений нового времени. Горизонт достигает глубины 1,5–2,0 м. В горизонте I сохранились очаги, незначительные остатки стен. Поскольку слой не имеет отношения к неолитическому поселению, в 3D-модели он не представлен.

Горизонты II и III сильно повреждены средневековым слоем (рис. 1, 1). В этих горизонтах зафиксированы лишь фрагменты стен, очаги, структуры. Горизонт II находится на глубине 1,5–2,1 м. Здесь сохранились структуры круглой и овальной формы и остатки стен. Горизонт III расположен на глубине 1,8–2,4 м. В этом горизонте зафиксированы округлые и двухсекционные структуры, остатки стен. В реконструкции горизонтов II и III стены и другие конструкции были смоделированы в существующих объемах.

Горизонт IV (рис. 1, 2) находится на глубине 2,0–2,9 м. В нем сохранились два смежных здания. В юго-западной части раскопа находится круглая постройка диаметром 5 м — самая крупная на памятнике. В интерьере дома по оси С–Ю расположена перегородка длиной 2,2 м. Она, скорее всего, играла роль внутреннего контрфорса. В реконструкции постройка имеет высоту 4 м. С восточной стороны к круглому зданию примыкает овальная постройка размерами $2,9 \times 4,5$ м, в центре которой находится очаг в форме восьмерки. В восточной части раскопа находилось овальное пространство, огороженное стеной. Исходя из большой площади огороженного пространства ($6,3 \times 8,1$ м), стеной была ограничена открытая площадка. В этом горизонте зафиксированы также остатки отрезков стен и круглые и овальные конструкции.

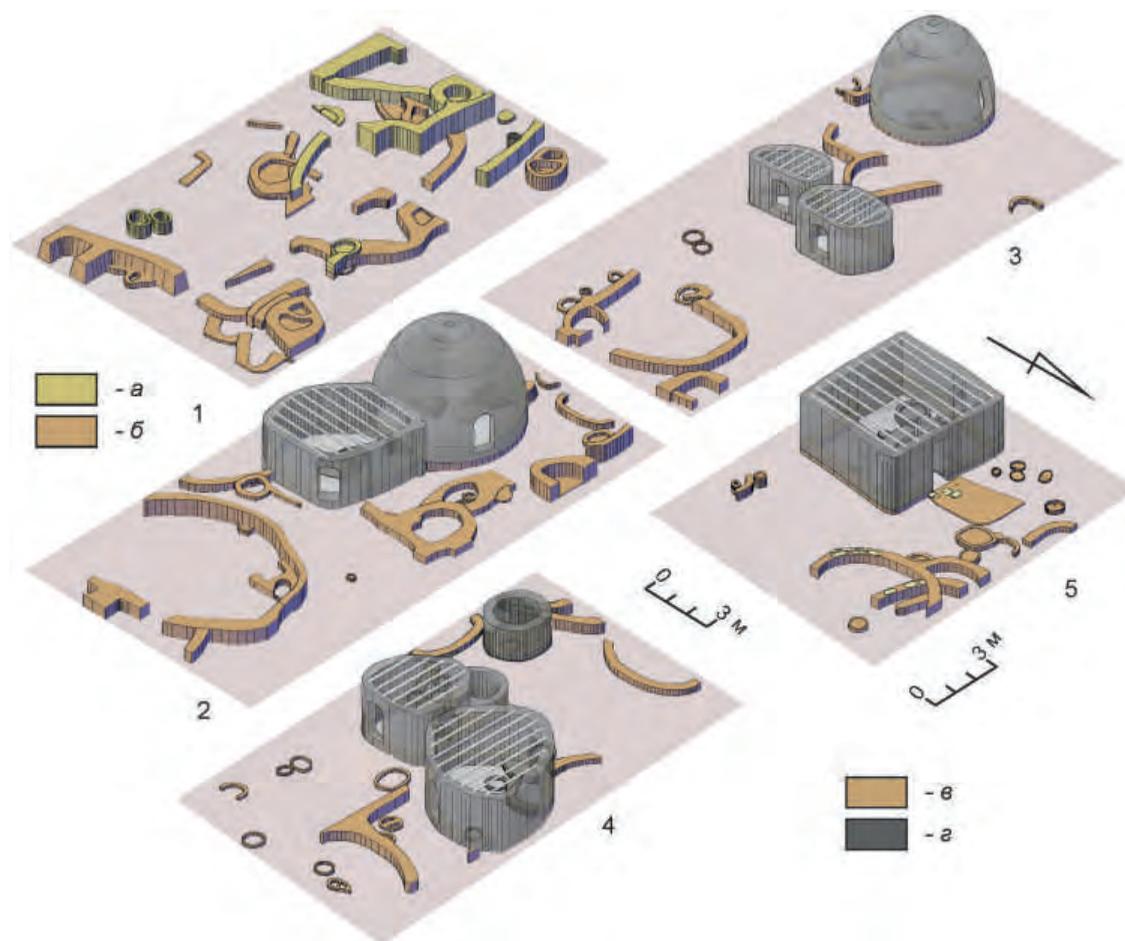

Рис. 1. Акнашен. 3D-реконструкции многослойного поселения: 1 — горизонты II и III (*a* — горизонт II; *б* — горизонт III); 2 — горизонт IV (для позиций 2–5: *в* — существующие объемы; *г* — восстановленные объемы); 3 — горизонт V-2; 4 — горизонт V-1; 5 — горизонт VII

Fig. 1. 3D- reconstruction of the multilayered settlement of Aknashen: 1 — horizons II and III (*a* — horizon II; *б* — horizon III); 2 — horizon IV (for positions 2–5: *в* — existing volumes; *г* — reconstructed volumes); 3 — horizon V-2; 4 — horizon V-1; 5 — horizon VII

Горизонт V располагался между отметками $-2,8$ м и $-4,0$ м и состоял из двух строительных слоев. В верхнем слое (горизонте V-2) (рис. 1, 3) в юго-западной части раскопа реконструировано круглое в плане здание. Диаметр здания $4,1$ м, высота $3,4$ м, в центре его находился трехсекционный очаг. В центральной части раскопа располагались две постройки размерами $1,8 \times 2,9$ и $2,2 \times 3,3$ м. Постройки имели хозяйственное назначение, так как они небольших размеров и без очагов. В восточной части раскопа расположена стена, огораживающая двор, внутренние размеры которого составляли $5,4 \times 3,5$ м. К стенке с наружной и внутренней сторон были пристроены глинобитные конструкции.

В нижнем слое (горизонте V-1) (рис. 1, 4) в центральной части раскопа зафиксированы два здания. С северной стороны находилась овальная в плане постройка размерами $5,4 \times 4,3$ м. Южнее располагалось здание сложной конфигурации, состоявшее из двух подцилиндрических объемов. К зданию размерами $3,4 \times 3,3$ м с западной стороны было пристроено подсобное помещение размерами $2,1 \times 1,6$ м. В юго-западной части раскопа находилась круглая хозяйственная постройка диаметром $2,5$ м. В восточной части раскопа сохранилось множество глинобитных структур. В западной части выявлены фрагменты стен, которые выходили за пределы раскопа.

Горизонт VI — глинистый песчаный слой с незначительным количеством артефактов. Этот слой отражает трансгрессию палеоозера, в результате которой население покинуло поселение. После регрессии озера последовало возвращение людей на поселение (Badalyan, Harutyunyan 2021). Слой не содержит построек, поэтому в 3D-модели не представлен.

Горизонт VII расположен между отметками –3,8 и –4,4 м (рис. 1, 5). Горизонт раскопан не до конца. В юго-западном углу раскопа находилось почти квадратное в плане здание размерами 4,2 × 4,1 м. На северном фасаде этого здания имелось дверное отверстие. Внутренние перегородки длиной 1,3 и 1,6 м формировали небольшую прихожую. В северной части раскопа сохранились также части стен круглых сооружений и глинобитные структуры круглой и овальной формы.

Рассматривая все слои памятника, можно отметить сходство в организации пространства между некоторыми строительными горизонтами. В юго-западном углу раскопа в горизонтах IV, V-2, V-1 располагались круглые в плане строения. В горизонте VII на этом месте находилась прямоугольная постройка. В горизонтах V-2 и V-1 в центральной части раскопа зафиксированы два здания. Складывается впечатление, что в этой части горизонта V-2 повторены конфигурации зданий предыдущего горизонта, но более скромных размеров. В горизонтах IV и V-2 в восточной части раскопа находились огороженные открытые площадки. Эти закономерности могут свидетельствовать о некоей преемственности в планировке поселения.

Литература

- Джавахишвили 1973 — Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 374 с.
- Avetisyan et al. 2021 — Avetisyan H., Gnuni A., Mkrtchyan L., Bobokhyan A. Computer modeling in archaeology: The case of Bronze and Iron age monumental constructions of Armenia // Bulletin of the Institute of Oriental Studies. Yerevan: Institute of Oriental Studies National academy of sciences of the Republic of Armenia, 2021. Т. 1, no. 1. P. 10–22. DOI: 10.52837/27382702-2021-34.1-9.
- Badalyan, Harutyunyan 2021 — Badalyan R., Harutyunyan A. The settlement of Aknashen: stratigraphy and architecture // Ibid. P. 9–39.
- Badalyan et al. 2021 — Badalyan R., Chataigner C., Harutyunyan A. Conclusion: The Neolithic of the Ararat valley and the South Caucasus // Badalyan R., Chataigner C., Harutyunyan A. (eds.). The Neolithic Settlement of Aknashen. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2021. P. 255–282.
- Baudouin 2019 — Baudouin E. Rethinking architectural techniques of the Southern Caucasus in the 6th millennium BC: A re-examination of former data and new insights // Paléorient. 2019. Vol. 45, no. 1. P. 115–150.
- Harutyunyan 2021 — Harutyunyan A. The pottery of Aknashen // Badalyan R., Chataigner C., Harutyunyan A. (eds.). The Neolithic Settlement of Aknashen. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2021. P. 82–106.
- Karakhanyan et al. 2021 — Karakhanyan A., Sahakyan L., Avagyan A., Iordanidis A., Stalyan T. Tectonic impact on the Ararat Depression during the Late Neolithic: the example of the Aknashen settlement // Ibid. P. 47–61.
- Mellaart 1981 — Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson Ltd, 1981. 300 p.
- Ter-Minasyan 2014 — Ter-Minasyan L. Gлина w architekturze armenskiej // Szkło i Ceramika. 2014. No. 3. P. 20–23.

3D-MODELING OF THE NEOLITHIC SITE OF AKNASHEN

L. R. TER-MINASYAN

Keywords: *South Caucasus, Armenia, architecture, archaeology, Neolithic, settlement, 3D-reconstruction, multilayered site, cob work, round buildings.*

Aknashen is a Neolithic settlement in the Ararat valley of Armenia. It is dated to the VI mil. BC and belongs to the Aratashen-Shulaveri-Shomutepe culture. Aknashen has seven building horizons, the total thickness of the cultural layer is 4,75 m. The buildings are made of pise, the thickness of their walls is 30–35 cm. The preserved height of the walls is 30–70 cm. The 3D-model presents a generalized reconstruction of the building horizons of Aknashen. The buildings and constructions with clearly traced contours have been reconstructed in full. At Aknashen we have buildings of three types: 1) round in plan, 2) vaguely oval in plan, 3) one construction is rectangular in plan. The round buildings have been modeled as dome-shaped. The models of vaguely oval constructions have vertical walls. The combined analysis of the site layers allows one to note certain similarity in spatial organization of some building horizons. This 3D model is the first attempt to reconstruct the Aknashen buildings. Due to the shortage of information some of its parameters should be considered provisional and subject to future corrections.

НАБЛЮДЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК В УРОЧИЩЕ ЛУННАЯ ПОЛЯНА (АРХЫЗ, КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)¹

А. В. СУББОТИН, А. К. КАСПАРОВ, Д. Н. ФЁДОРОВА²

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Карачаево-Черкесская Республика, урочище Лунная Поляна, каменно-земляные насыпи, концевые морены, остеологические материалы, керамика, каменные орудия труда, сезонное долговременное пастушеское поселение.*

В статье проанализированы отдельные материалы, полученные в 2020 г. при раскопках каменных насыпей в урочище Лунная Поляна (Архыз, Карачаево-Черкесская Республика, Северный Кавказ), — остеологическая коллекция, керамика и каменные орудия. Все эти категории материалов являются характерными находками на поселениях. Преобладающее количество фрагментов костей принадлежит домашнему рогатому скоту, что свидетельствует об отгонном скотоводстве. Каменные орудия (зернотерки, терочки) могли использоваться для помола злаков и других продуктов. Сильно фрагментированная керамика, датируемая от энеолита до периода бытования сарматской культуры, обнаружена по всей площади и на разной глубине в большинстве каменных насыпей. Предположительно здесь находилась долговременная, ежесезонно обитаемая стоянка пастухов, выпасавших в долине мелкий и крупный рогатый скот. В долине располагались холмы естественного происхождения, по-видимому, концевые морены ледника, формирование которых происходило естественным путем в результате селевого или оползневого воздействия. Скальный грунт, который неоднократно перемещался по территории этого сезонно обитаемого урочища вместе с находящимися в нем фрагментами керамики и костей, и составлял определенный объем этих каменных образований.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-84-91

В конце 2020 г. сотрудники Северокавказской экспедиции ИИМК РАН проводили спасательные раскопки в урочище Лунная Поляна недалеко от п. Архыз Зеленчукского района Карачаево-Черкесской Республики РФ. В этой межгорной долине были исследованы 39 каменных курганоподобных насыпей и сооружений. Они были атрибутированы авторами

¹ А. В. Субботин статья подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014), А. К. Каспаров — по теме «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013), Д. Н. Фёдоровой — по теме «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

² А. В. Субботин — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, А. К. Каспаров — Лаборатория археологической технологии, Д. Н. Фёдоровой — Экспериментально-трасологическая лаборатория, все — ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

в 2016 г. как объекты археологического наследия, включены в состав списка из 14 памятников, содержащих 34 кургана и 5 каменных сооружений, и внесены в Перечень выявленных объектов культурного (археологического) наследия.

Раскопанные каменные насыпи представляли собой образования, более всего похожие на остатки ледниковых так называемых стадильных морен, которые в некоторых случаях использовались для погребения умерших. В большинстве каменных насыпей обнаружены многочисленные артефакты (фрагменты керамики, кости животных, каменные орудия труда), но человеческих останков они не содержали. По материалам раскопок насыпей затруднительно высказать однозначное суждение об их значении в жизни древних сообществ, обитавших на этой территории. Предположительно формирование насыпей могло происходить либо естественным (геоморфологический фактор — оползни, сели), либо искусственным (антропогенный фактор) путем³. В некоторых раскопанных насыпях обнаружены весьма яркие находки погребально-ритуального характера: железное и бронзовое оружие (мечи, копья, стрелы, дротики), украшения (медальоны, бусы, височные кольца, браслеты, фибулы), части конской упряжи (удила, псалии, другие детали упряжи), сосуды в развале. Публикация этого материала заслуживает отдельного издания.

Настоящая статья посвящена характерным для поселений трем категориям находок.

Остеологическая коллекция

Остеологические материалы, обнаруженные в процессе раскопок каменных насыпей в уроч. Лунная Поляна, имеют неясный генезис. Однако тафономический облик костного материала позволяет сделать некоторые предположения (см. далее). Состав остеологических остатков из насыпей Лунной Поляны приведен в табл. 1.

Таблица 1. Фаунистический состав костных остатков из группы памятников в уроч. Лунная Поляна

Вид	Кол-во, фрагм.	Доля, %
Кабан (<i>Sus scrofa ferrus</i>)	2	1,3
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	8	5,1
Корова (<i>Bos taurus</i>)	87	55,8
Коза (<i>Capra hircus</i>)	3	1,9
Овца (<i>Ovis aries</i>)	8	5,1
Овца или коза (<i>Ovis et Capra</i>)	44	28,2
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	4	2,6
Итого	156	100,0
Неопределимые обломки	992	—

Эти данные показывают, что, во-первых, количество определимых остатков в коллекции по сравнению с неопределимыми фрагментами крайне невелико, и, во-вторых, практически все они являются остатками домашних животных. Разница между количеством определимых и неопределимых костей обусловлена очень высокой степенью фрагментированности материала. В кубическом дециметре помещается порядка 200–250 костных обломков, что является довольно высокой степенью раздробленности. Для кухонных отбросов этот показатель составляет обычно от 20 до 50 единиц (см.: Антипина 1999).

³ Авторы настоящей публикации склоняются к мнению о естественном формировании этих насыпей.

Столь малое количество костей, определимых до вида, не позволяет достоверно судить о типе хозяйства древних обитателей памятника. Однако даже на основе этого небольшого по объему материала можно сделать некоторые выводы. Так, столь высокая раздробленность остатков свидетельствует, что материал мог долгое время находиться просто под ногами обитавших в долине людей и крошиться в результате механического воздействия, а значит (и это самое важное), он не был помещен в насыпи специально и, в отличие от артефактов, попал туда случайно вместе с грунтом и камнями, из которых состояли насыпи. Некоторые кости имеют несомненные следы собачьих зубов, то есть они валялись на земле, и собаки имели к ним свободный доступ. Следовательно, это не следы каких-то сакральных действий, а бытовой мусор. Несколько костей собаки присутствуют в коллекции. Судя по величине сохранившегося нижнего первого моляра (хищнического зуба), особь была размером с мелкую лайку.

Видовой состав фаунистической коллекции позволяет высказать некоторые суждения. Остатков лошади почти нет. Однако в насыпи № 17 памятника Лунная Поляна XI обнаружены многочисленные костные обломки, явно принадлежащие одной особи. Можно полагать, что это остатки скелета лошади, но череп отсутствует, мало позвонков и ребер, немногочисленны и фрагменты концевых частей конечностей. В описи остеологических материалов это скопление учтено как одна единица. По длине одной левой большой берцовой кости (370,0 мм), по методике В. О. Витта (1952), можно установить высоту в холке захороненной особи — около 1,5 м. По классификации того же автора, ее размер больше среднего. Это не выглядит необычным, поскольку домашние лошади I тыс. до н. э. в Кавказском регионе были довольно крупными. Так, на поселении VII в. до н. э. кобанской культуры Верхний Куркужин в Кабардино-Балкарии высота лошадей в холке по двум задним метаподиям составляла около 150 и 140 см. Отношение ширины диафиза к ее длине у левой задней метаподии лошади из насыпи № 17 составляет 12,6 %. Эта лошадь довольно тонконогая, приспособленная к быстрым аллюрам. У лошадей из Верхнего Куркужина это отношение составляет 12 и 12,4 %. Таким образом, представлен некий морфологический тип лошади первой половины — середины I тыс. до н. э., со временем исчезнувший. У меотом римского времени Тамани, например, лошади по классификации В. О. Витта (1952) ниже среднего размера, с довольно массивными конечностями. Такая порода лошадей центральноазиатского типа появилась в регионе, вероятно, вместе с пришедшими из Сибири скифами.

Трудно сказать, с какой целью умершую лошадь (или части ее туши) поместили в каменную насыпь и было ли это некое сакральное действие или просто пастухи захоронили павшее животное, лишь прикопав его в естественной каменно-земляной насыпи.

Подавляющее же количество костных остатков принадлежит корове и мелкому рогатому скоту. Если предполагать, что животных пригоняли сюда для выпаса, то основное поселение должно было находиться где-то неподалеку, поскольку стада коров, в отличие от овечьих отар, на большие расстояния обычно не кочуют. Однако мы видим, что остатков домашних свиней в материале нет. Свинья вообще не способна на перекочевки, и потому наличие ее костей в материалах всегда служит показателем сугубой оседлости населения, что не раз отмечалось авторами (см.: Антипина 2003). Предположительно обитателями долины уроч. Лунная Поляна во все периоды были сообщества, основой хозяйства которых являлось отгонное скотоводство. Оседлым меотам Приазовья и Таманского полуострова домашняя свинья была хорошо известна (см.: Мягкова 2009; 2017). Если бы это было постоянно обитаемое поселение, то кости свиней вполне могли составлять определенную долю в материале. Но их нет, и, вероятно, это был некий временный лагерь, куда его обитатели приходили из мест своего основного проживания на время сезонного летнего выпаса.

О времени года, когда лагерь был обитаем, можно судить лишь по паре молочных зубов. В насыпи № 2 памятника Лунная Поляна XII обнаружен третий молочный моляр коровы. По степени стертости этого зуба, вернее по отсутствию таковой, видно, что животному было не больше месяца. Значит, смерть наступила весной. В кургане 4 этого же могильника найден аналогичный зуб овцы. Исходя из высоты его коронки, можно предполагать, что животное погибло в возрасте примерно шести месяцев, то есть в конце лета — начале осени.

Конечно, двух зубов мало для всеобъемлющих выводов, но оба эти экземпляра не противоречат гипотезе, что это была стационарная стоянка пастухов, обживаемая в весенне-летнее время. Помимо трех основных видов домашних животных вместе с людьми на поселении обитали также лошади и собаки. Однако и те, и другие были немногочисленны.

Коллекция каменных орудий

В коллекции из 11 орудий из зернистых пород камня в уроч. Лунная Поляна по результатам трасологических исследований выделяются четыре группы инструментов.

1. Зернотерка (нижняя терочная плитка/зернотерка и курант) из кургана 2. В качестве нижней терочной плиты использована плитчатая отдельность сырья толщиной 52 мм, которая может быть устойчиво расположена в горизонтальной плоскости. Фрагментирована поперечно, полная длина ее не восстанавливается, но она была примерно в два раза больше длины обломка (то есть около 300 мм). Ширина зернотерки 178 мм. Рабочая поверхность нижней плиты заглажена и выровнена от интенсивной работы по помолу злаков или иных растительных крахмалосодержащих продуктов. Для усиления абразивных качеств поверхность покрыта насечками («покована»). Такой прием подправки рабочей поверхности зернотерок часто встречается в материалах разного времени и объясняется тем, что для помола пищевых продуктов использовались породы камня, которые не выкрашиваются при работе. В противном случае, например, при использовании песчаника, в измельченный продукт попадет каменная крошка, что плохо сказывается на состоянии зубов тех, кто будет есть приготовленную из этих продуктов пищу. В данном случае использованы породы, устойчивые к выкрашиванию, а они, заглаживаясь от работы, теряют абразивные качества. «Поковка» — это способ восстановить шероховатость поверхности. Здесь «поковка» имеет вид коротких линейных насечек, следовательно, плитка насакалась при помощи заостренного предмета наподобие долота. Атрибуция предмета как зернотерки основана на макропризнаках (форме, истертости, выровненности, «поковке»), аналогиях по этим признакам из других поселений, где такие находки многочисленны, и на том, что предмет имеет функциональную пару — верхний терочный камень (курант).

Подтреугольный в поперечном сечении курант имеет сохранившуюся длину 136 мм, ширину 112 мм и толщину 57 мм. Как и нижняя плитка, курант сломан поперек длинной оси предмета, его полная длина должна соответствовать ширине нижней плитки (или чуть менее), то есть составлять около 170 мм. Следов формообразования не отмечается, использован валун, природная форма которого (подтреугольная в сечении) позволяла удобно удерживать его при возвратно-поступательной работе на плоскости. Сырье для куранта отлично от того, которым представлена нижняя плита, оно менее плотное и прочное, средней зернистости, слабошероховатое, но не подверженное выкрашиванию, состоит из кристаллов темно- и светло-серого цвета. Рабочая поверхность заглажена, неглубокие линейные следы, также заглаженные, ориентированные поперек длинной оси камня, показывают возвратно-поступательную кинематику, вполне ожидаемую при использовании таких курантов. Поверхность куранта не насакалась.

2. Ударный инструмент/отбойник из кургана 2. Шарообразная форма и локализация следов от ударов (в центре двух слегка уплощенных поверхностей) не соответствуют обычным признакам отбойников, по крайней мере, каменного века, поэтому можно

предположить, что этим инструментом не пользовались для краевого расщепления камня. Либо это было контрударное расщепление камня на наковальне, либо иная работа с твердым материалом, которая оставила на поверхностях этого инструмента небольшие участки забитости с острыми краями лунок. Следов металла, краски, руды или нагрева не отмечается, поэтому остается исходить только из наблюдения о характере забитости и ее локализации. В таком случае наиболее непротиворечивой интерпретацией будет «ударный инструмент». В качестве альтернативной гипотезы можно предположить, что предмет мог быть не инструментом, а начальной формой изготовления какого-то предмета с симметричными чашеобразными углублениями или даже отверстием в центре.

3. Небольшие ложила (исходя из опубликованных аналогий и комплекса следов, а также контекста обнаружения, вероятно, для керамики) из курганов 3, 6. Ложила представляют собой небольшие объемные галечки весом от 72 до 130 г, различающиеся по форме: часть из них имеют естественную вогнутую поверхность, а часть — либо уплощенные, либо слабовыпуклые поверхности. Породы использованы разные, более и менее шероховатые. Поверхность не всех из этих галек позволяет оценить следы на них: так, две галечки, скорее всего, были нагреты и имеют не только почернение, но и выкрошенность поверхности. Однако часть этой группы имеет заглаженную поверхность с тонкими царапинами. Наиболее выразительны заглаженность и царапины на вогнутых поверхностях двух галек. В этом случае мы также можем говорить о том, что люди подбирали природные формы камней, которые подходили для их будущего назначения: лощение выпуклых стенок сосудов, вероятно, было удобно выполнять такой вогнутой галечкой (можно предположить, что гальки с выпуклой поверхностью лучше подходили для выглаживания внутренних поверхностей сосудов). Описание подобных предметов можно найти в коллекциях поселений бронзового века (например, Кангурттут на юго-западе Таджикистана, см.: Скаун 2008).

4. Терочные камни/абразивы с признаками переиспользования имеются в некоторых каменных насыпях, но наиболее многочисленны в каменной насыпи 2. В качестве абразивов использовались шарообразные и уплощенные гальки серого камня, по свойствам напоминающего кварцитопесчаник — довольно прочный, при этом умеренно шероховатый на сломе и в окатанном состоянии. Вес всех этих предметов колеблется от 1 до 2 кг. На всех камнях этой группы, прослеживается следующая последовательность событий.

1-й этап — использование в качестве терочников/абразивов на плоскости другого камня. Что именно обрабатывали этими камнями на первом этапе их функционирования, без полного контекста и экспериментов определить сложно, поэтому применен принцип «от обратного». Скорее всего, они использовались для абразивной обработки органического материала в паре с другим камнем — нижней плиткой; эта работа приводила к сильному истиранию поверхностей, при этом на них не образовывались линейные следы, хотя в некоторых случаях отмечены заглаженные выбоинки в центре поверхностей («поковка?»). Чаще всего такой характер изнашивания соотносится с обработкой зерна, семян диких злаков или иных растительных ресурсов, которые перерабатываются в больших количествах. Однако не следует забывать, что достоверный курант — пара зернотерки, представленный в этой коллекции, имеет иные пропорции и не был впоследствии переиспользован, что вынуждает осторожно относиться к определению функции этих предметов на первом этапе их функционирования как инструментов для помола злаков или иных пищевых продуктов. Во всяком случае можно уверенно говорить, что эти инструменты точно не использовались: для растирания краски или руды; в качестве абразивов или гладилок по металлу (нет желобков-проточек, нет даже мельчайших следов металлов). Не исключено их применение для пищевых ресурсов, однако зернотерки в этой коллекции другие.

Предположение о выглаживании и размягчении кож и шкур также не следует упускать из вида, хотя в отсутствие сравнения с экспериментальными эталонами это не более чем

вероятное суждение. Один предмет (отличный и по некоторым другим свойствам) из насыпи объекта 1 имеет не совсем ровную поверхность и, возможно, использовался в качестве абразива для твердого органического сырья (кость, рог?), от чего на поверхности образовались разнонаправленные желобки, которые затем поверх были затерты и заглажены (вероятно, работа инструментом уже в другом качестве).

2-й этап — нагрев, отчего поверхность некоторых предметов потемнела, других — поменяла цвет на красноватый, третьих — повреждена десквамацией (термическим шелушением). Прослеживается в виде неравномерных, иногда четко очерченных изменений поверхностей. Там, где термические повреждения явно различимы, они имеют разные проявления: в каких-то случаях это покраснение части поверхности, то есть нагрев без прямого контакта с огнем, наподобие того, что происходит в сауне; в каких-то случаях почернение, то есть имел место непосредственный контакт с огнем; в отдельных случаях термическое шелушение разрушило истертые поверхности и они стали неровными, шероховатыми. Зачем было нагревать терочные камни/абразивы — непонятно, но, по крайней мере, можно обозначить это событие (возможно, случайного характера — сезонный пожар на заброшенном поселении?) как границу между двумя этапами функционирования этих предметов.

3-й этап, имевший место после перерыва в использовании как абразивов, — оббивка мелкими сколами по периметру поверх изменившихся от нагрева поверхностей и формирование граненых боковых поверхностей пикетажем. На отдельных предметах видно, что эти граненые поверхности затем использовались как абразивы, причем наиболее вероятно по твердому органическому материалу (кости, рогу, дереву) или мягким породам камня (сланцу, тальку и т. п.). Судя по характеру поверхностей, созданных пикетажем, они находятся в разной степени изношенности: одни имеют огранки, шероховатые; другие имеют четко выраженные грани (функционально они могут быть площадками для абразивной работы, а могут и не иметь практического смысла) и также шероховатые; третьи — граненые и уже заглаженные, что позволяет предполагать практическое назначение этих граней.

Однако обгоревшие поверхности (некогда терочные поверхности 1-го этапа функционирования орудий) могут быть неинформативны, а пикетажно-абразивные поверхности в процессе самой абразивной работы могли самообновляться за счет выкрашивания камня.

Обобщая сказанное, можно допустить, что терочные камни участвовали в каком-то производстве, не связанном с металлургией и краской, затем были оставлены на какое-то время (возможно, специально были нагреты — уложены рядом с огнем или печью), после чего были переоформлены и использованы повторно уже как абразивы.

Коллекция керамики

При раскопках курганоподобных каменных насыпей было обнаружено свыше 3500 орнаментированных и неорнаментированных мелких фрагментов керамики. По характеру теста, профилям венчиков и орнаменту эта керамика может быть датирована от энеолита до периода бытования сарматской культуры⁴. Участки расположения керамики (от единичных экземпляров до 500–800 фрагментов — табл. 2) обнаружены по всей площади раскопок большинства каменных насыпей и на разной глубине от вершин курганоподобных насыпей. Почти половина всех фрагментов керамики найдена в насыпях пяти объектов в самой нижней и пологой части долины.

⁴ Авторы выражают признательность А. Д. Резепкину, просмотревшему эту весьма немалую коллекцию.

Таблица 2. Распределение обломков керамики по объектам, исследованным в уроч. Лунная Поляна

Памятник	Объект	Археологический объект	Керамика, фрагм.	Памятник	Объект	Археологический объект	Керамика, фрагм.
1	1	Лунная Поляна III, об. 1	209	7	21	Лунная Поляна XI, об. 11	13
	2	Лунная Поляна III, об. 2	534		22	Лунная Поляна XI, об. 12	1
	3	Лунная Поляна III, об. 3	365		23	Лунная Поляна XI, об. 13	19
	4	Лунная Поляна III, об. 4	716		24	Лунная Поляна XI, об. 15	–
	5	Лунная Поляна III, об. 11	–		25	Лунная Поляна XI, об. 16	–
	6	Лунная Поляна III, об. 12	–		26	Лунная Поляна XI, об. 17	–
2	7	Лунная Поляна IV, об. A11	3	8	27	Лунная Поляна XII, об. 1	1
	8	Лунная Поляна IV, об. A17	4	9	28	Лунная Поляна XIII, об. 2	12
3	9	Лунная Поляна VI, об. 1	216		29	Лунная Поляна XIII, об. 4	117
					30	Лунная Поляна XIII, об. 5	56
4	10	Лунная Поляна VIII, об. 2	4		31	Лунная Поляна XIII, об. 6	4
	11	Лунная Поляна VIII, об. 3	2	32	Лунная Поляна XIII, об. 7	–	
5	12	Лунная Поляна IX, об. 1	–	10	33	Лунная Поляна XIV, об. 7	–
6	13	Лунная Поляна X, об. 1	–		34	Лунная Поляна XIV, об. 8	–
				11	35	Лунная Поляна XV, соор. 10	–
7	14	Лунная Поляна XI, об. 1	–	12	36	Лунная Поляна XVI, соор. 1	–
	15	Лунная Поляна XI, об. 2	11	13	37	Лунная Поляна XVII, соор. 1А	–
	16	Лунная Поляна XI, об. 3	3		38	Лунная Поляна XVII, соор. 1Б	–
	17	Лунная Поляна XI, об. 4	9	14	39	Стена Лунная Поляна XVIII	54
	18	Лунная Поляна XI, об. 6	365		Всего	3548	
	19	Лунная Поляна XI, об. 9	825				
20	Лунная Поляна XI, об. 10	5					

Эта категория находок свидетельствует о длительном существовании в этом урочище поселения, скорее всего, временного, сезонного, пастушеского, поскольку ни в одном из 39 объектов раскопок не зафиксировано литологически выраженного культурного слоя.

Можно полагать, что мы имеем дело с долговременной (начиная с энеолита), но, тем не менее, ежесезонно обитаемой стоянкой пастухов, выпасавших в долине мелкий и крупный рогатый скот. Основное место их проживания находилось, видимо, не очень далеко. На протяжении веков в грунте накапливались обломки костей домашних животных и фрагменты посуды. В долине располагались гряды или холмы естественного происхождения, по-видимому, концевые морены ледника, который покрывал долину в более ранние эпохи. Возможно, обитатели использовали находящиеся в долине каменные образования для каких-то культовых целей, а в ряде случаев — для погребения умерших. Формирование

этих каменных навалов, располагающихся на склоне и дне долины Лунная Поляна, происходило естественным путем, так как территория расположения раскопанных каменных насыпей время от времени испытывала весьма редкое в регионе Архыза селевое или оползневое воздействие, что приводило к сильной деформации и дополнительной аккумуляции камня вследствие природных геоморфологических процессов. Поэтому скальный грунт, очевидно, не раз перемещаемый по территории данного сезонно обитаемого урочища, вместе с фрагментами керамики и костей, которые в нем находились, и составлял определенный объем данных каменных образований.

Литература

- Антипина 1999 — Антипина Е. Е. Костные остатки животных из поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // РА. 1999. № 1. С. 103–116.
- Антипина 2003 — Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Антипина Е. Е., Черных Е. Н. (ред.). Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.
- Витт 1952 — Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. 16. С. 163–205.
- Мягкова 2009 — Мягкова Ю. Я. Анализ остеологического материала из меотских поселений Нижнего Дона // Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. (отв. ред.). Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2009. С. 232–236.
- Мягкова 2017 — Мягкова Ю. Я. Результаты определения костных фрагментов из поселений на территории Краснодарского края // Археологические записки. Ростов н/Д.: Донское археологическое общество; ООО «Альтаир», 2017. Вып. 9. С. 382–385.
- Скакун 2008 — Скакун Н. Н. Каменные орудия труда на поселении Кангурттут // *Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М.: Институт востоковедения РАН, 2008. С. 429–454.

OBSERVATIONS ON THE RESULTS OF ANALYSIS OF THE MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS AT THE LUNNAYA POLYANA AREA (ARKHYZ, KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC, NORTH CAUCASUS)

A. V. SUBBOTIN, A. K. KASPAROV, D. N. FEDOROVA

Keywords: *North Caucasus, Karachay-Cherkess Republic, Lunnaya Polyana area, stone-earth banks, end moraines, osteological materials, pottery, stone tools, seasonal long-term settlements.*

The paper analyzes several groups of materials obtained in 2020 in the course of excavations of stone banks in the Lunnaya Polyana area (Arkhyz, Karachay-Cherkess Republic, North Caucasus). The groups under consideration include faunal remains, ceramics and stone tools. All these categories of finds are characteristic of settlements. The faunal remains are dominated by cattle bones, which testifies to distant-pasture husbandry. The stone tools (mealing stones, mortars) could have been used to mill cereals and other products. Heavily fragmented pottery, spanning the period from the Eneolithic to the Sarmatian time, was found all over the studied area and at different depths in most stone banks. Presumably, the banks in question mark the location of a seasonal long-term camp used by shepherds who pastured their sheep and cattle in the valley. The valley comprises hills of natural origin, apparently end moraines of a glacier. They seem to have been the source of the rocks which partly form the stone banks.

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В. И. ДОЛБЕЖЕВА (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ)

Е. Е. ВАСИЛЬЕВА, И. Ж. ТУТАЕВА, С. В. ХАВРИН¹

Ключевые слова: *Центральный Кавказ, Северная Осетия, с. Кобан, средний бронзовый век, металлопроизводство, глиняная литейная форма.*

В статье рассматривается коллекция глиняных литейных форм из с. Кобан, переданная в 1882 г. В. И. Долбежевым в Петербург и хранящаяся сейчас в Государственном Эрмитаже. Коллекция включает в себя две парные литейные формы для отливки проушных топоров и заготовок булавок, а также односторчатую литейную форму для отливки заготовок трапециевидной формы, предположительно тесел. Хотя собрание известно в отечественной литературе, его новая полная публикация основана на применении современного опыта изучения и методов исследования. На основе проделанного анализа высказано предположение, что собрание литейных форм может представлять собой единый комплекс — инвентарь погребения литейщика.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-92-104

*Статья посвящена светлой памяти
дорогого Владимира Яковлевича Кияшко
(27.10.1937–07.09.2021)*

Материалы бронзового века Северного Кавказа приобрели широкую известность прежде всего благодаря своим великолепным по разнообразию и оформлению металлическим изделиям. В связи с этим достаточно вспомнить бронзы майкопской, новосвободненской, кобанской и других культур. Кажется удивительным, что литейных форм для производства бронзовых изделий на всей территории Кавказа найдено очень немного. Поэтому каждая такая находка привлекает к себе пристальное внимание. Кроме того, будет не лишним обратить внимание и на старые коллекции, публикации которых уже сильно устарели или являются недостаточно информативными. К таковым относятся несколько глиняных литейных форм, происходящих из коллекции В. И. Долбежева и обнаруженных в конце позапрошлого века при невыясненных обстоятельствах близ с. Кобан Пригородного района Республики Северная Осетия — Алания (рис. 1).

Несмотря на то что в литературе эти вещи уже освещались, авторы посчитали целесообразным вновь обратиться к их публикации, используя накопленный опыт в исследовании материалов такого рода.

¹ Е. Е. Васильева и И. Ж. Тутаева — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕС), С. В. Хаврин — Отдел научно-технической экспертизы (ОНТЭ), все — Гос. Эрмитаж; Санкт-Петербург, 191181, Россия.

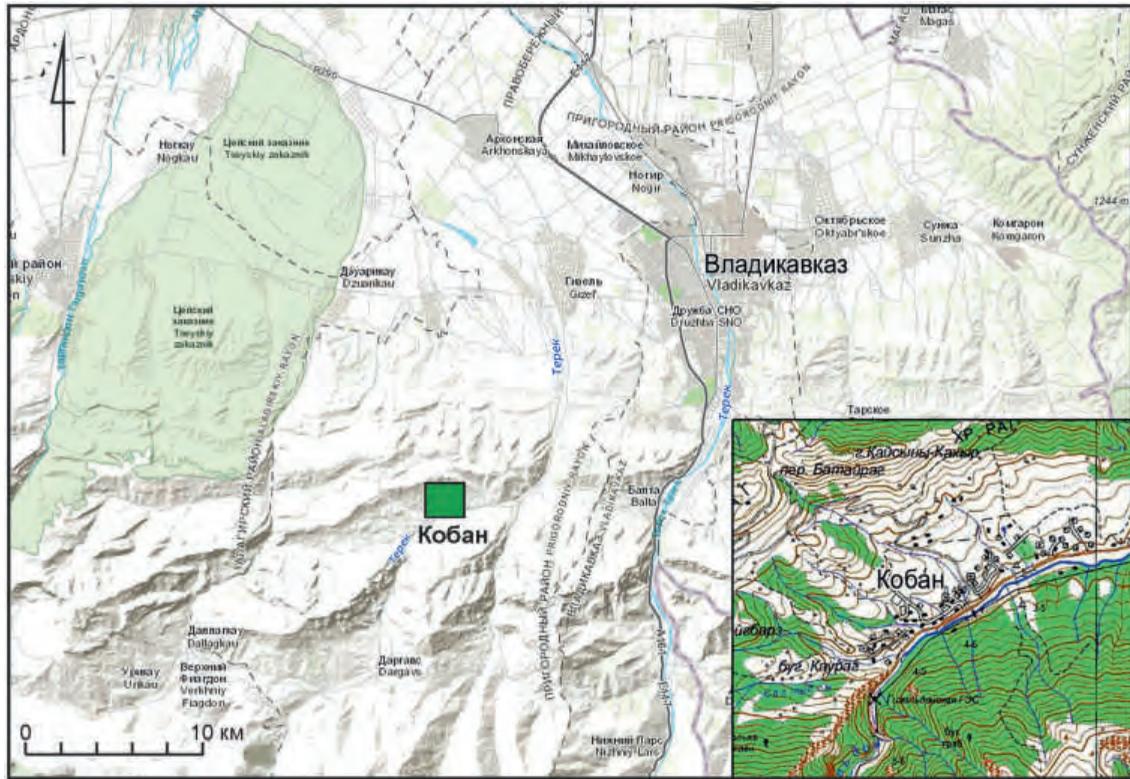

Рис. 1. Место обнаружения литейных форм близ с. Кобан

Fig. 1. Place where the Koban casting molds were found

Итак, речь пойдет о пяти глиняных створках, четыре из которых представляют собой две парные литейные формы. На данный момент все они находятся в хранении Государственного Эрмитажа — в фондах и на экспозиции отдела археологии Восточной Европы и Сибири².

Описание, аналогии, предыдущие упоминания в специальной литературе

Литейная форма для отливки проушных топоров (рис. 2; 3, 1–4). Инв. № 145-3. Сложенная воедино форма представляет собой вытянутую конструкцию подпрямоугольных очертаний. Она состоит из двух створок, где на широкой выровненной стороне каждой из них в продольном направлении размещается негатив проушного топора. Во время использования створки формы плотно соединялись вместе так, чтобы негативы точно совпадали друг с другом, а заливка металла происходила через широкий литник в виде открытой щели, располагающейся с торцевой стороны, а именно со стороны спинки негатива топора (рис. 2, 3). Отверстие для проушины формировалось с помощью глиняного *сердечника*³, для которого в самой форме в нижней ее части имелся специальный паз полуцилиндрической формы.

Размеры изделия. *Створка 1* (правая) (рис. 2, 1): общая длина — 21,15 см; максимальная ширина — 8,3 см; максимальная толщина — 5,35 см; ширина негатива под сердечник

² Номер музейной коллекции 145. Информация актуальна на сентябрь 2022 г.

³ Цилиндрический стержень, который использовался для формирования отверстия проушины в готовом изделии. После отливки он удалялся путем выдалбливания. Иногда его называют вкладышем, «шишкой» и т. п.

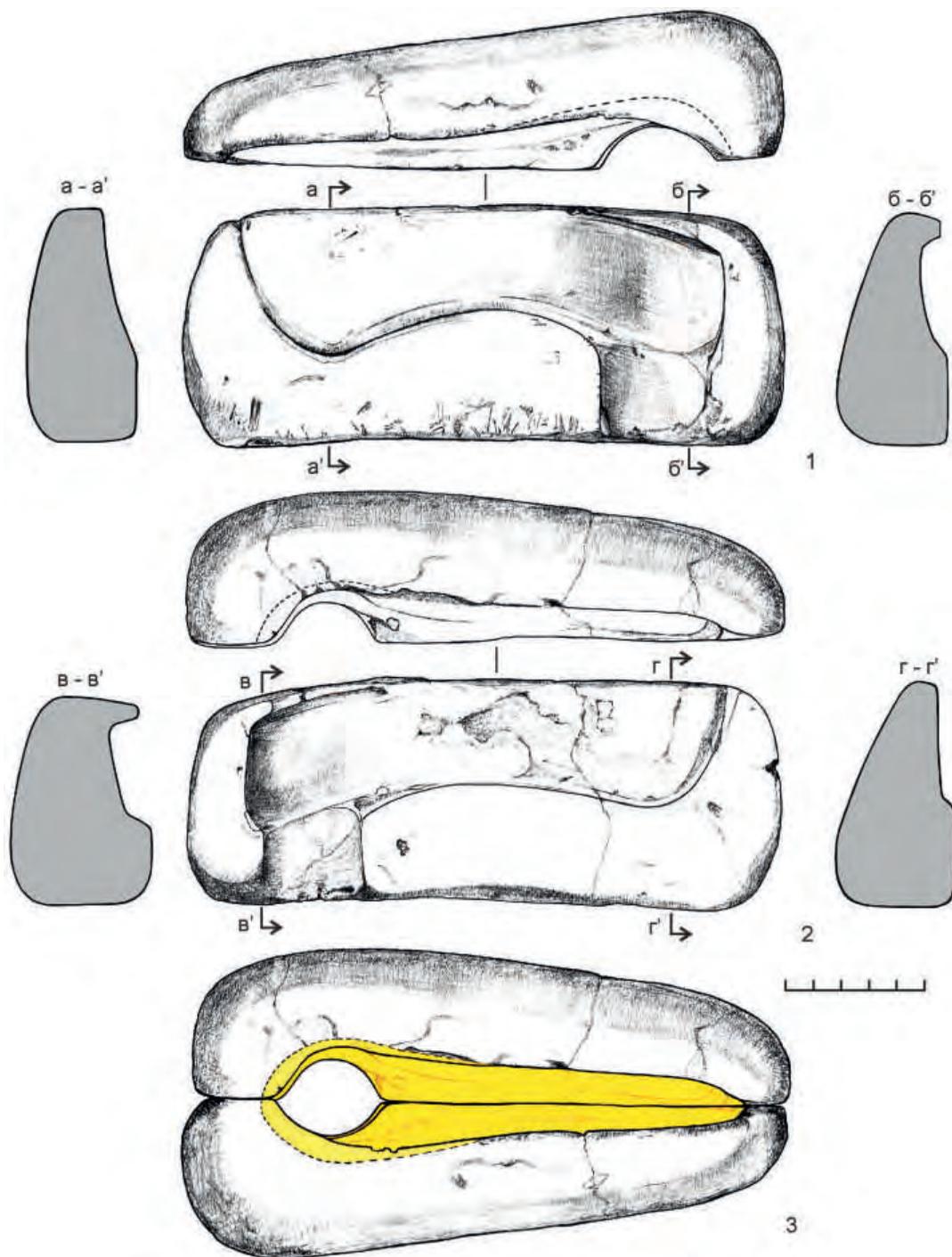

Рис. 2. Створки литейной формы для отливки проушного топора: 1 — правая створка; 2 — левая створка; 3 — реконструкция открытого литника в виде широкой щели. Глина (рисунки И. Ж. Тутаевой)

Fig. 2. Valves of the mold for casting a shaft-hole axe: 1 — right valve; 2 — left valve; 3 — reconstruction of an open gate in the form of a wide fissure. Clay (drawings by I. Zh. Tutaeva)

(он же диаметр сердечника) — 4 см; вес \approx 738 г. *Створка 2* (левая) (рис. 2, 2): общая длина — 21,27 см; максимальная ширина — 8,1 см; максимальная толщина — 5,2 см; ширина негатива под сердечник — 3,47–3,50 см; вес \approx 783 г.

Сохранность литейной формы хорошая. Несмотря на то что в музей она поступила в виде множества разрозненных фрагментов, позднее реставраторам удалось воссоздать утраченные части. В тех местах, где фрагменты глины не сохранились, производилась догипсовка с последующей тонировкой желтым цветом. Больше всего утрат имеет правая створка. Выяснилось, что из-за дополнительной гипсовки и склейки возникли расхождения в размерах и точности негатива формы. Меньше всего пострадала левая створка, поэтому ее следует считать наиболее точной по форме, размерам и содержанию.

Данная литейная форма неоднократно упоминалась в научных работах. В 1935 г. ее впервые опубликовал А. А. Иессен. Автор привел подробные фотографии, дал краткое описание, обратил внимание на основные технологические особенности, а также предоставил архивные данные, касающиеся ее происхождения (Иессен 1935: 101, 103, рис. 10). Далее, в 1959 г. в своей известной книге «Бронзы древней Грузии» Ф. Н. Тавадзе и Т. Сакварелидзе поместили фотографию створок кобанской формы и ее технологическую схему. Авторы сделали ссылку на А. А. Иессена, но не указали место находки (Тавадзе, Сакварелидзе 1959: 43, табл. XXII, 1, 2). Схематичный рисунок этой формы воспроизвел С. Н. Корневский в своей работе, посвященной классификации топоров Северного Кавказа (Корневский 1981: 25, рис. 3, 14). Топор, который отливался в кобанской литейной форме, автор отнес к группе 2.2 по своей классификации и датировал его началом среднего бронзового века (Там же: 24, 25). Согласно его формулировке, для топоров типа «Хабаз» характерны такие признаки, как «круглое отверстие, трапециевидный, расширяющийся к лезвию клин, укороченная втулка, широкая шейка, длинный обух». Этот тип локализуется в разных частях Северного Кавказа и количественно насчитывает менее десятка предметов.

На наш взгляд, включение топора из с. Кобан в группу 2.2, по С. Н. Корневскому, не вполне корректно, так как, во-первых, группа достаточно неоднородна по своему содержанию, а во-вторых, топоры, представленные в этой группе, имеют более короткие пропорции, чем кобанский экземпляр.

Для типологического определения изделий, которые отливались в конкретной литейной форме, обратимся к ее технологическим особенностям. По технологии отливки проушных топоров ближайшими аналогами кобанскому экземпляру представляются две пары литейных форм из погребения литейщика восточноманычской катакомбной культуры из могильника Веселая Роща I (3/3⁴) в Александровском районе Ставропольского края (Державин, Тихонов 1981: рис. 4; 5; Андреева 2014: 101, 106, ил. 43, 29). Их сближает то, что все они имеют литники в виде широкой и длинной щели, то есть эти формы являются как бы полуоткрытыми. Другими словами, общим в данном случае является принцип заливки металла в форму через открытый литник (рис. 2, 3; 3, 3). Этот признак роднит их с изделиями раннего бронзового века. Однако у последних литниковая щель располагалась преимущественно со стороны брюшка, а вкладыш для формовки проушины имел глухой упор со стороны спинки («гнездо»)⁵. У кобанской формы таких признаков уже нет. Здесь заливка металла происходила со стороны спинки, а глиняный сердечник укладывался поперек негатива и насквозь, фиксируясь с обоих концов за пределами литейной формы. Учитывая эти технологические особенности, правильнее будет сравнивать

⁴ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем номер погребения: Веселая Роща I 3/3 соответствует: Веселая Роща I, курган 3, погребение 3.

⁵ Яркими примерами таких форм являются находки из могильников Лебеди-I (3/10) и Пришиб (1/9) (Гей 1986: рис. 7, 1–4; Братченко 2001: рис. 32, 5).

Рис. 3. Створки литейной формы для отливки проушного топора (1–4) и топор из клада у хут. Верхний, кург. 6 (5): 1 — левая створка; 2 — правая створка; 3 — вид сверху; 4 — правая створка с гипсовой отливкой внутри. 1–4 — глина; 5 — бронза (1–4 — фото Е. П. Агафоновой; 5 — картотека В. С. Бочкарёва, по данным А. А. Нехаева)

Fig. 3. Valves of the mold for casting a shaft-hole axe (1–4) and an axe from the hoard near the Verkhniy village, barrow 6 (5): 1 — left valve; 2 — right valve; 3 — top view; 4 — right valve with a gypsum cast. 1–4 — clay; 5 — bronze (1–4 — photo by E. P. Agafonova; 5 — V. S. Bochkarev's card catalogue, A. A. Nekhaev's data)

кобанскую форму с аналогичными вещами среднего бронзового века, у которых литник локализовался преимущественно со стороны спинки, в виде узкого канала овальной или круглой формы⁶ (Батчаев 1984: 159, рис. 24, 1; Нечитайло, Рунич 2008: 344; Бронзовый век... 2013: 567, рис. 260.4, 260.5; Березанская 1980: рис. 3, 3, 4). Таким образом, согласно общей схеме развития литейного производства по В. С. Бочкарёву, эту форму можно отнести к промежуточному звену между I и II этапами (Бочкарёв 2019: 168, табл. 1). Если обратиться к относительной периодизации, то по технологическим и типологическим признакам кобанская форма для проушного топора будет датироваться началом среднего бронзового века.

Представление о том, как выглядело бы бронзовое изделие, дает гипсовая отливка, которая хранится вместе с комплектом створок (рис. 3, 4). Судя по ней, топор имеет удлиненные пропорции, круглую проушину, утолщенную прямую спинку, слегка изогнутое брюшко, немного свисающий обух и скошенное лезвие. Размеры гипсовой отливки: длина изделия \approx 16,5 см; высота обуха — 3,6 см; диаметр проушины (втулки) — 3,4 см; ширина

⁶ Литейные формы из погребений литейщиков в могильниках Айлама, ст. Скачки (г. Пятигорск), Калиновка (8/42), Ворошиловград (3/19), Покровка (4/3) и др.

лезвия — 4,8–5,0 см. Также были проведены расчеты массы бронзового изделия⁷, которые показали, что отлитый топор мог весить от 1,28 до 1,57 кг.

В целом топоры, отлитые в кобанской форме, представляли собой изделия «стройных» вытянутых пропорций со слегка намеченным свисающим обухом. С нашей точки зрения такие топоры ближе всего по морфологическим признакам к трем топорам, найденным в составе клада в насыпи кургана хут. Верхний (кург. 6) близ г. Кореновска Краснодарского края⁸ (рис. 3, 5). По своим внешним параметрам, морфологическим данным и технологическим особенностям (заливка со стороны спинки, едва изогнутый, но более прямой корпус, прямая спинка) он может выступать в качестве металлической аналогии кобанской находке.

Как нам представляется, все эти топоры, включая и те, которые отливались в кобанской форме, относятся к типу, который не вполне четко определен и описан в отечественной литературе.

Литейная форма для отливки заготовок украшений, предположительно булавок (рис. 4). *Инв. № 145-1а, б.* Составная литейная форма представляет собой морфологически сложную конструкцию, состоящую из двух примыкающих друг к другу створок. Обе снабжены выровненными площадками, на одной из которых вырезан негатив в виде узкого длинного желоба, заканчивающегося веерообразным навершием. Вторая створка не имеет негатива и потому является крышкой изделия. С торцевой стороны узкого вытянутого окончания формы на обеих половинках имеется литниковое углубление, куда заливался металл.

Размеры изделия. *Створка с негативом*, обломана (145-1а) (рис. 4, 1): общая длина — 12,4 см; максимальная ширина — 5,9 см; ширина литника — 2,45 см; максимальная толщина — 2,6 см; вес ≈ 98 г. *Створка-крышка* (145-1б) (рис. 4, 2): общая длина — 12,2 см; максимальная ширина — 7,3 см; ширина литника — 1,84 см; максимальная толщина — 2,4 см; вес ≈ 111 г.

Размеры по негативу отливаемой заготовки. Общая длина изделия ≈ 12 см; длина стержня — 10,5 см; ширина стержня ≈ 1 см; толщина стержня (глубина в негативе) — 0,4–0,5 см; высота навершия — 1,5 см; ширина навершия ≈ 6,5 см; толщина навершия (глубина в негативе) — 0,3 см. Предполагаемый вес изделия ≈ 60–70 г.

Сохранность литейной формы в целом можно считать удовлетворительной. Крышка формы сохранилась полностью, без каких-либо существенных повреждений. Однако створка с негативом понесла утраты: большая часть негатива с полукруглым навершием отсутствует. Но контур, так же как и негатив, утраченной половины можно легко реконструировать, учитывая общую симметрию обеих створок.

Данная литейная форма публиковалась лишь однажды (Иессен 1935: 103, 106, рис. 11б; 12а). А. А. Иессен привел качественные фотографии предметов и предположил, что болванка, отливаемая в этой форме, служила заготовкой для булавки, которую после отливки расковывали таким образом, что стержень удлиняли до необходимой длины, а веерообразное навершие вытягивали «в виде пластины или листа». Действительно, в ранних комплексах могильников Квасатали (погр. 1, 3, 8), Тли (погр. 29, 42) и Нули (погр. 1, 3) подобные аналогии хорошо известны — это булавки с «дисковидными головками», или тип II по классификации Б. В. Техова (Джапаридзе 1955: 26, рис. 3, 1–4; 2009: рис. 3, 12, 13; 11, 10–13; 17, 1; 23, 1, 2; Техов 1977: 37, 38, рис. 39, 1, 2). Это косвенно подтверждается

⁷ При общем объеме 0,17–0,18 мл масса заливаемой бронзы в среднем равнялась 1,42 кг (при среднем показателе плотности бронзы от 7,5 до 8,7 г/см³).

⁸ Комплекс не опубликован. Есть упоминание у А. Н. Гея (Гей 2000: 150). Источник: картотека В. С. Бочкарёва, по данным находчика и археолога А. А. Нехаева. За предоставленные материалы, рисунок и консультацию авторы искренне благодарят В. С. Бочкарёва.

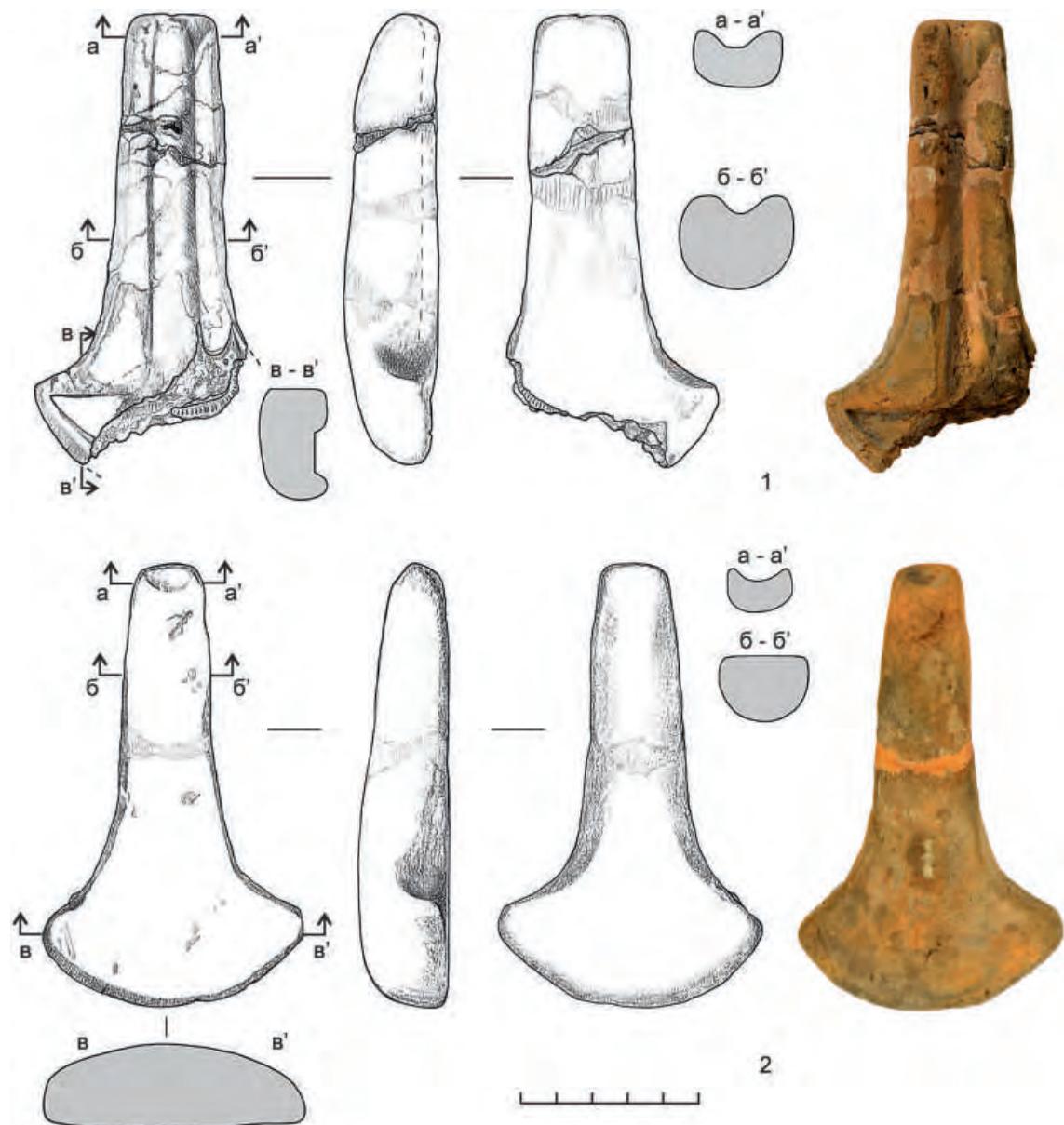

Рис. 4. Рабочие части двух створок литейной формы для отливки заготовки для украшения (предположительно булавки): 1 — створка с негативом (частично утрачена); 2 — створка-крышка. Глина (рисунки И. Ж. Тутаевой; фото Е. П. Агафоновой)

Fig. 4. Working parts of two valves of a mold for casting an adornment (presumably a pin): 1 — valve with a negative (partly lost); 2 — valve-cover. Clay (drawings by I. Zh. Tutaeva, photo by E. P. Agafonova)

наличием в литейной форме характерного перехода от стержня к навершию, угол между которыми составляет 90° .

Однако нельзя исключать, что подобного рода заготовки могли использоваться и для ранних булавок I типа по классификации Б. В. Техова или для изделий с навершиями «в виде рогов», которые также встречаются в ранних погребениях Глийского могильника (погр. 42) (Техов 1977: 35–37, рис. 37, 1, 3, 5).

Литейная форма для отливки заготовок в виде бруска трапецевидной формы (рис. 5). Инв. № 145-2. Рассматриваемая литейная форма представлена однокомпонентным

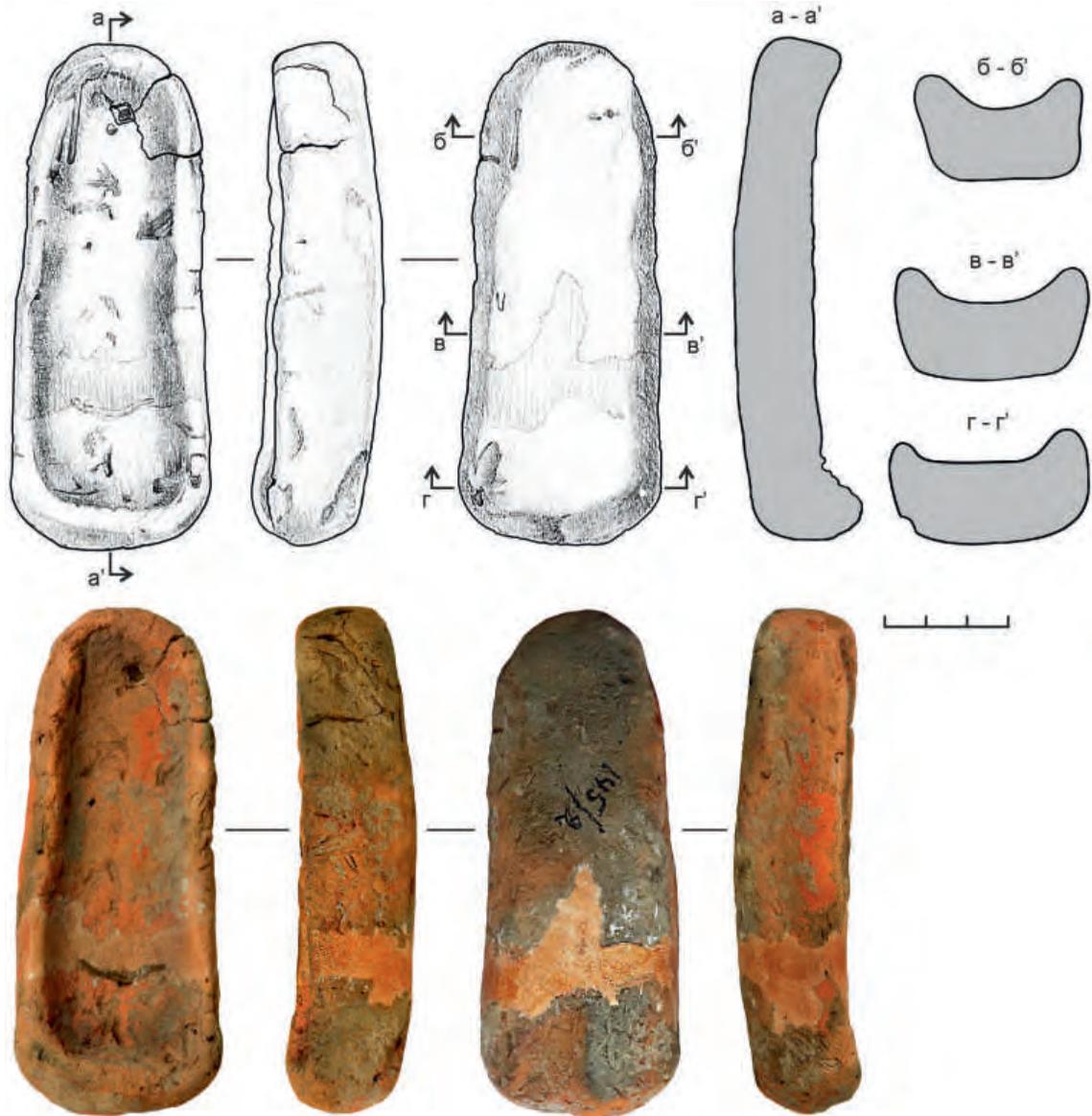

Рис. 5. Одностворчатая литейная форма для отливки заготовки в виде бруска трапециевидной формы (предположительно тесла). Глина (Рисунки И. Ж. Тутаевой; фото Е. П. Агафоновой)

Fig. 5. Single-valved mold for casting a blank in the form of a trapezoidal bar (presumably for an adze). Clay (drawings by I. Zh. Tutaeva, photo by E. P. Agafonova)

изделием, состоящим только из одной створки с негативом, без крышки. На это указывают две особенности: во-первых, края формы закруглены и имеют искривленные очертания; во-вторых, в форме отсутствует литник или сливной носик, характерный для льячек или тиглей.

Общая длина формы — 12 см; максимальная ширина — 4,86 см; максимальная толщина — 2,4 см; вес — 125 г. Параметры отливаемой заготовки: длина изделия — 10,1 см; максимальная ширина — 3,6 см; толщина изделия — 1 см; предполагаемый вес изделия ≈ 200 г.

Сохранность предмета вполне хорошая. Несмотря на поперечный слом, форма сохранила все исходные очертания и особенности. Само изделие предназначалось, несомненно, для отливки заготовок в виде трапециевидных брусков, вес которых достигал около 200 г. Можно предположить, что, вероятно, такие отливки служили заготовками для тесел, которые впоследствии существенно дорабатывали ковкой.

Аналогии таким изделиям сейчас можно найти без особого труда. Перечислим только некоторые из них. В первую очередь стоит отметить уже упоминаемые ранее погребения литейщиков в могильниках Пришиб (1/9) и Лебеди I (3/10), а также Калиновке (8/42), где такие изделия встречаются в сочетании с литейными формами для проушных топоров (Гей 1986: 19, рис. 7, 5; Братченко 2001: рис. 32, 3; Бронзовый век... 2013: 568, рис. 260.6). Предположительно аналогичные формы для заготовок тесел были найдены в погребениях литейщиков из с. Малая Терновка (2/7) и Новоалексеевка (1/6) (Кубышев, Черняков 1985: рис. 7, 8, 9; Березанская, Кравец 1989: рис. 2, 8). Более того, такие комплексы продолжают появляться и сейчас⁹.

Восстановление контекста находки, изучение современными методами, интерпретация

При визуальном осмотре выяснилось, что, несмотря на множественные повреждения в виде продольных и поперечных трещин и разломов, археологически все предметы из коллекции хорошо сохранились. Однако нельзя отрицать, что некоторые створки форм имеют существенные повреждения и, как следствие, утраты на поверхности, включая утраты на негативах, возникшие из-за хрупких свойств материала, из которого они состоят. После того как вещи попали в Эрмитаж, специалистами были проведены реставрационные работы. Сделано это было дважды, в период между 1935 и 1959 г.¹⁰ В первом случае реставрация проводилась с помощью воска как связующего вещества, что оказалось явно неэффективным¹¹ и повлекло за собой утрату фрагмента на литейной форме для украшения. Позднее специалистам с помощью метода гипсовки удалось восстановить из отдельных обломков целостность всех створок, но с разной степенью успеха¹².

Стоит отметить, что все предметы из коллекции обладают рядом общих признаков. Прежде всего обращают на себя внимание схожие состав и цвет теста. Все три формы из музейного собрания были сделаны из глины с незначительной примесью шамота и органических, а точнее растительных составляющих, которые при обжиге выгорели, оставив характерные следы. Рыжий цвет поверхности указывает на окислительный обжиг. Наличие же характерных пятен, от светло-рыжего до красного, говорит о том, что это был неравномерный костровой обжиг. Белый налет, прослеживающийся преимущественно по краю негатива и на его поверхности, был оставлен от гипсового слепка. На самой поверхности глины также есть белесые вкрапления, которые могут представлять собой мелкие конкреции известняковой породы¹³.

⁹ Обнаруженное в 2022 г. погребение литейщика (?) в курганной группе Елховка VII Самарской обл. содержит наряду с фрагментом литейной формы для топора аналогичную форму для трапециевидных заготовок (тесел). URL: https://vk.com/public168139760?w=wall-168139760_549 (дата обращения: 06.09.2022 г.).

¹⁰ Изначально в первой публикации А. А. Иессена на фотографиях ни одна из литейных створок не имеет следов реставрации. Затем на фотографии, предоставленной А. А. Иессеном для книги Ф. Н. Тавадзе и Т. Сакварелидзе, литейная форма для топора уже загипсована.

¹¹ Остатки воска фиксируются на литейной форме для булавки и заготовки для тесла, но на литейной форме для топора воска нет. Из этого можно сделать вывод, что второй этап реставрации вещей проводился уже после их воссоединения в ОИПК (ныне ОАВЕС) Гос. Эрмитажа. До этого вещи хранились в музее отдельно.

¹² К сожалению, после реставрационных работ отмечается ряд метрических неточностей тех створок, которые понесли наибольшие утраты.

¹³ Предварительную консультацию по определению теста глины любезно дала Е. Г. Старкова. Выражаем ей нашу благодарность за содействие. Отметим, что специальных исследований по изучению химического состава теста провести не удалось из-за деструктивного характера этих методов.

Кроме того, выяснилось, что все литейные формы были в употреблении. Об этом говорят результаты рентгенофлуоресцентного анализа поверхности, проведенного в Отделе научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа (спектрометр ArtTAX). Исследование пяти створок литейных форм показало наличие на поверхностях глиняных негативов следов меди, цинка и мышьяка.

Также проводилось изучение рабочих поверхностей негативов под микроскопом. В случае литейной формы для проушного топора оказалось, что поверхность негатива покрывали тонким слоем мелкодисперсной глины (по типу коалина), после чего производилась заливка металла. При соприкосновении с высокими температурами «коалиновая» промазка меняла цвет и «бралась коркой». Наличие тонкого слоя дополнительной промазки заметно на обеих створках формы. Видимо, это делалось по нескольким причинам. Во-первых, для выравнивания рабочей поверхности и устранения пористости, так как основная глина достаточно грубая и имеет множество мелких пустот от органических составляющих. Во-вторых, это делалось для защиты поверхности самой литейной формы и ее негатива от возможных повреждений (какие легко было получить во время разъединения створок уже после того, как металл застывал), а также от воздействия высоких температур. В микроскоп при увеличении было хорошо видно «корку» дополнительной промазки и серый налет нагара.

Кроме внешнего сходства состава теста и цвета теста, общих результатов рентгенофлуоресцентного анализа и общей функции всех рассматриваемых предметов эти изделия имеют также и общее происхождение. Изначально все они значились как предметы, происходящие с Северного Кавказа. Из сохранившихся музейных записей известно, что первой в музей поступила литейная форма для топора от Василия Ивановича Долбежева в 1882 г., и, видимо, с этого момента она хранится в музее на постоянной основе¹⁴. Изначально она входила в состав старых фондов Эрмитажа и значилась «без номера». Далее состояла в хранении Отдела Востока Эрмитажа, также без номера и каких-либо сведений о происхождении. В 1940 г. находку передали по акту № 267 в ОИПК (ныне ОАВЕС), где она сейчас и хранится.

Остальные формы были разрознены и в музей поступили намного позже. Так, из РАО были переданы в Эрмитаж по акту № 4 от 24.06.1931 г. две глиняные литейные формы, происходящие также из коллекции В. И. Долбежева с территории Северного Кавказа. Это были формы для заготовки тесла и половинка формы с негативом булавки. Поступили они в РАО в том же 1882 г. под номерами 221/29–30. Оставшаяся створка-крышка от булавки попала в ГАИМК (КП 9561), откуда затем была сдана в Эрмитаж по акту 03.01.1931 г. в составе собрания А. А. Бобринского как предмет неизвестного происхождения. В акте сказано, что в Сектор Кавказа Отдела доклассового общества (ныне ОАВЕС) форма поступила только через год по акту ОИПК № 11 от 26.01.1932 г., и принял ее на хранение А. А. Иессен. Таким образом, представляется, что все литейные формы из коллекции В. И. Долбежева были соединены в одно хранение к 1940 г. благодаря стараниям А. А. Иессена, который все эти формы видел, исследовал и, как итог, опубликовал (Иессен 1935: 101–107).

Даже то, что формы происходят из с. Кобан, было установлено не сразу. Первым это сделал А. А. Иессен, когда в процессе работы над публикацией он обратился к архивам бывшего РАО, откуда выяснил, что все предметы происходят из окрестностей с. Кобан. Он сообщает, что «местным землевладельцем Х. Кануновым» была найдена целая серия литейных форм. По сообщению В. И. Долбежева, в их число входили: форма для топора, форма «для мужской длинной булавки» и «глиняный плавильный тигель». А. А. Иессен соотнес описание предметов с теми, которые ему удалось разыскать на тот момент из коллекции

¹⁴ В инвентарной книге указано: «по видимому в Эрмитаже с 1882 г.». Поэтому мы можем фиксировать достаточно точное время находки — не позднее 1882 г.

В. И. Долбежева (Там же: 101, 103). Автор особо отмечает, что все предметы упоминаются вместе. Однако остается неизвестным, при каких обстоятельствах вещи были найдены.

Частично информацию о контексте обнаружения этих находок удалось восстановить, повторно обратившись к архивным данным. Из дела 146 бывшего РАО в своем письме В. И. Долбежев сообщает, что некоторые вещи были добыты путем купли или из самостоятельных раскопок уже разрытых могил и найдены в разных местах Кобанского кладбища. Некоторые из них он отправил в Петербург в дар археологическому Обществу, в том числе «в кусках, глиняные формочки, повидимому служившие для отливки бронзовых изделий» (ИИМК РАН. НА. РО. Ф. 3. Д. 146. Л. 39–42об.). Данные, которые А. А. Иессен приводит касаясь перечня литейных форм от В. И. Долбежева, найти не удалось. Однако в достоверности этой информации сомнений нет (Иессен 1935: 101, 103).

Учитывая архивные и литературные данные, а также целый ряд внешних сходств, общие результаты анализов и место происхождения, можно предположить, что все предметы коллекции 145 связаны между собой. Принимая во внимание, что здесь представлены парные литейные формы как для топора, так и для булавки, происходящие из одного и того же места и найденные одним и тем же человеком, можно сделать вывод, что в данном случае мы имеем дело с комплексной находкой, а точнее с инвентарем погребения литейщика.

Если пойти методом «от противного» и предположить, что литейные формы происходят не из могильного комплекса, а допустим, с поселения, где находки литейных форм более очевидны, тогда стоит обратить внимание на чрезвычайно высокую степень сохранности всех пяти створок литейных форм из коллекции В. И. Долбежева. Все они несут на себе разного рода утраты отдельных фрагментов, но археологически их сохранность полная, что для поселенческих материалов совершенно нехарактерно. Происхождение форм из кладовых комплексов, где они могли бы так сохраниться, тоже маловероятно, так как находок литейных форм в кладах эпохи бронзы на территории Северного Кавказа попросту нет. Видимо, это потому, что здесь не было традиции депонирования, в отличие от соседней территории Северного Причерноморья, где обнаруживаются целые серии кладов сырья, однако появляются они только в позднем бронзовом веке.

В то же время та особая традиция, которая фиксировала бы профессиональную занятость умершего в погребальном обряде, на Северном Кавказе развита слабо по сравнению со степным регионом. За исключением небольшого перечня (Веселая Роща I, Айлама и Скачки) о специализированном инвентаре из погребений литейщиков пока больше неизвестно. Логичным будет предположить, что это является следствием проникновения степного влияния на Северный Кавказ, в частности, в Закубанье, Северную Осетию, вплоть до предгорий Кавказа. Также отметим, что чаще всего в погребениях литейщиков будет встречаться такое сочетание предметов как «литейная форма (далее л. ф.) для проушного топора + л. ф. для заготовок тесел + л. ф. для прочих заготовок (бруски и пр.)». Схожее с этим сочетание будет повторяться и в металлическом инвентаре¹⁵. Также наряду с литейными формами регулярно встречаются сопла и тигли (Батасова 2019). Однако, несмотря на чуждую традицию, литейные формы из с. Кобан следует трактовать как элемент местного производства. На это четко указывает наличие литейной формы для булавки кавказского облика. В степном регионе литейные формы для украшений почти неизвестны.

В целом комплекс литейных форм из с. Кобан можно датировать только приблизительно, базируясь в основном на принципах технологии литейного производства. Главным датирующим элементом будет являться форма для проушного топора. По набору технологических признаков и в целом по своему исполнению ее следует датировать не

¹⁵ За консультацию по этим наблюдениям авторы выражают особую благодарность В. С. Бочкарёву.

раньше начала среднего бронзового века. Булавки и заготовки для коротких тесел, изготовлявшихся в кобанских формах, имеют более широкие рамки существования, однако указанному периоду времени не противоречат.

В заключение отметим, что рассмотренные литейные формы из с. Кобан не только расширяют наши представления о технологии литья бронзовых орудий Северного Кавказа, но и открывают новые перспективы для изучения металлопроизводства среднего бронзового века всей южной половины Восточной Европы.

Литература и источники

- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточноманычская катакомбная культура (анализ материалов погребальных памятников). М.: Таус, 2014. 272 с.
- Батасова 2019 — *Батасова А. В.* Тигли и сопла из погребений «кузнецов-литейщиков» раннего и среднего бронзового века Восточной Европы // Поляков А. В., Ткач Е. С. (ред.). Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействия в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): ММНК. СПб.: ИИМК РАН, Невская типография, 2019. Т. 2. С. 47–51.
- Батчаев 1984 — *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Марковин В. И. (ред.). Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1: Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 112–163.
- Березанская 1980 — *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины // Артеменко И. И. (ред.). Первобытная археология — поиски и находки: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1980. С. 243–256.
- Березанская, Кравец 1989 — *Березанская С. С., Кравец Д. П.* О металлургическом ремесле племён донецкой катакомбной культуры // Березанская С. С. (ред.). Первобытная археология: материалы и исследования: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1989. С. 156–168.
- Бочкарёв 2019 — *Бочкарёв В. С.* К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы // Виноградов Ю. А. и др. (ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии): Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 166–170.
- Братченко 2001 — *Братченко С. Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. I: Альбом ілюстрацій. Луганськ: Шлях, 2001. 124 с.
- Бронзовый век... 2013 — *Бронзовый век. Европа без границ. Четвёртое — первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки / Пиотровский Ю. Ю.* (ред.). СПб.: Чистый лист, 2013. С. 292–624.
- Гей 1986 — *Гей А. Н.* Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Каменецкий И. С. (отв. ред.). Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа (материалы работ Северокавказской экспедиции). М.: Наука, 1986. С. 13–32.
- Гей 2000 — *Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
- Державин, Тихонов 1981 — *Державин В. Л., Тихонов Б. Г.* Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. 1981. № 3. С. 252–258.
- Джапаридзе 1955 — *Джапаридзе О. М.* Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 23–30.
- Джапаридзе 2009 — *Джапаридзе О. М.* О древнейшей истории Шида Картли. Тбилиси: Изд-во Университета, 2009. 280 с. (на груз. яз.) (ჯავახრიძე, ოთარ. შიდა ქართლის უძველესი წარსულიდან. თბილისი: უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 2009. 280 გვ.).
- Иессен 1935 — *Иессен А. А.* О древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 7–237.

- Корневский 1981 — *Корневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Литвинский Б. А. (ред.). Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура): Сб. ст. М.: Наука, 1981. С. 20–41.
- Кубышев, Черняков 1985 — *Кубышев А. И., Черняков И. Т.* К проблеме существования весовой системы у племён бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. 1985. № 1. С. 39–54.
- Нечитайло, Рунич 2008 — *Нечитайло А. Л., Рунич А. П.* Погребение литейщика у станции Скачки близ Пятигорска // МИИХНСК. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. Вып. 8. С. 344.
- Тавадзе, Сакварелидзе 1959 — *Тавадзе Ф., Сакварелидзе Т.* Бронзы древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1959. 107 с.
- Техов 1977 — *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 146. Предложение г. Сабанеева об исследовании состава древне-металлических изделий.

BRONZE AGE CASTING MOLDS FROM THE CENTRAL CAUCASUS IN V. I. DOLBEZHEV'S COLLECTION (THE STATE HERMITAGE)

E. E. VASILIEVA, I. ZH. TUTAEVA, S. V. KHAVRIN

Keywords: *Central Caucasus, North Ossetia, Koban village, Middle Bronze Age, metallurgy, clay casting mold.*

The work is devoted to the collection of clay casting molds from the Koban village. In 1882 the collection was passed by V. I. Dolbezhev to St. Petersburg and is now stored at the State Hermitage. It includes two double molds for casting shaft-hole axes and blanks for pins, as well as a single-valved mold for casting a trapezoidal blank, presumably of an adze. Although the collection has already been known in the literature, its new analysis based on modern methods of research allows to suggest that all the objects come from the same assemblage — a bronze-caster's burial.

СВЯЗИ ПРИКУБАНСКОГО ОЧАГА МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ И ЗАПАДНЫМ ЗАКАВКАЗЬЕМ¹

В. С. БОЧКАРЁВ, А. Л. ПЕЛИХ²

Ключевые слова: *Кавказ, прикубанский очаг металлопроизводства, период поздней бронзы.*

В работе рассмотрены контакты Северо-Западного Кавказа с Закавказьем в период поздней бронзы на основе анализа металлических предметов. Прямым экспортом из зоны прикубанского очага металлопроизводства мы считаем предметы нехарактерных для Закавказья форм — серпы и топор-кельт (около 10 предметов; рис. 1; 2). Эти предметы фиксируются в Закавказье на значительной территории от побережья Черного моря до центральной части Грузии и до края Шида-Картли включительно. Данный экспорт был одновременным — от ахметовского этапа прикубанского очага металлопроизводства до ольгенфельдского. Важно, что с Кубани на юг шел экспорт предметов, но традиции закавказской металлообработки не были изменены под влиянием кубанских форм экспортируемых предметов. Ситуация с импортом на Кубань иная: наряду с чистым импортом изделий прослежены четкие типологические и технологические импульсы. Они шли с более развитых областей Южного Кавказа (в первую очередь — Западного Закавказья) в Прикубанье и привели к появлению и широкому распространению в пределах прикубанского очага металлопроизводства новых типов изделий: к ахметовскому этапу прикубанского очага металлопроизводства относятся топоры так называемого уресского типа; удобненским (и, возможно, концом ахметовского) этапом прикубанского очага металлопроизводства, вероятно, датируются ранние топоры так называемого верхнекубанского типа. Мы считаем эти топоры возникшими в единой зоне формирования, находившейся на территории современной Абхазии и в верховьях р. Кубани. В пределах прикубанского очага металлопроизводства фиксируются кинжалы кавказских форм. Их мы можем считать как прямым импортом, так и изготовленными на месте под влиянием кавказских традиций

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-105-116

Среди широкого спектра тем, входивших в круг научных интересов К. Х. Кушнарёвой, значительное место занимала проблема связей культур эпохи бронзы Закавказья с южными и северными областями. Эти связи, по ее мнению, во многом были предопределены самим географическим положением Кавказа — на стыке Передней Азии и Восточной Европы (Кушнарёва 1993: 247–253).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² В. С. Бочкарёв — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; кафедра археологии, СПбГУ; Санкт-Петербург, 191186, Россия; А. Л. Пелих — Армавирский государственный педагогический университет; г. Армавир, Краснодарский край, 352901, Россия.

А. А. Иессен, выделив прикубанский очаг металлургии и металлообработки позднего бронзового века (далее — ПОММ ПБВ), определил контактные зоны этого очага, в частности, с территориями кобанской и колхидской металлообработки (Иессен 1951: 121, 122). Накопленные за прошедшее время материалы и теоретические выводы позволяют расширить и во многом по-новому охарактеризовать проблему этих контактов, ранее рассмотренную лишь частично (Пелих 2006). Мы начнем с обзора материала, а потом перейдем к его интерпретации.

Обзор материалов

Прямым экспортом из зоны прикубанского очага металлопроизводства можно считать предметы нехарактерных для Закавказья форм. Это серпы и топор-кельт.

Топор-кельт (рис. 1, 1) обнаружен в составе клада из с. Тхмори Амбролаурского р-на Грузии, среднее течение р. Риони (Гамбашидзе 1963: табл. IX, 1; Коридзе 1965: табл. XVII, 27).

Серпы кубанских типов известны из следующих пунктов Закавказья:

— Лечхуми (рис. 1, 2), клад из исторической Лечхуми, Грузия. В числе находок — обломок коленчатого серпа (Сахарова 1976: табл. VIII).

— Очамчира (рис. 1, 3), клад, найден в 1957 г. на северо-западной окраине г. Очамчира у Чайной фабрики, Республика Абхазия. В кладе, помимо типичных колхидских предметов, есть четыре обломка серпов (Воронов 1969: 40, табл. XXXVII, 10–13).

— Рене (рис. 2, 1), серп из разрушенного в 1974 г. погребения в с. Рене, современного Каспского муниципалитета Грузии, входящего в состав края Шида-Картли (Иремашвили 1976: 33, табл. XXVII, 8).

— Чубери (рис. 2, 2), серп, найденный совместно с бронзовой мотыгой в с. Чубери в Местийском муниципалитете края Самегрело-Верхняя Сванетия Республики Грузия (Чартолани 1977: табл. XXXII, 2; 1989: 101, 104–105, табл. XXVIII, 2). Серп изготовлен из мышьяковистой бронзы (Чартолани 1989: 105, 177), что обычно для серпов кубанских типов.

— Ушгули, два серпа (рис. 2, 3, 4), хранящиеся в Ушгульской церкви, в Местийском муниципалитете края Самегрело-Верхняя Сванетия Республики Грузия, без данных о находках (Чартолани 1977: табл. XXXII, 3, 4; 1989: 104–105, табл. XXVIII, 3, 4).

Итак, мы насчитали около 10 предметов, которые можно считать прямым экспортом с Кубани на Южный Кавказ.

Значительно больше можно указать примеров либо прямого импорта металлических предметов из Закавказья в Прикубанье, либо влияния закавказских традиций на кубанское металлопроизводство в период поздней бронзы.

В частности, к концу среднебронзового — началу позднебронзового периода относится наконечник копья из собрания музея Нижнего Архыза: с узким листовидным пером и кованой несомкнутой втулкой, на которой есть отверстия для крепления к древку. Похожие копья были распространены в середине — третьей четверти II тыс. до н. э. в Закавказье и Центральном Кавказе. Есть они, в частности, в Тлийском могильнике (Техов 1977: 24, 25, рис. 34, 1, 4).

К ахметовскому этапу прикубанского очага металлопроизводства относятся топоры так называемого урекского типа — вислообушные топоры с круглой проушиной, удлиненным клином равной либо сужающейся к лезвию ширины, симметрично (вверх и вниз) расширенным лезвием, втулка спереди скошена, корпус слегка изогнут — клин поставлен под небольшим углом к обуху (Бочкарев, Пелих 2022: 30). Они известны с территорий Закавказья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья.

Характерным признаком урекского типа топоров является симметрично расширенное лезвие. В целом такое симметрично расширенное лезвие неизвестно нам больше ни в одном из типов топоров периода средней бронзы Северного Кавказа и южнорусских степей.

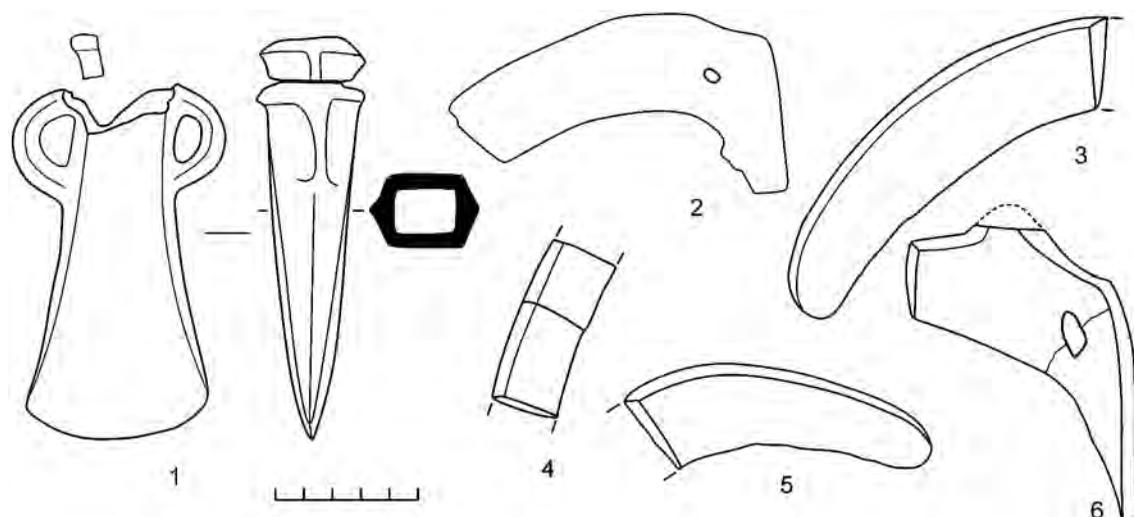

Рис. 1. Изделия прикубанского очага металлопроизводства в Закавказье: 1 — топор-кельт из Тхморского клада; 2 — серп из Лечхуми; 3–6 — серпы из Очамчиры

Fig. 1. Kuban metal imports in the Transcaucasia: 1 — celt axe from the Tkhmori hoard; 2 — sickle from Lechkhumi; 3–6 — sickles from Ochamchira

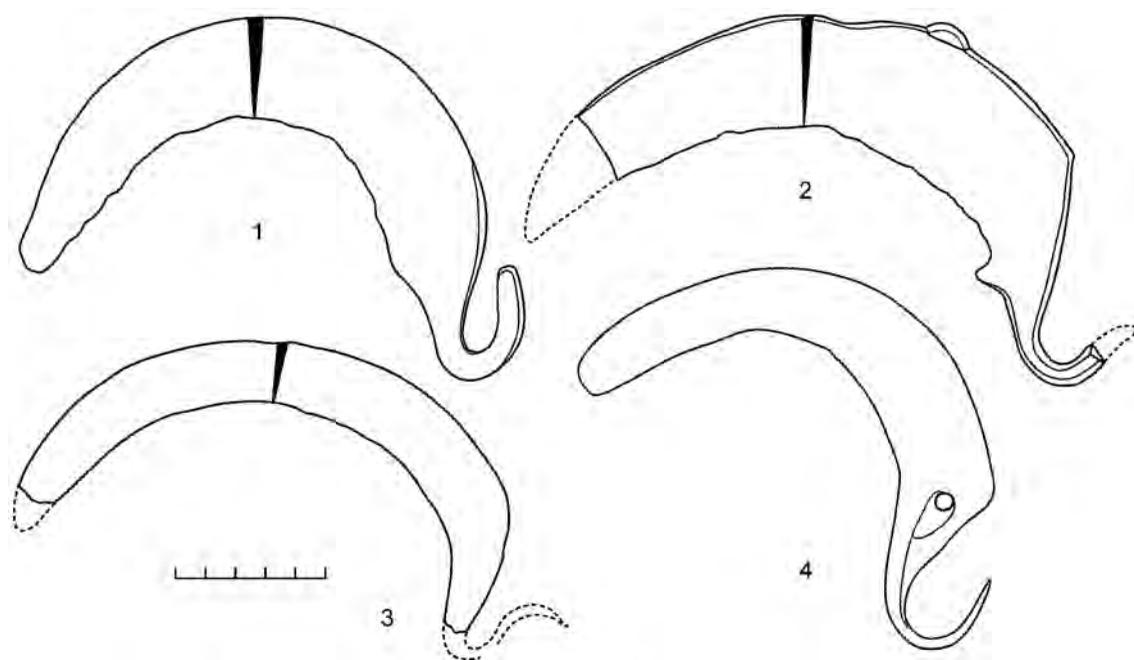

Рис. 2. Серпы прикубанского очага металлопроизводства в Закавказье: 1 — Рене; 2 — Чубери; 3, 4 — Ушгули

Fig. 2. Metal sickles of the Kunan origin found in the Transcaucasia: 1 — Rene; 2 — Chuberi; 3, 4 — Ushguli

Но придавать ему особое значение следует и потому, что симметрично расширенное лезвие становится одной из ведущих черт топоров пиленковского и аджарского типов (Куфтин 1949б: 231, рис. 49; Иессен 1951: 80, 81, рис. 2; 4, 1), а затем и колхидо-кобанских бронз. Таким образом, этот признак топоров урекского типа имеет как бы двойное значение: он отделяет их от топоров предшествующего времени и вместе с тем связывает с развитыми изделиями периода поздней бронзы кавказского, в частности, западнокавказского региона.

Заметим, что в Урекском кладе наряду с собственно топорами урекского типа есть топоры типа Пиленково и Аджария, только несколько более «грубых» форм, с резко выраженными гранями (Рамишвили 1974: табл. XX, 8, 9), что связывает Урекский клад с более поздними Пицундским и Лыхненскимкладами и четко обозначает линию развития топоров с симметрично расширенным лезвием от урекских через одновременные им грубые и более поздние изящные пиленковские и аджарские топоры к топорам колхидо-кобанским.

Особо нужно сказать об уступе спереди (сверху), при переходе проушины к клину, который прослеживается у ряда топоров урекского типа. Структурную аналогию такого уступа можно увидеть в так называемом упоре для рукояти у тех же западно-закавказских топоров пиленковского и аджарского типов. Что еще раз подчеркивает связь последних с урекским типом топоров. Отметим, что топоры с уступом были достаточно широко распространены на территории современной Турции и на Южном Кавказе начиная с первой четверти II тыс. до н. э., поэтому можно именно оттуда вести их происхождение. Имея свое происхождение на Южном Кавказе, топоры с уступом в период поздней бронзы далее не развиваются.

Из 33 (включая обломок) топоров, которые можно отнести к урекскому типу, 11 происходят из Западной Грузии — Абхазии: Лечкоп (Воронов 1969: табл. XXXIV, 3, 4, 6(?)), Урекский клад (Рамишвили 1974: табл. XIX, 1–4, 10, 11, XX, 1–4), Уреки — отдельные находки (Рамишвили 1974: табл. XXIII, 1, XXIV, 1); а минимум восемь — из верховьев р. Кубани: Аксаут, Ахметовский клад (Марковин, Глебов 1979: рис. 4, 1), Кяфар (Минаева 1947: рис. 48), Маруха, Нижний Архыз. Если к этому прибавить находки 10 урекских топоров в северопричерноморскихкладах совместно с типично кубанскими серпами: Балка Лисовицкого IV (Кияшко 2020: рис. 5, 4), Бериславский (Добровольский 1948: табл. I, 12–14), Коблевский (Черняков 1967: рис. 7, 8), Крыловский (Колотухин 2003: рис. 64, 25), Самарский (Бочкарев 1972: рис. 1, 7–10)клады, то принадлежность подобных топоров именно этим двум зонам производства — западнокавказской и кубанской — станет еще более очевидной.

К закавказскому влиянию мы относим и появление топора особой формы, зафиксированного в Самарском кладе (Там же: рис. 1, б), с широким уступом при переходе от обуха к лезвийной части. Этот уступ позволяет связывать рассматриваемый самарский топор с наиболее ранними в серии урекских топоров, происходящими непосредственно из Закавказья. Уступ при переходе от обуха к лезвию со стороны спинки есть также у одного из топоров из Краснодарского музея (Иессен 1951: 96, рис. 25, 2). Отдаленно сближается с урекскими топорами еще один топор из Краснодарского музея (Там же: 96, рис. 25, 1), но с существенными отличиями.

Удобненским (и, возможно, концом ахметовского) этапом прикубанского очага металлопроизводства, вероятно, датируются ранние топоры так называемого верхнекубанского типа — с круглой проушиной. Они известны из Пицундского (Там же: 81, рис. 32, 2, 3) и Лыхненского (Трапш 1970: 178, табл. VIII, 8, 9; рис. 13) кладов. Так как в этих жекладах имеются топоры пиленковского типа, данные комплексы связываются с более ранним Урекскимкладом (Бочкарев 1996: 97). С другой стороны, по всем остальным признакам, кроме формы проушины, так называемые ранние верхнекубанские топоры практически

неотличимы от «классических» топоров верхнекубанского типа, с овальной проушиной (Пелих 2021: 46, 51). Так как верхнекубанские топоры с круглой проушиной на территории собственно Прикубанья пока не найдены, не исключено первоначальное появление этой формы в Западном Закавказье и уже далее — широкое распространение к северу от Главного Кавказского хребта. Но мы все же склонны трактовать эти топоры как возникшие в единой зоне формирования, находившейся на территории современной Абхазии — в верховьях Кубани. В частности, потому что эта форма продолжила свое развитие именно к северу от Кавказа.

Уникальным предметом является секира из Упорненского клада (Аптекарев, Козенкова 1986: 122, 123, рис. 1, 3). Форма лезвия описываемой секиры напоминает форму лезвия колхидских топоров. Оформление втулки также находит аналоги в Западном Закавказье. Если к этому прибавить, что секира произведена из мышьяковистой бронзы (Черных, Кузьминых 1986: 135), то можно предполагать местное, кавказское изготовление этого предмета, при этом под влиянием Западного Закавказья. Однако, безусловно, упорненская секира является уникальным предметом, не имеющим близких аналогий, в том числе, вероятно, из-за статусного характера самого предмета.

Если закавказские черты в проушных топорах прикубанского очага металлопроизводства просматриваются достаточно хорошо, то определить конкретную зону, из которой ведут свое происхождение кинжалы кавказских форм, находимые на территории ПОММ ПБВ или в комплексах ПОММ ПБВ, сложнее.

В зоне ПОММ кинжалы кавказских форм известны из следующих пунктов:

- погребения у ст. Удобной Отрадненского р-на Краснодарского края содержали два кавказских кинжала (Анфимов 1957: 156, рис. 1, 4, 5);
- кинжал из насыпи кургана у ст. Чамлыкской Лабинского р-на Краснодарского края (ОАК 1901: 39, рис. 60; Иессен 1951: 114, 115, рис. 52, 3);
- кинжал из собрания Зичи, «с Кубани» (Иессен 1951: 95, 115, рис. 52, 1);
- кинжал из ст. Смоленской Северского р-на Краснодарского края, найден в 1980-е гг., в 2001 г. принят на хранение в Краснодарский музей-заповедник (Пьянков 2004: 309–310, рис. 1).

Ряд кинжалов кавказских форм обнаружен в кладах, совместно с изделиями прикубанского очага металлопроизводства:

- Бекешевский клад, найденный у ст. Бекешевской Ставропольского края, содержал, помимо других предметов, один кинжал (Иессен 1951: 92, рис. 21, 8);
- погребение с горы Бык, Предгорный р-н Ставропольского края, в каменном ящике, содержало кинжал (Там же: 82, рис. 5, 1) и два серпа;
- комплекс (вещи, приобретенные Н. Е. Бранденбургом в 1891 г., скорее всего клад в насыпи кургана) из бывшей немецкой колонии Ольгенфельд, на р. Ея, ныне — пос. Машино Александровского р-на Ростовской обл., содержал два кинжала (один из них обломан), кельт и концевой обломок серпа кубанского типа (ОАК 1893: 79; Иессен 1951: 82, 83, 95, рис. 5, 5). Этот комплекс довольно четко датируется VI–VII периодами периода поздней бронзы Юга Восточной Европы, XI–X вв. до н. э., исходя из входящего в него кельта;
- кинжал из Ростовского клада, обнаруженного в 1963 г. близ Ростовского аэропорта (Ильюков 1999). Значительное количество и, главное, расширенные типологические ряды подобных кинжалов известны в Закавказье, в первую очередь в области Шида Картли второй половины II тыс. до н. э. (Picchelaury 1997: 22, 23, 77).

В списке кавказских кинжалов из зоны ПОММ ПБВ упомянем также клинки, найденные в верховьях р. Кубани, к западу от ее устья — кинжалы с р. Гоначхир, из Инжичукунского могильника, с р. Домбай-Ульген.

В целом кинжалы кавказских форм достаточно сложно узко локализовать по зонам происхождения. Лишь для ольгенфельдского клинка с определенной долей уверенности мы можем указать на центрально-восточнокобанский след. Остальные могут трактоваться и как кобанские, и как закавказские. Причем Закавказье имеет приоритет по времени их появления в регионе.

Подчеркнем, что кинжалы кавказских форм из комплексов ПОММ ПБВ и из ареала очага мы можем считать как прямым импортом, так и изготовленными на месте, под влиянием кавказских традиций. Такое мнение основано в том числе на анализе химического состава предметов.

Уникальной для Кубани находкой является наряду с другими предметами комплекса кинжал из Упорненского клада (Аптекарев, Козенкова 1986: 121, 122, рис. 1, 8). Цельнолитой бронзовый кинжал находит ряд аналогий в материалах Абхазии времени перехода от бронзы к железу (Воронов 1969: 36, табл. XXXVIII, 50; 1980: 202, рис. 1). Кинжаловидные привески подобной формы известны как на территории Колхиды, так и в кобанских памятниках Северного Кавказа (Аптекарев, Козенкова 1986: 127, 128). Самый ранний из хорошо датируемых подобных памятников — клад позднебелозерского времени из Тхмори (Коридзе 1965: табл. XVII), то есть форму упорненского кинжала мы можем связывать с территорией Колхиды. Изготовлен он из мышьяковистой бронзы, соответственно, вероятно, в Прикубанье (Черных, Кузьминых 1986: 136).

В составе Ростовского клада есть и оригинальное навершие булавы (Ильюков 1999: 61, рис. 1, 1). Близкая аналогия ростовской булавы опубликована как находка в Раче в с. Гари (Куфтин 1949а: 47, 48, табл. XXXI). Поэтому именно эту территорию можно считать местом происхождения булавы из Ростовского клада, изготовленной, кстати, из оловянистой бронзы.

Особо выделяется находка на поселении Шушук бронзового закавказского наконечника стрелы-площика в виде ласточкина хвоста с отверстием (Эрлих 2021: 33, рис. 3, 1). В. Р. Эрлих справедливо рассматривает этот наконечник как прямой импорт с территории Центрального Закавказья (Там же: 33–35).

К закавказской категории изделий, не получившей широкого распространения на Северном Кавказе, относятся четыре топора-сечки из Кяфарского клада, находящегося в фондах Музея историко-культурного наследия САО и Нижнего Архыза. Подобные (но не идентичные) сечки встречены в памятниках колхидской культуры.

Нехарактерными для ПОММ ПБВ являются и тесла с цапфами и симметричным закругленным лезвием — колхидского типа (Джапаридзе 1953: 292, рис. 5). Два таких тесла зафиксированы А. А. Иессеном в Краснодарском музее (Иессен 1951: 84, рис. 7, 1, 2). Кроме Колхиды, шесть подобных тесел известны к востоку от р. Кубань, в пределах западного варианта кобанской культуры, по В. И. Козенковой (Козенкова 1998: 13, 14, табл. II, 6–9).

Наконец, среди предметов, нехарактерных для ПОММ ПБВ, но имеющих параллели на Центральном Кавказе, упомянем две булавки, поступившие в Краснодарский музей из ст. Андрюковской. Вслед за А. А. Иессеном мы склонны связывать андрюковские булавки с материалами Дигории (Иессен 1951: 94, 115, 116, рис. 53, 2, 3).

Интерпретация

Обозначив предметы прямого металлического экспорта и импорта, а также формы, возникшие под влиянием Закавказья в среде ПОММ ПБВ, либо наоборот — в Закавказье на основе кубанских традиций, мы можем обозначить этапы этих процессов, исходя из хронологии прикубанского очага металлопроизводства (Бочкарев, Пелих 2008).

Ахметовский этап. Влияние Закавказья — топоры урекского типа, топор особой формы из Самарского клада и минимум один из топоров из Краснодарского музея.

Ахметовским этапом ПБВ, или даже концом СБВ датируется импортное (из Закавказья) копьё из Нижнего Архыза.

Ахметовский — удобненский этапы. Экспорт из ПОММ ПБВ — предположительно, серп из Ушгули. Импорт с Центрального Кавказа — булавки из Андриюковской.

Удобненский этап. Влияние либо импорт из Закавказья или с Центрального Кавказа — кинжалы из Удобной. Удобненским этапом (не исключено также, что концом ахметовского) датируются проушные топоры из Пицундского и Лыхненского кладов раннего верхнекубанского типа как закавказская форма либо форма, появившаяся в пределах Абхазии — верховьев Кубани.

Бекешевский этап. Влияние либо импорт из Закавказья или с Центрального Кавказа — кинжал из Бекешевской. Влияние Закавказья — секира и булава из Упорненского клада. Влияние Закавказья или Центрального Кавказа — кинжал из Упорненского клада.

Бекешевский — ольгенфельдский этапы. Экспорт из ПОММ ПБВ — кельт из Тхмори, коленчатые серпы. Импорт из Закавказья — стрела-площик с поселения Шушук, булава из Ростова, тесла колхидских типов из Краснодарского музея. Влияние либо импорт из Закавказья — топоры-сечки из Кяфарского клада. Влияние либо импорт из Закавказья или Центрального Кавказа — кинжалы с Бык-горы, из Ростовского клада, с р. Гоначхир, из Инжичукунского могильника.

Ольгенфельдский этап. Влияние либо импорт из Закавказья или Центрального Кавказа — кинжал из Ольгенфельда.

Кроме того, некоторые предметы, найденные случайно, можно датировать широко периодом поздней бронзы — это ряд кинжалов кавказских форм.

Обратим внимание, что синхронизация выделенных этапов с закавказскими этапами позднебронзового времени затруднительна, в первую очередь из-за дискуссионности закавказских хронологических схем. Кроме того, выделенные этапы, если исходить из периодизации памятников бронзового века Юго-Восточной Европы, по В. С. Бочкарёву (Бочкарев 2019), относятся не к одному позднему III технологическому этапу, а к двум сменяющим друг друга этапам: к среднему II технологическому этапу относится не только костромской (предшествующий появлению и распространению прикубанского очага металлопроизводства), но и ахметовский этап самого этого очага. К позднему III технологическому этапу бронзового века Юго-Восточной Европы мы относим материалы ПОММ ПБВ, объединенные в удобненский, бекешевский и ольгенфельдский этапы его развития.

Картографирование находок проведено по двум основаниям: хронология (рис. 3), направления и виды контактов (рис. 4). Заметно, что на раннем (ахметовском) этапе больше прослеживается закавказское (конкретнее, западнозакавказское) влияние на прикубанский очаг металлопроизводства, нежели наоборот. Это влияние выразилось в появлении в верховьях Кубани и далее — в кладах изделий ПОММ ПБВ в Северном Причерноморье — топоров урекского типа. Возможно, с этого времени начинается проникновение на Кубань кинжалов кавказских, в первую очередь закавказских, форм. Находка предмета типично кубанской формы ахметовского времени в Закавказье лишь одна — серп. При этом он может датироваться и следующим, удобненским, этапом. И самое главное — форма кубанских серпов не получила развития в Закавказье.

Для удобненского этапа ситуация сложнее. Здесь мы видим форму (верхнекубанские топоры), начало производства которой, возможно, связано с единой зоной, охватывающей современную Абхазию и верховья Кубани. При этом на Кубань, либо как традиция изготовления, либо как прямой импорт, поступают кинжалы кавказских, в первую очередь закавказских, форм.

Для бекешевского и ольгенфельдского этапов мы видим достаточно много следов двусторонних контактов Кубани с Закавказьем, прежде всего Западным: импорт на Кубань

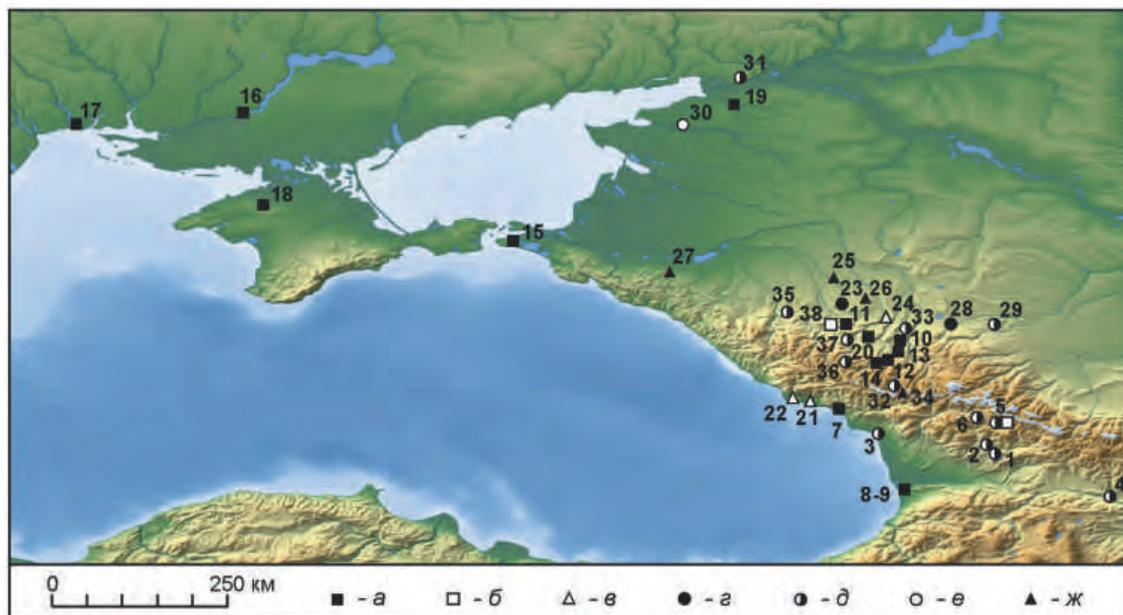

Рис. 3. Изделия периода поздней бронзы с учетом хронологических этапов (*а* — ахметовский этап; *б* — ахметовско-удобненский этап; *в* — удобненский этап; *г* — бекешевский этап; *д* — бекешевско-ольгенфельдский этап; *е* — ольгенфельдский этап; *ж* — широкие пределы ПБВ): 1 — Тхмори, клад; 2 — Лечхуми (Лаилаши); 3 — Очамчира, клад; 4 — Рене; 5 — Ушгули; 6 — Чубери, клад; 7 — Лечкоп; 8 — Уреки, клад; 9 — Уреки; 10 — Аксаут; 11 — Ахметовский клад; 12 — Кяфар; 13 — Маруха; 14 — Нижний Архыз; 15 — Балка Лисовицкого IV; 16 — Бериславский клад; 17 — Коблевский клад; 18 — Крыловский клад; 19 — Самарский клад; 20 — Краснодарский музей, топоры, условно; 21 — Лыхненский клад; 22 — Пицундский клад; 23 — Упорная, клад; 24 — Удобная, погребения; 25 — Чамлыкская; 26 — Кинжал из собрания Зичи, «с Кубани», условно; 27 — Смоленская; 28 — Бекешевский клад; 29 — погребение с горы Бык; 30 — Ольгенфельд, клад; 31 — Ростовский клад; 32 — Гоначхир; 33 — Инжич-Чукун; 34 — Домбай-Ульген; 35 — Шушук; 36 — Кяфарский клад; 37 — Краснодарский музей, тесла, условно; 38 — Андрюковская

Fig. 3. Late Bronze Age products and their chronological stages (*a* — Akhmetovo stage; *b* — Akhmetovo-Udobnaya stage; *v* — Udobnaya stage; *z* — Bekeshevo stage; *d* — Bekeshevo-Olgensfeld stage; *e* — Olgensfeld stage; *zh* — wide limits of the Late Bronze Age): 1 — Thmori hoard; 2 — Lechkhumi (Lailashi); 3 — Ochachira hoard; 4 — Rene; 5 — Ushguli; 6 — Chuberi hoard; 7 — Lechkop; 8 — Ureki hoard; 9 — Ureki; 10 — Aksaut; 11 — Akhmetovo hoard; 12 — Kyafar; 13 — Marukha; 14 — Nizhniy Arkhyz; 15 — Balka Lisovitskogo IV; 16 — Berislav hoard; 17 — Koblevo hoard; 18 — Krylovo hoard; 19 — Samara hoard; 20 — Krasnodar Museum, axes; 21 — Lukhnensky hoard; 22 — Pitsunda hoard; 23 — Upornaya hoard; 24 — Udobnaya burials; 25 — Chamlykская; 26 — dagger from Zichi collection, «from the Kuban»; 27 — Smolenskaya; 28 — Bekeshevo hoard; 29 — burial on the Balyk mountain; 30 — Olgensfeld hoard; 31 — Rostov hoard; 32 — Gonachkhir; 33 — Inzhich-Chukhun; 34 — Dombai-Ulgen; 35 — Shushuk; 36 — Kyafar hoard; 37 — Krasnofar Museum, adzes; 38 — Andryukovskaya

(кинжалы, тесла, стрела, возможно, сечки) и экспорт (серпы). Причем если в пределах прикубанского очага металлопроизводства мы можем выделять категории предметов, изготовлявшихся на месте *под влиянием* закавказских культурных зон (кинжалы, секира, булава, возможно, сечки), то предметы кубанского происхождения, найденные в Закавказье (в основном в Западном и один предмет — в Центральном) — это только прямой экспорт (кельт, серпы), не нашедший продолжения в традициях собственно закавказской металлообработки.

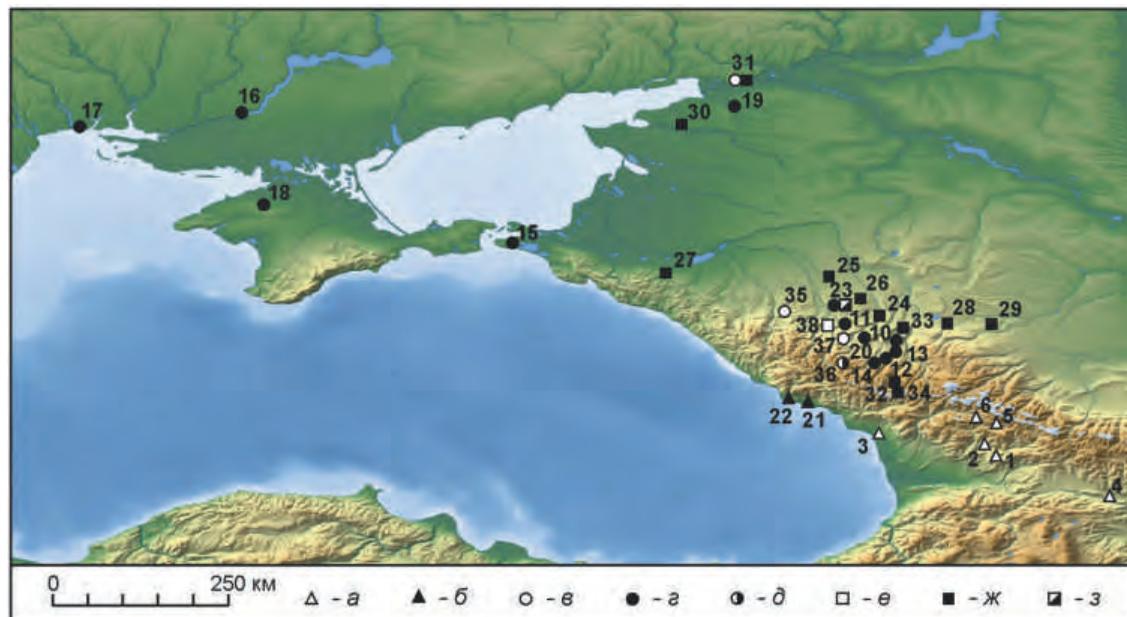

Рис. 4. Распределение изделий периода поздней бронзы по направлениям и видам контактов (*а* — экспорт из ПОММ ПБВ; *б* — зона Абхазия — Верховья Кубани; *в* — импорт из Закавказья; *г* — влияние Закавказья; *д* — влияние либо импорт из Закавказья; *е* — импорт из Центрального Кавказа; *ж* — влияние либо импорт из Закавказья, либо Центрального Кавказа; *з* — влияние Закавказья либо Центрального Кавказа). Номера на карте см. рис. 3

Fig. 4. Distribution of the Late Bronze Age products by the directions and types of contacts (*a* — exports from of the Kuban Late Bronze Age metallurgical center; *b* — Abkhazia — Upper Kuban zone; *v* — imports from the Transcaucasia; *z* — Transcaucasian influences; *d* — Transcaucasian influence or import; *e* — imports from the central Caucasus; *ж* — Transcaucasian or Central Caucasian influence or import; *з* — Transcaucasian or Central Caucasian influence). The legend for the numbers on the map see on Fig. 3

Результаты

Проведенное исследование позволило впервые с использованием значительного объема источников показать широкие двусторонние и разноуровневые контакты прикубанского очага металлопроизводства с Южным Кавказом.

К югу от Главного Кавказского хребта была выделена небольшая, но показательная серия предметов прямого кубанского экспорта. Причем эти предметы не локализируются лишь в непосредственно территориально близкой Абхазии: они распространены в Закавказье на значительной территории от побережья Черного моря до центральной части Грузии, до края Шида-Картли включительно. При этом данный экспорт был одновременным — от ахметовского этапа до ольгенфельдского. Подчеркнем еще раз: с Кубани на юг на всем протяжении существования прикубанского очага металлопроизводства шел экспорт, причем именно экспорт предметов — традиции закавказской металлообработки не были изменены под влиянием кубанских форм экспортируемых предметов.

Ситуация с импортом на Кубань иная. Наряду с чистым импортом изделий мы видим четкие типологические и технологические импульсы, шедшие с более развитых областей Южного Кавказа (в первую очередь Западного Закавказья) в Прикубанье, которые привели к появлению и широкому распространению в пределах прикубанского очага металлопроизводства новых типов изделий. А они, уже из ПОММ ПБВ, в свою очередь, распространялись далеко на северо-запад (так называемые урекские топоры).

Литература

- Анфимов 1957 — *Анфимов Н. В.* Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станицы Удобной // СА. 1957. № 4. С. 155–157.
- Аптекарев, Козенкова 1986 — *Аптекарев А. З., Козенкова В. И.* Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. 1986. № 3. С. 121–135.
- Бочкарев 1972 — *Бочкарев В. С.* Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл. // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 87–89.
- Бочкарев 1996 — *Бочкарев В. С.* Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 96–97.
- Бочкарев 2019 — *Бочкарев В. С.* К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы // Виноградов Ю. А. и др. (отв. ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 166–170.
- Бочкарев, Пелих 2008 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Туаллагов А. А. (отв. ред.). Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21–25 апреля 2008 г.: ТД МНК. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. С. 64–66.
- Бочкарев, Пелих 2022 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* Проушные топоры переходного периода от средней к поздней бронзе из Прикубанья // Гаджиев М. С., Эрлих В. Р. (ред. кол.) Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения: ММНК по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. Майкоп: Качество, 2022. С. 28–31.
- Воронов 1969 — *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 93 с.
- Воронов 1980 — *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Тереножкин А. И. (отв. ред.). Скифия и Кавказ: Сб. Киев: Наукова думка, 1980. С. 200–218.
- Гамбашидзе 1963 — *Гамбашидзе О.* Тхморский клад. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1963. 94 с.
- Джапаридзе 1953 — *Джапаридзе О. М.* Бронзовые топоры Западной Грузии (к вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры) // СА. 1953. Т. 18. С. 281–300.
- Добровольський 1948 — *Добровольський А. В.* Бериславський скарб бронзової доби // Археологія. 1948. Вып. 2. С. 152–163.
- Иессен 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Крупнов Е. И. (отв. ред.). Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 75–124 (МИА. № 23).
- Ильюков 1999 — *Ильюков Л. С.* Ростовский клад бронзовых вещей // Донская археология. 1999. № 3–4 (4–5). С. 61–64.
- Иремашвили 1976 — *Иремашвили Ш.* Могильник позднебронзовой эпохи из с. Рене // Полевые археологические исследования в 1974 году (краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1976. С. 33.
- Кияшко 2020 — *Кияшко А. В.* Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // АВ. 2020. Вып. 30. С. 207–222.
- Козенкова 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. М.: Наука, 1998. 200 с. (САИ. Вып. В2-5. Т. 5).

- Колотухин 2003 — *Колотухин В. А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.
- Коридзе 1965 — *Коридзе Д. Л.* К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965. 168 с.
- Куфтин 1949а — *Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1949. 230 с.
- Куфтин 1949б — *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да шрома, 1949. Т. 1. 360 с.
- Кушнарева 1993 — *Кушнарева К. Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. 312 с.
- Марковин, Глебов 1979 — *Марковин В. И., Глебов А. И.* Клад бронзолитейщика из окрестностей станции Ахметовской // СА. 1979. № 2. С. 239–245.
- Минаева 1947 — *Минаева Т. М.* Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске (раскопки 1940 г.) // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 131–138.
- ОАК 1893 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 год. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1901. 187 с.
- ОАК 1901 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1901. 190 с.
- Пелих 2006 — *Пелих А. Л.* Некоторые примеры контактов населения Закавказья и Прикубанья в позднебронзовое время // Бжания В. В. (отв. ред.). Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум: изд-во Сухумского ГУ, 2006. С. 275–277.
- Пелих 2021 — *Пелих А. Л.* Бронзовые топоры верхнекубанского типа: хронология и география // Малышев А. А., Скаков А. Ю. (ред.). Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти д-ра ист. наук В. И. Козенковой. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 44–54.
- Пьянков 2004 — *Пьянков А. В.* Бронзовый кинжальный клинок из новых поступлений в Краснодарский музей-заповедник // МИАСК. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 309–310.
- Рамишвили 1974 — *Рамишвили А. Т.* Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми: Сабчота Аджара, 1974. 137 с. (на груз. яз.).
- Сахарова 1976 — *Сахарова Л. С.* Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 76 с. (на груз. яз.).
- Техов 1977 — *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 238 с.
- Трапш 1970 — *Трапш М. М.* Лыхненский клад бронзовых топоров / Труды. Сухуми: Алашара, 1970. Т. 1. С. 174–183.
- Чартолани 1977 — *Чартолани Ш. Г.* Археологические памятники эпохи бронзы из Сванети. 1: Каталог. Тбилиси: Мецниереба, 1977 (на груз. яз.).
- Чартолани 1989 — *Чартолани Ш. Г.* К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 267 с.
- Черных, Кузьминых 1986 — *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Химический состав металла клада у станции Упорной // СА. 1986. № 3. С. 135–138.
- Черняков 1967 — *Черняков И. Т.* Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // Записки Одесского археологического общества. 1967. Т. 2. С. 23–37.
- Эрлих 2021 — *Эрлих В. Р.* Закавказские и протокобанские связи постдольменного поселения Шушук (Северо-Западный Кавказ) // Малышев А. А., Скаков А. Ю. (ред.). Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа: Памяти д-ра ист. наук В. И. Козенковой. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 29–43.
- Picchelauri 1997 — *Picchelauri K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Espelkamp: Verlag Marie Leidorf, 1997. 89 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 4).

CONNECTIONS OF THE KUBAN LATE BRONZE AGE CENTER OF METALLURGY WITH THE CENTRAL AND WESTERN TRANSCAUCASIA

V. S. BOCHKAREV, A. L. PELIKH

Keywords: *Caucasus, Kuban center of metallurgy, Late Bronze Age.*

The paper analyzes the Late Bronze Age metal objects from the Northwestern Caucasus and Transcaucasia to understand the character of contacts between the two regions. The objects of forms uncharacteristic for the Transcaucasia, such as sickles and a celt axe (about 10 objects, Fig. 1; 2) are considered as direct imports from the Kuban metallurgical center. In the Transcaucasia these objects are distributed over a vast area from the Black Sea shore to the central part of Georgia including Shida Kartli. Chronologically they span a period from the Akhmetovo stage of the Kuban metal production through the Olgenfeld one. It is important to note that while the Kuban products were exported to the south, the Transcaucasian metallurgical traditions themselves did not change under the influence of these imports. The situation with the imports in the opposite direction, to the Kuban region, is different: here one can see both the import of metallurgical products and clear typological and technological impulses. The latter went from more developed regions of the South Caucasus (first of all, from the Western Transcaucasia) and led to the appearance and wide spread of new types of metal objects in the Kuban metallurgical center. The Akhmetovo stage witnessed the appearance the so called Ureki type axes, whereas the first axes attributed to the so called Verkhnekubansky (Upper Kuban) type can probably be dated to the Udobnaya (and may be late Akhmetovo) stage. In the authors' view, these axes came into existence in a single production zone that included the territory of modern day Abkhazia and the upper reached of the Kuban river. A number of daggers of the Caucasian types have been found within the limits of the Kuban metallurgical center. They could have been both direct imports and local products manufactured under the influence of the Caucasian traditions.

**АРЕАЛ КАМЕННЫХ ТОПОРОВ БОРОДИНСКОЙ ГРУППЫ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
(В СВЯЗИ С «АРХИВНОЙ НАХОДКОЙ» В ЦАРЕУКЕ/ЦАРЁВКЕ,
СРЕДНИЙ ДНЕСТР)¹**

М. Т. КАШУБА²

Ключевые слова: *Восточная Европа, поздний бронзовый век, «архивно-фондовая» археология, обломок каменного топора, бородинская группа, ареал.*

В статье публикуется неизвестная находка обломка лезвийной части каменного топора. Предмет найден в 1950 г. при первых раскопках Г. Б. Фёдорова на древнерусском городище Цареука/Царёвка в Среднем Поднестровье, но не был введен в научный оборот. Рисунок изделия обнаружен при работе с личным архивом Г. И. Смирновой, которая в начале 1950-х гг. посещала г. Кишинёв и с разрешения местных археологов делала зарисовки материалов. Характерные признаки изделия (сохранившиеся размеры, секировидное расширение лезвия) позволяют отнести его к топорам с лопастью бородинской группы и датировать началом позднего бронзового века Восточной Европы (начало II тыс. до н. э.). Каменные топоры с лопастью характерны для Восточной Европы: из 18 находок лишь одна приходится на Северный Кавказ. Четыре экземпляра, включая топор из Бородинского клада (одна пятая часть от всех находок), обнаружены на сравнительно небольшой территории — в Восточном Прикарпатье (Бессарабии). Это может свидетельствовать, что сокрытие клада длительного накопления Бородино на юге Бессарабии является действием не случайного депонирования, а специальным маркированием территории, освоенной племенами культуры Бабино.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-117-127

Возвращение к материалам раскопок прошлых лет (находкам, архивным документам) позволяет выявить ранее неизвестные предметы, дает возможность их интерпретации и, в ряде случаев, выхода на культурно-историческую оценку процессов, имевших место в разные исторические эпохи. Так, благодаря разысканиям по «архивно-фондовой» археологии была идентифицирована еще одна находка топора бородинской группы в Среднем Поднестровье и связи с этим поставлен вопрос о границах ареала таких изделий в позднем бронзовом веке Восточной Европы.

Находка, описание, обсуждение контекста

В личном архиве Галины Ивановны Смирновой (1928–2011) имеется несколько папок с рисунками и пометками, сделанными ею в начале 1950-х гг. во время сбора материалов

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

для подготовки кандидатской диссертации. В те годы она несколько раз посещала г. Кишинёв, где с разрешения местных археологов — авторов раскопок и держателей материалов — знакомилась с последними находками, делала рисунки и пометки. При работе с материалами раннего железного века из раскопок древнерусского городища Царёвка (совр. Цареука (рум. Țareuca), район Резина, Республика Молдова) Г. И. Смирнова сделала рисунок обломка каменного топора (рис. 1, 7).

Фрагмент каменного изделия относится к проушным топорам. Он представлял собой лезвийную часть изделия, имевшую секировидное расширение; сломан в средней части, обухок отсутствовал. Поверхность изделия гладкая. Сохранившиеся размеры: длина 9,4 см, ширина 5,5 см, диаметр втулки 2,5 см, высота средней части лезвия 2,6 см, высота лопасти лезвия 3,6–4,1 см (рис. 1, 7). Место хранения неизвестно, скорее всего, предмет утрачен. Контекст находки неизвестный.

Приведу соображения в пользу того, что это была случайная находка, которая могла быть найдена еще в древности. Древнерусское городище Цареука/Царёвка было открыто в 1950 г. и раскапывалось в 1950, 1952, 1953, 1958 гг. силами Пруто-Днестровской экспедиции под руководством Г. Б. Фёдорова (Федоров 1952). Оно принадлежит к типу кольцевых городищ, функционирование которых в Днестро-Прутском междуречье исследователи связывают с летописными тиверцами. Было отмечено, что «городище и посад основаны на месте трипольского и гетского поселений» (Федоров, Чеботаренко 1974: 90), то есть на памятнике засвидетельствованы материалы энеолита/раннего бронзового и раннего железного века. Стоит добавить, что наряду с находками гетской культуры (IV–III вв. до н. э.) здесь имеются и другие материалы раннего железного века, относящиеся к раннегальштаттской культуре Козия-Сахарна (см.: Лапушнян и др. 1974: 16; Кашуба 2000: рис. XXXVI: 20; XLVI: 1, 2, 4, 6, 8–10, 12–14), которая сейчас датируется концом XI — рубежом X/IX вв. до н. э. Но ни в один из вышеперечисленных периодов времени не бытовали каменные топоры с секировидным лезвием (топоры с лопастью), подобные найденному обломку. Это означает, что на городище отсутствуют культурные остатки, с которыми можно связать эту находку. Следовательно, наличие обломка каменного топора — случайная находка, по каким-то причинам оказавшаяся в пределах территории памятника. Когда это могло произойти, остается под вопросом.

В преисторической археологии имеются примеры функционирования и использования в более позднее время древних (старинных) предметов. Известный случай, близкий по времени функционирования городищу Цареука/Царёвка, — это каменный энеолитический топорик с христианскими изображениями Богоматери Знамения и архидиакона Св. Стефана, датирующийся XII в. и найденный в Свято-Михайловском Златоверхим монастыре в Киеве. Топорик был расколот в месте, где расположено отверстие для рукояти, и в XII в. превращен в подвеску. В верхней его части древними ювелирами были сделаны небольшие каналы и круговой паз для серебряной оправы и шнура (Ивакин, Чернецов 2001). В средневековье во всей Европе каменные орудия предшествующего (первобытного) периода считались своего рода материальным проявлением удара молнии, или «громовыми стрелами», символизируя собой мифологическую связь удара молнии и камня (Там же). Не исключено, что обломок каменного топора мог быть найден еще в древности и принесен на городище. Поэтому имеются резонные основания, чтобы отнести обломок каменного топора из Цареука/Царёвка к категории «случайные находки».

Аналогии, возможности датирования, культурно-историческая интерпретация

Морфологические особенности сохранившегося обломка каменного изделия из Цареуки/Царёвки позволяют его надежно идентифицировать как проушной топор и отнести к бодинской группе, а именно, к топорам с секировидным расширением лезвия (топорам

с лопастью)³. Один такой топор — топор 4 (или топор IV типа; топор-секира) (Бронзовый век... 2013: 562, № 251.7), входит в состав Бородинского (Бессарабского) клада позднего бронзового века (рис. 1, 1).

Клад из Бородино (или Бессарабский клад) в последние годы оказался в фокусе внимания, хотя этот ключевой для эпохи бронзы Европы и Средиземноморья комплекс всегда находился в поле зрения исследователей, свидетельством чего является обширнейшая библиография (см.: Штерн 1914; Спицын 1916; Кривцова-Гракова 1949; Бочкарев 1968; Сафронов 1968; Попова [1981]; Kaiser 1997: со ссылками на старую библиографию). Тому есть несколько причин. Через 100-летие с момента его находки в 1912 г. на юге Бессарабии клад экспонировался на выставке «Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э.» (см.: Шишлина 2013). Были проведены новые масштабные естественнонаучные исследования предметов этого комплекса (Бородинский клад... 2019). Благодаря «архивному открытию» было окончательно выяснено, что собрание металлических и каменных находок Бородино является кладом, сокрытом в глиняном сосуде в толще песка на склоне Песчаной горы, на правом берегу р. Сака (Кашуба, Сапожников 2020). Осуществлены важнейшие разработки по хронологии и периодизации позднего бронзового века Восточной Европы: выделены этапы металлопроизводства (Бочкарёв 2017); предложена общая схема развития литейного производства (Бочкарёв 2019); проведены значительные работы по радиоуглеродному датированию памятников, комплексов и согласованию полученных результатов с имеющейся хронологией (из обширной библиографии непосредственное отношение к Бородинскому кладу см.: Kaiser 2018: 132–139).

Как отметила Н. И. Шишлина (2013: 168, 169), новые данные о материалах изделий и сырьевых источниках, анализ технологических традиций и привлечение новейших данных радиоуглеродного датирования позволили отнести формирование клада Бородино к первым векам II тыс. до н. э., а его сокрытие — к рубежу XVIII/XVII вв. до н. э. (Шишлина 2019б: 156; также см.: Kaiser 2018: 139, 140).

Что же каменные топоры? В предыдущих и современных работах по Бородинскому кладу им традиционно уделено много внимания. Хотя в своей работе С. А. Сафронов основные аналогии для бородинских топоров увидел на Кавказе (Сафронов 1968: 92 сл.), проведенное им исследование было важным, так как был поднят вопрос об общей традиции изготовления и применения каменных топоров в разных культурах Восточной Европы (ср.: Kaiser 2018: 135). Современное состояние источниковой базы позволяет провести уверенные аналогии между каменными топорами из Бородинского клада и топорами из памятников бабинской культуры (Там же), которая имеет обеспеченность независимыми радиоуглеродными датировками (Мимоход 2013: 282 сл., 445; 2021; Kaiser 2018; и др.). Речь идет обо всех топорах из Бородино, в том числе о топоре 4 (топоре с лопастью), которому, несмотря на сравнительную редкость формы, нашлись новые соответствия (см.: Sava, Sirbu 2019: fig. 1; Кияшко 2020: рис. 6, 3).

Новые находки дополнили группу каменных топоров с лопастью, которые отличаются между собой деталями: пропорциями, размерами, оформлением обушковой части, наличием или отсутствием декора, но имеют важнейший общий признак — более или менее развитое секировидное лезвие. Всего в Восточной Европе и на Северном Кавказе известно 18 целых и фрагментированных таких изделий (табл. 1).

³ Автор выражает сердечную благодарность В. С. Бочкарёву за консультации и помощь при написании работы.

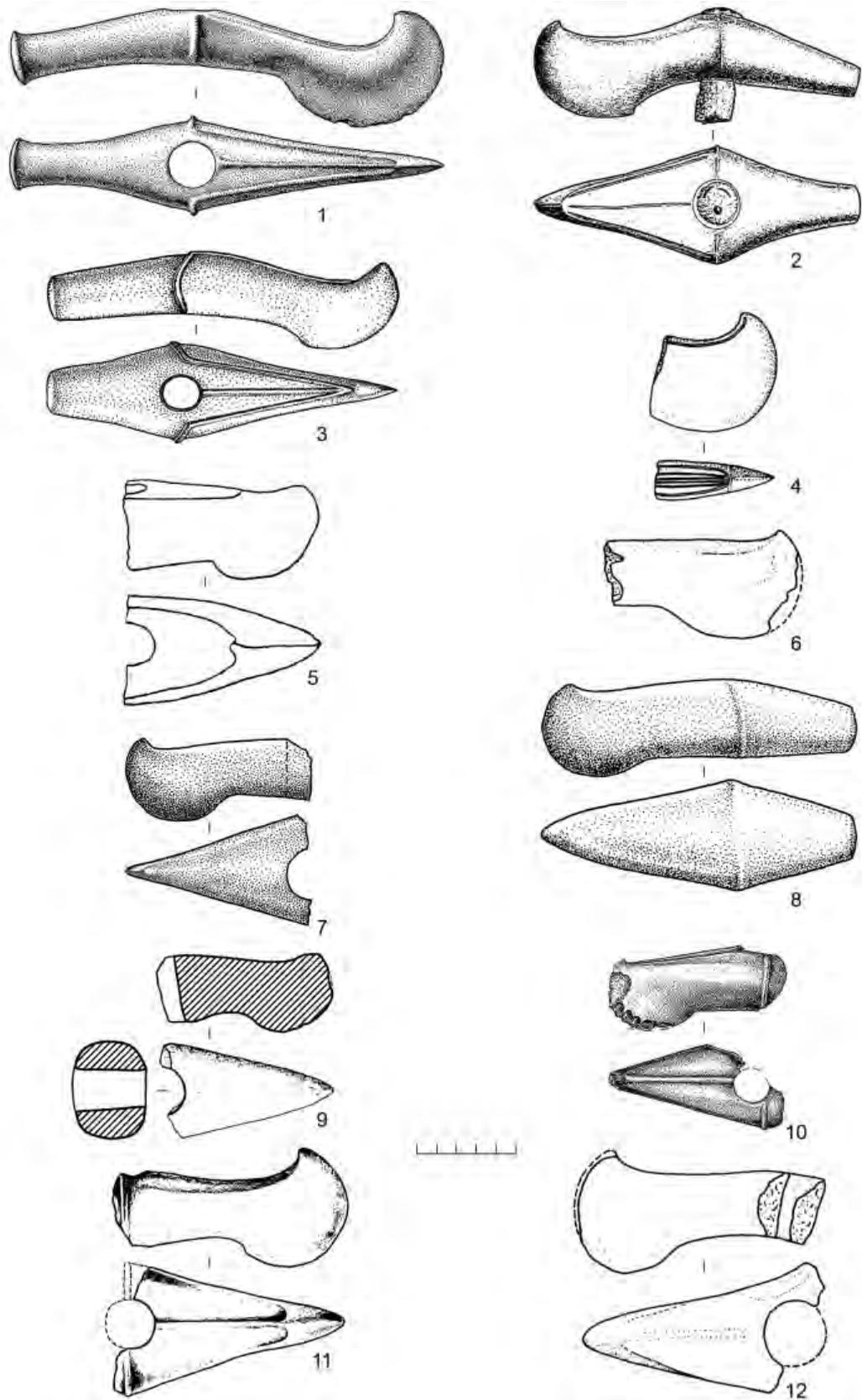

Рис. 1. Целые и фрагментированные каменные топоры с лопастью бородинской группы позднего бронзового века в Бессарабии (1–4), Северном Причерноморье (5–9, 11, 12) и на Тамани (10): 1 — Бородино, топор 4, клад (по: Шишлина 2019а: рис. 11); 2 — Хортица (Днепр), случ. нах. (по: Нефедов 1998: рис. 2); 3 — Рышкань (?), случ. нах. (по: Sava, Sirbu 2019: fig. 1); 4 — Великая Андрусовка, пос. (по: Петровская, Максимов 1959: табл. I, 4); 5 — Рэут/Реут, случ. нах. (по: Дергачев 1986: рис. 36, 21); 6 — Усово озеро, пос. (по: Березанская 1990: рис. 25, 3); 7 — Цареука/Царёвка, случ. нах.; 8 — Ливенцовско-Каратаевская крепость (по: Братченко 2012: рис. 75, 6); 9 — Донецк, музей, случ. нах. (по: Каталог случайных находок... 1993: рис. 24, 3); 10 — Балка Лисовицкого IV, пос. (по: Кияшко 2020: рис. 6, 3); 11 — Аксай, случ. нах. (по: Ильюков 2001: 443, рис.); 12 — Жовнино, случ. нах. (по: Братченко, Сердюкова 1993: рис. 5, 4)

Fig. 1. Intact and fragmented Late Bronze Age stone axes with an axe-head of the Borodino group in Bessarabia (1–4), the Northern Black Sea shore region (5–9, 11, 12) and the Taman peninsula (10): 1 — Borodino, axe 4, hoard (after Шишлина 2019а: рис. 11); 2 — Khortitsa (Dnieper), stray find (after Нефедов 1998: рис. 2); 3 — Rîșcani (?), stray find (after Sava, Sirbu 2019: Fig. 1); 4 — Velikaya Andrusovka (after Петровская, Максимов 1959: табл. I, 4); 5 — Răut, stray find (after Дергачев 1986: рис. 36, 21); 6 — Usovo ozero settl. (after Березанская 1990: рис. 25, 3); 7 — Țareuca, stray find; 8 — Liventsovka-Karataevka fortress (after Братченко 2012: рис. 75, 6); 9 — Donetsk, museum, stray find (after Каталог случайных находок... 1993: рис. 24, 3); 10 — Balka Lisovitskogo IV (after Кияшко 2020: рис. 6, 3); 11 — Akdai, stray find (after Ильюков 2001: 443, рис.); 12 — Zhovnino, stray find (after Братченко, Сердюкова 1993: рис. 5, 4)

Таблица 1. Распределение каменных топоров с лопастью бородинской группы позднего бронзового века в Восточной Европе и на Северном Кавказе согласно контексту находок (ср.: рис. 1–3)

Контекст находок	Топоры		Всего
	Целые формы	Фрагменты	
Клады	1	-	1
Погребения	3	-	3
Поселения	1 (заготовка)	3	4
Случайные находки	5	5	10
Всего	10	8	18

Анализ контекстов находок показывает, что среди них имеются депонированные экземпляры (клад (рис. 1, 1), погребения (рис. 2, 1, 3, 6)) и изделия, выпавшие из обращения в процессе использования (поселения (рис. 1, 4, 6, 8, 10), случайные находки (рис. 1, 2, 3, 5, 7, 9, 11, 12; 2, 2, 4, 5)). Слом на проушине является показателем реального использования топора, которые чаще всего именно там и ломались: фактически половину найденных изделий составляют фрагменты (рис. 1, 4–7, 9–12).

Топоры с лопастью, в отличие от трех других морфологически близких между собой топоров из Бородинского клада, бытовали в ограниченный промежуток времени. Такие данные имеются по депонированным изделиям в погребениях из Верхнего Подонья и Нижнего Поволжья (рис. 3, 14, 17): топор из кург. 6, погр. 6 Верхний Балыклей (Мыськов 1983: рис. 2, 6), и, вероятно, экземпляр из Белогорья (личный архив В. С. Бочкарёва) найдены в погребениях (ранней) покровской культуры, которая по совокупности данных относится к II периоду восточноевропейского металлопроизводства позднего бронзового века или первым векам II тыс. до н. э. (см.: Бочкарёв 2017: 162 сл.).

Появились хронологические поправки и для контекстов, в которых найдены каменные топоры с лопастью в западной части их ареала (рис. 3) — это поселения с материалами

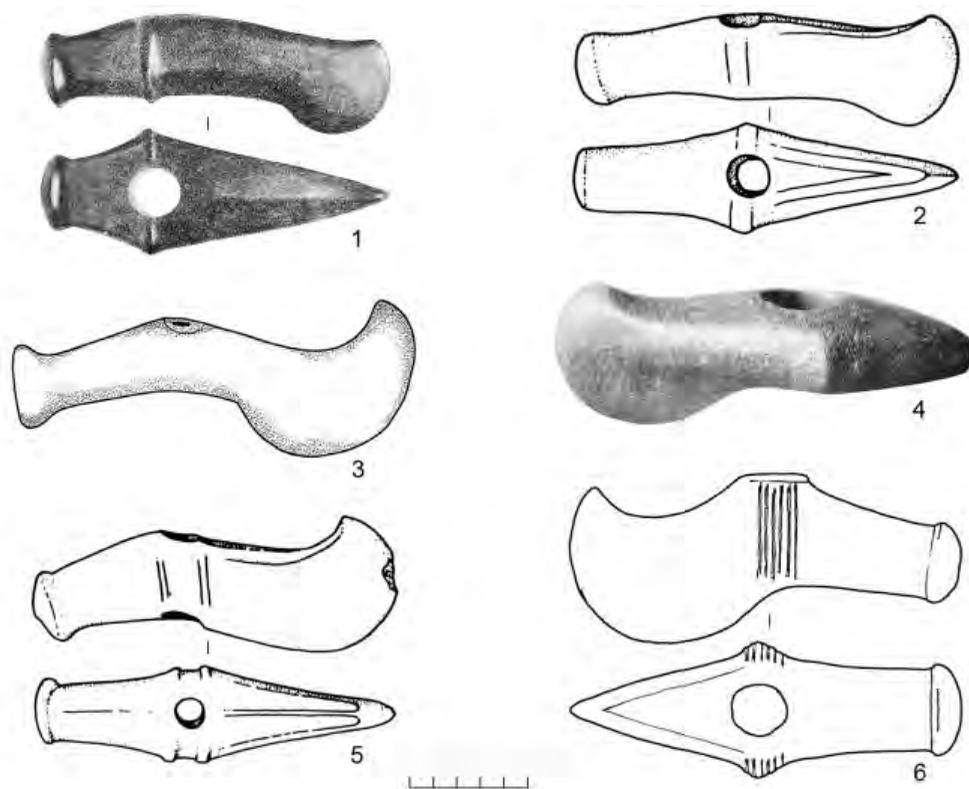

Рис. 2. Целые и фрагментированные каменные топоры с лопастью бородинской группы позднего бронзового века на Северном Кавказе (1), в Верхнем Подонье (3) и в Поволжье (2, 4–6): 1 — Грозный (Черноречье), погр. (?) (по: Милорадович 1956: рис. 57); 2 — Волгоград, музей, случ. нах. (по: Сафронов 1968: прил. I, рис. 1, 20); 3 — Белогорье, погр.; без масштаба (по: личный архив В. С. Бочкарёва); 4 — Самара, случ. нах.; без масштаба (по: Булычев 1904: табл. II, рис. 1); 5 — хут. Хлебный (Волгоград, музей), случ. нах. (по: Сафронов 1968: прил. I, рис. 1, 19); 6 — Верхний Балыклеи, погр. (по: Мыськов 1983: рис. 2, 6)

Fig. 2. Intact and fragmented Late Bronze Age stone axes with an axe-head of the Borodino group in the Northern Caucasus (1), the Upper Don region (3) and the Volga basin (2, 4–6): 1 — Groznyy (Chernorechie), burial (?) (after Милорадович 1956: рис. 57); 2 — Volgograd, museum, stray find (after Сафронов 1968: прил. I, рис. 1, 20); 3 — Belogorie, burial; not to scale (V. S. Bochkarev's personal archive); 4 — Samara, stray find; not to scale (after Булычев 1904: табл. II, Fig. 1); 5 — Khlebniy farmstead (Volgograd, museum), stray find (after Сафронов 1968: прил. I, рис. 1, 19); 6 — Verkhniy Balyklei, burial (after Мыськов 1983: рис. 2, 6)

бабинской культуры (рис. 3, 5, 11, 12). Уже в первоначальной публикации авторы раскопок отнесли материалы поселения Великая Андрусовка⁴ (рис. 3, 5) к культуре многоваликовой керамики (Бабино), отметив в качестве интересной находки «обломок лезвийной части шлифованного диоритового топора <...>, аналогичному одному из топоров известного Бессарабского клада» (Петровская, Максимов 1959: 23, 24, табл. I, 4). Идентификация материалов поселения не вызывала вопросов у специалистов, а обломок топора с расширен-

⁴ В статье используется название «Великая Андрусовка» согласно современному названию населенного пункта (в литературе встречено также «Б. Андрусовка», «Большая Андрусовка», «В. Андрусовка», «Андрусовка» — см.: Петровская, Максимов 1959; Сафронов 1968; и др.). На основе обломка каменного топора из этого поселения Э. Кайзер выделила отдельный «тип Андрусовка» (см.: Kaiser 1997: 108, 109, Taf. 26, 7, 8).

ным полукруглым лезвием уверенно был отнесен к бородинской группе (см.: Братченко 1985а: 454, 457, рис. 123, 13). Обломок каменного топора из поселения Балка Лисовицкого IV (рис. 1, 10) А. В. Кияшко связывает с материалами каменной культуры финала среднего бронзового века (Кияшко 2020: 216–219, рис. 7, I, 3). Наконец, при анализе материалов из Ливенцовско-Каратаевской крепости⁵ в обобщающей работе по среднему бронзовому веку Нижнего Подонья С. Н. Братченко отметил каменный топор, который имеет «вычурное, полуциркульное лезвие, как у бородинской секиры» (Братченко 1976: 127, рис. 67, 3) (рис. 1, 8). В целом на основе материалов Ливенцовско-Каратаевской крепости С. Н. Братченко выделил особую каменно-ливенцовскую группу (культуру) финала среднего бронзового века, которая частично была синхронна культуре многоваликовой керамики (Бабино), но существенно от нее отличалась (Братченко 1976: 127, 128, 150–153; 1985б). Согласно современным представлениям, материалы Ливенцовско-Каратаевской крепости в целом относятся к посткатакомбному блоку (ПКБ); прекращение жизни на памятнике произошло вследствие локального военного конфликта на фазе ПКБ II или в 2100–2000 calBC (см.: Мимоход 2022: 91, 92).

Учитывая приведенные выше данные и принимая во внимание датировку Бородинского клада, бытование каменных топоров с лопастью в Восточной Европе с достаточной долей уверенности можно относить к первым векам II тыс. до н. э. Здесь напомним важное наблюдение С. Н. Братченко, что «целый топор из Ливенцовской крепости и обломок из „многоваликового“ поселения Андрусовка по вычурному полуциркульному лезвию более всего соответствует бородинской секире... Такие топоры менее распространены. Они неизвестны в ранних комплексах, и возраст их, видимо, более надежно, чем других бородинских топоров, связан с датой Бородинского клада» (Братченко 1976: 151).

Обращает на себя внимание ареал каменных топоров с лопастью — они преимущественно найдены в Восточной Европе и нехарактерны для Северного Кавказа (рис. 3). Топор из Цареуки/Царёвки происходит из того же региона, что и Бородинский клад, и является четвертой находкой топоров с лопастью бородинской группы — это без малого составляет одну пятую часть от всех находок в Восточной Европе. Находки в Бородино, Рэут/Реут, Рышкань и Цареуке/Царёвке обнаружены на сравнительно небольшой территории — в Восточном Прикарпатье (Бессарабии). Судя по всему, сокрытие клада Бородино — действие не случайного депонирования, а специальное маркирование территории, освоенной (обжитой) племенами культуры Бабино (памятники культуры Бабино в Бессарабии см.: Дергачев 1986: 121–145, рис. 30; Савва 1992: 89, рис. 32; Dergaciöv 2010: 297, I, 1–57). Как видно, специальным депонированием таких топоров были отмечены западная (клад Бородино) и северо-восточная (погребения Верхний Балыклей и Белогорье) области ареала культуры Бабино, тогда как на всю остальную часть приходится выпавшие из употребления изделия (поселения и случайные находки) (рис. 3). Можно предположить, что топоры с лопастью бородинской группы являлись продукцией мастерских бабинской культуры Восточной Европы.

⁵ В специальной литературе имеется несколько написаний названия памятника. Как отметил Л. С. Ильюков (2013: 22, сн. 1), С. Н. Братченко первоначально называл ее «Ливенцовской», затем «Левинцовской» от названия хут. Левинцовка. На самом деле хутор принадлежал А. Н. Ливенцеву, отсюда корректным является написание «Ливенцовская». Также было уточнено, что расположенная между поселками Ливенцовка и Каратаево крепость, в плане представляющая два полукружья, которые разделены глубоким оврагом на две почти равные половины, по конструкции и материальной культуре представляет собой единый археологический памятник. В настоящей работе принято современное написание — Ливенцовско-Каратаевская крепость.

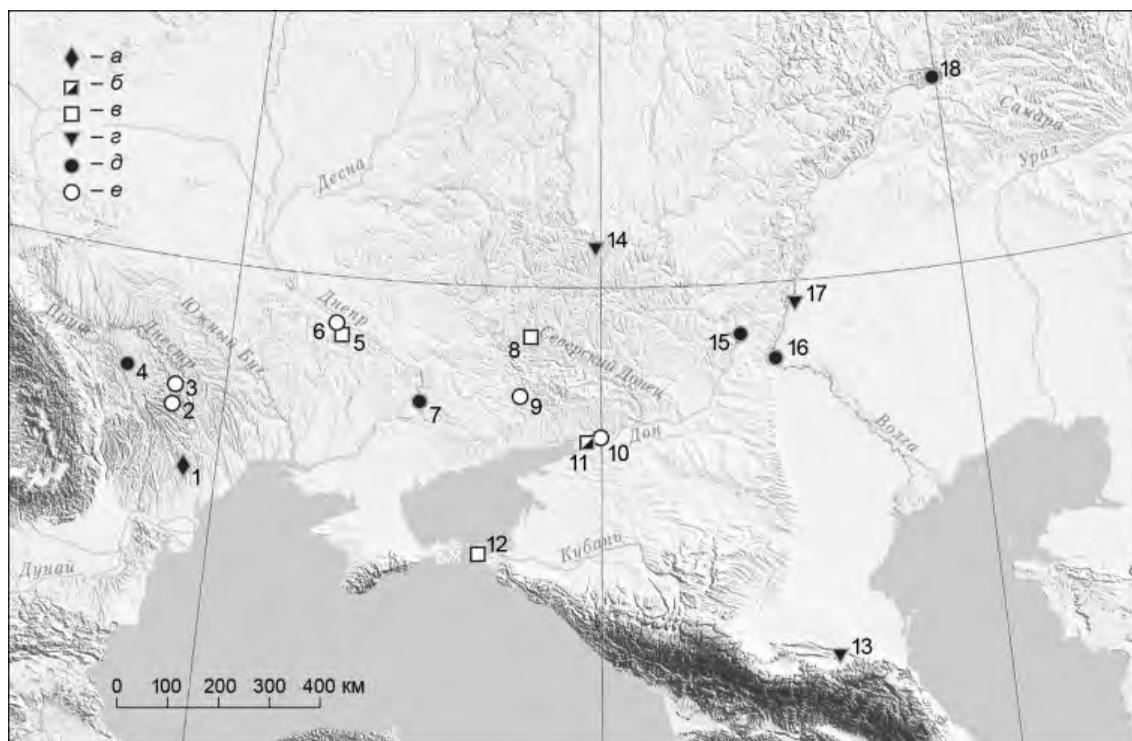

Рис. 3. Ареал каменных топоров с лопастью бородинской группы позднего бронзового века в Восточной Европе и на Северном Кавказе: 1 — Бородино; 2 — Рэут/Реут; 3 — Цареука/Царёвка; 4 — Рышкань (?); 5 — Великая Андрусовка; 6 — Жовнино; 7 — Хортица (Днепр); 8 — Усово озеро; 9 — Донецк, музей; 10 — Аксай; 11 — Ливенцовско-Каратаевская крепость; 12 — Балка Лисовицкого IV; 13 — Грозный (Черноречье); 14 — Белогорье; 15 — хут. Хлебный (Волгоград, музей); 16 — Волгоград, музей; 17 — Верхний Балыклей; 18 — Самара (а — клад, целая форма; б — поселение, заготовка; в — поселение, фрагмент; г — погребение, целая форма; д — случайная находка, целая форма; е — случайная находка, фрагмент)

Fig. 3. Distribution area of the Late Bronze Age stone axes with an axe-head of the Borodino group in East Europe and the North Caucasus: 1 — Borodino; 2 — Răut; 3 — Țareuca; 4 — Rîșcani (?); 5 — Velikaya Andrusovka; 6 — Zhovnino; 7 — Khortitsa (Dnieper); 8 — Usovo ozero; 9 — Donetsk, museum; 10 — Aksai; 11 — Liventsovka-Karataevka fortress; 12 — Balka Lisovitskogo IV; 13 — Grozny (Chernorechie); 14 — Belogorie; 15 — Khlebnii farmstead (Volgograd, museum); 16 — Volgograd, museum; 17 — Verkhniy Balyklei; 18 — Samara (a — hoard, intact object; б — settlement, blank; в — settlement, fragment; г — burial, intact object; д — stray find, intact object; е — stray find, fragment)

Литература

- Березанская 1990 — Березанская С. С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.
- Бородинский клад... 2019 — Бородинский клад Героической эпохи бронзового века. Естественно-научный и исторический контекст / Шишлина Н. И. (отв. ред.). М.: Ист. музей, 2019. 160 с. (Тр. ГИМ. Вып. 211).
- Бочкарев 1968 — Бочкарев В. С. Проблема Бородинского клада // Артамонов М. И., Клейн Л. С. (ред.). Проблемы археологии. Вып. 1. Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 129–154.
- Бочкарёв 2017 — Бочкарёв В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.

- Бочкарёв 2019 — *Бочкарёв В. С.* К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы // *Виноградов Ю. А. и др. (ред.).* Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение. 2019. С. 166–170.
- Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.
- Братченко 1985а — *Братченко С. Н.* Культура многоваликовой керамики // *Телегин Д. Я. (отв. ред.).* Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985. С. 451–458.
- Братченко 1985б — *Братченко С. Н.* Каменско-ливенцовская группа памятников // Там же. С. 458–462.
- Братченко 2012 — *Братченко С. Н.* Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев: Изд. дом «Скиф», 2012. 308 с.
- Братченко, Сердюкова 1993 — *Братченко С. Н., Сердюкова И. Л.* Матеріали з музейних колекцій Лівобережної Черкащини // *Археологічні дослідження в Україні 1992 р.* Київ, 1993. С. 15–20.
- Бронзовый век... 2013 — *Бронзовый век. Европа без границ. Четвёртое — первое тысячелетия до н. э.* Каталог выставки / *Пиотровский Ю. Ю. (ред.).* СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Булычев 1904 — *Булычев Н. И.* Древности из Восточной России. СПб.: Тип. Т-ва Художественной Печати, 1904. Вып. 2. 12 с., 3 ил.
- Дергачев 1986 — *Дергачев В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. 224 с.
- Ивакин, Чернецов 2001 — *Ивакин Г. Ю., Чернецов А. В.* Уникальный амулет из Златоверхого // *Древний мир.* Киев, 2001. № 2. С. 36–38.
- Ильюков 2013 — *Ильюков Л. С.* Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона? // *КСИА.* 2013. Вып. 231. С. 21–28.
- Ильюков 2001 — *Ильюков А. С.* Каменный боевой топор // *Колев Ю. И. (отв. за вып.).* Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: ММНК «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы», 23–28 апреля 2001 г. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 442–443.
- Каталог случайных находок... 1993 — *Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / Колесник А. В. (глав. ред.).* Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 1993. 235 с. (АА. № 1).
- Кашуба 2000 — *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum plus.* 2000. № 3. С. 241–488.
- Кашуба, Сапожников 2020 — *Кашуба М., Сапожников И.* История открытия Бородинского (Бессарабского) клада // *Revista Arheologică, s. n. Chişinău,* 2020. Vol. 16, nr. 1. С. 21–47.
- Кияшко 2020 — *Кияшко А. В.* Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // *АВ.* 2020. Вып. 30. С. 207–222.
- Кривцова-Гракова 1949 — *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад. М.: 17-я тип. Главполиграфиздата, 1949. 28 с. (Тр. ГИМ. Вып. 1).
- Лапушнян и др. 1974 — *Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А.* Памятники раннего железного века. Кишинев: Штиинца, 1974. 104 с. (АКМ. Вып. 4).
- Милорадович 1956 — *Милорадович О. В.* Новые археологические находки в Грозненской области // *КСИИМК.* 1956. Вып. 64. С. 132–134.
- Мимоход 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013. 568 с. (Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 16).

- Мимоход 2021 — *Мимоход Р. А.* Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. 2021. Вып. 9. С. 69–91.
- Мимоход 2022 — *Мимоход Р. А.* Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира? // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 79–96.
- Мыськов 1983 — *Мыськов Е. П.* Кенотаф эпохи бронзы из курганного могильника Верхний Балыклей // Сеничкина Е. П. (ред.). Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ГПИ им. В. В. Куйбышева, 1983. С. 140–143.
- Нефедов 1998 — *Нефедов В.* Каменный топорик бородинского типа из реки Днепр у о. Хортица // Тощев Г. Н. (отв. ред.). Проблемы изучения катакомбной культурной общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье: Запорожский ГУ, 1998. С. 108–112.
- Петровская, Максимов 1959 — *Петровская Е. А., Максимов Е. В.* Археологические памятники в окрестностях с. Б. Андрусовка на Тясьмине // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 8. С. 22–29.
- Попова [1981] — *Попова Т. Б.* Бородинский клад. М.: ГИМ, [1981]. 20 с.
- Савва 1992 — *Савва Е. Н.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). Кишинев: Штиинца, 1992. 226 с.
- Сафронов 1968 — *Сафронов С. А.* Датировка Бородинского клада // Артамонов М. И., Клейн Л. С. (ред.). Проблема археологии. Вып. 1. Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 75–128.
- Спицын 1916 — *Спицын А. А.* Бородинский клад // Сб. ст. в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. 1885–1915: [К 30-летию деятельности на посту председателя Моск. археол. о-ва]. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1916. С. 108–115.
- Федоров 1952 — *Федоров Г. Б.* Работа Славяно-днестровской экспедиции // КСИИМК. 1952. Вып. 44. С. 83–92.
- Федоров, Чеботаренко 1974 — *Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф.* Памятники древних славян (VI–XIII вв.). Кишинев: Штиинца, 1974. 164 с. (АКМ. Вып. 6).
- Шишлина 2013 — *Шишлина Н. И.* Бородинский клад: продолжение поиска // Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Бронзовый век. Европа без границ. Четвёртое — первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 156–169.
- Шишлина 2019а — *Шишлина Н. И.* Бородинский клад: каталог // Шишлина Н. И. (отв. ред.). Бородинский клад Героической эпохи бронзового века. Естественно-научный и исторический контекст. М.: Ист. музей, 2019. С. 14–41 (Тр. ГИМ. Вып. 211).
- Шишлина 2019б — *Шишлина Н. И.* Эпилог // Там же. С. 156 (Тр. ГИМ. Вып. 211).
- Штерн 1914 — *Штерн фон Э. Р.* Бессарабская находка древностей 1912 г. // Материалы по археологии России, издаваемые ИАК 34: Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. Пг.: Тип. Главного Управления Уделов, 1914. С. 1–14.
- Dergaciov 2010 — *Dergaciov V.* Evoluția comunităților patriarhale. Epoca bronzului // Dergaciov V. (red. resp.). Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V). Chișinău: Acad. de Științe a Moldovei, Inst. Patrimoniului Cultural, Centru Arheologic “Tipografia centrală”, 2010. P. 265–312.
- Kaiser 1997 — *Kaiser E.* Der Hort von Borodino. Kritische Anmerkungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nordwestlichen Schwarzmeergebiet. Bonn: Habelt, 1997. (UPA. Bd. 44).
- Kaiser 2018 — *Kaiser E.* The absolute dating of exceptional finds. The Borodino hoard as a case study // Kashuba M. T., Kaiser E. (Ed.-in-Chief). Principles and Methods of Dating in Archaeology (Neolithic — Middle Ages). St. Petersburg: 2018. P. 124–140 (in English and Russian).
- Sava, Sirbu 2019 — *Sava E., Sirbu M.* O nouă descoperire a unui topor de tip Borodino // Zancu A., Băț M. (ed.). Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic: In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis. Chișinău: Cartdidact, 2019. P. 101–110.

**AREA OF THE BORODINO GROUP STONE AXES IN EAST EUROPE
(IN CONNECTION WITH THE «ARCHIVE FIND» AT TSAREUKE/TSAREVKA,
THE MIDDLE DNIESTER)**

M. T. KASHUBA

Keywords: *East Europe, Late Bronze Age, «archive archaeology», stone axe fragment, Borodino group, area.*

The paper presents a previously unpublished find of a stone axe fragment uncovered by G. B. Fedorov in 1950 in the course of his excavations at the Old Russian fortified settlement Tsareuke/Tsarevka in the Middle Dniester region. The drawing of this tool was found by the author in the personal archive of G. I. Smirnova who visited Kishinev in the 1950s and, with the permission of local archaeologists, drew sketches of archaeological finds. The preserved traits of the fragment (size, hatchet-shaped broadening of the blade) allow to identify it as an axe with an axe-head of the Borodino group dating from the early Late Bronze Age of East Europe (early II mil. BC). Stone axes with an axe-head are characteristic of East Europe: just one of 18 finds comes from the Northern Caucasus. Four objects (a fifth of all finds), including the axe from the Borodino hoard, were discovered within a relatively small area of Eastern Ciscarpathian (Bessarabia). This may suggest that the deposition of the Borodino hoard was not an accidental action but should rather be considered as a special marking of the territory occupied by the Babino culture tribes.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В МЕТАЛЛЕ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА (ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВ)

Е. Е. ВАСИЛЬЕВА¹

Ключевые слова: *конец среднего бронзового века, поздний бронзовый век, ранний железный век, Центральный Кавказ, дигорская культура, кобанская культурно-историческая общность, металлические скульптурные изображения животных.*

Кавказские металлические изображения животных неизменно привлекают к себе внимание отечественных и зарубежных специалистов. Много публикаций посвящено описанию, систематизации и семантике фигурок. Большинство находок, которые являются уникальными, происходит из ограбленных комплексов Центрального Кавказа. В связи с этим датировка их затруднена. В данной статье предлагается систематизация скульптурных изображений животных по принципу относительной хронологии. Скульптурные изображения были разделены на две хронологические группы: докобанского периода (XV–XIII вв. до н. э.) и относящиеся ко времени существования кобанской культурно-исторической общности (XII–IV вв. до н. э.). Проведен сравнительный анализ наиболее распространенных изображений животных обеих групп, который позволил уточнить их датировку, проследить изменение во времени видового состава животных и типов изделий.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-128-145

Памятники Центрального Кавказа конца среднего бронзового века и начала раннего железного века отличаются необычайным богатством и разнообразием скульптурных зооморфных изображений. В этом отношении им нет равных не только на Кавказе, но и во всей Северной Евразии, включая Передний Восток.

Уже в конце XIX — начале XX в. были сделаны первые попытки систематизации находок (Chantre 1886; Уварова 1900). В дальнейшем помимо типологических изысканий большое внимание уделялось описанию и вопросам семантики изделий (Урушадзе 1988: 89–97; Доманский 1984: 60–62; Мошинский 1988; 2020: 146–162; Motzenbäcker 1996: 114–119, Abb. 55; Кривицкий 2012; Вольная 2008; 2011; 2016а; Вольная, Найфонова 2016; Козенкова 2017; Чшиев 2005; 2006; Васильева 2004; 2008; 2017; 2020; и др.). Во многих работах отражены аспекты, связанные с мировоззрением и духовной жизнью древнего населения Кавказа (Крупнов 1960: 362–365; Козенкова 2017; Мошинский 2020; и др.).

Вместе с тем остались не вполне ясными стилистические особенности изделий, их изменения с течением времени, культурная принадлежность и многие другие вопросы. Тема

¹ Отдел археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕС), Гос. Эрмитаж; Санкт-Петербург, 191181, Россия.

кавказской зооморфной пластики, относящейся к концу среднего бронзового века — раннему железному веку, сложна и обширна. В настоящей статье затрагиваются некоторые из обозначенных аспектов. Особое внимание уделено вопросам относительной хронологии, изменению во времени видового состава животных и типов скульптурных изображений.

Общая характеристика, I и II периоды бытования изображений

Подавляющее большинство находок происходит из разрушенных грабительскими раскопками памятников. Они вырваны из археологического контекста, информация о местонахождении и месте в погребении отсутствует. Все изделия были отлиты по восковым моделям с утратой формы, то есть каждое из них индивидуально. Для производства фигурок использовались многокомпонентные металлические сплавы, среди которых выделяются мышьяковые и оловянные сплавы (Васильева, Хаврин 2019).

Большую часть изделий, украшенных зооморфными скульптурными изображениями, составляют подвески, по-видимому, являвшиеся амулетами. Также встречаются изображения, служившие декором топоров, булавок, пряжек и других категорий металлического инвентаря.

Изделия можно отнести к двум хронологическим периодам. К первому относятся находки докобанского времени, которые датируются XV–XIII вв. до н. э. (группа I). Второй период охватывает время существования кобанской культуры (кобанской культурно-исторической общности) и датируется XII–IV вв. до н. э. (группа II).

Датировка находок группы I определяется тем, что они встречаются в комплексах докобанского времени и отчасти соотносятся с выделенной на Северном Кавказе дигорской культурой (Мошинский 2000; 2002; 2008; Скаков 2001; 2004: 188). Это погребения могильников Верхняя Рутха (Кумбулта), Адайдонского, Кари Цагат, Брили, Цамадского (Мошинский 2000; Pantskhava et al. 2001; Чшиев 2007; Шестопалова 2018: 210, рис. 53). Приблизительно к этому же времени относится часть комплексов из могильников Тли и Стырфаз, расположенных на южных склонах Кавказа (Техов 1980: табл. 10, 4; 21; 26; рис. I, 7–12; II, 5, 7; II, 2; 1999: ил. 18; 33).

Кроме того, есть и другие признаки, отличающие изделия ранней группы. У подвесок в виде бараньих голов, а также головок фантастических баранов имеется специальный способ крепления петли — горизонтально расположенная петля-перемычка между рогами с обратной стороны изделия. Горизонтальная петля есть и у подвесок в виде бычьих голов. Как показал анализ металла, изделия группы I были отлиты из мышьяковой бронзы, часто с большим содержанием сурьмы, использование которой было характерно для докобанской эпохи (Кореневский 1981: 268, 269, 281, 285)².

Датировка группы II определяется прежде всего тем, что изделия найдены в комплексах кобанской культурно-исторической общности. Это погребения могильников Кобанского, Тлийского, Эльхотовского, Гастон Уота и другие местонахождения. Кроме того, большинство подвесок в виде голов и фигурок зверей кобанского времени отличаются специальным способом крепления петли — она расположена вертикально. Большая часть изделий кобанского времени отлиты из оловянной бронзы, что, на наш взгляд, является хронологическим индикатором.

Перейдем к сравнительному анализу изделий групп I и II (рис. 1). Наиболее широко представлены изображения барана, быка, птицы, медведя, лошади, оленя, козла, змеи, тура,

² Приношу глубокую благодарность заместителю заведующего Отделом научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа С. В. Хаврину, выполнившему исследования металла кавказских зооморфных изображений из собрания Гос. Эрмитажа. Определение состава сплавов проведено методом рентгенофлюоресцентного анализа на спектрометре Art-TAX (Brüker).

кабана, собаки/волка, рыбы, лягушки, фантастического животного. Все эти образы присутствуют в кобанское время, в докобанское есть только изображения барана, быка, птицы, лошади, медведя и, вероятно, оленя. Для каждой группы фигурок характерны свои стилистические особенности.

Чаще всего встречаются изображения барана. Особенно они многочисленны в докобанское время. На втором месте — изображения быка. Реже встречаются изображения птицы, лошади, медведя и оленя. Ряд изображений (рыба, змея, лягушка, кабан, а также собака/волк, козел, змея, тур и другие образы) пока зафиксирован только в кобанское время (группа II). Они требуют специального исследования и анализа, поэтому в настоящей статье не рассматриваются.

Изображения: характеристики, изменение во времени видового состава

1. Баран

I хронологический период (группа I). В большинстве случаев изображение барана представлено его головой (рис. 1, 1–5, 8, 9, 11–14). Образ барана докобанского времени отличается следующими стилистическими признаками. Как правило, морда имеет подтреугольную форму, круглые в сечении рога закручены на 1,5 и более оборотов (рис. 1, 1). Основание рогов не поднято или невысоко поднято над головой. На морде часто изображены глаза в виде углубленных окружностей. Зачастую морда и рога орнаментированы. Морда украшена насечками в виде «елочки», иногда разделенной продольной линией. На рогах, как правило, имеется орнамент в виде косых насечек или двух продольных параллельных линий (Васильева 2020: 291, рис. 6). В единичных случаях морда и рога украшены рядами углубленных треугольников.

Такой тип бараньей головы помимо подвесок встречается на топорах, птицевидных и секировидных бляхах, птицевидных навершиях, навершиях треугольной формы, на булавах с навершием в виде павлиньего пера и с навершием в виде головы барана (рис. 1, 1–5 — см. например: Уварова 1900: табл. LXXXIV, 1; LXXXVIII, 2; ХСIII, 1, 3, 4; СХVIII, 1; Мошинский 1988: рис. 1, 1–10, 12; 2, 1; Чартолани 1989: табл. ХХХ, 6; Motzenbäcker 1996: Taf. 2, 4; 10, 1; 13, 1, 3, 4, 7; 25, 3, 5; 30, 4, 8; 35, 7; 37, 9; 42, 7; 43, 4, 5, 7, 8, 11–25; 44, 1–4, 6; 60, 1, 3, 4, 6; 61, 14; 64, 16–23; 65, 1–4, 9, 11; 86, 5; 90, 4, 5; 92, 5; 93, 2, 6; Moshinsky 2001: pl. 1, 1–4, 6; 2, 1–3, 5–7, 9).

Полнофигурные изображения барана в закрытых комплексах докобанского времени не встречены. Известны единичные случайные находки изделий с фигурками баранов на булавах с навершием в виде павлиньего пера из могильников Верхняя Рутха (Motzenbäcker 1996: Taf. 26, 1), Фаскау (Уварова 1900: 278, рис. 213), на ажурной полуовальной подвеске неизвестного местонахождения из Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (Прокопенко, Кравцова 2020: 29–30, рис. 2, 13; 4.Б, 6; фото 3)³.

В памятниках, расположенных на южных склонах Кавказского хребта, был распространен похожий, но несколько иной тип изображения бараньей головы (Васильева 2020: 291, 294, рис. 6). Этот образ представлен исключительно подвесками (рис. 1, 8). Подвески имели

³ В фондах Венского музея естественной истории (Naturhistorisches Museum) хранится булавка с навершием в виде павлиньего пера из могильника Фаскау (NHM, № 81.633). В основании навершия находятся две зооморфные фигурки, расположенные перпендикулярно булавке, которые условно можно отнести к баранам. У фигурок вытянутое объемное туловище, небольшие прямые ноги, морда подтреугольной формы, глаза в виде точечных углублений. На голове вместо рогов — овальные, широко расходящиеся выступы, возможно, уши или утрированные рога. В целом облик фигурок похож на изображения баранов на булавах с навершием в виде павлиньего пера.

горизонтальную петлю с обратной стороны головы, округлые в сечении рога и морду подтреугольной или подпрямоугольной формы. Главным отличием от северокавказских изделий были поднятые над головой и закрученные на несколько оборотов рога. По-видимому, эти скульптурные изображения совмещали в себе признаки барана и быка, поэтому были определены нами как «фантастические» бараны. Подвески найдены в ранних погребениях Тлийского и Стырфазского могильников (Техов 1977: рис. 50; 1980: табл. 21; рис. 1, 10–12; 1999: ил. 33, 2, 3). Единичные находки известны из памятников Северного Кавказа — могильники Чми (ГИМ, № Б-1746/624, Б-1721/37), Кумбулта (ННМ, № 81.849), Камунта (ГИМ, № Б-1709/410) и Кобанский (Доманский 1984: ил. 134; Chantre 1886: pl. XXIV, 4)⁴.

По-видимому, архаичными являются подвески в виде небольших фигурок барана с петлей вместо передних ног, широко расставленными задними ногами и коротким, поднятым вверх хвостом, в большом количестве происходящие из могильников Дигории (рис. 1, 6). У баранов дисковидные в плане рога в виде отходящих от головы стерженьков, на конце расширяющихся и скругленных (Motzenbäcker 1996: Taf. 30, 10; 66, 8, 11, 13; Крупнов 1960: табл. ХLI, 1; Уварова 1900: табл. ХСIII, 29). Морда удлиненная, суженная на конце. Глаза и рот не показаны. Туловище, чуть вогнутое с обратной стороны, как правило, орнаментировано тремя поперечными насечками.

Помимо одиночных фигурок встречаются двойные изображения подобного типа (Motzenbäcker 1996: Taf. 67, 19; 68, 1, 3; Крупнов 1960: табл. ХLIX, 15). Фигурки соединены рогами в области петель в передней части туловища, а также своими задними конечностями. От одиночных изображений двойные фигурки отличаются лишь меньшим размером.

Другой тип миниатюрных подвесок с головой барана из дигорских могильников представляют изделия в виде округлой выпукло-вогнутой пластины с небольшой петлей в передней части (Motzenbäcker 1996: Taf. 67, 7, 14; 93, 16). У некоторых подвесок окончание морды животного плавно переходит в петлю, то есть морда является частью петли (Ibid.: Taf. 67, 7; 93, 16). Рога баранов закручены на 1,5 и более оборота, горизонтально вытянуты, витки прижаты друг к другу. Глаза и рот не выделены. Встречаются также сдвоенные изображения (Крупнов 1960: табл. ХLIX, 16; Motzenbäcker 1996: Taf. 67, 8; 93, 17). Фигурки соединены рогами и задней частью туловища и от одиночных изображений отличаются меньшим размером (рис. 1, 7).

Вероятно, эти два типа подвесок являются наиболее ранними в группе подобных подвесок с петлей. Большинство из них представляют собой находки из разрушенных погребений. Ближайшими аналогиями подвескам I типа являются фигурка животного из кромлеха № 7 Стырфазского могильника (Техов 1999: ил. 39, 18; 2006: 188, рис. 42, 18) и скульптурные изображения пары баранов из Картванского могильника (Чартолани 1989: табл. ХLVI, 21).

К более позднему периоду, по-видимому, ко времени существования кобанской культуры, относятся подвески с головой барана, круглой петлей в передней части туловища и задней частью в виде горизонтально расположенного, немного загнутого полукругом уплощенного стержня с тремя круглыми налетами сверху (Уварова 1900: табл. ХСIII, 11; Крупнов 1960: табл. ХLIX, 13; Motzenbäcker 1996: Taf. 30, 11; 67, 1, 2; 94, 1; Curtis, Kruszynski 2002: fig. 18, 106; pl. 5e, 106)⁵. Морда баранов удлиненная, подтреугольной формы, заужена на конце. Круглые в сечении рога закручены на 1,0–1,5 оборота. У некоторых головок витки рогов прижаты друг к другу. Подвески этого типа большего размера, чем подвески

⁴ Выражаю искреннюю признательность А. П. Мошинскому (†) за помощь в работе с кавказскими коллекциями ГИМ и возможность их использовать.

⁵ Выражаю искреннюю благодарность А. А. Кадиевой за информацию о неопубликованной подвеске этого типа в погребении могильника Заюково-3.

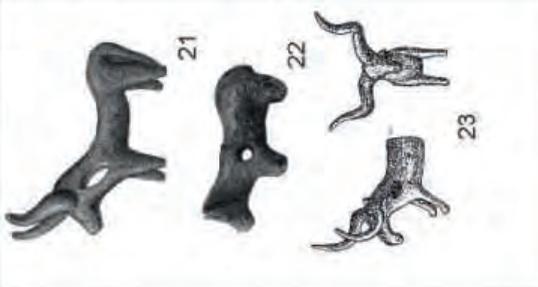
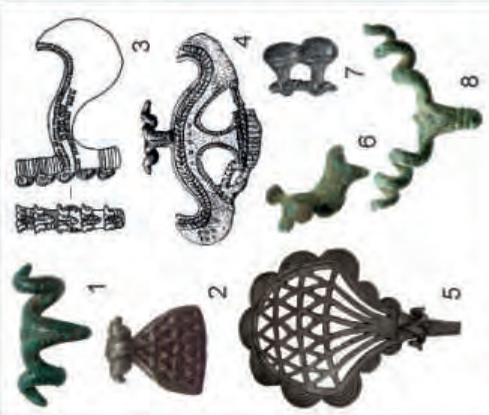
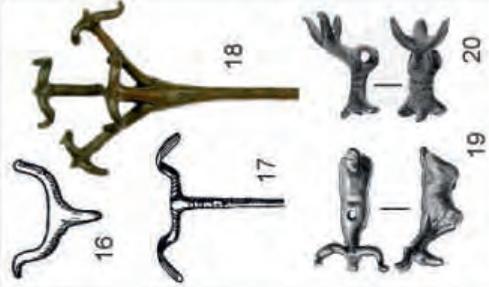
	БАРАНЫ	БЫКИ	ПТИЦЫ	ЛОШАДИ	ОЛЕНИ	МЕДВЕДИ
<p>КОВАНСКАЯ КУЛЬТУРА (XII-IV вв. до н. э.)</p> 						
<p>ДОКОВАНСКОЕ ВРЕМЯ (XV-XIII вв. до н. э.)</p> 						

Рис. 1. Изображения животных в металле эпохи бронзы и раннего железного века Центрального Кавказа: 1 — подвеска, м-к Фаскау (MVF, Inv. IIIд 5105); 2 — напершие, м-к Брилли (по: Georgien 2001: 278, nr. 93); 3 — топор, м-к Брилли (по: Pantskhava et al. 2001: pl. 1, 2); 4 — бляха, м-к Фаскау (по: Moshinsky 2001: pl. 1, 2); 5 — булавка, с. Кумбулта (ГЭ, инв. № 1799-9); 6 — подвеска, м-к Верхняя Рутха (MVF, Inv. IIIд 3787); 7 — подвеска, м-к Верхняя Рутха (по: Крупнов 1960: табл. XLIX, 16); 8 — подвеска, Глийский м-к, погр. 56 (НМЮО, инв. № 440); 9 — подвеска, Кобанский м-к, (по: Уварова 1900: табл. XXXV, 3); 10 — булавка, Кобанский м-к (по: Уварова 1900: табл. XXVIII, 5); 11 — булавка, Кобанский м-к (ГЭ, инв. № 1731-46); 12 — кинжал, Кобанский м-к (MVF, Inv. IIIд 5453); 15 — наконечник жезла, Казбекский клад (ГЭ, инв. № 1731-168); 16 — подвеска, Глийский м-к (по: Техов 2006: 179, рис. 27, 10); 17 — булавка, Глийский м-к, погр. 56 (по: Техов 1980: табл. 21, рис. 1, 7); 18 — булавка, Былымский клад (ГЭ, инв. № 1319-42); 19, 20 — подвески, м-к Верхняя Рутха (по: Motzenbäcker 1996: Taf. 31, 2; 66, 7); 21, 22 — подвески, Кобанский м-к (по: Уварова 1900: табл. XXV, 8; XXXV, 13); 23 — наконечник жезла, Глийский м-к, погр. 224 (по: Техов 2006: 434, рис. 52, 1); 24 — подвеска, Цамадский м-к, погр. 1 (по: Шестопалова 2018: рис. 53, 9); 25 — булавка, м-к Верхняя Рутха (по: Motzenbäcker 1996: Taf. 27, 6); 26 — подвеска, Кобанский м-к (по: Шестопалова 2018: рис. 53, 9); 27 — подвеска, Кобанский м-к (по: Chantre 1886: pl. XXXI, 8); 28 — подвеска, Кобанский м-к (по: Бронзовый век... 2013: 606, № 306, 18, 19); 29 — булавка, м-к Гастон Уога, погр. 7 (по: Мошинский 2006: рис. 37, 6); 30 — булавка, Былымский клад (ГЭ, инв. № 1319-52); 31 — подвеска, Былымский клад (по: Козенкова 1989: табл. XXXVII, 10); 32, 35, 36, 39 — подвески, Кобанский м-к (по: Уварова 1900: табл. XXXV, 11, 14; XXXVIII, 3, 5); 33 — булавка, Кобанский м-к (по: Chantre 1886: pl. XX, 2); 34 — подвеска, с. Донифарс (по: Уварова 1900: 207, рис. 175); 37 — наконечник жезла, м-к Гастон Уога, погр. 19 (Мошинский 2006: рис. 38, 4); 38 — подвеска, м-к Верхняя Рутха (Motzenbäcker 1996: Taf. 31, 3); 40 — подвеска, с. Кобан (ГЭ, инв. № 2192-26). 1–14, 16–40 — бронза; 15 — бронза, железо. 1, 6, 8, 9, 11, 14 — фото автора; 5 — фото В. С. Теребенина; 18, 30 — фото Е. П. Агафоновой

Fig. 1. Animal images in metal from the Bronze and Early Iron Age sites of the Central Caucasus: 1 — pendant, Faskau cemetery (MVF, Inv. IIIд 5105); 2 — finial, Brili cemetery (after Georgien 2001: 278, nr. 93); 3 — axe, Brili cemetery (after Pantskhava et al. 2001: pl. 1, 2); 4 — plaque, Faskau cemetery (after Moshinsky 2001: pl. 1, 2); 5 — pin, Kumbulta village (State Hermitage, inv. no. № 1799-9); 6 — pendant, Verkhnyaya Rutkha cemetery (MVF, Inv. IIIд 3787); 7 — pendant, Verkhnyaya Rutkha cemetery (after Крупнов 1960: табл. XLIX, 16); 8 — pendant, Tliisky cemetery, burial 56 (НМЮО, inv. no. № 440); 9 — pendant, Koban cemetery (after Уварова 1900: табл. XXXV, 3); 10 — pin, Koban cemetery (after Уварова 1900: табл. XXVIII, 5); 11 — pin, Koban cemetery (NHM, inv. no. 41.343); 12 — dagger, Koban cemetery (after Avant les Scythes 1979: 192, no. 206); 13 — fibula, Koban cemetery (State Hermitage, inv. no. 1731-46); 14 — buckle, Koban cemetery (MVF, Inv. IIIд 5453); 15 — rod head, Kazbek hoard (State Hermitage, inv. no. 1731-168); 16 — pendant, Tliisky cemetery (after Техов 2006: 179, рис. 27, 10); 17 — pin, Tliisky cemetery, burial 56 (after Техов 1980: табл. 21, рис. 1, 7); 18 — pin, Vylym hoard (State Hermitage, inv. no. 1319-42); 19, 20 — pendants, Verkhnyaya Rutkha cemetery (after Motzenbäcker 1996: Taf. 31, 2; 66, 7); 21, 22 — pendants, Koban cemetery (after Уварова 1900: табл. XXV, 8; XXXV, 13); 23 — rod head, Tliisky cemetery, burial 224 (after Техов 2006: 434, рис. 52, 1); 24 — pendant, Koban cemetery (after Шестопалова 2018: рис. 53, 9); 25 — pin, Verkhnyaya Rutkha cemetery (after Chantre 1886: pl. XXXI, 8); 28 — pendant, Koban cemetery (after Бронзовый век 2013: 606, № 306, 18, 19); 29 — pin, Guston Uota cemetery, burial 7 (after Мошинский 2006: рис. 37, 6); 30 — pin, Vylym hoard (State Hermitage, inv. no. 1319-52); 31 — pendant, Vylym hoard (after Козенкова 1989: табл. XXXVII, 10); 32, 35, 36, 39 — pendants, Koban (after Уварова 1900: табл. XXXV, 11, 14; XXXVIII, 3, 5); 33 — pin, Koban cemetery (after Chantre 1886: pl. XX, 2); 34 — pendant, Donifars village (after Уварова 1900: 207, рис. 175); 37 — rod head, Verkhnyaya Rutkha cemetery (Motzenbäcker 1996: Taf. 31, 3); 40 — pendant, Koban village (State Hermitage, inv. no. 2192-26). 1–14, 16–40 — bronze; 15 — bronze, iron. 1, 6, 8, 9, 11, 14 — photo by the author; 5 — photo by V. S. Terebenin; 18, 30 — photo by E. P. Agafonova

других типов. Туловище некоторых фигурок украшено поперечными углубленными линиями или круглыми налестками.

II хронологический период (группа II). В кобанское время скульптурные изображения барана встречаются на предметах других категорий и типов (рис. 1, 9–15). Они представлены подвесками в виде голов и фигурок животного, украшают подвески, пряжки, пронизи, булавки, наконечники культовых жезлов, в единичных случаях — рукояти кинжалов, фибулы, сосуд (Chantre 1886: pl. VI, 1; XXII, 4; LVII, 5–8; LX, 5; Уварова 1900: табл. IX, 1; XXVI, 1; XXXV, 3, 4, 9; XXXVII, 3; Доманский 1984: ил. 56; 126–133; 144; 169; 170; XX; XXIV; Техов 1980: табл. 35, 2; 39, 19, 20; 68, 9–11, 13; 73, 8; 80; рис. I, 4, 5; 86, 9; 94; III, 16–19; 104, 5; 109, 12; 1985: табл. 104, 18; 2002: табл. 2, 2; 5, 17; 7, 4; 12, 4; 67, 6; 88, 5; 96, 6; 127, 1; Мошинский 2010: № 105, 130, 131, 138, 139, 151, 172, 173, 178, 179 и др.). Изображения отличаются и стилистически. В кобанское время образ барана представлен большим разнообразием по сравнению с предыдущим временем. Одним из наиболее характерных является изображение головы барана с удлиненной мордой, у которой выделены лоб и носовая часть (Васильева 2020: 294, 295, рис. 6). Круглые или овальные объемные глаза расположены по бокам морды, часто показаны рот и ноздри. Рога, как правило, уплощенные в сечении, основание рогов довольно высоко поднято над головой. Морда не орнаментирована, а рога украшены орнаментом в виде продольных и поперечных насечек и линий (рис. 1, 9). Изображения этого типа особенно ярко представлены подвесками с вертикальной петлей и в основном происходят из Кобанского могильника, хотя встречаются также в других памятниках Центрального Кавказа (Chantre 1886: pl. XXIII, 1–6, 9; Доманский 1984: ил. 126–133; Сокровища Алании 2011: 60, 61, № 36 и др.).

Таким образом, очевидны стилистические различия докобанского и кобанского изображений бараньей головы. Вместе с тем ясно просматривается и преемственность традиции (ср.: Motzenbäcker 1996: Taf. 13, 1, 3, 4; 35, 7; 43, 9, 10; Мошинский 2010: № 13; Уварова 1900: 248, табл. XCIII, 5; рис. 202).

2. Бык

I хронологический период (группа I). Изображения быков (рис. 1, 16–23) известны в докобанское время — это подвески в виде бычьих голов и фигурок, головки быка на навершиях булавок (Техов 1974: рис. 13, 1, 3; 17, 4, 6; 1980: табл. 21: рис. I, 7–9; II, 5, 7; 26). В стилистическом отношении они отличаются следующими признаками. Морда подтреугольная или прямая, иногда с расширением в нижней части. Глаза круглые, могут быть как углубленными, так и объемными. Круглые в сечении рога (у подвесок) горизонтально отходят в стороны от головы и изгибаются вверх. Концы рогов загнуты. Подвески в виде бычьих голов не орнаментированы, но на головках, увенчивающих булавки, орнамент присутствует (рис. 1, 17). Рога быков на булавках частично уплощены, украшены косыми насечками и продольными линиями, идущими по всей длине рогов (Техов 2006: рис. 21, 2; 22, 2–4; 23, 5). Этот орнамент перекликается с декором на подвесках в виде бараньих голов с треугольной мордой и горизонтальной петлей. Кроме того, на бычьих головках на навершии булавок встречается декор в виде перекрестия (Техов 1999: 157, ил. 18, 1, 3), а на рогах — точечные углубления и «елочка».

Подвески в виде голов быка известны из могильников Верхняя Рутха, Брили, Тлийского (Уварова 1900: табл. XCIII, 6; Техов 1980: табл. 21; рис. I, 8, 9; Motzenbäcker 1996: Taf. 44, 13; 65, 18–28; 93, 5; Curtis, Kruszynski 2002: fig. 19, 111; pl. 5d, 111)⁶. Булавки в большей степени характерны для памятников, расположенных на территории современной Южной Осетии.

⁶ Выражаю искреннюю благодарность М. М. Зассееву за возможность работы с коллекциями Национального музея Республики Южная Осетия.

Это находки из Стырфазского и Тлийского могильников (Техов 1977: 46–48, рис. 47; 48; 1980: табл. 21; рис. I, 7; II, 5, 7; 1999: ил. 18, 1, 3; 33, 1, 6). На северных склонах Кавказа булавки с навершием в виде головы быка представлены реже. Булавки из раскопок Е. И. Крупнова на могильнике Верхняя Рутха — меньшего размера и без орнамента (Крупнов 1960: 102, рис. 9, 7, 9; 1977: 47). Еще одна, другая по своему типу, булавка с навершием в виде четырех головок быка происходит из Былымского клада (рис. 1, 18 — Козенкова 1989: табл. XXXVII, 20)⁷.

Особую группу изображений быка составляют находки из могильников Верхняя Рутха (Кумбулта), Чми, Брили, могильника в с. Гари (Уварова 1900: табл. ХСII, 10, 12; ХСIII, 12; 1902: 43, № 1016–1020; Куфтин 1949: табл. XXX, 9, 10, 12; Motzenbäcker 1996: 120, Taf. 31, 2, 7). Это фигурки быков с характерным уплощенным туловищем прямоугольных очертаний, с массивными уплощенными подтреугольными или подпрямоугольными ногами, объемной мордой подтреугольной формы, увенчанной круглыми в сечении рогами (рис. 1, 19). Как правило, у фигурок выделен хвост. Туловища часто украшены поперечными углубленными линиями. Фигурки снабжены сквозным отверстием для подвешивания, расположенным на спине.

Фигурки быков хранятся в музейных собраниях как случайные находки. Отнесение их к докобанскому периоду обусловлено наличием нескольких экземпляров в составе комплекса из с. Гари в горной Раче, содержащего архаичные предметы (Куфтин 1949: табл. XXIX–XXXI; Мошинский, Скаков 2020: 177).

Вероятно, к докобанскому времени относятся подвески в виде небольших фигурок быка с петлей вместо передних ног, широко расставленными задними ногами и коротким, поднятым вверх хвостом (Уварова 1900: табл. CV, 12; Motzenbäcker 1996: Taf. 66, 7, 9, 10, 12, 14, 15, 17, 19–21; 67, 13; 87, 2, 4, 5; 93, 10, 15, 19; Крупнов 1960: табл. XLI, 2–4, 6, 8). Бычки имеют удлиненную, суженную на конце морду. Глаза и рот не показаны. На чуть вогнутом с внутренней стороны туловище встречается орнамент в виде трех поперечных насечек. Подвески подобны фигуркам барана с петлей вместо передних ног и стилизованными округлыми рогами и, по-видимому, синхронны им (рис. 1, 20).

Из памятников Дигории, главным образом могильника Верхняя Рутха, известны подвески с головой быка, петлей в передней части туловища и по-разному изображенной задней частью, аналогичные подвескам с головой барана, которые были упомянуты выше (Васильева 2012; Motzenbäcker 1996: Taf. 67, 5, 6, 9, 10, 15–18; 69, 6; 87, 6; 93, 9, 14; ГЭ, № 1324-1). На архаичность подвесок в виде округлой пластины с головой быка указывает находка близкой подвески из Картванского могильника (Чартолани 1989: табл. XLVI, 20).

II хронологический период (группа II). В кобанское время изображения быков встречаются реже, чем в предшествующий период. Они представляют собой выразительные фигурки, с прямой или сужающейся к окончанию мордой, высоко поднятыми изогнутыми рогами (рис. 1, 21). Одна из фигурок найдена в погребении 102 Тлийского могильника (Техов 1980: табл. 67, 6), несколько находок происходят из Кобанского могильника, могильника Верхняя Рутха (Chantre 1886: pl. XI, 10; Уварова 1900: табл. XXV, 8; XXXV, 12; Мошинский 2010: 118, № 144; Motzenbäcker 1996:

⁷ Похожая булавка с навершием в виде трех расходящихся в стороны стержней, увенчанных головками барана или быка, происходит из могильника Фаскау и находится в собрании Венского музея естественной истории (NHM, Nr. 81.632). Одна из голов утрачена, у второй обломаны рога. Третья головка сохранила один рог — круглый в сечении, закрученный на один оборот. Морды у двух голов подтреугольной формы. Немного поднятое над головой основание рога третьей головки, скорее, присуще изображениям барана, чем быка. В то же время большие утраты не позволяют определенно отнести изображения к быкам или баранам.

Taf. 68, 14)⁸. Есть изображения безрогих молодых бычков из Кобанского могильника (рис. 1, 22 — Доманский 1984: ил. 98; Chantre 1886: pl. XXVI, 10; Уварова 1900: табл. XXXV, 13). Как правило, на шее, иногда в передней части туловища фигурки имеют сквозное отверстие круглой или овальной формы. Изображения быка, представленные также головами и профилями, украшают подвески и навершия культовых жезлов (рис. 1, 23 — Мошинский 2010: № 155; Сокровища Алании 2011: 72, 73, № 57, 60; Техов 1980: табл. 97, 4).

3. Птицы

I хронологический период (группа I). Фигурки *птиц* в докобанское время представлены подвесками и украшают навершия булавок (рис. 1, 24, 25). Изображения птиц неодинаковы. Пожалуй, их объединяют только схожая моделировка крюкообразной головы на длинной изогнутой шее и то, что птицы изображены со сложенными крыльями. Туловище может быть секировидной или овальной формы, иногда овальным, секировидным или треугольным расширением показан хвост. В туловище фигурок, являющихся подвесками, имеется горизонтальное отверстие или петля. Подвески найдены в погребении 1 Цамадского могильника (рис. 1, 24 — Шестопалова 2018: 210, рис. 53, 9) и в комплексе из могильника Лунная Поляна в Архызе (Субботин 2022: 188). Известны отдельные находки из могильников Кумбулта (NHM, Nr. 82.034, 82.035), Брили, Кобанского (NHM, Nr. 82.556).

Булавки с фигурками птиц (рис. 1, 25) представлены в основном изделиями с навершием в виде пяти шишечек (Техов 1977: 41). Изображения птиц помещены на стержне в основании навершия. Выделяются несколько разновидностей форм выступов наверший: с конусовидными окончаниями, украшенными поперечными параллельными нарезками (Уварова 1900: табл. ХСII, 2; Motzenbäcker 1996: Taf. 27, 6; NHM, Nr. 82.068), полусферическими окончаниями с круглыми налестками на вершине (Chantre 1886: pl. XX, 4; Уварова 1900: табл. XXXIX, 6; Avant les Scythes 1979: 170, no. 159), а также совмещение этих разновидностей (Motzenbäcker 1996: Taf. 27, 5). Булавки изготовлены из круглого в сечении стержня. У фигурок овальное туловище, иногда украшенное углубленными насечками, часто выделен хвост.

Булавки с пятишишечными округлыми головками, характерные для Тлийского и Стырфазского могильников, были выделены Б. В. Теховым в группу местных изделий (Техов 1977: 41, 42, рис. 45; Козенкова 1998: 70, 71). Среди тлийских экземпляров встречаются булавки, у которых на месте одного из боковых выступов находится фигурка птицы (Техов 1977: рис. 45, 7, 8; 2006: рис. 16, 7, 8). Похожие булавки с ярко выраженной шаровидной формой навершия и небольшими выступами, на месте одного из которых расположено скульптурное изображение птицы, известны из погребений докобанского времени Адайдонского могильника⁹. Типологически им близки булавки с двумя выступами (верхним и боковым) и фигуркой птицы, также происходящие из Адайдонского могильника (Чшиев 2021: фото 5).

Стилистическое сходство фигурок птиц, представленных подвесками, с изображениями на двух булавах из Дигории, позволяет отнести их к докобанскому времени. Одна булавка имеет волнитообразное навершие, в основании которого помещена фигурка птицы,

⁸ Неоднократно отмечалось, что из-за стилизации, присущей кавказским скульптурным изображениям, иногда сложно определить вид животного. Рогам древние горцы придавали большое значение, зачастую утрируя их. Некоторые фигурки определены как изображения коровы. Это подвески с громоздкими туловищем, короткими ногами, отверстием в передней части туловища и небольшими рогами (Техов 1980: табл. 55; рис. I, 3; Chantre 1886: pl. XXIII, 12; Avant les Scythes 1979: 189, no. 198).

⁹ Приношу искреннюю благодарность В. (Х.) Т. Чшиеву за возможность работы с материалами Адайдонского могильника и информацию о неопубликованных находках.

расположенная перпендикулярно булавке. Она происходит из могильника Хор-Гон (Кумбулта) и находится в собрании Государственного Исторического музея (Мошинский 2010: 48, № 36). Навершие второй булавки представляет собой расширенную верхнюю часть стержня, с круглым отверстием в центре, увенчанную круглой в плане уплощенной шляпкой (Motzenbäcker 1996: Taf. 27, 9).

II хронологический период (группа II). В кобанской культуре скульптурные изображения птиц встречаются на подвесках, в виде подвесок и на навершиях булавок (рис. 1, 26–29 — Virchow 1883: Taf. X, 5, 6; Миллер 1888: табл. XXIV, 27, 32; Уварова 1900: 68, рис. 67; табл. XXV, 9; XXIX, 2, 9; XXXV, 15; XXXIX, 7, 14, 15; Доманский 1984: ил. XXVIII; 64; 114; 115; Козенкова 1998: табл. XXI, 9–12; Curtis, Kruszynski 2002: fig. 21, 115, 116; pl. 6ab, 115, 116; и др.). Подвески отличаются большим стилистическим разнообразием и различаются по способу подвешивания — с помощью отверстия или петли. Петля может быть прикреплена на спине (рис. 1, 28 — Доманский 1984: ил. 114; Avant les Scythes 1979: 201, no. 229; Техов 1980: табл. 90, 23; 190, 25; Козенкова 2004: табл. 42, 9, 10) или к передней части туловища под шеей (рис. 1, 26, 27 — Уварова 1900: табл. XXV, 9; Доманский 1984: ил. 115; Козенкова 2004: табл. 42, 5–7, 11, 12; Curtis, Kruszynski 2002: fig. 9, 20; pl. 3a, 20; fig. 9, 17; fig. 9, 21; pl. 3a, 21; Мошинский 2010: 116, 117, № 140, 142). Выделяются птицы со сложенными (рис. 1, 27 — Техов 1977: 166, рис. 112, 10; Curtis, Kruszynski 2002: fig. 9, 20; pl. 3a, 20) и раскрытыми крыльями (рис. 1, 26, 28 — Virchow 1883: Taf. X, 5, 6; Chantre 1886: pl. XXIV, 14; Техов 1977: 166, рис. 112, 8, 9; 1985: табл. 190, 25; Козенкова 1998: табл. XII, 25; Curtis, Kruszynski 2002: fig. 9, 21; pl. 3a, 21; fig. 9, 17), некоторые типы имеют закавказские аналогии (Motzenbäcker 1996: Taf. 44, 12; Мошинский 2006: 46, рис. 27, 14; Березин, Дударев 1998: 180, рис. 16).

Подвески в виде фигурок «фантастических» птиц с отверстием в передней части туловища и треугольным хвостом были широко распространены в ареале кобанской культурно-исторической общности и памятниках колхидской культуры (Chantre 1886: pl. XXIV, 5–10; Крупнов 1960: табл. IV, 2; V, 4–6; Доманский 1984: ил. 117–121; Батчаев 1985: табл. 4, 3; Козенкова 1998: 43, табл. XII, 19; 2017: 27–29; Чшиев 2005: 89; Скаков, Джопуа 2018: 128, 130; и др.). Изображения отличает удлинённая морда с вертикально стоящими уплощенными округлыми ушами или рогами, похожими на бараньи. Иногда уши или рога имеют вид небольших округлых бугорков. Возможно, своим происхождением фигурки связаны с группой миниатюрных ранних подвесок с петлей в передней части туловища, которые в большом количестве происходят из дигорских могильников.

4. Лошадь

I хронологический период (группа I). Особое внимание обращают на себя скульптурные изображения лошади в памятниках докобанского периода (рис. 1, 30, 31). Они встречаются как в виде отдельных фигурок, так и на булавках с навершием в виде павлиньего пера. По-видимому, это изображения домашней лошади. Важно подчеркнуть, что на Кавказе эти изделия появляются в конце среднего бронзового века. Фигурки характеризуются туловищем прямоугольной формы, с небольшим хвостом, парой длинных ног, направленных немного вперед, длинной шеей, выделенной гривой и узкой мордой с вертикально стоящими ушами. У подвесок имеется вертикальное отверстие в туловище (Миллер 1888: табл. XXI, 8; Доманский 1984: ил. XV, 76, 102; Козенкова 1989: табл. XXXVII, 8–11; Мошинский 2010: 48, 49, № 38–40).

Интересной особенностью является моделировка ушей некоторых лошадок в виде узких жгутов, идущих по всей длине шеи (Доманский 1984: ил. XV). Верхний из концов жгутов служит ушами лошади, а нижний — сливается с туловищем. Иногда нижний конец жгута скрыт под рельефным орнаментом в виде двойной спирали, расположенным на боках животного. У фигурки из Чегемского общества в собрании ГИМ спиральным декором

украшена шея лошади (Мошинский 2010: 48, № 38). Лошадки происходят из Былымского клада (Доманский 1984: ил. XV; 76, 102; Козенкова 1989: табл. XXXVII, 8–11), Чегемского общества (Мошинский 2010: 48–49, № 38, 39), Чегемского могильника (Миллер 1888: 101, табл. XXI, 8), могильников Верхняя Рутха (Кумбулта) (Мошинский 2010: 49, № 40) и Брили.

II хронологический период. В кобанское время скульптурные изображения лошади встречаются в виде подвесок, на булавках, пряжках, бляхах, составляют скульптурные композиции на других предметах (рис. 1, 32, 33). В стилистическом отношении эти изображения близки докобанским. Однако подвески отличаются способом крепления — большинство из них снабжены петлями на спине (Chantre 1886: pl. XXIV, 11; Уварова 1900: табл. XXXVIII, 5; Техов 1977: 172, рис. 115, 7–11). Лишь две фигурки из Тлийского могильника в передней части туловища имеют горизонтальные сквозные отверстия (Техов 1977: 172, рис. 115, 12, 13). Часто у фигурок хорошо проработаны детали, например, грива, и в целом они очень выразительны. Особо нужно отметить подвеску с протомами лошадей из погребения 244 Тлийского могильника (Техов 1980: табл. 105, б), а также булавки с двумя головками лошадей из Кобанского могильника, могильников Фаскау и Верхняя Рутха (Chantre 1886: pl. XX, 2; Уварова 1900: табл. XXXIX, 5; Avant les Scythes 1979: 184, no. 188; Motzenbäcker 1996: Taf. 27, 8; NHM, Nr. 81.700). Булавки с двумя головками лошадей известны из поселения и могильника Сержень-Юрт (Козенкова 1982: 57, табл. XXXIV, 6; 2002: табл. 21, 26, 27; 30, 4). Фигурки лошадей из Казбекского клада представляют собой более стилизованные изображения (Мошинский 2010: 138, 139, 143, 147, № 174–177, 183, 189).

5. Олень

I хронологический период (группа I). Вероятно, докобанским временем можно датировать небольшие подвески в виде фигурок оленя с петлей (отверстием) вместо передних ног (рис. 1, 34 — Уварова 1900: 207, рис. 175; Motzenbäcker 1996: Taf. 66, 18; 93, 11). У фигурок широко расставленные задние ноги, короткий поднятый вверх хвост. Рога имеют по два-три отростка. Подвески схожи с аналогичными по форме подвесками с головой барана и быка (рис. 1, б, 20). В докобанских памятниках изображения оленя встречаются довольно редко и только в виде подвесок. Все они происходят из могильника Верхняя Рутха. Двойные подвески с изображением оленя не встречены.

II хронологический период (группа II). Наиболее широкое распространение образ оленя получил в памятниках кобанской культуры. Изображения его также представлены подвесками, но более многочисленными (рис. 1, 35, 36). Их облик в целом похож на изображения быков и лошадей кобанского времени. Как правило, ноги довольно короткие. На спине имеется петля для подвешивания (Chantre 1886: pl. XXV, 1, 2, 4; Уварова 1900: табл. XXXV, 11; XXXVII, 8; XXXVIII, 2; Техов 1980: табл. 44, 11, 12; 1981: табл. 106, 21; 2002: табл. 48, 14; Доманский 1984: ил. XXII; 108). Также встречаются фигурки с горизонтальным отверстием в туловище (Chantre 1886: pl. XXV, 7, 8; Уварова 1900: табл. XXXV, 10; Техов 1980: табл. 65, 5; 66, 3; 2002: табл. 139, 8; Доманский 1984: ил. 107). Выделяется группа подвесок с уплощенным туловищем с петлей или вертикальным отверстием (рис. 1, 36 — Chantre 1886: pl. XXV, 3; LVIII, 1–5; Уварова 1900: табл. XXXVIII, 3; LXIX, 1, 2; Доманский 1984: ил. 146; Техов 2002: табл. 18, 6; Мошинский 2010: 145, 147, № 186, 188). Все изображения имеют ветвистые рога, как правило, с тремя отростками; иногда отростков больше.

Скульптурные изображения оленя встречаются на булавках с секировидным навершием (Chantre 1886: pl. XX, 1; Уварова 1900: табл. XXIX, 3; Доманский 1984: ил. XIV; Avant les Scythes 1979: 188, no. 196; Вольная 2016б: 73, рис. 1–3). В позднекобанское время оленя изображают на навершиях, штандартах, умбоновидных бляхах (рис. 1, 37 — Уварова 1900: 303, табл. CXVIII, 26; рис. 235; 236; Доманский 1984: ил. 169; 170; Мошинский 2006: 67, рис. 38, 4; 2010: 144, № 184).

6. Медведь

I хронологический период (группа I). Отнесение одной из групп фигурок медведя к до-кобанскому времени носит предположительный характер, основанный как на стилистических особенностях, так и на анализе состава сплавов, из которых они были изготовлены. Изображения представлены фигурками и подвесками с петлей под мордой, с уплощенным туловищем прямоугольных очертаний (Уварова 1900: табл. ХСІІ, 13, 14; Крупнов 1960: 233, рис. 34; Доманский 1984: ил. 97; Motzenbäcker 1996: Taf. 30, 12–14; 31, 1, 3; 68, 11, 12; 69, 4, 5; 90, 9). У животных лапы широко расставлены, и передние, как правило, шире задних (рис. 1, 38). Морда объемная, с большим лбом и округлыми, иногда заостренными на концах, ушами. У некоторых фигурок точечными углублениями показаны глаза. На холке часто имеется один или несколько круглых налепов или объемная двойная спираль. Спина и шея украшены поперечными насечками. Иногда насечки изображены на плечах животного. Помимо одиночных фигурок встречаются двойные (Уварова 1900: табл. LХІІІ, 4; Motzenbäcker 1996: Taf. 31, 1; Крупнов 1960: 233, рис. 34).

Анализ металла подтверждает ранний характер этих изображений — в составе сплавов помимо меди преобладает мышьяк, олово отсутствует¹⁰. Большинство изображений медведя найдено в могильнике Верхняя Рутха (Кумбулта)¹¹. Фигурки также происходят из Кобанского могильника и могильника Брили (Доманский 1984: ил. 97).

II хронологический период (группа II). Изображения медведя встречаются и в последующее время. В памятниках кобанской культуры этот образ представлен подвесками в виде целых фигур животного и в виде его головы. Вероятно, в раннекобанское время мы имеем весьма реалистичные изображения медведя (рис. 1, 39). Позднее они становятся более стилизованными. Ранние подвески в виде фигурок животных имеют тело, как бы состоящее из трех округлых частей (Chantre 1886: pl. XI, 8; Уварова 1900: табл. ХХХV, 8, 14; NHM, Nr. 41.173, 42.241, 42.452; ГЭ, № КЗ-4171, КЗ-5811). У медведей большой, выпуклый лоб, приподнятый кончик носа, маленькие округлые уши с выемками. Глаза округлые, выпуклые, с углублением в центре. Фигурки имеют короткие лапы и хвост. В шее проделано отверстие для подвешивания, часто неправильной формы.

Подвески подобного типа происходят из Кобанского могильника. Стилистические особенности фигурок медведя с трехчастным туловищем и, вероятно, одинаковый способ изготовления, сближают их с подвесками, представляющими собой голову хищника с открытой пастью и шаровидным туловищем-петлей (рис. 1, 40 — Chantre 1886: pl. XXV, 9, 10, 12, 13; Уварова 1900: табл. ХХХVI, 14; ХХХVIII, 6, 7; Avant les Scythes 1979: 193, no. 207; Доманский 1984: ил. 123–125). Туловище представляет собой бусину с круглым отверстием в центре. Судя по находкам похожих подвесок, найденных вместе с бусами в погребении № 45 могильника Сержень-Юрт и погребении № 222 Тлийского могильника, они входили в состав ожерелья (Козенкова 2002: 28, табл. 35, 14; Техов 1980: 38, табл. 96, 4).

Изображения хищника на подвесках-бусинах сильно стилизованы, что вызывает затруднение в определении вида животного. В некоторых случаях животные описываются как изображения собаки или волка (Avant les Scythes 1979: 193, no. 207), а иногда — как медведя

¹⁰ Определение состава сплавов фигурок в собрании Гос. Эрмитажа выполнено С. В. Хавриным методом рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) на спектрометре Art-TAX (Brüker). Результаты анализов пока не опубликованы.

¹¹ Подвеска в виде двух соединенных вместе фигурок медведя из собрания Эрмитажа обозначена П. С. Уваровой как происходящая из могильника близ с. Чми (Уварова 1900: 116, табл. XIII, 4). Однако единственная подобная подвеска, хранящаяся в Гос. Эрмитаже, имеет паспорт «Кумбулта» (инв. № КЗ-3601). Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность А. А. Чижовой за возможность работы с кавказскими материалами Отдела Востока Эрмитажа.

(Козенкова 2017: 46, 47) или даже свињи (Уварова 1900: 67). Приподнятый заостренный нос и изображенные насечками зубы исключают их интерпретацию как свињи. Вероятно, это все же изображения медведя и волка. Более круглые головы с открытой пастью, на наш взгляд, можно считать изображениями медведя (Chantre 1886: pl. XXV, 12), а головы с вытянутой мордой, закрытой, но оскаленной пастью — изображениями волка (Ibid.: pl. XXV, 13).

В западнокобанских памятниках получают распространение подвески с головой медведя несколько другого типа. У животных массивные головы, объемные глаза, оскаленная пасть. Петля цилиндрической формы с круглым отверстием. Изображения более стилизованы по сравнению с подвесками, имеющими шаровидное туловище-петлю. Находки происходят из Бедыкского могильника, могильника Заюково-3, погребения 3 Кызылкалинского могильника, других памятников и датируются VIII / началом VII в. до н. э. — V в. до н. э. (Батчаев 1985: 10, 11, табл. 3, 1; Алексеева 1971: табл. 136, 9; Кадиева, Демиденко 2016: 86–88, рис. 7, 3–5).

Наблюдения и выводы

Проведенный анализ показал, что в материалах кобанского времени имеются явные черты как преемственности, так и отличий (рис. 1). В докобанское время более многочисленны изображения барана, которые представлены подвесками, а также украшают предметы, несомненно имеющие культовое значение. Для этого времени характерен единый способ стилизации в изображении бараньей головы.

В кобанское время увеличивается разнообразие видов изображаемых животных. Появляются фигурки собаки, кабана, козла, тура, змеи, рыбы. Баран по-прежнему остается самым распространенным образом. Многочисленные подвески с вертикальной петлей представлены разнообразными формами, уже нет единого канона при воспроизведении образа животного. Фигурки баранов в это время украшают другие типы предметов, по сравнению с предыдущей эпохой. Возможно, они также использовались в культовых церемониях, но более вероятно, что они имели статусное значение и являлись парадными. Это пряжки, фибулы, кинжалы, пронизи. В позднекобанское время изображения баранов встречаются на навершиях и штандартах, где они зачастую являются частью сложной скульптурной композиции (Уварова 1900: 148, рис. 130; табл. LXXI, 6; Tallgren 1930: fig. 18–22; Техов 1985: табл. 104, 18; Mošinskij 1999: Abb. 4; Брилева 2012: 340, № 429). Вероятно, в кобанское время происходит расширение семантического значения образа барана.

В докобанское время изображения быка представлены подвесками в виде головы и фигурок, головы быка украшают навершия булавок. В памятниках кобанской культуры в основном встречаются подвески в виде целых фигурок быка и навершия культовых жезлов с изображениями протом животного.

Подвески в виде фигурок птиц и булавки с изображениями птичек появляются в памятниках докобанского времени. И если тогда они еще немногочисленны, то в кобанской культуре этот образ становится одним из самых популярных. Несмотря на то что появляется новый способ расположения петли у подвесок (на спине, под шеей), получают распространение новые формы булавок, а изображения птиц становятся более разнообразными, прослеживается стилистическая преемственность между фигурками докобанского и кобанского периодов.

Полнофигурные изображения лошади появляются во второй половине II тыс. до н. э. на булавках с навершием в виде павлиньего пера и в виде подвесок с вертикальным отверстием в туловище. В памятниках кобанской культуры большее распространение получают фигурки с вертикальной петлей. Головы лошадей, направленные в противоположные стороны, украшают навершия булавок. В IX–VIII вв. до н. э. появляются скульптурные

изображения всадников на лошадях (на навершиях кинжала и булавок) (Сокровища Алании 2011: 64, 65, № 42, 43; Брилева 2012: 178, 179, 339, 341, № 431, 433, 456 и др.). Фигурки всадников на предметах продолжают встречаться в последующее время, как в виде отдельных изображений, так и в составе скульптурных композиций.

Об изображениях оленя и медведя в докобанское время можно судить по аналогиям и результатам анализа металла изделий. Эти образы представлены подвесками и отличаются уплощенностью туловища, характерной для изображений баранов и быков этого времени. Одинаковый декор в виде рельефных двойных спиралей на туловищах медведей и лошадок из Былымского клада и Чегемского общества также сближает находки с изображениями докобанского времени.

В кобанской культуре образ оленя получает наибольшее распространение. Помимо скульптурных изображений (подвески, булавки с секировидным навершием, бляхи, навершия с протомами животного и изображения в составе скульптурных композиций) олень воспроизводится в графике и рельефе на металлических поясах, пряжках, топорах.

Изображения медведя в кобанских памятниках представлены подвесками в виде целых фигур с горизонтальным отверстием в туловище или реже — с вертикальной петлей (Техов 1999: ил. 53, 5), а также подвесками в виде головы животного с оскаленной пастью, входящими в состав ожерелий.

Все скульптурные изображения животных докобанского и кобанского времени уникальны. Они отлиты с утратой формы, и каждое из них заслуживает отдельного полноценного исследования. Поэтому большая часть находок оказалась неупомянутой. Круг приведенных аналогий и ссылок также далеко не полный.

Основной задачей настоящей статьи было показать различие между скульптурными изображениями докобанского времени и фигурками кобанской культуры. Оказалось, что при общем, на первый взгляд, сходстве они отличаются стилистически, а также расположением петли или отверстия. Типологический и стилистический анализ позволяют уточнить и скорректировать датировку металлических скульптурных изображений животных. Проведенное исследование выявило как преемственность, так и принципиальное отличие изображений докобанского и кобанского времени. Все это открывает новые перспективы для дальнейших исследований изобразительного искусства древних культур Кавказа.

Литература

- Алексеева 1971 — Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. 355 с.
- Батчаев 1985 — Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Керемов Б. М. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2. С. 7–115.
- Березин, Дударев 1998 — Березин Я. Б., Дударев С. Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» — памятник раннежелезного века Пятигорья // МИИКНСК. Археология. Ставрополь: Памятники исторической мысли, 1998. Вып. 1. С. 167–209.
- Брилева 2012 — Брилева О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. — X в. н. э.). М.: Таус, 2012. 424 с.
- Бронзовый век... 2013 — Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки / Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Васильева 2004 — Васильева Е. Е. Основа классификации бронзовых подвесок в виде бараньих головок эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северного Кавказа // Тихонов И. Л. (науч. ред.). Альманах молодых археологов: Сб. студенческого археологического об-ва. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 6–26.

- Васильева 2008 — *Васильева Е. Е.* О динамике кобанского бестиария // Туаллагов А. А. (отв. ред.). Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ. 21–25 апреля 2008 г.): ТД МНК. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 92–94.
- Васильева 2012 — *Васильева Е. Е.* Подвески дигорского типа // Гаджиев М. С. (отв. ред.). Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: ММНК (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 34–36.
- Васильева 2017 — *Васильева Е. Е.* Образ собаки в кобанской мелкой пластике // Новожилов А. Г. (отв. ред.). Археология и этнография Кавказа и Крыма: ТНК (Санкт-Петербург, 6–8 апреля 2017 г.). СПб.: б. и., 2017. С. 44–46.
- Васильева 2020 — *Васильева Е. Е.* Классификация и хронология металлических подвесок в виде бараньих голов среднего бронзового — раннего железного века Центрального Кавказа // АВ. 2020. Вып. 27. С. 279–305.
- Васильева, Хаврин 2019 — *Васильева Е. Е., Хаврин С. В.* Зооморфные изделия среднего бронзового — раннего железного веков Центрального Кавказа: металл и хронология // Поляков А. В., Ткач Е. С. (отв. ред.). Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в Евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): ММК (Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. Т. II. С. 165–168.
- Вольная 2008 — *Вольная Г. Н.* К вопросу о типологии кобанской бронзовой пластики // МИИКНСК. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. Вып. 8. С. 614–615.
- Вольная 2011 — *Вольная Г. Н.* Привески в виде сдвоенных протом лошадей из памятников Центрального Кавказа раннего железного века // Балахванцев А. С., Колганова Г. Ю. (отв. ред.). Древность: историческое знание и специфика источника: ММНК, посвящ. памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского (12–14 декабря 2011 г.). Вып. 4. М.: ИВ РАН, 2011. С. 67–70.
- Вольная 2016а — *Вольная Г. Н.* Образ барана в предметах кобанской культуры с симметричной композицией // Басов И. И. (сост. и ред.), Плеих А. Л., Приймак Ю. В. (отв. ред.). Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: Материалы 21-й Всерос. НПК. Армавир: б. и., 2016. С. 16–22.
- Вольная 2016б — *Вольная Г. Н.* Бронзовые секировидные булавки из памятников кобанской культуры Центрального Кавказа // Мамаев Х. М. (отв. ред.). Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: ММНК (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный: Изд-во Чеченского ГУ, 2016. С. 73–75.
- Вольная, Найфонова 2016 — *Вольная Г. Н., Найфонова Ф. Т.* Образ барана в прикладном искусстве кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа // Изв. СОИГСИ. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2016. Вып. 21 (60). С. 5–23.
- Доманский 1984 — *Доманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. 240 с.
- Железный век... 2020 — Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: Каталог выставки / Алексеев А. Ю., Наврота М., Гасса А., Пиотровский Ю. Ю. (ред.). СПб.: Чистый лист. 2020. 720 с.
- Кадиева, Демиденко 2016 — *Кадиева А. А., Демиденко С. В.* Произведения пластики малых форм эпохи раннего железного века из могильника Заюково-3 (Гунделен) в Кабардино-Балкарии // Балахванцев А. С., Кулланда С. В. (отв. ред.). Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: ММНК, посвящ. памяти М. Н. Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.). М.: ИВ РАН, 2016. С. 85–88.
- Козенкова 1982 — *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 176 с. (САИ. Вып. В2-5).

- Козенкова 1989 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука, 1989. 196 с. (САИ. Вып. В2-6).
- Козенкова 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН, 1998. 200 с. (САИ. Вып. В2-5).
- Козенкова 2002 — *Козенкова В. И.* У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М: Памятники исторической мысли, 2002. 232 с. (МИИХНСК. Вып. 3).
- Козенкова 2004 — *Козенкова В. И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с. (МАИИХНСК. Вып. 5).
- Козенкова 2017 — *Козенкова В. И.* Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017. 114 с.
- Кореневский 1981 — *Кореневский С. Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 254–299.
- Кривицкий 2012 — *Кривицкий В. В.* Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. СПб.: Полторак, 2012. 88 с.
- Крупнов 1960 — *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Куфтин 1949 — *Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1949. 230 с.
- Миллер 1888 — *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888. 134 с., ил., карт. (МАК. Вып. I).
- Мошинский 1988 — *Мошинский А. П.* Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Тменов В. Х. (ред. и сост.). Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа: Сб. ст. Орджоникидзе: Сев.-Осет. НИИ истории, филологии и экономики, 1988. С. 34–42.
- Мошинский 2000 — *Мошинский А. П.* О правомерности выделения дигорской культуры // Белинский и др. (редкол.). XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: ТД конф. Кисловодск: б. и., 2000. С. 102–104.
- Мошинский 2002 — *Мошинский А. П.* Протокобанская эпоха на Северном Кавказе // Белинский А. Б., Савенко С. Н. (ред.). XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: ТД конф. Ессентуки; Кисловодск: б. и., 2002. С. 94–96.
- Мошинский 2006 — *Мошинский А. П.* Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э. М.: ГИМ, 2006. 208 с. (Тр. ГИМ. Вып. 154).
- Мошинский 2008 — *Мошинский А. П.* Протокобанская эпоха на Северном Кавказе и археологические культуры // Туаллагов А. А. (отв. ред.). Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21–25 апреля 2008 года: ТД МНК. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2008. С. 261–264.
- Мошинский 2010 — *Мошинский А. П.* Древние бронзы Кавказа. М.: ГИМ, 2010. 200 с.
- Мошинский 2020 — *Мошинский А. П.* Дубликация и дихотомия в артефактах Кавказа // Леванова Е. С., Смирнов Н. Ю. (отв. ред.). Диалог 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (С.-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.): Сб. науч. ст. М.: ИА РАН, 2020. С. 145–166.
- Мошинский, Скаков 2020 — *Мошинский А. П., Скаков А. Ю.* Раннекобанский клад бронзовых предметов с горы Стрижамент (Ставрополье) // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 164–184.
- Прокопенко, Кравцова 2020 — *Прокопенко Ю. А., Кравцова С. Л.* Коллекция предметов эпохи бронзы и раннего железного века из Ставропольского государственного музея-заповедника

- (собрание Г. Н. Прозрителева) // Прокопенко Ю. А., Невской Т. А. (ред.). Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Печатный двор, 2020. Вып. 12–13. С. 21–39.
- Скаков 2001 — Скаков А. Ю. Хронология протокобанских памятников // Колев Ю. И. и др. (редкол.). Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: ММНК «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Европы» (Самара, 23–28 апреля 2001 г.). Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2001. С. 233–238.
- Скаков 2004 — Скаков А. Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе // Авидзба В. Ш. (отв. ред.). Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам МНК, посвящ. 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа (Сухум, 28–31 мая 2001 г.). Сухум: Дом печати, 2004. С. 188–196.
- Скаков, Джопуа 2018 — Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Бронзовая зооморфная пластика Северо-Западной Колхиды (Могильник Джантух) // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 120–139.
- Сокровища Алании 2011 — Сокровища Алании / Блиев М. М. (науч. ред.). М.: Эксмо, 2011. 240 с.
- Субботин 2022 — Субботин А. В. Древние «святилища» в урочище Лунная поляна КЧР // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения: ММНК по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана (Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.). Майкоп: Качество, 2022. С. 187–189.
- Техов 1974 — Техов Б. В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали: Ирыстон, 1974. 96 с.
- Техов 1977 — Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Техов 1980 — Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1980. Т. 1. 58 с.
- Техов 1981 — Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы IX — первой половины VII в. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1981. Т. 2. 73 с.
- Техов 1985 — Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы второй половины VII — VI в. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1985. Т. 3. 69 с.
- Техов 1999 — Техов Б. В. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (Стырфазские кромлехи). Владикавказ-Цхинвал: Изд-во Северо-Осетинского НЦ, 1999. 240 с.
- Техов 2002 — Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.
- Техов 2006 — Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 543 с.
- Уварова 1900 — Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1900. XII, 381 с. (МАК. Вып. 8).
- Уварова 1902 — Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные др. Г. И. Радде, директором Кавказского музея и Публичной библиотеки в Тифлисе. Т. 5. Археология. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1902. 231 с.
- Урушадзе 1988 — Урушадзе Н. Древнегрузинское пластическое искусство. Тбилиси: Хеловнеба, 1988. 182 с.
- Чартолани 1989 — Чартолани Ш. Г. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 316 с.
- Чшиев 2005 — Чшиев Х. Т. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Нарожный Е. И. (отв. ред.). МИАСК. Армавир: Редакционно-издательский центр Армавирского гос. пед. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 89–99.
- Чшиев 2006 — Чшиев Х. Т. Древнеиранская собако-птица в кобанской металлопластике // Хамицаева Т. А. (отв. ред.). Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения: Материалы региональной НК, посвящ. 120-летию со дня рождения Б. А. Алборова. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2006. Ч. 2. С. 142–150.
- Чшиев 2007 — Чшиев Х. Т. Два типа топоров эпохи поздней бронзы из Адайдонского могильника кобанской культуры (Северная Осетия) // МИАСК. Армавир, 2007. Вып. 8. С. 40–49.
- Чшиев 2021 — Чшиев В. Т. Обряд вторичного захоронения в ранних комплексах Адайдонского некрополя кобанской культуры Кавказа // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: история и политические науки. 2021. № 5. С. 165–178 (Циркумпонтика. Вып. 3).

- Шестопалова 2018 — *Шестопалова Э. Ю.* Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. Владикавказ: ИПЦИП Цопанова А. Ю., 2018. 352 с.
- Avant les Scythes 1979 — *Avant les Scythes* — préhistoire de l'art en U.R.S.S. Paris: Editions de la Réunion des Musées Nationaux, 1979. 222 p.
- Chantre 1886 — *Chantre E.* Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. 2: Période protohistorique. Atlas. Paris: Ch. Reinwald & Lyon: Henri Georg, 1886. LXIII pl.
- Curtis, Kruszynski 2002 — *Curtis J., Kruszynski M.* Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. London: The British Museum, 2002. 128 p. (The British Museum Occasional Paper. No. 121).
- Georgien 2001 — Georgien: Schätze aus dem Land des goldenen Vlies: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum in Verbindung mit dem Zentrum für Archäologische Forschungen der Georgischen Akademie der Wissenschaften Tbilissi vom 28. Oktober 2001 bis 19. Mai 2002 / von Irine Gambaschidze (hrsg.). Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2001. 472 S.
- Mošinskij 1999 — *Mošinskij A.* Die Bestattung eines "Priesters" der Koban-Kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // *Eurasia Antiqua*. 1999. Bd. 5. S. 217–231.
- Moshinsky 2001 — *Moshinsky A.* The Cult of the Double-Edged Axe in the Northern Caucasus // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2001. Vol. 7, no. 1–2. P. 71–84.
- Motzenbäcker 1996 — *Motzenbäcker I.* Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. Bd. 3. 294 S.
- Pantskhava et al. 2001 — *Pantskhava L., Maisuradze V., Gobejishvili G.* Toward dating burial № 12 excavated at Brili necropolis in 1939 (Summary) // *Dziebani*. Tbilisi, 2001. № 8. P. 44–48.
- Tallgren 1930 — *Tallgren A. M.* Caucasian monuments. The Kazbek Treasure // *ESA*. 1930. T. 5. P. 109–182.
- Virchow 1883 — *Virchow R.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Eine vergleichend-archäologische Studie. Berlin: Verlag von A. Asher & Co, 1883. 157 S.

**ANIMAL IMAGES IN METAL FROM THE BRONZE
AND EARLY IRON AGE SITES OF THE CENTRAL CAUCASUS
(RELATIVE CHRONOLOGY AND EVOLUTION)**

E. E. VASILIEVA

Keywords: *late Middle Bronze Age, Late Bronze Age, Early Bronze Age, Central Caucasus, Digoria culture, Koban cultural and historical unity, metal sculptures of animals.*

The Caucasian metal figurines of animals have traditionally attracted attention of both Russian and foreign researchers. Lots of publications are devoted to the description, systematization and semantics of these images. As the majority of finds come from plundered assemblages, their dating is difficult. The present paper offers a systematization of animal figurines based on the principles of relative chronology. The figurines are divided into two chronological groups, the first of which consists of the pre-Koban objects (XV–XIII cc. BC), and the second one includes the objects dated to the time when the Koban cultural and historical unity existed (XII–IV cc. BC). The comparative analysis of images from the main repertoire of the two groups makes it possible to refine their dating and to trace how their species and typological composition changes in time.

СИММЕТРИЧНЫЕ ЗООМОРФНЫЕ КОМПОЗИЦИИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

Г. Н. КЕРЦЕВА (ВОЛЬНАЯ)¹

Ключевые слова: *Центральный Кавказ, кобанская культура, зооморфные симметричные композиции, «древо жизни», «хозяйка/хозяин животных».*

В симметричных зооморфных композициях на бронзовых поясных пластинчатых пряжках, лезвиях топоров и навершиях булавок из памятников кобанской культуры Центрального Кавказа изображения фигурок хищников направлены к центру композиции. Симметричные композиции с изображением копытных (лошадей, козлов, оленей) направлены в противоположные стороны. Это связано с традициями, идущими с IX в. до н. э. с территории Ирана, и сюжетами «древо жизни», «хозяйка/хозяин животных», нашедшими свое выражение и в искусстве кобанской культуры. Судя по наличию большого числа арковидных застежек с симметричными изображениями фигурок лошадей в Кобанском и Дигорском ущельях Северной Осетии, можно полагать, что в одном из них существовала мастерская по производству таких изделий.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-146-155

В зооморфном искусстве кобанской культуры на бронзовых предметах — поясных пластинчатых застежках, пряжках, лезвиях топоров и навершиях булавок — встречаются двучастные симметричные композиции с фигурами животных, направленными к центру. Выделяются композиции из фигурок и голов животных, они называются геральдическими. В памятниках кобанской культуры Центрального Кавказа на таких композициях представлены пары коней, хищников или птиц.

На территории Центрального Кавказа известно шесть бронзовых арковидных ажурных поясных или портупейных застежек с изображением двух противостоящих фигур животных в профиль (рис. 1, 1–6). Животные стоят на наклонных полосках, образующих вместе с основанием треугольник. Три застежки происходят из Кобанского могильника, одна из них опубликована Э. Шантром (Chantre 1886: Table XI, 8; Васильева 2005: ил. 6, 2) и хранится в Музее национальных древностей Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция. Две другие, из погребений I и XXVI Кобанского могильника, хранятся в Вене, в Музее естественной истории (NHM. Nr. 41.757, 42.162). Еще три пряжки обнаружены в с. Кумбулта (Камбулта) Дигорского ущелья. Одна целая происходит из коллекции Ольшевского (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q503.69), другая, фрагментированная, — из собрания Исторического музея (Уварова 1900: табл. ХСII, 5). Рисунок еще одной пряжки из с. Кумбулта, которая хранится в ГИМ, опубликован в 2012 г. А. С. Скаковым (2012: рис. 2, 2). П. С. Уварова писала, что «поясные пряжки Кумбултского могильника напоминают пряжки более поздних могил

¹ Институт истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания; г. Владикавказ, 362025, Россия.

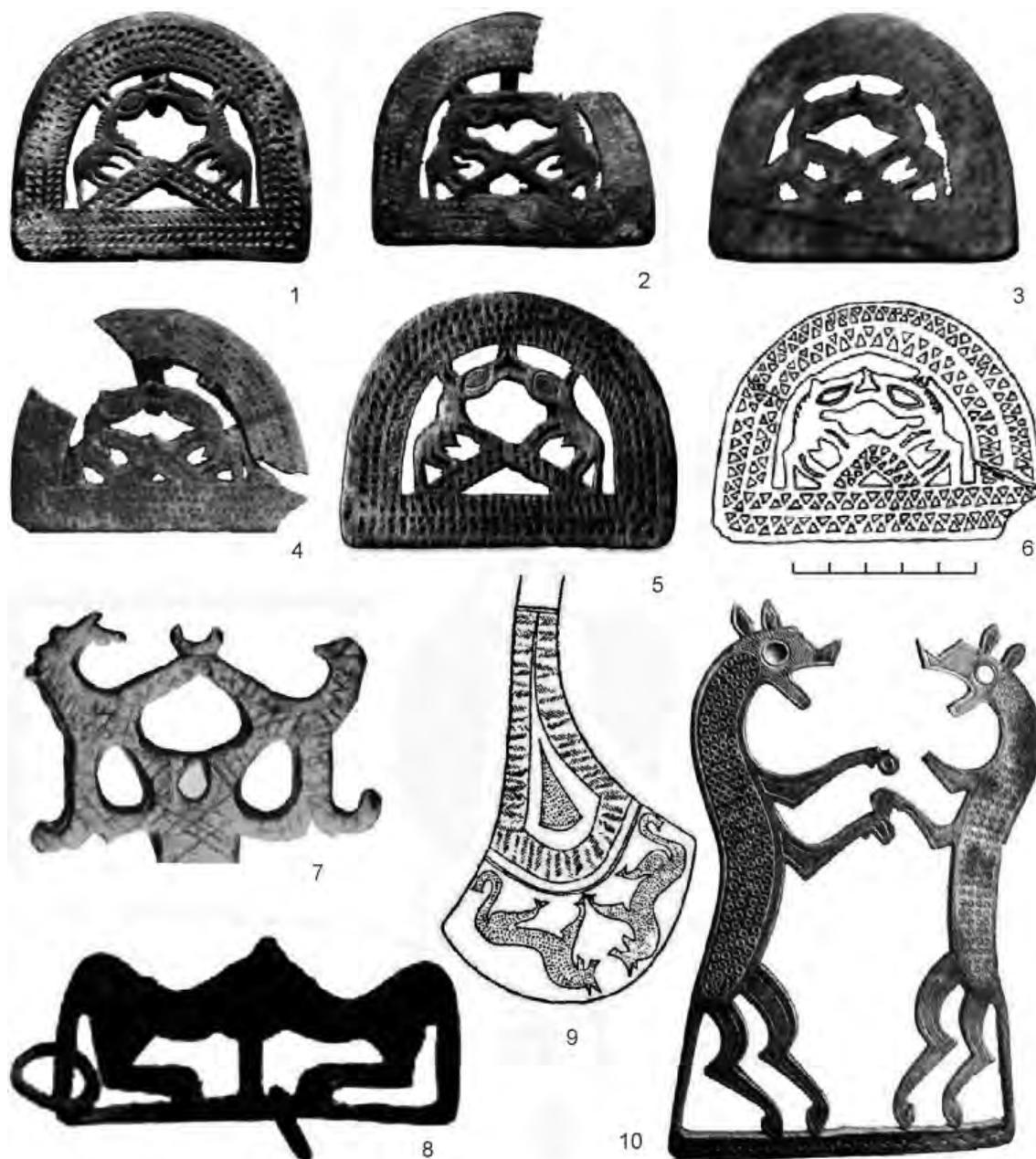

Рис. 1. Изображение фигур хищных животных в симметричных композициях кобанской культуры: 1 и 2 — Кобанский м-к, погр. XXVI и 1 (NHM. №. 41.757, 42.162); 3 — Кумбулта (Коллекция древностей Кавказа Ольшевского, по: НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q503.69); 4 — Кумбулта (Исторический музей, по: Уварова 1900: табл. ХСII, 5); 5 — Кобанский м-к (по: Chantre 1886: Table XI, 8; Васильева 2005: ил. 6, 2); 6 — Кумбулта (ГИМ, по: Скаков 2012: рис. 2, 2); 7 — Кавказ (по: Доманский 1984: ил. 174); 8-10 — Кобанский м-к (8 и 10 — по: Уварова 1900: табл. XXXVII, 9 и XXXIX, 7; 9 — по: Доманский 1984: рис. 13). 1-10 — бронза. 1-5, 7-10 — без масштаба

Fig. 1. Images of predators in the symmetrical compositions of the Koban culture: 1 and 2 — Koban cemetery, burials XXVI and 1 (NHM. No. 41.757 and 42.162); 3 — Kumbulta (Olshevsky's collection. SA IMHC RAS. Photo Dep. Print Q503.69); 4 — Kumbulta (Historical Museum, after Уварова 1900: табл. ХСII, 5); 5 — Koban cemetery (after Chantre 1886: Table XI, 8; Васильева 2005: ил. 6, 2); 6 — Kumbulta (State Historical Museum, after Скаков 2012: рис. 2, 2); 7 — Caucasus (after Доманский 1984: ил. 174); 8-10 — Koban cemetery (8 and 10 — after Уварова 1900: табл. XXXVII, 9; XXXIX, 7; 9 — after Доманский 1984: рис. 13). 1-10 — bronze. 1-5, 7-10 — not to scale

Кобани. В Историческом музее находим прорезную пряжку, украшенную на поверхности подражанием скани или плетенки, окружающей двух неопределенной формы животных, борющихся между собой, с большими толстыми головами» (Уварова 1900: табл. ХСII, 5). «Такие же две пряжки, но лучшей сохранности, имеются в Венском музее» (Там же: 217).

У каждой из застежек имеются крючок и петля на обороте. П. С. Уварова полагала, что «бляхи с петлей для принятия крючка не находили, что позволяет предположить, что пряжки эти носились одиночными пластинами и крючок вдевался непосредственно в сам пояс» (Там же: 39).

Автор статьи разделяет мнение Е. Е. Васильевой, которая сомневается, что это поясные пряжки и считает их португальскими застежками или застежками для одежды с применением узких ремней (Васильева 2005: 36–40, ил. 6, 2).

Животные изображены в профиль, стоящими напротив друг друга на наклонных сторонах треугольника. Они соприкасаются раскрытыми пастьми. На некоторых застежках на шее животных насечками изображена шерсть, показан длинный тонкий хвост, касающийся нижней стороны рамки. Изображены по две передние и по две задние лапы. У обеих фигур показаны фаллосы. Голова непропорционально крупная по отношению к туловищу. Изображен преувеличенно крупный миндалевидный глаз. На голове — по два вертикально торчащих острых уха. Приоткрытая пасть имеет лотосовидную форму, которая характерна для иконографии хищников в кобанской культуре. Верхний край пасти на некоторых застежках касается рамки. Арочные рамки застежек и нижняя сторона покрыты четырьмя рядами треугольных углублений (по два ряда из сдвоенных треугольников). Две верхние стороны треугольника, на которых стоят животные, декорированы двумя рядами треугольных углублений.

Эти поясные пряжки, скорее всего, были отлиты по одному образцу, так как они идентичны и отличаются друг от друга мелкими деталями, которые могли возникнуть во время отливок в результате несовершенства металлургического производства.

В кобанском искусстве для определения вида животного значимым является изображение его морды. Если показана открытая пасть — это хищник, если закрытая — копытное животное. В меньшей степени имеют значение изображения окончания конечностей. Ноги или лапы часто показаны стилизованно и не могут свидетельствовать о виде животного. Как правило, в кобанском искусстве хищников изображают с вытянутой головой, более похожими на волков или собак; их хвосты — длинными и тонкими. Судя по вытянутой морде с открытой пастью, острым ушам и длинному хвосту на арковидных поясных застежках из Кобанского могильника и Кумбулты, мастер изобразил противоборствующих хищников-самцов семейства псовых, стоящих на «горе».

Композиционно близко этим пряжкам изображение на навершии бронзовой булавки, происходящей с Кавказа, где изображены две фигурки животных (рис. 1, 7 — Доманский 1984: ил. 174). Левая фигурка представляет собой лошадь, о чем свидетельствуют общий абрис фигуры и головы, изогнутая шея с гривой, однако хвост короткий и загнут кверху. Вторая фигурка изображает животное, чей длинный хвост, напоминающий хвост животных семейства кошачьих, загнут кверху, треугольная морда сильно стилизована. Фигуры животных и основание, на которое они опираются, покрыты пересекающимися полосами. Сверху на соприкасающихся вытянутых передних лапах находится предмет в виде полумесяца. В центрально-симметричных композициях из Луристана с изображением хищников над их лапами часто изображались фигурки птиц.

Бронзовая пряжка из с. Кобан в собрании ГИМ (рис. 1, 8 — Уварова 1900: табл. XXXVII, 9) представляет ту же самую симметричную схему, где изображения животных направлены к центру композиции. Однако здесь показана только задняя часть туловища хищника с лапами и хвостом. По сути это часть изображения «скребущиеся хищники».

Еще одна симметричная композиция с двумя противостоящими хищниками известна на лопасти бронзового топора из Кобанского могильника (рис. 1, 9 — Доманский 1984: рис. 13). Здесь помещены профильные изображения хищников с длинными тонкими хвостами, загнутыми кверху, с острыми ушами на голове. Передние лапы хищников соприкасаются. У них показана открытая пасть, как и на арковидных застёжках из Кобанского могильника и Кумбулты. Туловища животных покрыты пуансоном, имитирующим шерсть.

Судя по наличию большого числа идентичных арковидных застёжек на территории Северной Осетии, можно полагать, что здесь существовала мастерская по их производству. Также можно говорить о тесных контактах населения Кобанского и Дигорского ущелий в первой половине I тыс. до н. э.

Изображения на дуговидных пряжках из Кобанского могильника и с. Кумбулта аналогичны геральдической композиции с двумя противостоящими хищниками на поясной пряжке из Кобанского могильника, хранящейся в Музее естественной истории в Вене (рис. 1, 10 — Уварова 1900: табл. XXXIX, 7). На пряжке хищники стоят на подставке на задних лапах, передние лапы соприкасаются, длинный тонкий хвост упирается в подставку.

К. Х. Кушнарёва отмечала влияния южных цивилизаций на генезис кавказских культур эпохи бронзы: «начиная со второй половины III тысячелетия до н. э. и на протяжении всей эпохи бронзы прокладывались магистральные пути скотоводов из Араратской долины на пастбища Арагаца, из Алазанской долины по ущельям рек Илто и Арагви в высокогорья Шида Картли, из Гардабанской степи, Марнеульской и Согланлугской долин — в Триалети, из Мильской степи — в Карабахские горы, из ущелья р. Инцоба, через перевал Кодори — в горный Дагестан и т. д.» (Кушнарёва 1994: 136). Это, по ее совместно с М. Б. Рысиным мнению, «может быть приурочено к климатическим изменениям (отступление ледников и освобождение перевалов Большого Кавказа), этническим перемещениям» (Кушнарёва, Рысин 1996 (2008): 576). В раннем железном веке процессы взаимовлияний Кавказа и Ближнего Востока продолжились.

М. П. Погребова полагает, что «„ближневосточный“ характер этой пряжки общепризнан <...> еще Ф. Ганчар сравнил ее с луристанскими штандартами» (Погребова 1984: 145, табл. XIX, 2–6). Однако, по ее мнению, оснований считать эту пряжку импортной нет, поскольку животные, стоящие друг перед другом на задних лапах, очень напоминают «собак», хорошо известных в колхидо-кобанском искусстве (Там же: 145). Действительно, композиция этой пряжки и стилистика изображений хищников сопоставима с изображениями на уже рассмотренных предметах.

Симметричные композиции весьма распространены в луристанском искусстве (рис. 2). Как видим, схема композиции с двумя противостоящими хищниками — общая для луристанских и кобанских изображений. Н. Л. Членова еще в 1967 г. показала влияние искусства бронз Луристана на зооморфное искусство окружающих его культур, в том числе и на кобанскую культуру Северного Кавказа (Членова 1967: табл. 30, 1, 4).

Хищникам на арковидных застёжках наиболее близка композиция на навершии бронзовой дисковидной луристанской булавки (рис. 2, 3) с изображением двух противостоящих львов на наклонных полосах с растительным орнаментом, которые терзают козла. Под ними изображен третий хищник, также терзающий козла.

Поскольку на арковидных застёжках из Кобанского могильника и Кумбулты нижняя часть была ограничена, то поместились только два хищника. Судя по наклонным полосам, на которые опираются хищники, и их орнаментике, можно предположить, что это изображение некой горы. Стилизация животных на кавказских пряжках отличается от луристанских, однако композиция сходна. Также встречаются общие детали, которые на кобанских пряжках сильно стилизованы. В обоих случаях хищные животные изображены в

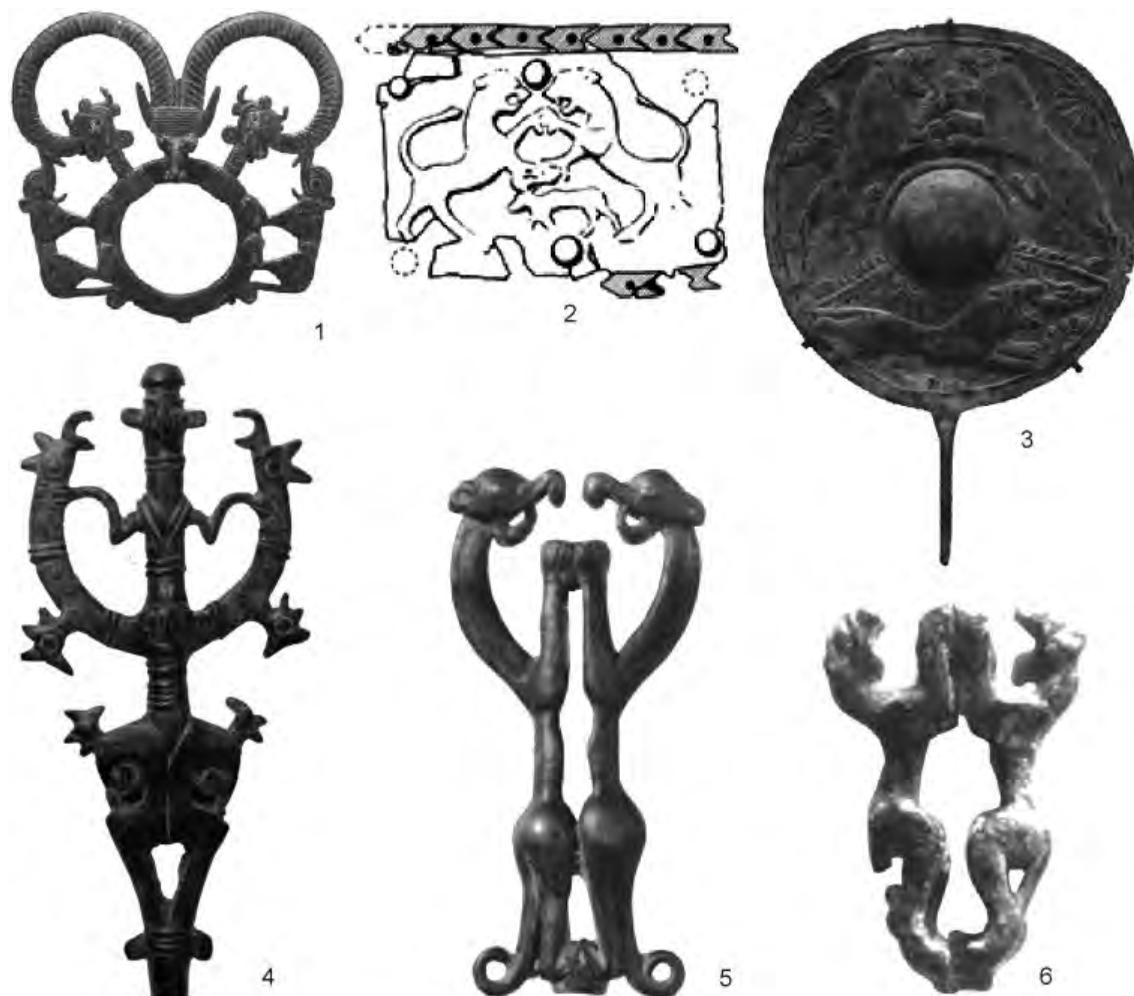

Рис. 2. Изображение фигур хищных животных в симметричных композициях Луристана: 1 — Луристан (1100–539 гг. до н. э.) (Лувр, по: [wikimedia.org](https://www.wikimedia.org) 1 [Электронный ресурс]); 2 — Хасанлу (по: Muscarella 1988: Fig. 3); 3 — Луристан (XIII–VI вв. до н. э.) (Сокровища Луристана из Лувра [Электронный ресурс]); 4 — (по: *Bronzes du Luristan* 2008: Pl. 198); 5, 6 — Метрополитен музей (по: Muscarella 1988: Fig. 221, 219). 1–6 — бронза. 1–6 — без масштаба

Fig. 2. Images of predators in the symmetrical compositions of Luristan: 1 — Lorestan (1100–539 BC) (Louvre, after [wikimedia.org](https://www.wikimedia.org) 1 [Электронный ресурс]); 2 — Khasanlu (after Muscarella 1988: Fig. 3); 3 — Lorestan (13th – 6th c. BC) (Louvre, after Сокровища Луристана из Лувра [Электронный ресурс]); 4 — (after *Bronzes du Luristan* 2008: Pl. 198); 5, 6 — Metropolitan Museum (after Muscarella 1988: Fig. 221, 219). 1–6 — bronze. 1–6 — not to scale

профиль, стоящими на подставке, стилизованно изображены «грива» и длинный тонкий хвост, крупные миндалевидные глаза, лапы зверей соприкасаются.

Е. Е. Васильева считает, что полукруглые пряжки с петлями являются одной из древнейших форм кавказских пряжек, и приводит датировки этих пряжек у разных исследователей: XV–XIII или XV–XIV вв. до н. э., по Р. М. Абрамишвили и Т. Н. Чубинишвили; XIII — первая половина XII в. до н. э., по К. Н. Пицхелаури; вторая половина XIII — первая половина XII в. до н. э., по В. И. Козенковой. Более поздние полукруглые пряжки, но с отверстиями, существовали на различных территориях до IX–VIII вв. до н. э. (Васильева 2005: 35, ил. 6, 2). В своей монографии 1996 г. В. И. Козенкова относит аналогичную полукольцевидную пряжку с вертикальной перемычкой к периоду Кобан III — классический

(начало второй половины X — начало VII в. до н. э.) (Козенкова 1996: рис. 36, 45). А. Ю. Скаков также датирует эти пряжки периодом Кобан III — классический (Скаков 2012: 128). Такая композиция для изображения хищников нехарактерна для ранних этапов кобанского искусства, зато часто встречается в искусстве Луристана в композициях с вертикальной осью симметрии с фигурками двух хищников на бронзовых псалях и бляхах IX–VII вв. до н. э.

Поясная пряжка в виде двух фигурок противостоящих хищников из Кобанского могильника (рис. 1, 10) также имеет аналогии на навершиях из Луристана (рис. 2, 5, 6). Хищники изображены стоящими на задних лапах, а передние лапы подняты и соприкасаются. По мнению М. П. Погребовой и других исследователей, эти предметы находят аналогии в луристанских бронзовых навершиях IX–VIII вв. до н. э. (Погрובהва 1984: 45, табл. XIV).

Аналогичная композиция с изображением «скребущихся хищников», направленных к центру композиции, встречается на 24 экз. поясных пряжек «типа Исти-Су» из памятников Юго-Восточной Чечни (села Ца-Ведено, Хаттуни (2 экз.), Харачой) и предгорий бассейна р. Терек (ст. Воздвиженская (4 экз.), пос. Комсомольский, села Орехово, Элистанжи, Исти-Су (или Истису, совр. Мелчхи или Мелчу-Хе), Майртуп, Ялхой-Мохк, Уруп), во Владикавказе, в равнинной зоне (села Лермонтов-Юрт (совр. Хамби-Ирзи), г. Шали), могильник Луговой у с. Мужичи (Ингушетия), а также недокументированные — из Чечни, бывш. Терской обл. и Северного Кавказа (Артамонова-Полтавцева 1950: 69–90; Крупнов 1960; Виноградов 1972; Дударев и др. 1987). Большинство из них датируются VII–IV вв. до н. э. — по комплексам, из которых они происходят.

Симметричные композиции с повернутыми к центру двумя и тремя фигурками коней с обеих сторон встречаются на лопастях бронзовых топоров с двояковыгнутым и прямым корпусом (рис. 3, 1, 2) из погр. 208 и 109 Тлийского могильника (Техов 1988: рис. 8, 47). В. И. Козенкова датирует такие топоры началом второй половины X — началом VII в. до н. э. (Козенкова 1996: 98, 99, рис. 36, 6, 7, 9). На топоре из погр. 208 Тлийского могильника к двум симметричным лошадям добавляется третья. Такую композицию, но с хищниками, мы видим на бронзовой луристанской булавке (рис. 2, 3). Фигуры лошадей в целом повторяют схему изображений хищников, но отличаются от них изображением морды и хвоста, что является важным признаком для их идентификации. Морда вытянута, с грушевидным окончанием, хвост выгравирован «метелочкой» — линией с отдельными штрихами. Концы ног лошадей на топоре из погр. 208 (рис. 3, 1) изображены округлыми, так же как и лапы хищников на поясной пряжке из Кобанского могильника (рис. 1, 10), а на топоре из погр. 109 (рис. 3, 2) достаточно четко выгравированы копыта. Следовательно, окончание ног не являются обязательным показателем вида животного.

Аналогичные композиции с фигурками лошадей встречаются на луристанских бронзовых навершиях жезлов и ручках бронзовой вазы IX–VIII вв. до н. э. (рис. 3, 3–5 — Членова 1967: табл. 32, 45; Muscarella 1988: Fig. 89.4, 317, 318; и др.). Лошади в луристанских симметричных композициях изображены стоящими вертикально на задних ногах («на дыбах»), а передние ноги вытянуты вперед. На кавказских предметах в таких симметричных композициях ноги коней обращены друг к другу.

Производными от фигур противостоящих хищников являются композиции с головами хищных животных, направленных к центру. На территории Центрального Кавказа такие композиции встречаются на навершиях рукоятей холодного клинкового оружия (кинжалов и ножей). Наиболее ранним предметом с такой композицией является бронзовый кинжал из Кабардино-Балкарии (рис. 4, 2). В. И. Козенкова датирует кинжалы этого типа серединой XII / серединой X в. — началом VII в. до н. э. (Козенкова 1996: рис. 36, 3). Оформление наверший кинжалов головами животных, направленными в центр композиции, широко представлено в кобанских памятниках Северного Кавказа скифского

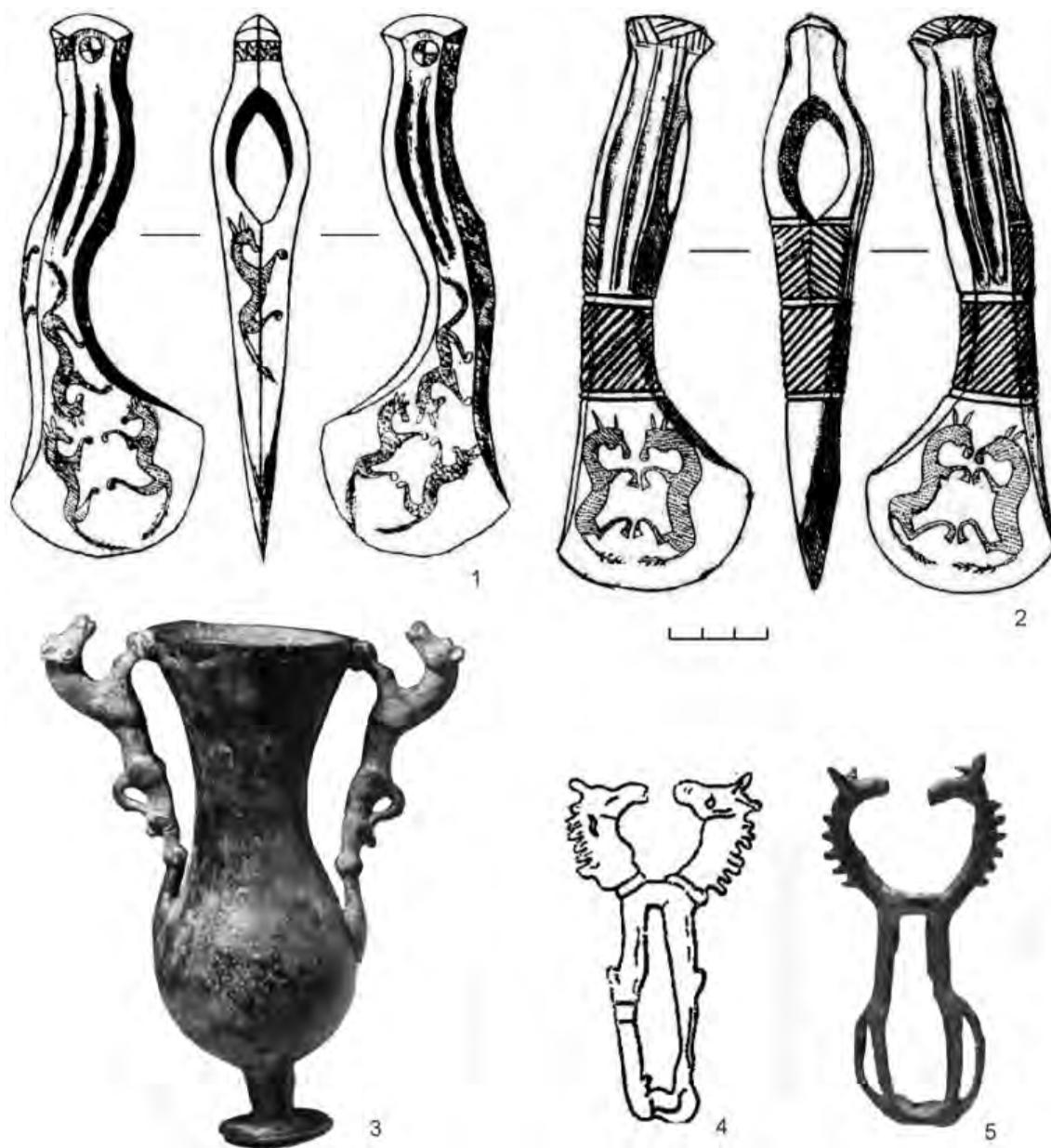

Рис. 3. Изображение фигур лошадей в симметричных композициях кобанской культуры и Луристана: 1 и 2 — Тлийский м-к, погр. 208 и 109 (по: Техов 1988: рис. 8 и 47); 3 — Луристан (по: Copper and Bronze [Электронный ресурс]); 4 — Луристан (по: Членова 1967: табл. 32, 45); 5 — Луристан, 1350–800 гг. до н. э. (Музей искусств округа Лос-Анджелес. М.76.97.69, по: [wikimedia.org](https://www.wikimedia.org) 2 [Электронный ресурс]). 1–5 — бронза. 3–5 — без масштаба

Fig. 3. Horse images in the symmetrical compositions of the Koban culture and Luristan: 1 and 2 — Tliisky cemetery, burials 208 and 109 (after Техов 1988: рис. 8 и 47); 3 — Luristan (after Copper and Bronze [Электронный ресурс]); 4 — Luristan (after Членова 1967: табл. 32, 45); 5 — Luristan, 1350–800 BC (Los Angeles County Museum of Art. M.76.97.69, after [wikimedia.org](https://www.wikimedia.org) 2 [Электронный ресурс]). 1–5 — bronze. 3–5 — not to scale

периода (рис. 4, 1, 3, 4): Урус-Мартановском могильнике (Виноградов 1972: 152, рис. 7, 1), могильнике Гастон-Уота (Мошинский 2006: 166, 202, рис. 7, 4, 5; 43).

Симметричные композиции с изображением фигурок хищников и лошадей на Северном Кавказе появляются в период Кобан III — классический (начало второй половины X — начало VII в. до н. э.) и связаны с традициями, идущими с IX в. до н. э. из Северо-Западного Ирана (Луристан) (см.: Мельченко 2020). Это может свидетельствовать о физических и культурных контактах древнего населения двух территорий. Если в Иране такие композиции были связаны с идеей «хозяйки/хозяина животных», которых изображали в центре композиций, и идеей жертвоприношения им через «благое терзание», то в кобанской культуре этот центральный компонент выпадает из композиции. В ряде случаев в луристанском искусстве «благое терзание» хищными животными копытных встречается уже без центрального элемента — «хозяйки/хозяина животных» (рис. 2, 1, 3). В дальнейшем симметричная композиция из двух направленных к центру хищников иногда сохраняется уже без изображения жертв (рис. 2, 5, 6). В кобанском искусстве изображения жертвенных животных в симметричных композициях также отсутствуют.

В ряде случаев на месте хищных животных в луристанском и кобанском искусстве появляется также симметрично расположенная пара лошадей (рис. 3, 3–5): либо лошади становятся эквивалентом хищников в сценах «благого терзания», либо сама эта идея изживает себя. Возможно, отсутствие «сцены терзания» в более поздних композициях может объясняться тем, что идея «благого терзания» уже теряет свой смысл, а центральный элемент — «хозяйка/хозяин животных» — условно обозначается в пространстве вертикальными штандартами (жезлами) и т. п.

Среди населения кобанской культуры симметричную композицию на арковидных застежках можно интерпретировать в связи с горой. Идея «мировой горы» находит отражение в сказаниях нартовского эпоса народов Северного Кавказа как «Чёрная гора», например, в осетинском сказании «Урызмаг и кривой уаиг» (Сказания о нартах 2000: 74–80).

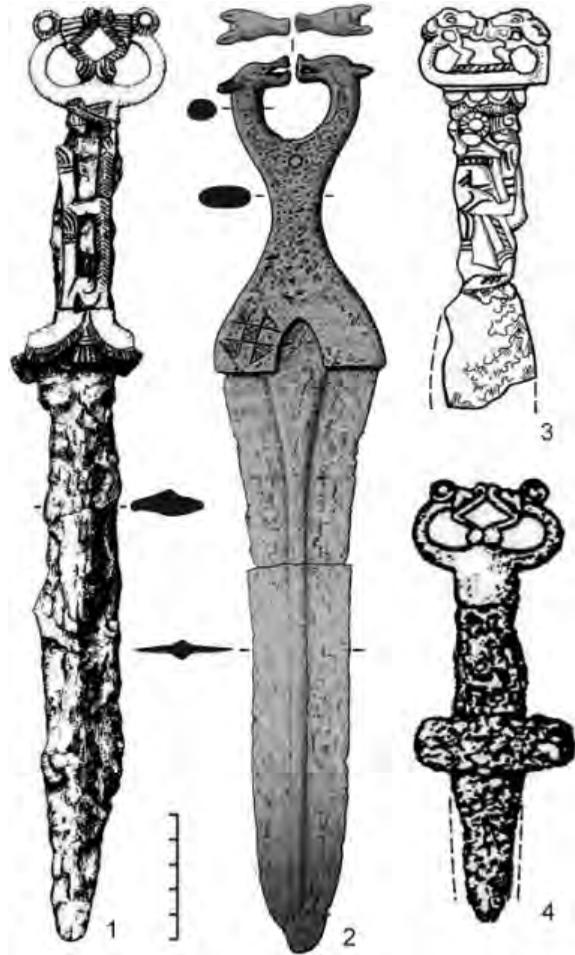

Рис. 4. Изображение голов хищников в симметричных композициях кобанской культуры: 1, 4 — м-к Гастон-Уота, СОГОМ (по: Мошинский 2006: табл. 4, 5); 2 — Кабардино-Балкария, коллекция (по: Curtis, Kruszynski 2022: 11, fig. 6); 3 — Урус-Мартановский м-к (по: Виноградов 1972: 152, рис. 7, 1)

Fig. 4. Images of predator heads in the symmetrical compositions of the Koban culture: 1, 4 — Guston-Uota cemetery, North Ossetia Museum (after Мошинский 2006: табл. 4, 5); 2 — Kabardino-Balkaria (after Curtis, Kruszynski 2022: 11, fig. 6); 3 — Urus-Martan cemetery (after Виноградов 1972: 152, рис. 7, 1)

Литература

- Артамонова-Полтавцева 1950 — *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. 1950. Т. 14. С. 20–101.
- Васильева 2005 — *Васильева Е. Е.* Бронзовые зооморфные крючки кобанской культуры в собрании Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 2005. Вып. 37. С. 26–41.
- Виноградов 1972 — *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до нашей эры). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. 389 с.
- Доманский 1984 — *Доманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 238 с.
- Дударев и др. 1987 — *Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Хасбулатова З. И.* Новые находки скифского времени из селений Элистанжи и Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии при СМ ЧИ АССР, 1987. С. 6–23.
- Козенкова 1996 — *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пущинский НЦ РАН, 1996. 162 с.
- Крупнов 1960 — *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Кушнарера 1994 — *Кушнарера К. Х.* Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Кушнарера К. Х., Марковин В. И. (отв. ред.). Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 133–146 (Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии).
- Кушнарера, Рысин 1996 (2008) — *Кушнарера К. Х., Рысин М. Б.* Роль Кавказа в системе межрегиональных связей в древности // XIX Крупновские чтения. М., 1996 / Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 576 (МИИХНСК. Вып. 8).
- Мельченко 2020 — *Мельченко А. В.* Луристанская храмовая металлопластика: предметы, сюжеты и социальная принадлежность ее обладателей // Художественная культура. 2020. № 1 (32). С. 183–206.
- Мошинский 2006 — *Мошинский А. П.* Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н. э. М.: ГИМ, 2006. 208 с. (Тр. ГИМ. Вып. 154).
- Погребова 1984 — *Погребова М. П.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Сказания о нартах 2000 — Сказания о нартах / Пер. с осет. Ю. Либединского. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. 604 с.
- Скаков 2012 — *Скаков А. Ю.* Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // Мунчаев Р. М., Кореневский С. Н. (отв. ред.). Проблемы археологии Кавказа: группа по археологии Кавказа: Сб. ст. М.: Таус, 2012. Вып. 1. С. 132–147.
- Сокровища Луристана из Лувра: текст [Электронный ресурс] — URL: <https://ornament-i-stil.livejournal.com/60764.html> (дата обращения: 16.11.2022 г.).
- Техов 1988 — *Техов Б. В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 85 с.
- Уварова 1900 — *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К., 1900. XII, 381 с. (МАК. Вып. 8).
- Членова 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Bronzes du Luristan... 2008 — *Bronzes du Luristan. Enigmes de l'Iran ancien (III eIer millénaire avant J-C).* Paris Musées, 2008. 235 p.

- Chantre 1886 — *Chantre E.* Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. 2: Période Protohistorique: Atlas. Paris: Ch. Reinwald; Lion: Henri Georg, 1886. 226 p.
- Copper and Bronze [Электронный ресурс] — Available at: <http://www.mahboubiancollection.com/collections/copper-and-bronze> (accessed 16.11.2022).
- Curtis, Kruszynski 2002 — *Curtis J., Kruszynski M.* Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. London: The British Museum, 2002. 128 p. (The British Museum Occasional Paper. No. 121).
- Muskarella 1988 — *Muskarella O. W.* Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum, 1988. 509 p.
- wikimedia.org 1: сайт [Электронный ресурс] — Available at: https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Ring_with_mouflons_heroes_and_cats-AO_20529-IMG_0990-black.jpg (accessed 16.11.2022).
- wikimedia.org 2: сайт [Электронный ресурс] — Available at: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/4/42/Standard_Finial_LACMA_M.76.97.69.jpg (accessed 16.11.2022).

SYMMETRICAL ZOOMORPHIC COMPOSITIONS OF THE KOBAN CULTURE, THE CENTRAL CAUCASUS

G. N. KERTSEVA (VOLNAYA)

Keywords: *Central Caucasus, Koban culture, symmetrical zoomorphic compositions, «tree of life», «mistress/master of animals».*

The images of predators observed on belt buckles, axe blades and pin heads of the Koban culture are oriented towards the center, while the symmetrical compositions with images of ungulates (horses, goats, deer) are oriented in opposite directions. This is connected with the traditions that originated in the IX c. BC on the territory of Iran, as well as with the themes of the “tree of life” and “mistress/master of animals” which found their expression in the art of the Koban culture. The presence of numerous arch-shaped buckles with symmetrical images of horses in the Koban and Digor gorges of North Ossetia suggests that one of them housed a workshop where these objects were produced.

ТРАНСКАВКАЗСКИЕ КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ АДАЙДОНСКОГО НЕКРОПОЛЯ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

В. Т. ЧШИЕВ¹

Ключевые слова: Кавказ, поздний бронзовый век, ранний железный век, кобанская культура, Адайдонский некрополь, погребальный обряд, погребальный инвентарь, культурно-экономические связи.

В статье на основе отдельных материалов раскопанного автором Адайдонского некрополя Большого Кавказа подтверждено наличие транскавказских культурно-экономических связей в позднем бронзовом — раннем железном веках. Проведено сравнение погребального инвентаря Адайдона с закавказскими и переднеазиатскими материалами. Выявлены трансфер идей (типы предметов) и прямые импорты между Кавказом, Закавказьем и Передней Азией в позднем бронзовом — раннем железном веках. Анализ положения и особенностей размещения костного материала в погребениях Адайдонского могильника позволил выявить наличие обряда «вторичного захоронения», который ранее неизвестен в материалах кобанской культуры и пока не имеет аналогий в других могильниках. Между тем обряд «вторичного захоронения» зафиксирован на памятниках Закавказья. Последнее обстоятельство является еще одной новой прослеживаемой линией транскавказских связей в эпоху палеометалла.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-156-163

Географический фактор имеет ключевое значение в истории регионов, государств, народов. В полной мере это относится к Кавказу, расположенному на границе Европы и Азии. Как справедливо отмечала К. Х. Кушнарёва, «исторические судьбы Кавказа на протяжении тысячелетий тесно переплелись с судьбами окружавших его стран. Ключевая роль Кавказа в этом процессе была обусловлена его значением как самостоятельного центра возникновения и развития производящего хозяйства, его богатейшими сырьевыми ресурсами, а также расположением на скрещении путей между Востоком и Западом» (Кушнарева 1996: 41). Этот тезис развит и в других фундаментальных работах исследовательницы (Кушнарева 1977; 1994).

Археологические материалы, полученные в результате наших четырехлетних раскопок на некрополе Адайдон в Зарамагской высокогорной котловине Большого Кавказа, подтверждают мнение многоуважаемой Каринэ Христофоровны. Массовый вещевой материал Адайдонского некрополя (рис. 1, 1, 2, 6, 7, 9; 2, 1, 2) имеет практически абсолютное сходство инвентаря ранних погребений могильника с соответствующими пластами таких

¹ Центр скифо-аланских исследований, Владикавказский НЦ РАН; г. Владикавказ, 362040, Республика Северная Осетия — Алания, Россия.

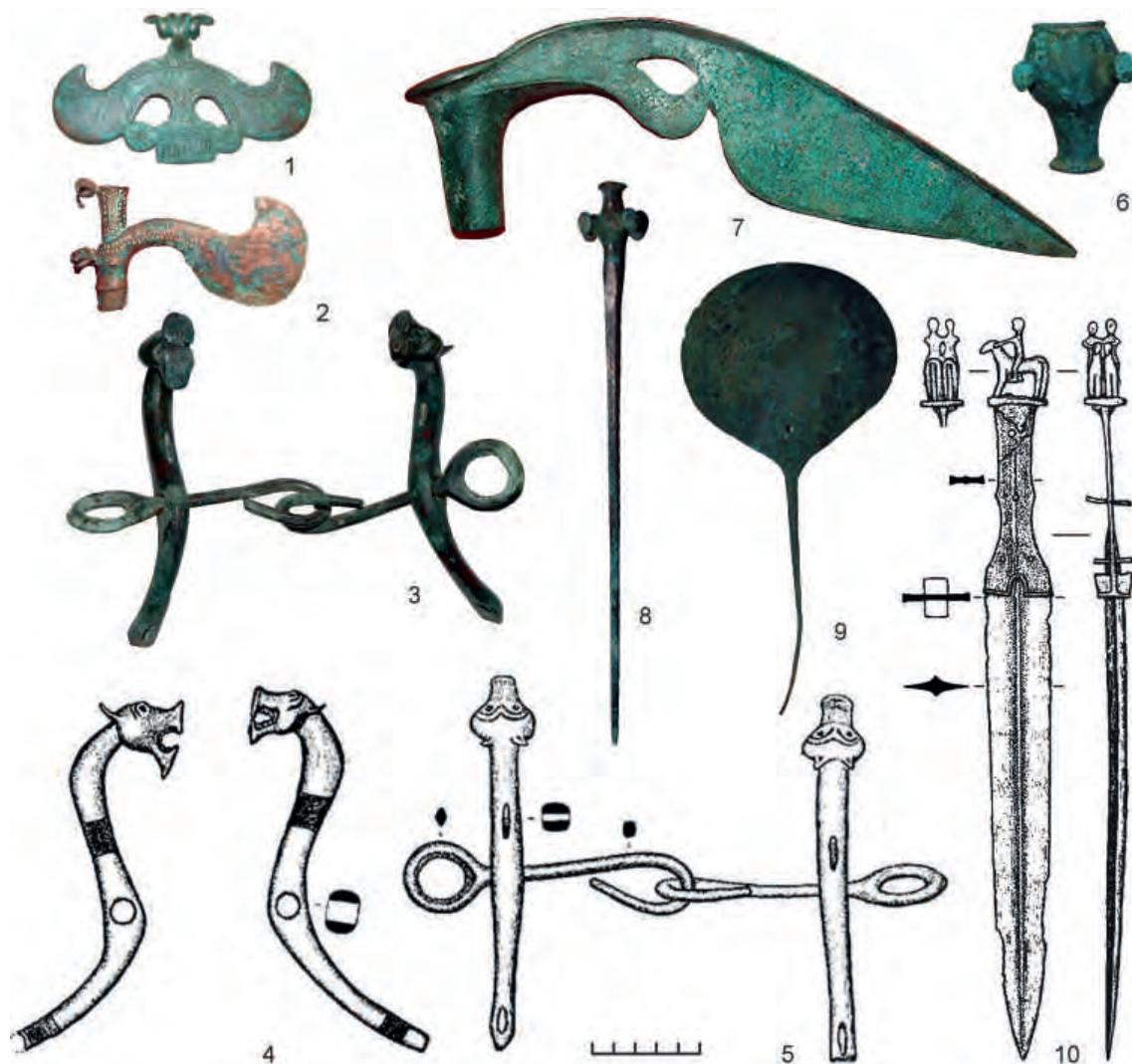

Рис. 1. Адайдонский некрополь Большого Кавказа, находки: 1–5 — погр. 1 (1 — бляха-привеска; 2 — топор-секира; 3–5 — удила и псалии); 6, 8, 9 — погр. 112 (6 — навершие булавы; 8, 9 — булавки); 7 — погр. 56, клювовидная секира; 10 — погр. 37, кинжал. 1–10 — бронза
 Fig. 1. Finds from the Aidadon necropolis (the Greater Caucasus): 1–5 — burial 1 (1 — pendant; 2 — pole-axe; 3–5 — bridle bits and cheek-pieces); 6, 8, 9 — burial 112 (6 — mace head; 8–9 — pins); 7 — burial 56, beak-shaped pole-axe; 10 — burial 37, dagger. 1–10 — bronze

известных памятников, как Брильский могильник, Нули, Квасатали, Гли, Верхняя Лиса и другие в Закавказье, а также близость к материалам Самтавро. В частности, это хорошо прослеживается на таких характерных предметах, как бронзовые клювовидные секиры-алебарды, топоры и секиры типов Фаскау 3, 4, 5, 6 и особенно типа Фаскау 7 (по классификации С. Н. Кореневского) (Кореневский 1981); бляхи «крылатый баран»; раннекобанские привески в виде головы барана; булавки нескольких типов; наконечники копий и дротиков; кинжалы и мечи и др. (см.: Чшиев 2011; 2012; 2014).

Прослеживаются и территориально более отдаленные параллели по инвентарю позднего пласта погребений Адайдона. В этом отношении уникальны бронзовые удила из адайдонского погр. 37 с напускными S-видными псалиями, украшенными великолепными скульптурными головками хищника семейства кошачьих (Чшиев 2011). Генезис этого типа

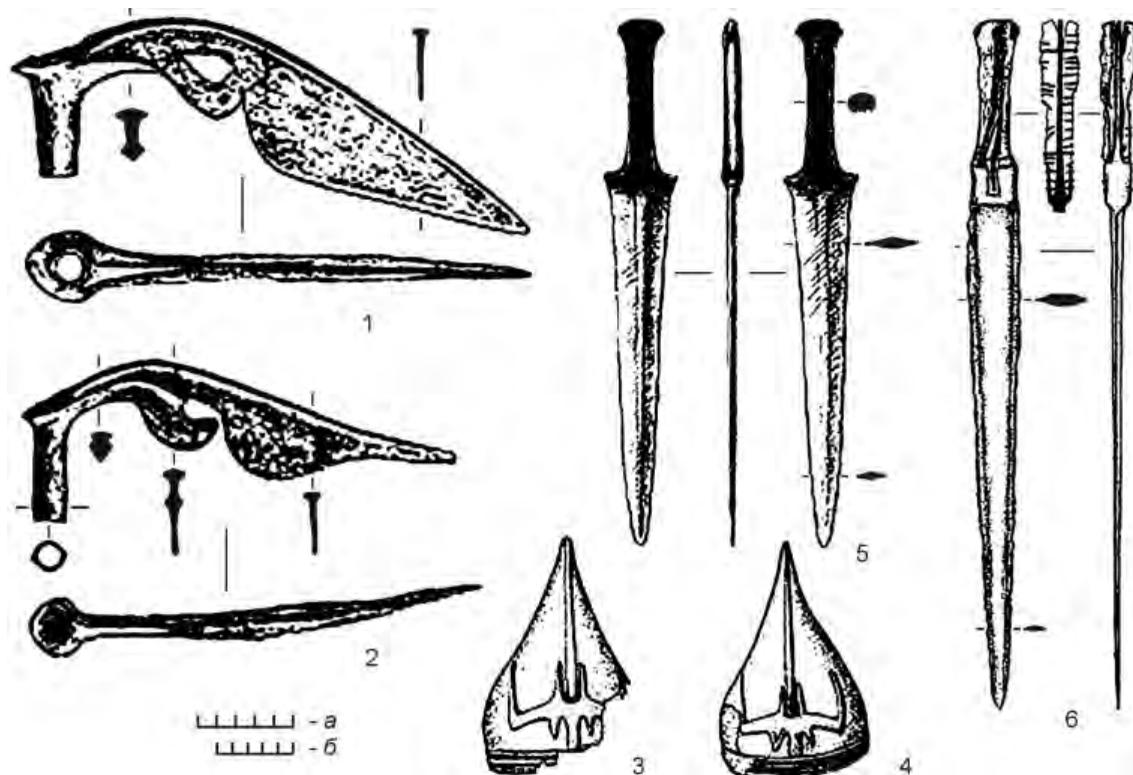

Рис. 2. Находки из Адайдонского некрополя Большого Кавказа (1, 2, 5, 6), Кумбултского могильника (3) и Кармир-Блура (4): 1, 2 — клювовидные секиры (1 — погр. 56; 2 — погр. 74); 3, 4 — шлемы; 5, 6 — кинжалы (5 — погр. 74; 6 — погр. 82). 1–4 — бронза; 5, 6 — бронза и дерево. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 5, 6; 3, 4 — без масштаба

Fig. 2. Finds from the Aidadon necropolis of the Greater Caucasus (1, 2, 5, 6), Kumbulyt cemetery (3) and Karmir-Blur (4): 1, 2 — beak-shaped pole-axes (1 — burial 56; 2 — burial 74); 3, 4 — helmets; 5, 6 — daggers (5 — burial 74; 6 — burial 82). 1–4 — bronze; 5, 6 — bronze and wood. Scale: a — for 1, 2; b — for 5, 6; 3, 4 — not to scale

удил связан с Передней Азией, где они появляются в XIII в. до н. э. В X в. до н. э. они широко представлены в данном регионе и встречаются в Южном Закавказье. Удила такого типа из Луристана, снабженные чрезвычайно близкими нашему экземпляру напускными псалями с головками львов на концах, датируются IX–VIII вв. до н. э. (Древности страны луров 1992: 84, рис. 222). Такие же удила со стержневидными трехдырчатыми псалями найдены в могильнике Марлик в Иране (Иванчик 2001: 147, рис. 68, 6). А. И. Иванчик датирует подобные удила не позднее VIII в. до н. э. (Там же: 147, 186, 187, 190, 193, рис. 89, 9, 12, 17, 18, 19–24; 92). Аналогичные удила с бронзовыми напускными псалями из Хасанлу IV В (Иран) И. Н. Медведская относит к урартской традиции и связывает с упряжью колесниц, датируя их серединой VIII в. до н. э. (Медведская 2005: 118, 124, рис. 2).

Анализ сопутствующего инвентаря адайдонского погр. 37 показал, что его дата — середина — вторая половина VIII в. до н. э. Следует отметить, что рассматриваемый уздечный комплект из Адайдона, типологически являясь дериватом переднеазиатских прототипов, изготовлен на месте кавказскими мастерами в характерной стилизованной манере, присущей кобанской археологической культуре. Таким образом, в случае узды из Адайдона мы имеем дело с одной из наиболее ранних находок S-видных псалий с зооморфными окончаниями на территории Центрального и Северного Кавказа, а также Юга России.

Рассмотренная находка уздечного комплекса из Адайдона еще раз подтверждает мнение А. А. Иессена о ведущей роли Передней Азии в формировании некоторых типов металлической узды предскифского времени Кавказа (Иессен 1953). Также наличие вектора развития связей Передняя Азия — Северный Кавказ для времени начала «киммерийских военных компаний в последней четверти VIII в. до н. э.» отмечает С. Б. Вальчак (1996: 115; 2009: 13).

Вероятно, в этом же ключе надо понимать факт нахождения в погр. 37 Адайдонского могильника вместе с вышеописанными удилами кинжала с навершием в виде литых фигурок двух всадников (рис. 1, 10). Отметим весьма большое сходство этого бронзового клинка из Адайдона и клинка с рамочной рукоятью, предусматривающей накладку, из могильника Эргета III колхидской культуры (Папуашвили 2011: 90, рис. III, 35). Вероятно, что сходство композиции и функциональности рассматриваемых предметов вооружения свидетельствует о тесной связи колхидской (закавказской) и кобанской культур в начале — середине I тыс. до н. э. Во всяком случае можно говорить о близком или едином информационном (идеологическом) пространстве в пределах ареалов колхидской и кобанской культур. Здесь справедливо мнение В. И. Козенковой о переднеазиатских и, в частности, луристанских культурных импульсах на Кавказ в конце II — начале I тыс. до н. э., попадавших в ареал колхидской и кобанской культур и получивших здесь дальнейшее развитие (Козенкова 2013: 88–91).

Об этих же контактах между Северным, Центральным Кавказом, Закавказьем и Передней Азией, вероятно весьма оживленных в период VIII — начала VII в. до н. э., свидетельствует находка в могильнике кобанской культуры Кумбулта (Верхняя Рутха) бронзового урартского шлема VIII в. до н. э. с клиновидной надписью (рис. 2, 3). Этот предмет по форме и орнаментации (рельефное сложное зигзагообразное изображение на лобной части) аналогичен шлему, найденному в Кармир-Блуре (рис. 2, 4) (см.: Иванчик 2001: 234, 241).

Еще одна категория инвентаря адайдонских «кобанцев», генетически связанная с Передней Азией и Ближним Востоком, — известные кинжалы и мечи «переднеазиатского типа» с различными накладками на бронзовую пластинчатую рукоять и ее завальцовкой по краю (рис. 2, 5, 6). Исследования М. Н. Погребовой показали, что район зарождения этой формы клинкового оружия связан преимущественно с Ираном (Луристаном) (Погрובהва 1984), где кинжалы подобного типа изготавливались с конца II до начала I тыс. до н. э. Примечательно, что бронзовые кинжалы «переднеазиатского» типа (могильники Фаскау и Кумбулта), найденные в соседнем Дигорском ущелье, расположенном к западу от Адайдона, Т. Н. Нераденко (1986) также связывает с Ираном (Луристаном), отметив, что кинжалы «переднеазиатского» типа из Кумбулта и Фаскау являются дериватами иранских, возможно, в более широком смысле переднеазиатских, изделий. Со ссылкой на датировку Е. И. Крупновым рутхинского (кумбултского) кинжала IX–VIII вв. до н. э. Т. Н. Нераденко в этом же хронологическом диапазоне датирует в целом и другие северокавказские изделия такого рода (Там же).

Близок и погребальный обряд раннего этапа бытования рассматриваемых выше памятников. Это, как правило, впущенные в грунт коллективные погребения с каменными конструкциями. Наконец представляет интерес такая любопытная деталь погребального обряда ранних погребений Адайдона, как зафиксированный для ряда комплексов «обряд вторичного захоронения» останков (рис. 3). Этот обычай прежде не был известен в кобанских древностях, между тем в погребальных памятниках Закавказья он представлен достаточно широко — это раннеколхидские коллективные захоронения в подквадратных ямах. Так, в обряде одного из этих колхидских могильников позднего бронзового — раннего железного веков Эргета I, где присутствует обряд вторичного захоронения костей, согласно

Рис. 3. Адайдонский некрополь Большого Кавказа, обряд «вторичного захоронения останков»: 1 — погр. 56; 2 — погр. 72; 3 — погр. 112

Fig. 3. Aidadon necropolis (the Greater Caucasus), «secondary burials»: 1 — burial 56; 2 — burial 72; 3 — burial 112

исследованиям А. Ю. Скакова, зафиксирован и обычай раскладывания инвентаря в могиле «в определенном порядке и одномоментно», недалеко от отдельно сложенных вторично захороненных костей, что характерно и для ранних погребений Адайдонского могильника (Скаков 2011: 96).

Каким способом кости очищались от плоти перед захоронением в могиле 112 и ряде других погребений Адайдонского могильника, остается невыясненным. Это могло быть и вторичное захоронение после пребывания тела какое-то время в грунте, и способ «выставления тел» стервятникам для освобождения от плоти, близкий практике древнеиранских «башен молчания» — дахмам. Высокогорье Алагирского ущелья, где и расположен

Адайдонский могильник, и сегодня населяют многие виды орлов и стервятников (беркут, могильник, бородач-ягнятник, стервятник, черный гриф, белоголовый сип и др.).

Возможно, «очищение» от плоти происходило и каким-либо иным способом. Античные авторы применительно к погребальным обычаям древнего населения Кавказа описывают обычай «воздушного» погребения тел. В частности, в «Походе аргонавтов» Аполлония Родосского (вторая половина III в. до н. э.) сообщается «...на холме <...> росло рядами множество раkit и ив, на верхушках которых висели привязанные веревками трупы: и теперь еще считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин; нельзя даже зарывать их в землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в невыдубленные бычачьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города» (Аполлоний Родосский 1964: 197). Николай Дамасский (I в. до н. э. — I в. н. э.) отмечает: «42. Колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях» (Николай Дамасский 1960: 235). Похожий обряд захоронения отмечался на Западном Кавказе еще в XVII в. Эвлия Челеби сообщает: «Примечательно, что [люди] этого племени абаза трупы своих беев чаще всего кладут в деревянную колоду, как в сундук. Прикрепив ее к вершине высокого дерева между двумя ветвями, они оставляют ее там, проделав отверстие у изголовья» (Эвлия Челеби 1983: 38).

Возможно, и в Адайдонском некрополе мы имеем дело с обрядом вторичного захоронения, когда после очищения костей от плоти на удаленном от мест проживания древнего населения участке (первичное — воздушное погребение), останки затем окончательно захоранивались в некрополе в погребениях с инвентарем.

Проанализированные отдельные материалы Адайдонского некрополя Большого Кавказа, как и зафиксированный на нем «обряд вторичного захоронения», подтверждают наличие транскавказских культурно-экономических связей в позднем бронзовом — раннем железном веках. Проведенный анализ выявил дополнительные случаи перемещения как типов предметов, так и конкретных вещей, прямых импортов между Кавказом, Закавказьем и Передней Азией в позднем бронзовом — раннем железном веках. Выявление на Адайдонском некрополе «обрядов вторичного захоронения», ранее неизвестного в материалах кобанской культуры и пока не имеющего аналогий в других ее могильниках, но зафиксированного в ряде памятников Закавказья, является еще одной, новой, прослеживаемой линией транскавказских связей в эпоху палеометалла.

Литература

- Аполлоний Родосский 1964 — *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика / Пер., введ. и примеч. Г. Ф. Церетели. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 349 с.
- Вальчак 1996 — *Вальчак С. Б.* Переднеазиатские и европейские параллели в предскифских уздечных комплексах Северного Кавказа // Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 113–115.
- Вальчак 2009 — *Вальчак С. Б.* Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Древности страны луров 1992 — *Древности страны луров*. Каталог выставки / Ванден-Берге Л. (сост.), Зеймаль Е. В. (отв. ред.). СПб.: Изд-во ГЭ, 1992. 128 с.
- Иванчик 2001 — *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. 324 с. (Степные народы Евразии. Вып. 2).
- Иессен 1953 — *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. 18. С. 49–110.

- Козенкова 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 173 с.
- Кореневский 1981 — *Кореневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Литвинский Б. А. (отв. ред.). Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1981. С. 20–41.
- Кушнарера 1977 — *Кушнарера К. Х.* Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. 111 с.
- Кушнарера 1994 — *Кушнарера К. Х.* Материалы к проблеме выделения кармиранкской (кызилванкской) культуры // Кушнарера К. Х., Марковин В. И. (ред.). Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 128–132 (Археология СССР).
- Кушнарера 1996 — *Кушнарера К. Х.* К проблеме культурных и экономических связей Кавказа в эпоху палеометалла // Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 41–43.
- Медведская 2005 — *Медведская И. Н.* Сялк V и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Гуляев В. И. (гл. ред.), Вальчак С. Б., Кузьминых С. В. (сост.) и др. Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского: Сб. ст. М.: ИА РАН, 2005. С. 107–126.
- Нераденко 1986 — *Нераденко Т. Н.* К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Тургиев Т. Б. (отв. ред.). Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский ГУ, 1986. С. 57–63.
- Николай Дамасский 1960 — *Николай Дамасский.* История. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании. Собрание замечательных обычаев из сборника Стобея / Пер. Е. Б. Веселаго, А. Ч. Козаржевского, С. А. Ошерова, Е. В. Федоровой // ВДИ. 1960. № 4 (74). С. 209–243.
- Папуашвили 2011 — *Папуашвили Р.* К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа // Албегова (Царикаева) З. Х., Мамаев Х. М. (сост.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа: Сб., посвящ. юбилею В. И. Козенковой. Грозный; М.: ИА РАН; ИГИ АН ЧР, 2011. С. 82–94.
- Погребова 1984 — *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Скаков 2011 — *Скаков А. Ю.* Погребальные ямы Колхиды // Албегова (Царикаева) З. Х., Мамаев Х. М. (сост.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа: Сб. посвящ. юбилею В. И. Козенковой. Грозный; М.: ИА РАН; ИГИ АН ЧР, 2011. С. 92–110.
- Чшиев 2011 — *Чшиев В.[Х.] Т.* Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского — раннескифского времени Северной Осетии // Там же. С. 168–175.
- Чшиев 2012 — *Чшиев В.[Х.] Т.* Эпоха поздней бронзы — раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // Айларова С. А., Кучиев А. Г. (отв. ред.). История Осетии. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2012. Т. 1. С. 53–88.
- Чшиев 2014 — *Чшиев Х.[В.] Т.* Некоторые линии развития связей Северного Кавказа и Передней Азии в предскифское — раннескифское время // Вестник Всерос. ун-та дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2014. № 4. С. 69–74.
- Эвлия Челеби 1983 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. 249 с.

**TRANS-CAUCASIAN CULTURAL AND ECONOMIC CONNECTIONS
IN THE PALEOMETAL EPOCH (BASED ON THE MATERIALS
OF THE ADAIDON NECROPOLIS, THE KOBAN CULTURE)**

V. T. CHSHIEV

Keywords: *Caucasus, Late Bronze Age, Early Iron Age, Koban culture, Adaidon necropolis, funeral rite, cultural and economic ties.*

The analysis of some materials from the Adaidon necropolis, excavated by the author, confirms the existence of trans-Caucasian cultural and economic connections in the Late Bronze and Early Iron Age. The comparison of the Adaidon burial inventory with the South Caucasian and West Asian materials shows both the transfer of ideas (types of objects) and direct imports between the Caucasus, South Caucasus and West Asia. The analysis of the spatial position of bones in the cists of the Adaidon cemetery allows to reveal the existence of the custom of “secondary burials”, which has not been identified in the materials of the Koban culture earlier and, by far, has no analogies in other cemeteries. At the same time, it was identified at some South Caucasian sites. This is a new line of evidence pointing to the existence of trans-Caucasian connections in the Paleometal Epoch.

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ У НОСИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

А. А. КАДИЕВА, С. В. ДЕМИДЕНКО²

Ключевые слова: *западная кобанская культура, Баксанское ущелье, могильник Заюково-3, киммерийская эпоха, погребальный обряд, диадема, пояс, ожерелье.*

В 2017 г. на могильнике Заюково-3 (Баксанское ущелье, Северный Кавказ) было обнаружено погребение мальчика 11–12 лет, датированное VIII–VII вв. до н. э. Мальчик был захоронен в грунтовой яме вытянуто на правом боку (рис. 1). Погребальный инвентарь включал многочисленные бронзовые украшения: гривну (рис. 2, 3), диадему (рис. 3, 1), ожерелье с различными подвесками и бронзовый пояс (рис. 3, 2). Среди подвесок ожерелья выделяются фигуры птиц с головой хищника (рис. 2, 1; 5, 1) и барана (рис. 5, 2), подвеска с протомой собаки (рис. 2, 2), подвески в виде кинжала и топора (рис. 4, 1, 3). По сравнению с другими погребениями невооруженных мужчин захоронение юноши выделяется богатством инвентаря, прежде всего наличием таких статусных атрибутов, как бронзовые пояс и диадема. Возраст погребенного практически исключает возможность заслужить право ношения этих предметов самостоятельно. Представляется более вероятным, что пояс и диадема символизировали принадлежность к одной из вождеских или жреческих семей Баксанского ущелья эпохи киммерийских походов.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-164-174

Проблема социальной структуры горцев Кавказа киммерийской эпохи поднимается исследователями редко. В могильниках западной кобанской культуры отчетливо прослеживаются погребения военной знати и родовой верхушки местных обществ (Дударев 1999: 175). Однако пока остается неясным, был ли их статус наследственным или приобретался исключительно личными заслугами.

Погребение 81 могильника Заюково-3

В 2017 г. Объединенной Северокавказской археологической экспедицией ГИМ, КБГУ, КБНЦ и ИА РАН на могильнике Заюково-3 открыто погр. 81 (рис. 1). Погребение представляло собой грунтовую яму, перекрытую каменным закладом. Заклад состоял из пяти среднего размера фрагментов рваного известняка, сложенных близко друг к другу и ориентированных по линии СВ–ЮЗ. Размеры заклада составляли 0,98 × 0,98 м. В камнях заклада обнаружена бронзовая подвеска в виде птицы с головой псового хищника (рис. 2, 1).

При разборе почвенного слоя над ногами погребенного в заполнении ямы была обнаружена зооморфная подвеска в виде протомы псового хищника (рис. 2, 2). Подвеска могла

¹ Работа выполнена А. А. Кадиевой при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00108); С. В. Демиденко — в рамках плановой научной темы (№ НИОКТР 122011200269-4).

² А. А. Кадиева — Отдел археологических памятников ГИМ, 109012, Россия (adelgeida85@mail.ru); С. В. Демиденко — Отдел скифо-сарматской археологии, ИА РАН, 117292, Россия.

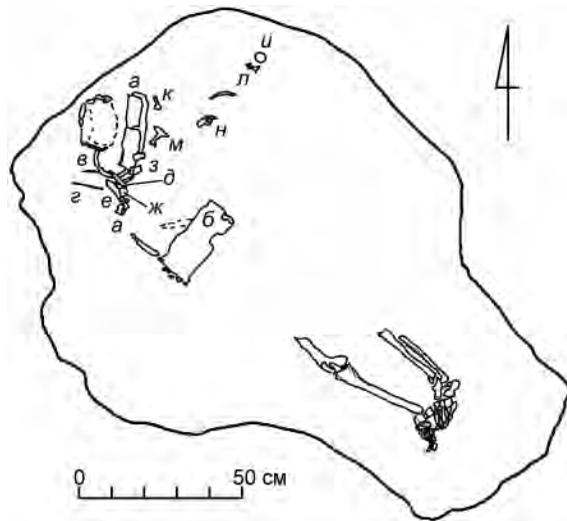

Рис. 1. Могильник Заюково-3, погр. 81, план:
а — диадема; *б* — пояс; *в* — гривна;
г, д — булавки; *е* — кинжаловидная подвеска;
ж, з — бляшки; *и* — спиральная пронизь;
к — подвеска в виде топорика;
л, м — подвески в виде рогатых птиц;
н — листовидные подвески

Fig. 1. Zayukovo-3 cemetery, burial 81, plan:
a — diadem; *b* — belt; *v* — torc; *g, d* — pins;
e — dagger-shaped pendant; *zh, z* — plaques;
i — spiral pendant; *k* — axe-shaped pendant;
l, m — pendants in the form of horned birds;
n — leaf-shaped pendants

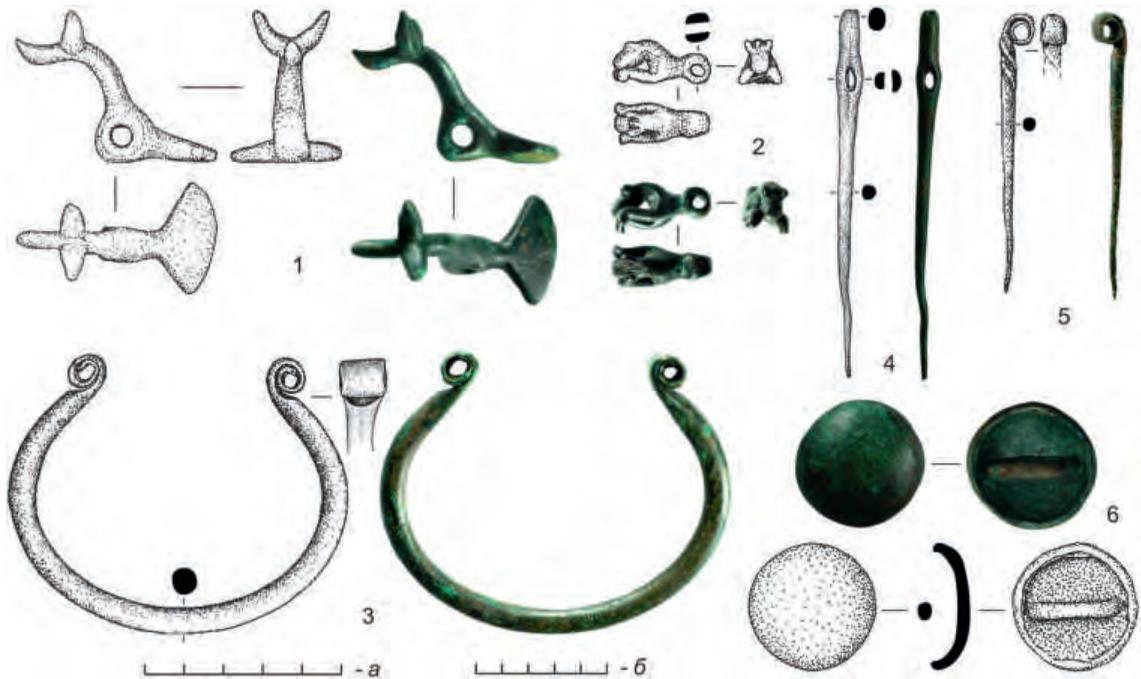

Рис. 2. Могильник Заюково-3, погр. 81, инвентарь: 1, 2 — зооморфные подвески; 3 — гривна;
 4, 5 — булавки; 6 — бляшка. Бронза. Масштаб: *а* — для 1, 2, 4–6; *б* — для 3

Fig. 2. Zayukovo-3 cemetery, burial 81, inventory: 1, 2 — zoomorphic pendants; 3 — torc; 4, 5 — pins;
 6 — plaque. 1–6 — bronze. Scale: *a* — for 1, 2, 4–6; *b* — for 3

относиться и к расположенному выше погр. 78. Центральная часть заклада и скелета были уничтожены при сооружении этого более позднего погребения.

После снятия камней заклада был полностью зачищен скелет погребенного. Погребенный мальчик 11–12 лет (определение в поле) лежал вытянуто на правом боку головой на СЗ. Череп и верхняя часть скелета практически полностью истлели: сохранился только фрагмент длинной плечевой кости левой руки. Ноги сохранились ниже коленей, положение костей стоп соответствовало положению тела на правом боку.

На голове погребенного была обнаружена бронзовая диадема (рис. 1, *а*; 3, 1), сползшая на шею. Под диадемой найдена бронзовая спиральная пронизь (рис. 1, *и*; 4, 2).

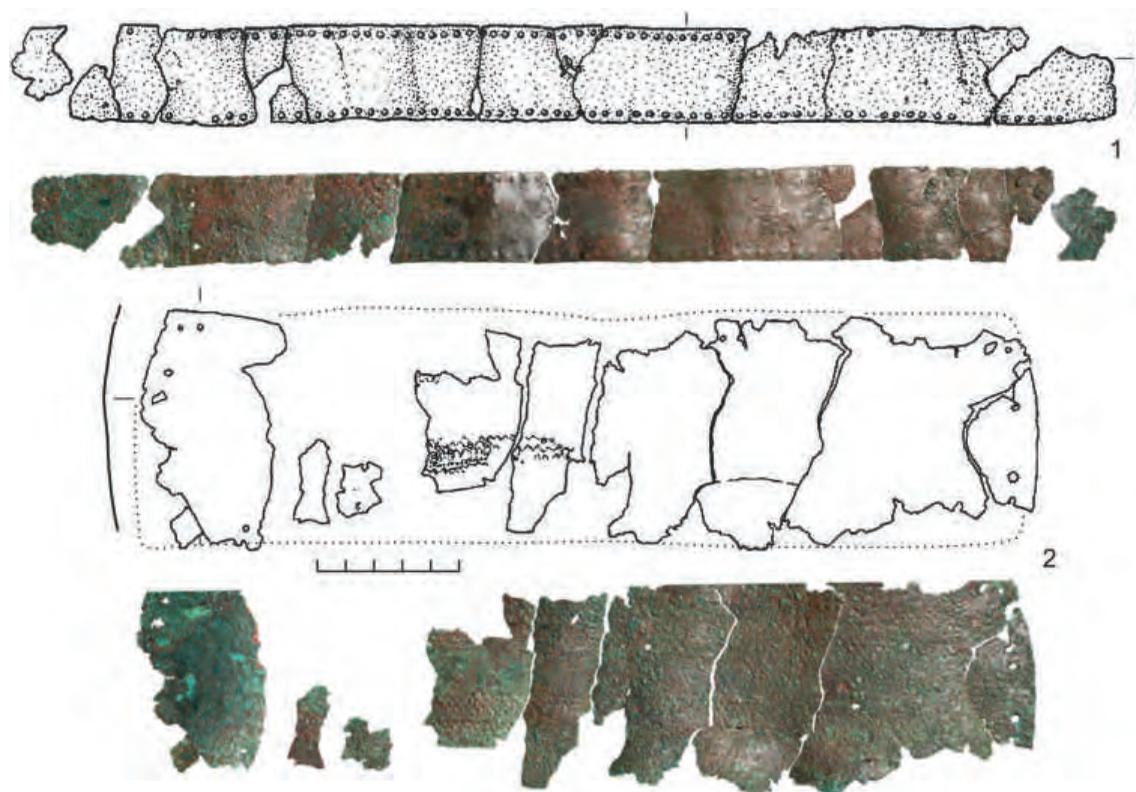

Рис. 3. Могильник Заюково-3, погр. 81, инвентарь: 1 — диадема; 2 — пояс. Бронза

Fig. 3. Zayukovo-3 cemetery, burial 81, inventory: 1 — diadem; 2 — belt. Bronze

На шее была надета бронзовая гривна (рис. 1, в; 2, 3). На груди с южной стороны остриями вверх лежали две бронзовые булавки (рис. 1, г, д; 2, 4, 5). В районе таза погребенного находился бронзовый пояс (рис. 1, б; 3, 2). С южной стороны у плеча острием вверх расположена кинжаловидная подвеска (рис. 1, е; 4, 1), поверх которой перемычкой вниз лежала бронзовая бляшка (рис. 1, ж; 2, 6). С северной стороны скелета у плеча обнаружена бронзовая подвеска в виде топора (рис. 1, к; 4, 3). В северной части погребения найдены круглая бронзовая ажурная бляшка с крестовидным орнаментом (рис. 1, з; 4, 4) и подвеска в виде птицы с головой псового хищника (рис. 1, л; 5, 1). Еще одна подвеска в виде птицы с головой барана выявлена при снятии диадемы (рис. 1, м; 5, 2). На груди погребенного лежали две бронзовые штампованные листовидные подвески (рис. 1, н; 5, 3, 4). В заполнении погребения находился разрозненный развал керамического кубка (рис. 6, 1).

Погребенный был уложен в прямоугольную яму, открытую в плотной желтой супеси и заполненную желто-коричневой мешаной супесью. Размеры ямы составляли 1,76 × 1,23 м.

На дне могильной ямы погр. 81 никаких находок не было. Однако в ее северо-восточной части прослеживалось пятно желто-коричневой мешаной супеси. При выборке этого пятна были обнаружены находки, в отчетной документации принятые за отдельное погр. 90, но, видимо, все же относящиеся к погр. 81.

В заполнении пятна найдены фрагменты вышеописанного бронзового пояса. С юго-востока к фрагментам пояса примыкала бронзовая спиральная биконическая пронизь с кожаным шнурком внутри (рис. 6, 2). Под пластиной пояса обнаружены бронзовая булава (рис. 6, 3) и ромбовидная бляшка с перемычкой на обороте (рис. 6, 4).

По погребальному обряду погр. 81 выделяется среди синхронных комплексов некрополя. Из 53 погребений предскифского периода, исследованных на сегодняшний день, это единственное захоронение вытянуто на боку.

Рис. 4. Могильник Заюково-3, погр. 81, инвентарь: 1 — подвеска в виде кинжала; 2 — пронизь; 3 — подвеска в виде топора; 4 — бляшка. Бронза

Fig. 4. Zayukovo-3 cemetery, burial 81, inventory: 1 — dagger-shaped pendant; 2 — tubular pendant; 3 — axe-shaped pendant; 4 — plaque. Bronze

Воинский участок могильника почти полностью уничтожен грабителями. Часть, изученная археологами, в основном занята женскими погребениями. Мужских захоронений обследовано семь: четыре — взрослых, три — подростков. Из взрослых — одно захоронение воина (Кадиева и др. 2020в), два — невооруженных общинников (Кадиева и др. 2019). У одного из подростков, чье погребение было разрушено в древности (возможно, с ритуальными целями), была обнаружена диадема (Кадиева и др. 2020а: 170, рис. 3, 1).

Ни у одного из погребенных мужчин не было ожерелья на шее: это особенность женских захоронений. Однако состав украшений на шее мальчика количественно меньше, чем женские нагрудные уборы, хотя и весьма представительен по составу. Также специфически мужским предметом является бляшка с крестовидным орнаментом.

Погребальный инвентарь — описание, анализ, аналогии, датировка

Подвески. Подвески в виде птиц с головой животного (рис. 2, 1; 5, 1, 2). Две фигурки изображают птицу с головой хищника с треугольными ушами, одна — с головой барана с рогами, слившимися в окружности. Все фигурки выполнены по единому канону — у птиц треугольные хвосты, в теле птиц в округлом расширении расположено отверстие для подвешивания.

Этот тип подвесок распространен в центральной и западной кобанских культурах и относится к типу XVII, группе 1 по классификации В. И. Козенковой (Козенкова 1998: 43, табл. XII, 19), который исследовательница датирует X–VIII вв. до н. э.

Х. Т. Чшиев отметил, что наибольшее количество подвесок этого типа происходит из центральных районов кобанской области. Также по материалам Эльхотовского могильника исследователь проследил, что украшения в виде звероголовых птиц встречаются

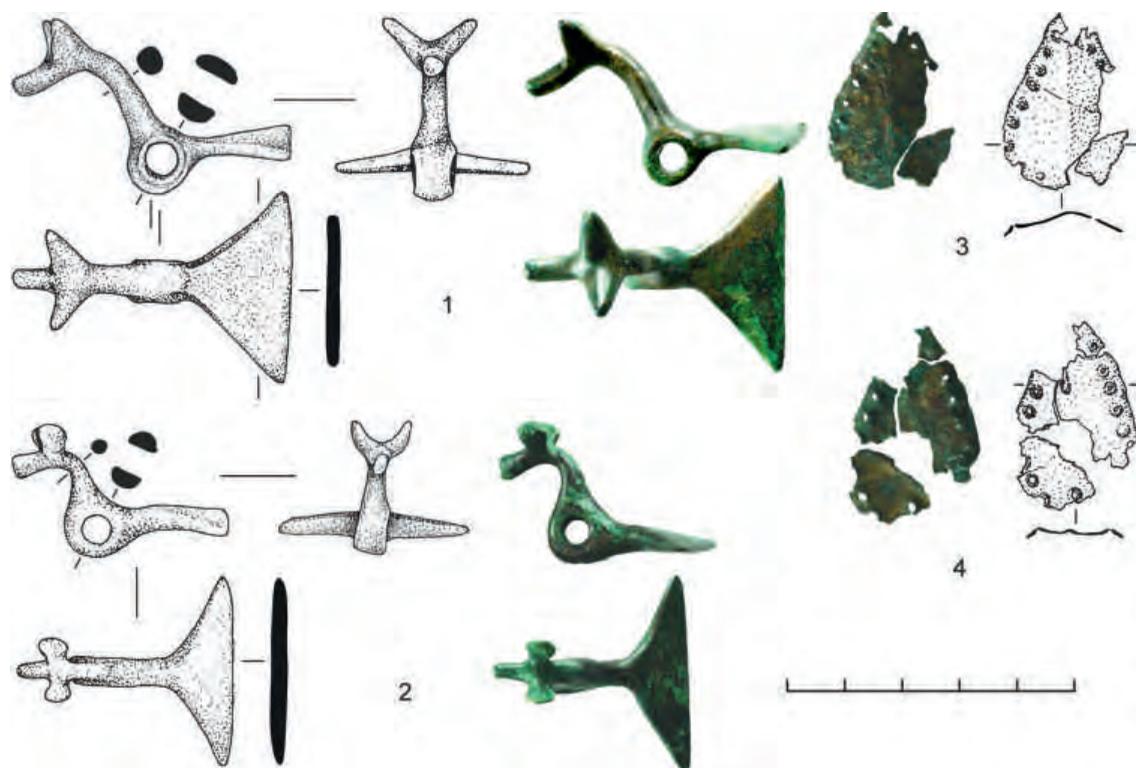

Рис. 5. Могильник Заюково-3, погр. 81, инвентарь: 1, 2 — зооморфные подвески; 3, 4 — листовидные подвески. Бронза

Fig. 5. Zayukovo-3 cemetery, burial 81, inventory: 1, 2 — zoomorphic pendants; 3, 4 — leaf-shaped pendants. Bronze

исключительно в женских одиночных комплексах, по два предмета в погребении (Чшиев 2005: 89). Этот же автор отметил связанность образов птиц с головой хищника и барана (Там же: 95).

В погр. 81 могильника Заюково-3 обнаружены три такие подвески. Однако следует отметить, что одна из них (рис. 2, 1) могла входить в состав погребального инвентаря расположенного сверху погр. 78 и быть перемещенной в результате деятельности животных.

В погребальных комплексах могильника Заюково-3 подвески с головой животного встречаются трижды. Помимо погр. 81 одна подвеска обнаружена в погр. 53 (не опубликовано), а еще две входили в состав нагрудного убора из погр. 148 (Кадиева и др. 2020б: 57, 58, рис. 8, 2, 3).

Подвеска в виде протомы псового хищника на трубочке для подвешивания (рис. 2, 2). У изображенного зверя маленькие уши и выступ на голове, изогнутая шея и сложенные под мордой подогнутые лапы.

Изображения протом или целых фигур псовых хищников в поджатými лапами довольно редки в западной кобанской культуре³. На сегодняшний день известна всего одна аналогия подвеске из Заюково-3, происходящая из Верхнего Баксана и ныне хранящаяся в Британском музее (Curtis, Kruszynski 2002: 34, fig. 108).

В центральной кобанской культуре изображения целых фигур и протом псовых хищников встречаются гораздо чаще. Основная их масса найдена на южной стороне Большого Кавказского хребта (Васильева 2017: 46). Значительное их количество обнаружено

³ Благодарим научного сотрудника ОАВЕС ГЭ Е. Е. Васильеву, которая поделилась подборкой аналогий изображениям псовых хищников.

Рис. 6. Могильник Заюково-3, погр. 81, инвентарь: 1 — кубок; 2 — пронизь; 3 — булавка; 4 — бляшка. 1 — керамика; 2-4 — бронза. Масштаб: а — для 1; б — для 2-4

Fig. 6. Zayukovo-3 cemetery, burial 81, inventory: 1 — beaker; 2 — tubular pendant; 3 — pin; 4 — plaque. 1 — ceramics; 2-4 — bronze. Scale: a — for 1; b — for 2-4

в Тлийском могильнике. Так, булавки с протомами псовых обнаружены в погр. 37 (Техов 1980: табл. 43, рис. I, 7) и 208 (Там же: табл. 90, 4). Оба этих погребения содержат предметы вооружения. Навершие жезла с протомой собаки обнаружено в женском погр. 217 (Там же: табл. 90, 15) вместе с подвеской, изображающей целую фигуру собаки. Погр. 217 автор раскопок интерпретирует как захоронение знахарки-колдуньи (Там же: 37). Все перечисленные погребения датируются В. Б. Теховым XII–X вв. до н. э.

К скифской эпохе относится изображение протомы волка с подогнутыми лапами на крышке деревянной шкатулки из погр. 15 могильника Гастон Уота (Мошинский 2006: 69, 199, рис. 40, 1), которое А. П. Мошинский датирует концом V — началом IV в. до н. э. В этом погребении были обнаружены останки 27 человек, большая часть инвентаря была сложена в кучу в северном углу погребения (Мошинский 1997: 44). Обращает на себя внимание факт наличия в этом захоронении предметов вооружения, а также поясной пряжки с изображением кошачьего хищника, припавшего на передние лапы (Мошинский 2006: 59, 192, рис. 33, 4). А. П. Мошинский считает изображения хищников, лежащих головой на передних лапах, типичным для пластики Ближнего Востока (Там же: 69). В частности, такие образы встречаются в луристанских бронзах (Herzfeld 1941: 164, fig. 279).

Подвеска в виде кинжала (рис. 4, 1). На лицевой стороне кинжала нанесен елочный орнамент, при этом заметно, что форма легла неровно. На обороте орнамент сетчатый. Ушко подвески треугольное с отверстием для подвешивания. Подвеска относится к типу XX, варианту 2, по В. И. Козенковой (1998: 45, табл. XII, 37, 38). К этому типу исследовательница относит подвески, передающие обобщенную форму кинжала без конструктивных особенностей оружия. Кинжаловидные подвески В. И. Козенкова считает характерной чертой именно западной кобанской культуры и предполагает их связь с костюмом определенного канона, возможно, с парадным поясом.

В погр. 81 могильника Заюково-3 подвеска была обнаружена на шее погребенного, но важно отметить, что в женских нагрудных уборах некрополя присутствие амулетов в виде оружия пока не отмечено.

Подвеска в виде топора (рис. 4, 3), как и кинжаловидная, довольно схематична. Основная часть модели подвески была сложена из широкого плетеного воскового шнура с оставленной петлей для подвешивания. «Лезвие» топора гладкое трапециевидное. Подвеска в виде топорика была обнаружена в могильнике Терезе. Эта подвеска относится В. И. Козенковой к типу XXVII (Козенкова 1998: 47, табл. XIII, 15), который она датирует XII–XI вв. до н. э. Показательно, что в гробнице 2 могильника Терезе обнаружена и кинжаловидная подвеска (Козенкова 2004: табл. 17, 15, 16). Гробница была разрушена, потому восстановить комплексы инвентаря погребенных не представляется возможным, однако оба предмета датированы В. И. Козенковой XII–X вв. до н. э. Подвеска в виде топорика из погр. 81 могильника Заюково-3, как и подвеска в виде кинжала, довольно схематична и относится к более позднему времени.

Листовидные подвески (рис. 5, 3, 4) обнаружены в области груди погребенного. Подвески вырезаны из тонкого бронзового листа, по краям их с внутренней стороны нанесен пуансонный орнамент. Пуансон пробил бронзовый лист, образовав отверстия, возможно, непреднамеренно. У одной подвески (рис. 5, 3) по центру проходит сгиб листа. У другой этот сгиб не прослежен, возможно, из-за плохой сохранности предмета.

Плоские округлые бляшки с пуансонным орнаментом по краю известны в могильниках западной кобанской культуры IX–VIII и VI–V вв. до н. э. Эти украшения относятся к типу X, по В. И. Козенковой (1998: 62, 63, табл. XX, 14, 15). В центральной кобанской культуре в Тлийском могильнике на ранних этапах его функционирования известны ромбовидные бляшки из согнутого листа с пуансонным орнаментом по краю. В. Б. Техов отмечает, что, как правило, эти бляшки находились в женских погребениях на левой ключице или левой плечевой кости погребенной, в нескольких случаях такие бляшки были обнаружены в области черепа (Техов 1977: 168).

Крупные листовидные подвески из согнутой кованой пластины с гравированным орнаментом найдены в составе Казбекского клада (Железный век... 2020: 620, 625), датированного VI–V вв. до н. э.

Булавки. В погребении обнаружены три предмета этой категории. Две булавки стержневидные с гладкой верхней частью (рис. 2, 4; 6, 3). Эти булавки наиболее близки типу XVII, по В. И. Козенковой (1998: 68, 69, табл. XXIII, 1–5). Автор типологии датирует подобные застежки с расширением в верхней части VI–V вв. до н. э., описывая их назначение как элементов, скрепляющих одежду, соединенных длинной цепочкой. В. И. Козенкова предположила заимствование таких булавок жителями Северного Кавказа у народов Закавказья во время скифских походов. Еще одна булавка (рис. 2, 5) — с гладким стержнем и закрученной в спираль головкой. Часть стержня, примыкающего к головке, закручена в спираль, остальная часть — круглая в сечении.

Булавки близки типу VI, варианту 2 по типологии В. И. Козенковой (1998: 66, табл. XXI, 18, 19), но отличаются тем, что в спираль закручен малый участок верхней части стержня. Таким образом, эти булавки являются разновидностью типа VI, варианта 2, по В. И. Козенковой. Исследовательница датирует подобные булавки периодом с начала I тыс. до н. э. до скифского времени. Показательно, что в женском погр. 148 могильника Заюково-3 были обнаружены аналогичные булавки (Кадиева и др. 2020б: 56, рис. 6, 1, 2).

Поскольку две булавки из трех были расположены остриями к голове погребенного, что обычно для могильника Заюково-3, можно предположить, что предметы использовались для скрепления погребального савана. Концы всех трех довольно массивных булавок деформированы, что заставляет предположить высокую плотность скрепляемого материала (кожа или войлок).

Гривна была обнаружена на шее погребенного (рис. 2, 3). Гривны на могильнике Заюково-3 помимо погр. 81 были найдены в погр. 28 (Кадиева и др. 2019: 169, рис. 1, II) и 148

(Кадиева и др. 2020б: 55, рис. 5). Подобные украшения относятся к типу I, варианту 1, по В. И. Козенковой (1998: 50), подробный перечень аналогий приводился нами в указанных работах.

Бляшки (3 экз.) представлены разными типами.

Бронзовая полусферическая бляшка с петлей на обороте без орнамента на поверхности (рис. 2, б) относится к типу VI, варианту 1 по классификации В. И. Козенковой, который исследовательница датирует X–VIII вв. до н. э. (Козенкова 1998: 62, табл. XX, 8).

Круглая ажурная бляшка с вписанным в нее мальтийским крестом (рис. 4, 4). В центре креста имеется круглое отверстие. Бляшка была деталью нагрудного убора, к ее оборотной стороне прикипел фрагмент биконической пронизи, что свидетельствует о том, что оба предмета могли являться частью ожерелья.

Орнаментальный мотив мальтийского креста в круге — характерное явление для древностей новочеркасского типа (Тереножкин 1976: 177, 179, рис. 94, 1–6). Такие бляшки особенно часто встречаются на Северном Кавказе, на территории Кисловодской котловины, а также в протомеотских памятниках Западного Кавказа. Здесь они, как правило, относятся к украшениям конской сбруи и включены В. Р. Эрлихом в тип 5 деталей конского убора протомеотской группы памятников (Эрлих 2007: 132, 377, рис. 196, 6).

Ромбовидные бляшки без орнамента с прямой скрытой перемычкой на обороте (рис. 6, 4) составляют тип VI пуговиц по классификации В. И. Козенковой (Козенкова 1998: 37, табл. X, 13, 14). Исследовательница относит подобные предметы к VIII–VII вв. до н. э. В западной кобанской культуре такие бляшки обнаружены в могильниках Заюково, Мукулан, Хабаз, Каменномостский, Березовский 1, Терезе, Мебельная фабрика, а также в Былымском кладе. Известны ромбовидные бляшки и в центральной кобанской культуре, но пока не встречены в восточной (Там же: 37, 38).

Диадема (рис. 3, 1) представляет собой бронзовую ленту, украшенную пуансонным орнаментом по длинным сторонам. Края диадемы не сохранились. Диаметр диадемы превышал размеры черепа погребенного, из-за чего украшение сползло на шею.

Диадема на могильнике Заюково-3 была обнаружена и в погр. 19, также принадлежавшем мальчику-подростку. В подборке аналогий предмету, приведенной при публикации этого комплекса (Кадиева и др. 2020а: 172, 173), была упомянута только одна с территории Северного Кавказа — из Таркинского могильника в Дагестане. Однако благодаря раскопкам Х. Т. Чшиева (устное сообщение), стало известно еще одно погребение с диадемой из Адайдонского могильника (Северная Осетия).

Бронзовый пояс (рис. 3, 2) охватывал бедра мальчика. Сохранность предмета довольно плохая: вся центральная часть утрачена, а на поверхности коррозия практически полностью уничтожила орнамент. Однако на сохранившихся краях как длинных, так и коротких сторон видны расположенные попарно отверстия для крепления к кожаной или тканевой основе. В центральной части пояса сохранился фрагмент чешуйчатого орнамента.

Находки бронзовых поясов в Кавказском регионе сделаны в основном с южной стороны Большого Кавказского хребта (Урушадзе 1984: 5, рис. 1). Они представлены как в мужских, так и женских захоронениях. На Северном Кавказе на сегодняшний день помимо Заюково-3 известны только два некрополя, где найдены погребения с поясами этого типа. Прежде всего это Кобанский могильник, где обнаружено более десятка целых поясов и их фрагментов. Большая часть их сделана из гладкой или украшенной пуансоном по краю пластины, хотя встречаются пояса, покрытые волнистым орнаментом, а также фрагменты поясов с изображениями животных (Уварова 1900: 34, табл. XXXVII, 2).

Еще один пластинчатый пояс обнаружен в женском погр. 36 могильника Эльхотово. По краям пояс покрыт пуансонным орнаментом (Чшиев 2017, Т. 1: 128, рис. 22, 8, 9). Примечательно, что набор украшений из этого погребения так же, как и в погр. 81 могильника

Заюково-3, включает в себя гривну, две бляшки с пуансонным орнаментом по краю и две фигурки птиц с головой хищника и барана (Чшиев 2017, Т. 3: 78, рис. 12б).

Чешуйчатый орнамент для бронзовых кавказских поясов является довольно редким украшением. Так, две широкие ленты «чешуек» украшают один из поясов погр. 208 Глийского могильника, которое автор раскопок относит к XII–X вв. до н. э. (Техов 1980: 35, табл. 90, 24). Кости двух погребенных были сдвинуты в кучу. Б. В. Техов, опираясь на инвентарь, считает, что захоронение принадлежало мужчине и женщине. Кроме двух поясов в погребении были обнаружены два топора и кинжал, ромбовидные бляшки с пуансонным орнаментом, а также булавка с протомой собаки со сложенными перед мордой лапами.

Н. Урушадзе связывает чешуйчатый орнамент на закавказских поясах с образом воды и отмечает, что такой орнамент свойственен племенам, занимающимся земледелием с примитивным орошением (Урушадзе 1984: 79).

Биконические спиральные пронизи. Обнаружены две такие пронизи (рис. 4, 2; 6, 2). Фрагмент еще одной скипелся с ажурной бляшкой с крестовидным орнаментом (рис. 4, 4), возможно, это фрагмент пронизи, сохранившейся не полностью (рис. 6, 2).

Такие пронизи — характерная находка в погребениях предскифского времени западной кобанской культуры. Они входят в тип XXVIII, по В. И. Козенковой (1998: 49, табл. XIII, 26).

Фрагмент кубка (рис. 6, 1). Половина керамического круглодонного кубка коричневого лощения с выраженным ребром. По горлу нанесен нарезной орнамент из двух горизонтальных линий, покрытых косой штриховкой. От венчика к этому орнаментальному поясу спускаются три компактные группы расчесов. Сосуд принадлежит разновидности «а», по В. И. Козенковой, массовое распространение предметов которой исследовательница датирует VIII–VII вв. до н. э. (Козенкова 1998: 99).

Результаты

Время совершения захоронения относится к концу VIII — первой половине VII в. до н. э., о чем свидетельствует сочетание ажурной бляшки с крестовидным орнаментом со стержневидными булавками, а также с булавкой с головкой, закрученной в спираль. Это время киммерийских походов в Закавказье, в которых горцы Северного Кавказа принимали активное участие. Баксанское ущелье было одним из перевальных маршрутов, который наиболее активно использовался в ту бурную эпоху.

В инвентаре погр. 81 прослеживается сочетание характерных западнокобанских (подвески в виде птиц с головой животного, кинжал и топор, листовидные подвески, пронизи, бляшки), закавказских (пояс, диадема, подвеска с протомой собаки) и степных (ажурная бляшка с крестовидным орнаментом) элементов. Пояс, диадема и гривна в большинстве традиционных культур являются символами высокого социального статуса. Мальчик в силу своего возраста не мог ни заслужить их, ни участвовать в закавказских походах. Следовательно, атрибуты указывают на принадлежность его к знатной семье. Таким образом, можно утверждать, что в предскифскую эпоху у племен Баксанского ущелья высокий социальный статус, а возможно, и властные полномочия передавались по наследству.

Литература

- Васильева 2017 — *Васильева Е. Е.* Образ собаки в кобанской мелкой пластике // Новожилов А. Г. (отв. ред.). Археология и этнография Кавказа и Крыма: Тезисы науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–8 апреля 2017 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 44–46.
- Дударев 1999 — *Дударев С. Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX–VII вв. до н. э.). Армавир: Изд-во Армавирского ГПИ, 1999. 400 с.

- Железный век... 2020 — Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: Каталог выставки / Алексеев А. Ю., Наврот М., Гасс А., Пиотровский Ю. Ю. (ред.). СПб.: Чистый лист, 2020. 720 с.
- Кадиева и др. 2019 — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // КСИА. 2019. Вып. 258. С. 165–180.
- Кадиева и др. 2020а — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Мужские погребения предскифского времени с керамическими наборами на могильнике Заюково-3 // КСИА. 2020. Вып. 261. С. 166–181.
- Кадиева и др. 2020б — *Кадиева А. А., Демиденко С. В., Емкужев А. А.* Погребение предскифского времени с бронзовым нагрудным убором из могильника Заюково-3 (предварительная публикация) // Кавказология. 2020. № 2. С. 50–67.
- Кадиева и др. 2020в — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Погребение предскифского времени с колчаным набором из могильника Заюково-3 // Историко-археологический альманах. 2020. Вып. 15. С. 57–65.
- Козенкова 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 1998. 200 с. (САИ. Вып. В2-5).
- Козенкова 2004 — *Козенкова В. И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 5).
- Мошинский 1997 — *Мошинский А. П.* Погребальный обряд могильника Гастон Уота // Тр. ГИМ. 1997. Вып. 93. С. 38–46.
- Мошинский 2006 — *Мошинский А. П.* Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н. э. М.: ГИМ, 2006. 208 с. (Тр. ГИМ. Вып. 154).
- Тереножкин 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Техов 1977 — *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Техов 1980 — *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1980. Т. 1. 58 с.; 137 ил.
- Уварова 1900 — *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К., 1900. 382 с. (МАК. Вып. 8).
- Урушадзе 1984 — *Урушадзе Н.* Бронзовая летопись древней Грузии. Тбилиси: Хеловнеба, 1984. 120 с.
- Чшиев 2005 — *Чшиев Х. Т.* К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2005. № 5. С. 89–107.
- Чшиев 2017 — *Чшиев Х. Т.* Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии: Дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2017. Т. 1 — 370 с.; Т. 2 — 49 с.; Т. 3 — 169 с.
- Эрлих 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.
- Curtis, Kruszynski 2002 — *Curtis J., Kruszynski M.* Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. London: The British Museum, 2002. 128 p. (The British Museum Occasional Paper. No. 121).
- Herzfeld 1941 — *Herzfeld E. E.* Iran in the Ancient East. New York: Oxford University Press, 1941. 363 p.; 131 Pl.; 421 Figs.

TOWARDS THE QUESTION OF HEREDITARY POWER AMONG THE PEOPLE OF THE WEST KOBAN CULTURE

A. A. KADIEVA, S. V. DEMIDENKO

Keywords: *West Koban culture, Baksan gorge, Zayukovo-3 cemetery, "Cimmerian Epoch", burial rite, diadem, necklace.*

A burial of an 11–12 year old boy dated to the VIII–VII cc. BC was uncovered at the Zayukovo-3 cemetery (Baksan gorge, the North Caucasus) in 2017. The boy was buried in a pit, his body stretched on the right side (Fig. 1). The burial inventory included numerous bronze adornments: a turc (Fig. 2, 3), a diadem (Fig. 3, 1), a necklace with various pendants and a bronze belt (Fig. 3, 2). Of special note among the necklace pendants are figurines of birds with the head of a predator (Fig. 2, 1; 5, 1) and a ram (Fig. 5, 2), a pendant with the protoma of a dog (Fig. 5, 2), as well as dagger-shaped and axe-shaped pendants (Fig. 4, 1, 3). In comparison with the other burials of unarmed men, the burial in question stands out for its richness and, first of all, for the presence of such status attributes as the bronze belt and diadem. The age of the buried person virtually excludes the possibility that he earned the right to wear this things by himself. It seems more plausible that the belt and the diadem symbolized his belonging to one of the chiefly or priestly families living in the Baksan gorge in the epoch of the Cimmerian campaigns.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)¹

О. В. СЫЧЁВА²

Ключевые слова: *Кавказ, бронзовый век, кобанская культура, центральный вариант, восточный вариант, могильники.*

В статье рассматривается вопрос о разнокультурной принадлежности центрального и восточного вариантов кобанской культуры. Проведен сравнительный анализ двух эталонных памятников — для восточного варианта был взят Сержень-Юртовский могильник, а для центрального — Тлийский могильник. Результаты анализа позволяют поставить вопрос о правомерности выделения так называемого восточного варианта кобанской культуры в отдельную сержень-юртовскую культуру.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-175-182

Введение

История изучения кобанской культуры насчитывает уже более 150 лет. Как известно, в 1869 г. разлив р. Гизельдон разрушил берег близ с. Верхний Кобан в Северной Осетии. Местные жители стали находить человеческие кости и бронзовые вещи. Первые серии предметов были собраны Хабошем Кануковым и позднее переданы им в Тифлисский археологический музей (Чшиев 2007: 178). В Тифлисе на бронзовые предметы из Кобана обратил внимание Георгий Дмитриевич Филимонов. Ему же принадлежит и первая интерпретация кобанских бронз. Он высказал мнение о «самостоятельности и обширности культуры», а также предположение о том, что границы культуры выходят широко за пределы Осетии (Козенкова 1977: 5).

Процесс накопления материала продолжился в последующие десятилетия. В 1881 г. в Тифлисе состоялся V Археологический съезд, который дал толчок развитию историко-археологического и этнографического изучения всего Кавказа (Крупнов 1960: 28).

До советского периода кобанские древности изучали Б. В. Антонович, В. Л. Беренштам, А. С. и П. С. Уваровы, Ф. Байрен, Р. Вирхов и Э. Шантр (Там же: 29, 31). В это же время начинаются исследования Северо-Восточного Кавказа, где проводили свои работы А. П. Ипполитов, А. В. Комаров, П. Д. Головинский, Д. Н. Анучин, Б. И. Долбежев, П. С. Уварова, А. А. Бобринский, Г. А. Вертепов и др. (Козенкова 1977: 5).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Уже в советский период к концу 1950-х гг. Евгением Игнатьевичем Крупновым была сформулирована и обоснована гипотеза о локальных вариантах кобанской культуры. Опираясь на погребальный обряд и керамику, он выделил три группы памятников: первая — западная, или кабардино-пятигорская; вторая — центральная, или североосетинская; третья — восточная, или грозненская (Крупнов 1960: 178, 179). Так, к западной группе были отнесены могильники с прямоугольными каменными ящиками и сосудами, украшенными нарезным орнаментом. К центральному варианту — памятники с прямоугольными каменными ящиками и сосудами больших и малых форм с нарезным геометрическим орнаментом. Для восточной группы характерны грунтовые захоронения и керамика с налпным и шипковым орнаментом. Однако нужно отметить, что восточная группа была выделена Е. И. Крупновым на основе памятников VII–IV вв. до н. э. (Там же).

Границы распространения восточной группы, по Е. И. Крупнову, скорее всего, пролегали на севере по Тереку, на юге — по верховьям рек Асса, Чанты-Аргун, Шаро-Аргун и Хиндойскому хребту (совр. Хиндойлам, Андийский хребет), на западе граница проходила по г. Моздок, селам Нижний Курп, Кескем и Пседах, на востоке — по левобережью р. Аксай (Козенкова 1977: 7).

В конце 1960-х гг. В. И. Марковин высказал мнение о том, что граница восточной группы должна быть значительно отодвинута к северо-западу. В работе 2002 г., посвященной Зандакскому могильнику, он указал, что как в этом памятнике, так и в Сержень-Юртовском могильнике преобладают черты, связанные с каякентско-хороочевской подосновой. Однако вопрос о культурной принадлежности Зандакского и других могильников этого времени Чечни и Дагестана В. И. Марковин оставляет открытым, считая, что для этого пока недостаточно материала (Марковин 2002: 149).

Дискуссию о восточной границе восточного варианта продолжил в своей работе «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время» В. Б. Виноградов. Опираясь на погребальный обряд, керамику и другой инвентарь, он полагал, что памятники скифского времени на территории Чечни сохраняют «самобытные черты и не становятся кобанскими» (Виноградов 1972: 283).

В. И. Козенкова в работе, посвященной восточному варианту кобанской культуры, более подробно разработала хронологию и подробно остановилась на культурной принадлежности восточного варианта. Она уточнила признаки, по которым выделяется восточный вариант. К ним, так же как Е. И. Крупнов, исследовательница отнесла преобладание грунтовых могил, специфику украшений и особенности керамики. Кроме того, она отмечала многокомпонентность, присущую самим памятникам, в которых прослеживаются элементы разных культур: каякентско-хороочевской на более ранних этапах и скифо-сарматской — на более поздних (Козенкова 1977: 9, 10). Впрочем, неоднородность в материале отмечал и Е. И. Крупнов.

В. Б. Виноградов и С. Л. Дударев, исходя из материалов двух могильников (Майртуп 2 и 4), сделали предположение, сходное с тем, которое выдвинул В. И. Марковин, что население восточной части бассейна р. Терек, безусловно, испытывали сильное влияние кобанской культуры, однако сохранили «глубокую местную подоснову» материальной культуры (Виноградов, Дударев 2003: 28).

Все авторы, начиная с Е. И. Крупнова, отмечали своеобразие кобанской культуры и выделяли особенности ее вариантов. Однако никто из них не обсуждал вопрос, почему же все варианты принадлежат к одной культуре или культурно-исторической общности. Их единство воспринималось как само собой разумеющийся факт. Между тем детальное и систематическое сравнение материалов восточного и центрального вариантов показывает, что у них гораздо больше различий, чем сходных черт, и эти различия носят столь фундаментальный характер, что можно поставить вопрос о разнокультурной принадлежности центрального и восточного вариантов кобанской культуры. Этому и посвящена настоящая статья.

В качестве эталонного для восточного варианта взят его самый выразительный памятник — Сержень-Юртовский могильник, а для центрального — Тлийский могильник. Следует отметить, что для сопоставления отобранные комплексы XII–X вв. до н. э. Сведения о материалах этих могильников в табличной форме приведены на рис. 1.

В левой вертикальной колонке — номера погребений Сержень-Юртовского могильника (41 погр.), за ними следуют погребения Тлийского могильника (69 погр.). По горизонтали даны характерные признаки материалов обоих памятников. В соответствующих графах серым цветом отмечено присутствие того или иного признака. В левой верхней части размещены признаки, характерные для погребального обряда Сержень-Юртовского могильника, а в правой нижней части — для Тлийского. По центру выделены типы вещей, которые встречаются в обоих могильниках. Их классификация проведена на основании разработок Б. В. Техова, В. И. Козенковой и др.

Сравнительный анализ Сержень-Юртовского и Тлийского могильников

Все погребальные сооружения Сержень-Юртовского могильника — это ямы подпрямоугольной или подквадратной формы (рис. 2, 1), практически все индивидуальные. Характерно положение тела скорченно, на левом боку, только в двух случаях тело было уложено на правый бок. Положение тела на правом боку характерно для Тлийского могильника (рис. 2, б). Среди отобранных погребений Тлийского могильника все погребенные лежали на правом боку, положение на левом встречается в единичных случаях. В отличие от Сержень-Юртовского, могильные ямы в Тлийском могильнике обкладывали булыжниками или каменными плитами. Здесь же нередко встречались коллективные захоронения.

Керамическая посуда являлась важной составляющей погребального инвентаря Сержень-Юртовского могильника (рис. 2, 2а–2г). Керамические сосуды присутствовали практически во всех погребениях, а в ряде случаев количество сосудов достигало 30 экз. В Тлийском могильнике наблюдалась прямо противоположная ситуация. В его погребениях керамическая посуда встречалась редко, как правило, единично.

Сержень-Юртовская посуда имеет баночную и биконическую формы, также встречаются различные корчаги. Глина хорошего качества, однако сосуды обожжены слабо, что сказалось на их сохранности. Орнамент на сосудах налепной.

Керамические сосуды в Тлийском могильнике, как уже упоминалось, встречались довольно редко, в отобранных погребениях зафиксировано всего 13 экз. Это миски, так называемые банки или кружки с ручками и кубки (рис. 2, 7а–7г). Некоторые сосуды лощеные. Вся посуда изготовлена из хорошего теста, а миски, по описанию Б. В. Техова, сформованы на гончарном круге (Техов 1977: 70), тогда как все сосуды Сержень-Юртовского могильника лепные.

В Тлийском могильнике, в отличие от Сержень-Юрта и других памятников так называемого восточного варианта (Майртупа, Зондака и др.), в значительном количестве представлена бронзовая посуда — кружки с зооморфной ручкой, миски (рис. 2, 8а, 8б).

Показательны различия инвентаря Сержень-Юртовского и Тлийского могильников в категории украшений, особенно браслетов. В Сержень-Юртовском могильнике наиболее распространенным типом являются бронзовые литые пластинчатые браслеты с 3–5 продольными ребрами на лицевой стороне (рис. 2, 3б), а также литые массивные браслеты, украшенные на лицевой стороне по краям и в центре рядом так называемых шишечек. Концы таких браслетов завершались острыми отростками и выступами, а иногда и стилизованными зооморфными изображениями (рис. 2, 3а). Эти браслеты являются довольно массовым материалом (59 экз.).

В Тлийском могильнике подобные браслеты не встречаются. Для него характерны литые пластинчатые браслеты с продольным ребром и закрученными в спираль концами (рис. 2, 9а) (14 экз.).

Рис. 1. Распределение основных типов Сержень-Юртовского и Глийского могильников:

- 1 — положение погребенного скорчено, на левом боку;
- 2 — биконический сосуд;
- 3 — баночный сосуд;
- 4 — зооморфный браслет;
- 5 — рельефный браслет;
- 6 — тесто;
- 7 — долото;
- 8 — «накосники»;
- 9 — пояс-спираль;
- 10 — височные кольца;
- 11 — булава;
- 12 — бронзовый топор;
- 13 — бронзовый кинжал;
- 14 — положение погребенного скорчено, на правом боку;
- 15 — пояс из листовой бронзы;
- 16 — пряжка;
- 17 — фибула;
- 18 — кружка с зооморфной ручкой;
- 19 — ножные кольца;
- 20 — бронзовая миска;
- 21 — браслет с закрученными концами

№ погр.	Сержень-Юртовский могильник																				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
50																					
53																					
59																					
82																					
85																					
3																					
11																					
13																					
17																					
10																					
20																					
21																					
25																					
45																					
49																					
47																					
54																					
18																					
38																					
88																					
39																					
56																					
87																					
16																					
73																					
79																					
41																					
35																					
84																					
81																					
14																					
49																					
55																					
55																					
90																					
2																					
42																					
28																					
44																					
44																					
6																					
37																					
70																					
75																					
3(РП)																					
1(78)																					
25a																					
66																					
217																					
88a																					
132																					
99																					
37																					
180																					
146a																					
250																					
57																					
256																					
50																					
98																					
101																					
229																					

Fig. 1. Distribution of the main types from the Serzhen-Yurt and Tlisky cemeteries:

- 1 — skeleton flexed on the right side;
- 2 — biconical vessel;
- 3 — can-shaped vessel;
- 4 — zoomorphic bracelet;
- 5 — raised relief bracelet;
- 6 — adze;
- 7 — chisel;
- 8 — braid adornments;
- 9 — belt-spiral;
- 10 — temple rings;
- 11 — pina;
- 12 — bronze axe;
- 13 — bronze dagger;
- 14 — skeleton flexed on the right side;
- 15 — belt made of sheet bronze;
- 16 — buckle;
- 17 — fibula;
- 18 — mug with a zoomorphic handle;
- 19 — foot rings;
- 20 — bronze bowl;
- 21 — bracelet with twisted ends

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
16a																					
39																					
18																					
208																					
287																					
76																					
234																					
266																					
190																					
52																					
264																					
165																					
137																					
63																					
259																					
262																					
249																					
231																					
254																					
224																					
201																					
160																					
32																					
79																					
66																					
14																					
82																					
115																					
112																					
746																					
86																					
187a																					
64																					
22																					
48																					
219																					
159																					
25																					
102																					
83																					
134																					
138																					
148																					
235																					
108																					
125																					
886																					
261																					
276																					
289																					
158a																					
296																					
277																					
266																					

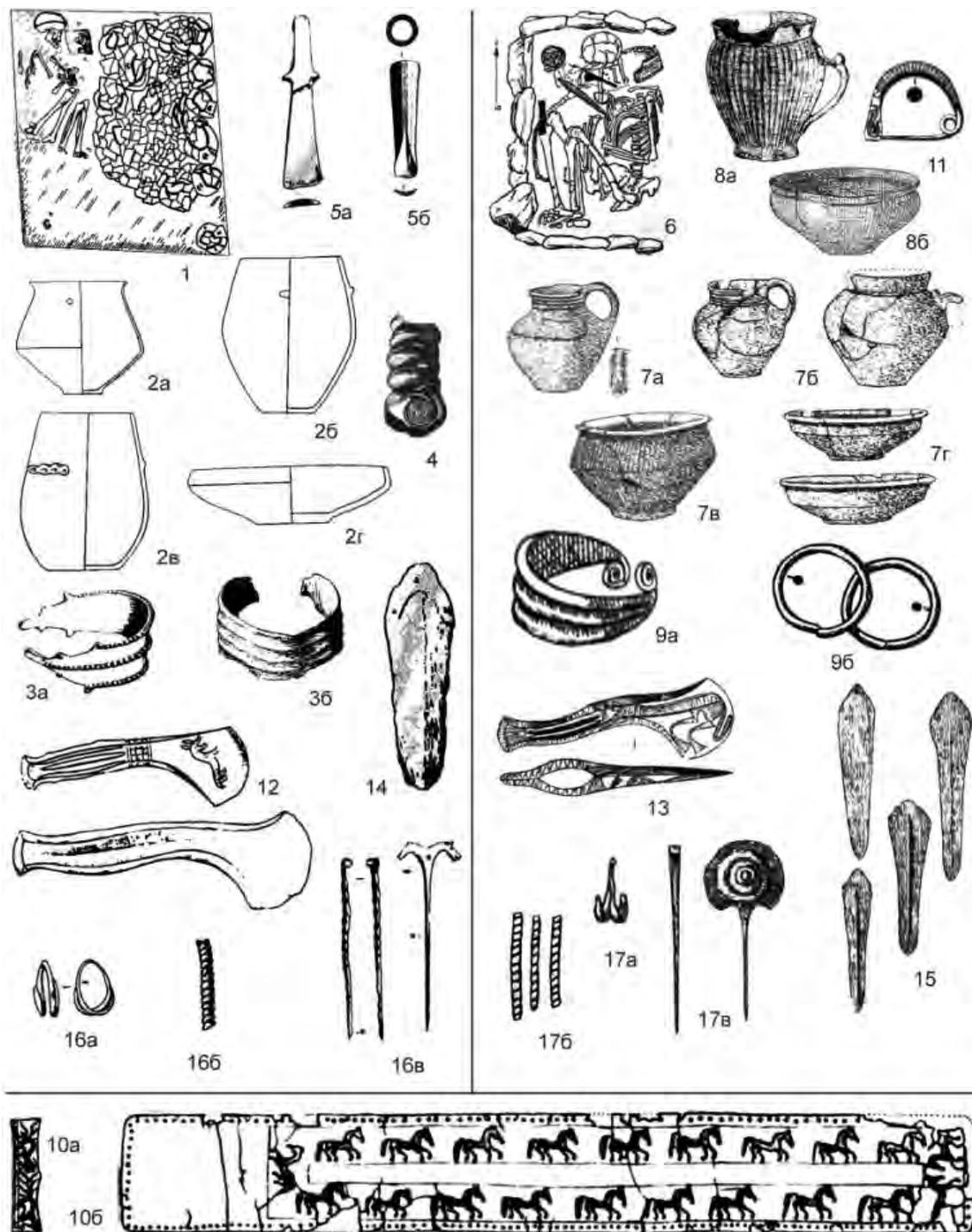

Рис. 2. Типы захоронений (1, 6) и предметов погребального инвентаря: 1, 2а–2г, 3а–3б, 4, 5а, 5б, 12, 14, 16а–16в — из Сержень-Юртовского м-ка (по: Козенкова 2002); 6, 7а–7г, 8а, 8б, 9а, 9б, 10а, 10б, 11, 13, 15, 17а–17в — из Тлийского м-ка (по: Техов 1977)

Fig. 2. Types of burials (1, 6) and burial inventory objects: 1, 2a–2g, 3a–3b, 4, 5a, 5b, 12, 14, 16a–16v — from the Serzhen-Yurt cemetery (after Козенкова 2002); 6, 7a–7g, 8a, 8b, 9a, 9b, 10a, 10b, 11, 13, 15, 17a–17v — from the Tliisky cemetery (after Техов 1977)

Ножные кольца (рис. 2, 9б), сделанные из толстого бронзового прута, — типичное украшение погребенных Тлийского могильника, однако они нехарактерны для Сержень-Юрта.

В погребениях Сержень-Юртовского могильника широко представлены так называемые наконечники (рис. 2, 4) — ряд височных подвесок, нанизанных на деревянную основу. Вероятнее всего, они крепились к головному убору и симметрично свисали по обе стороны от лица. В Тлийском могильнике подобные украшения не зафиксированы.

Показательно также и то, что в Сержень-Юртовском могильнике найдены орудия труда: тесло и долото (рис. 2, 5а, 5б), отсутствующие в Тлийском могильнике.

Пояса из листовой бронзы (рис. 2, 10б), пряжки (рис. 2, 10а) и фибулы (рис. 2, 11) являлись характерной особенностью костюма погребенных в Тлийском могильнике. В погребениях Сержень-Юртовского могильника подобные пояса и пряжки не обнаружены, однако там зафиксированы пояса из тонкой спирали, а единственная фибула в этом могильнике найдена вне погребения.

Итак, сравнительный анализ этих двух ключевых памятников показал, что существует ряд важных различий, которые продемонстрированы на рис. 1. Различия эти наиболее четко прослеживаются в керамике и в погребальном обряде. Насколько культурно значимы эти различия? Стоит ли их считать локальными проявлениями или они имеют фундаментальный характер?

Наиболее важным компонентом любой культуры от эпохи неолита до раннего железного века является керамика. По технологии изготовления, формам и орнаменту она различна в рассматриваемых могильниках. Причем своеобразие сержень-юртовской керамики объясняется тем, что своими корнями она уходит в традиции каякентско-хорчоевской культуры предшествующего времени, что отмечалось и другими исследователями (В. Б. Виноградовым, С. Л. Дударевым и др.). Керамика кобанской культуры, видимо, имеет совсем другую историю возникновения, связанную с культурами Южного Кавказа.

Столь же значимые различия выявляются в погребальном обряде в целом — в положении погребенного, конструкции могильного сооружения и составе погребального инвентаря. Следует также отметить различие сержень-юртовских и тлийских украшений, так как они являются важным энографическим признаком.

Вместе с тем есть и немногочисленные сходные черты. Например, положение тела погребенного в рассматриваемых могильниках скорченно на боку, что отличает их от более ранних памятников и является признаком позднего бронзового века.

Что касается общих форм погребального инвентаря, таких как кобанские топоры (рис. 2, 12, 13), то они имеют широкое распространение на Северном Кавказе, в Прикубанье и в ряде регионов Южного Кавказа. Такие топоры являются показателями широкого влияния высокоразвитого кобанского производства. То же самое мы можем сказать и о кинжалах (рис. 2, 14, 15), которые представлены в инвентаре погребений этих двух могильников. Общими чертами обладают и бронзовые булавы (рис. 2, 16в, 17в), различные подвески (рис. 2, 16б, 17б), височные кольца (рис. 2, 16а, 17а), хотя и здесь можно отметить некоторое своеобразие форм. Общие признаки в целом так или иначе связаны с металлическим инвентарем.

Оценивая сходства и различия материалов центрального и восточного вариантов кобанской культуры, можно полагать, что различия имеют более фундаментальный характер, чем предполагалось. Поэтому мы считаем, что можно поставить вопрос о выделении восточного варианта в отдельную культуру, которая по эпонимному памятнику может быть названа сержень-юртовской.

Литература

- Виноградов 1972 — Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. 389 с.
- Виноградов, Дударев 2003 — Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Могильники позднего бронзового века у сел. Майртуп в Чечне // Нарожный Е. И. (отв. ред.). МИАСК. Армавир; Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского ГУ, 2003. № 1. С. 5–62.
- Козенкова 1977 — Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. М.: Наука, 1977. 89 с. (САИ. Вып. 2-5).
- Козенкова 2002 — Козенкова В. И. У истоков горского менталитета (Могильник кобанской культуры у аула Сержень-Юрт, Чечня). М.: Памятники исторической мысли, 2002. 232 с. (МИИХНСК. Вып. 3).
- Крупнов 1960 — Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Марковин 2002 — Марковин В. И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ. М.: Наука, 2002. 154 с.
- Техов 1977 — Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Чшиев 2007 — Чшиев В. Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Туаллагов А. А. (отв. ред.). Археология Северной Осетии. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2007. Т. 1. С. 178–293.

**TOWARDS THE QUESTION OF CULTURAL AFFILIATION
OF THE SO CALLED EASTERN VARIANT OF THE KOBAN CULTURE
(ACCORDING TO THE DATA OF BURIAL SITES)**

O. V. SYCHEVA

Keywords: *Caucasus, Bronze Age, Koban culture, Central variant, Eastern variant, cemeteries.*

The paper considers the question of cultural affiliation of the the Central and Eastern variants of the Koban culture. The comparative analysis of two reference sites representing the Eastern (Serzhen-Yurt cemetery) and Central (Tliisky cemetery) variants suggests that the Eastern variant of the Koban culture should probably be considered as a distinct Serzhen-Yurt culture.

«СЧИТАЛИ УТЕРЯННЫМИ»: НЕИЗВЕСТНЫЕ ФРАГМЕНТЫ РУКОПИСИ «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ УКРАИНСКОЙ ССР» И. В. ФАБРИЦИУС¹

Н. Н. ЧЕМОДУРОВ²

Ключевые слова: *рукопись, «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР», И. В. Фабрициус, П. Н. Шульца, Северо-Крымская экспедиция, Херсонский областной краеведческий музей.*

В Научном архиве Института археологии Крыма РАН на хранении состоят многочисленные документальные материалы, связанные с многогранной деятельностью талантливого советского археолога П. Н. Шульца. Одной из неочевидных находок из личного фонда исследователя является ранее неизвестная рукопись «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» И. В. Фабрициус. В настоящей работе предпринимается попытка анализа состава рукописи и сравнения ее с другими, в том числе неизвестными рукописями «Археологической карты...». Выясняется проблема происхождения рукописи. Освещаются некоторые детали творческой биографии отечественных ученых И. В. Фабрициус, П. Н. Шульца, И. Д. Ратнера.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-183-190

В декабре текущего года исполняется 75 лет образования в Крыму первого академического центра археологических исследований. Судьбы этого учреждения³ и его сотрудников отразились в многочисленных документальных материалах, значительная часть которых состоит на хранении в Научном архиве Института археологии Крыма (далее — НА ИАКр). Собрание включает преимущественно результаты полевых исследований. Вместе с тем насчитывается более 20 личных фондов. Так, в архиве представлен обширный корпус материалов творческого наследия первого руководителя учреждения П. Н. Шульца (1900–1983). В настоящее время личный фонд ученого составляют более 400 единиц хранения. В ходе научно-технической обработки материалов фонда была выявлена часть рукописи «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР» И. В. Фабрициус (1882–1966).

Этот замечательный опыт объединения памятников прошлого по территориальному признаку является одним из первых в советской исторической науке. Один из выпусков

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

² Научный архив, Институт археологии Крыма РАН; г. Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия. ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Ныне — Институт археологии Крыма РАН. С 1947 по 2014 г. название организации изменялось не менее семи раз.

«Археологической карты...» увидел свет в 1951 г. в издательстве АН УССР (Фабрициус 1951а: 9). В нем учтены более 700 памятников от каменного века до средневековья, расположенных в междуречье Днестра и Южного Буга. Предполагалось издание еще двух выпусков, посвященных древностям междуречья Южного Буга и Днепра, а также Левобережья Днепра (Там же). Но их публикация не состоялась. В том же 1951 г. И. В. Фабрициус уходит из Института археологии АН УССР на пенсию и оставляет научную деятельность (Костенко, Шевченко 2016: 132).

Последний год работы И. В. Фабрициус в Институте ознаменовался выходом крупного труда по географии расселения скифских племен (Фабрициус 1951б). К этому времени исследовательница посвятила изысканиям в области картографирования памятников Причерноморья более 20 лет. И. В. Фабрициус продолжила дело своего научного наставника В. И. Гошкевича (1860–1928) — организатора и первого руководителя Херсонского историко-археологического музея (Костенко, Шевченко 2017). В связи с этим причины, по которым И. В. Фабрициус прекращает публикационную активность, неочевидны и представляют немалый интерес. Биографы лишь кратко останавливаются на последнем 15-летнем периоде жизни ученого (Костенко, Шевченко 2016: 132) либо не пишут о нем вовсе (Славин 1966; Оленковський 2000). Отметим, что в 1951 г. И. В. Фабрициус исполнилось 69 лет. Это были годы, прожитые в лишениях войн, революций и блокады, десятилетиях террора, частых переездах. Огромным потрясением стала утрата в годы Великой Отечественной войны личного архива и библиотеки, в результате чего И. В. Фабрициус оставила замысел написания работы «Архаическая Скифия» (Костенко, Шевченко 2016: 131). Таким образом, у исследовательницы могло просто не остаться творческих сил для продолжения работы.

Однако И. В. Фабрициус оставила последующим поколениям исследователей внушительный корпус неопубликованных результатов своей творческой деятельности. Сотни страниц авторского текста в наши дни хранятся в архивах России и Украины. Наиболее существенной является коллекция личного фонда И. В. Фабрициус (Ф. 61) в Научном архиве ИИМК РАН. Среди документов большой интерес представляют два варианта рукописи «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР». Один из них — по видимому, текст, подготовленный к 1938 г. Работу над его составлением И. В. Фабрициус начала в 1933 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 362). Рукопись представляла собой один том, в котором объединены сведения о памятниках, территориально ограниченных течением рек Днестр и Днепр на западе и востоке, побережьем Черного моря на юге и границей степи и лесостепи на севере. Между автором и ГАИМК им. Н. Я. Марра в 1937 г. был заключен договор об издании карты. Но текст так и не был опубликован и в 1938 г. стал «личной собственностью И. В. Фабрициус» (Там же). Второй вариант рукописи по объему существенно превышает первый. Машинописные страницы сопровождаются многочисленными вклейками с рукописными дополнениями. Текст разделен И. В. Фабрициус на три части — прообразы будущих выпусков, объединяющих памятники междуречий Днестра и Буга, Буга и Днепра и левобережья Днепра (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2). Включение в географию работы Измаильской области позволяет утверждать, что эта версия рукописи составлена не ранее декабря 1940 г.⁴

Обратимся теперь к «крымской» рукописи из личного фонда П. Н. Шульца, постараемся выяснить вопросы ее происхождения и значимости для восстановления целостности работы И. В. Фабрициус. Выявленные документы представляют собой копии нескольких фрагментов второго выпуска «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР», напечатанного в 1951 г. в Киеве (НА ИАКр РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 1). Наиболее крупный

⁴ 7 декабря 1940 г. Аккерманская область, присоединенная к СССР 7 августа 1940 г., была переименована в Измаильскую.

из фрагментов — третья глава «Побережье Черного моря и прилегающая к нему степь» (Там же: Л. 10–75). Всего на 97 листах рукописи помещены сведения о памятниках прошлого в окрестностях Херсона (с. 10–16) (Там же: Л. 3–9), на побережье Черного моря (с. 294–360) (Там же: Л. 10–75), а также титульные листы (Там же: Л. 1, 2), библиографический указатель (с. 383–401) (Там же: Л. 76–91), список сокращений (Там же: Л. 92–94) и оглавление (Там же: Л. 97). Текст рукописи машинописный, включает немногочисленные рукописные восполнения плохо пропечатанных участков.

Рассматриваемые фрагменты археологической карты дополняют представления о замысле структуры второго выпуска издания. Несмотря на неполноту (отсутствие первых двух глав), в отличие от экземпляров из НА ИИМК РАН в «крымской» рукописи помещено «Оглавление». Структура выпуска отражает версию работы, планировавшейся И. В. Фабрициус в послевоенный период. Согласно ей, предполагалось деление на три главы: «Правобережье низового Днепра», «Кинбурунская коса и левобережье низового Днепра» и «Побережье Черного моря и прилегающая к нему степь». Также выделены следующие дополнения: «Приложения», «Географический указатель», «Библиографический указатель» и «Список сокращений»⁵.

Видимо, итоговый вариант «Археологической карты...» сформировался после окончания Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют многочисленные несовпадения с ранними текстами рукописи из НА ИИМК РАН. В некоторых случаях описания 1951 г. сокращены по сравнению, например, с вариантом работы 1940 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1). Вместе с тем фрагменты археологической карты «крымской» рукописи дополняют варианты из Научного архива ИИМК: первый — на 27 позиций (Там же), второй — еще на 9 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2). Так, под заголовком «Приложения» приведены данные о Нижнеингулецких курганах, не выделенные специально и не упомянутые ни в одной другой известной рукописи (НА ИАКр РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 33). Уникальны сведения из «крымской» рукописи о древностях возле населенных пунктов: с. Свободный Порт, с. Алексеевка в Ягорлыцком заливе и Госплемхоз у с. Приволье. Сопоставление отдельных вариантов работы И. В. Фабрициус, воссоздание ее полностью, безусловно, требует дальнейших исследований. Но уже сейчас можно предварительно сравнить позиции, учтенные в рукописи из Симферополя, с упомянутыми в материалах Санкт-Петербурга и с современными данными⁶ (см. рис. 1).

Факт обнаружения фрагмента рукописи археологической карты И. В. Фабрициус среди документов личного фонда П. Н. Шульца представляет немалый интерес. Древности Крымского полуострова привлекли исследователя в начале 1930-х гг. К этому времени география научной деятельности ученого охватывала Верхнее Поволжье, Ленинградскую область, Северный Кавказ, Нижнее Поднепровье. В первой половине 1930-х гг. им была организована Евпаторийская экспедиция ГАИМК (Кутайсов 2016). Продолжение этих работ П. Н. Шульц планировал в Предгорном Крыму. Экспедиция с названием «Тавро-скифская» должна была заняться исследованием позднескифских городищ Сарайлы-Кият (ныне Кермен-Кыр) и Керменчик (ныне Неаполь Скифский), а также некоторых таврских поселений в Байдарской долине (НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 4. Д. 18. Л. 1). Научному предприятию помешало начало Великой Отечественной войны. Но масштабные раскопки и разведки развернулись практически во всех регионах полуострова уже в 1945–1947 гг. Лишь северные, степные территории оставались практически археологически неизученными.

⁵ В «крымской» рукописи представлены «Библиографический указатель» и «Список сокращений». «Географический указатель» включен в рукопись из Научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1). «Приложения» в настоящее время не выявлены.

⁶ Приводятся по работам М. П. Оленковского (2000; 2004а; 2004б; 2008).

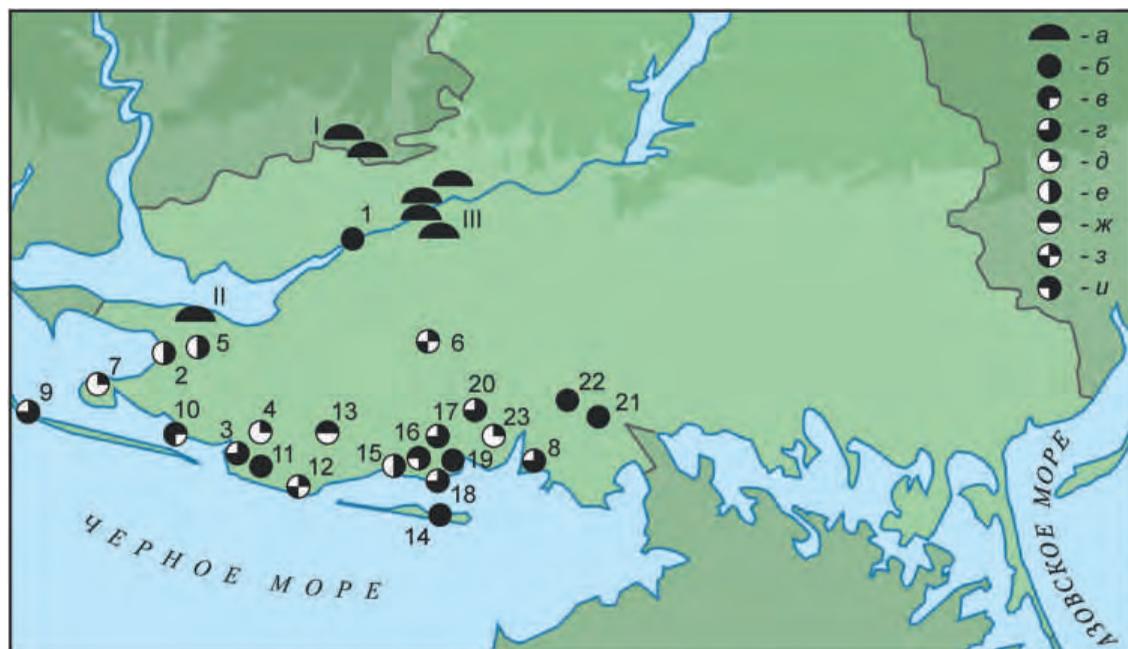

Рис. 1. Расположение памятников, учтенных в рукописях к «Археологической карте Причерноморья» 1938 г. (группа А), 1940 г. (группа Б), «крымской» (группа В) и известных по современным данным (группа Г). Условные обозначения: а — курганы (I — у с. Снегирёвка; II — у с. Ивановка; III — Нижнеингулецкие курганы); б — памятники всех групп; в — памятники групп А, Б, В; г — памятники групп Б, В, Г; д — памятники группы В; е — памятники групп В, Г; ж — памятники групп А, В; з — памятники групп Б, В; и — памятник групп А, В, Г. Населенные пункты, рядом с которыми расположены памятники: 1 — г. Херсон; 2 — с. Ивановка; 3 — с. Приволье; 4 — Госплемхоз у с. Приволье; 5 — с. Памятное; 6 — с. Могильная; 7 — с. Свободный порт; 8 — с. Алексеевка; 9 — Тендровская коса; 10 — Бабин о-в; 11 — с. Бехтеры; 12 — с. Круглоозерка; 13 — с. Новософиевка; 14 — коса Джарылгач; 15 — с. Красное; 16 — с. Ново-Николаевка; 17 — с. Великая Андроновка; 18 — г. Складовск; 19 — с. Антоновка; 20 — с. Карга; 21 — с. Новоалександровка; 22 — с. Каланчак; 23 — хут. Приморский

Fig. 1. Location map of the sites inventoried in different manuscripts of the “Archaeological Map of the Black Sea Region” (group A — 1938, group Б — 1940, group В — «Crimean»), as well as those known today (group Г). Legend: а — barrows (I — near Sneghirevka village; II — near Ivanovka village; III — Lower Ingul barrows); б — sites of all groups; в — sites of groups А, Б, В; г — sites of groups Б, В, Г; д — sites of group В; е — sites of groups В, Г; ж — sites of groups А, В; з — sites of groups Б, В; и — site of groups А, В, Г. Present day settlements near which archaeological sites are situated: 1 — Kherson; 2 — Ivanovka; 3 — Provolie; 4 — State stockbreeding center near Privolie; 5 — Pamyatnoe; 6 — Moghilynaya; 7 — Svobodnyi port; 8 — Alekseevka; 9 — Tendrovskaya kosa; 10 — Babin; 11 — Bekhtery; 12 — Krugloozerka; 13 — Novosofievka; 14 — kosa Dzharylgach; 15 — Krasnoe; 16 — Novo-Nikolaevka; 17 — Velikaya Andronovka; 18 — Skladovsk; 19 — Antonovka; 20 — Karga; 21 — Novoalexandrovka; 22 — Kalanchak; 23 — Primorskiy farmstead

Ситуация изменилась после выхода постановления Совета Министров СССР от 21 сентября 1950 г. «О строительстве Каховской ГЭС на реке Днепр, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов...». В результате в планы крымских археологов были внесены существенные коррективы (ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 115. Л. 46). В 1951–1953 гг. под руководством П. Н. Шульца работала Северо-Крымская археологическая экспедиция.

Возобновление работ экспедиции в 1959 г. связано с запуском новой очереди строительства коммуникаций водоснабжения Северного и Юго-Восточного Крыма, Керченского полуострова и Нижнего Поднепровья. Начальником экспедиции вновь был назначен

П. Н. Шульц. Также он возглавил разведочный отряд, в задачи которого входило археологическое обследование трассы Чаплинского канала, каналов Краснознаменной системы, отдельных территорий Голо-Пристанского и Скадовского районов Херсонской области, а также охранные раскопки курганов в Голо-Пристанском районе (НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 5. Д. 24. Л. 4). В дневнике отряда от 26 октября 1961 г. отмечено, что П. Н. Шульц «вечером переговорил с директором Херсонского музея В. Н. Кравцовым об участии Херсонского музея в работах Северо-Крымской экспедиции. В. Н. Кравцов дал на это согласие и выделил для этой цели в состав экспедиции от музея ст. научного сотрудника Ратнера Израиля Давыдовича, в прошлом участника Ольвийской экспедиции» (Там же. Л. 10). Привлечь к сотрудничеству Херсонский музей, по-видимому, удалось не с первого раза. Об этом свидетельствует письмо от 15 июля 1961 г. П. Н. Шульца В. Н. Кравцову с заверением, что проблемы финансирования будут «решены в ближайшей перспективе». И лишь 21 августа датируется ответ Херсонского музея о том, что «все улажено» и для участия в работах «намечены старший научный сотрудник Костюк Л. И. и научный сотрудник Сильвестрова М. С.» (Там же: Л. 1). Отметим, что в 1961 г. они участниками экспедиции так и не стали.

Несмотря на новостроечный характер работ Северо-Крымской экспедиции в 1961 г., ее руководством предпринимались шаги к достижению комплексности исследовательских методов. Поэтому по прибытии в Херсон П. Н. Шульц и сотрудник экспедиции А. А. Щепинский «поработали над фондами и архивными материалами музея, относящимися к Голо-Пристанскому и Скадовскому районам. В музее оказалась копия II части „Археологической карты Юга УССР“ И. В. Фабрициус» (Там же: Л. 11). Текст дневника лаконичен, и остается неясным, было ли известно П. Н. Шульцу о существовании неопубликованных выпусков карты. Но, несомненно, эта находка стала важным открытием экспедиции. К рукописи руководитель экспедиции обращается в дневнике еще не раз. Так, 4 ноября во время обследования восточного побережья Ягорлицкого лимана в 2,0–2,5 км к СЗ от с. Ивановка найдено «два примыкающих друг к другу поселения эллинистического времени», которые удалось сопоставить с «отмеченным в рукописи» (Там же: Л. 27). Примечательно, что в современной специальной литературе не упоминаются ни эти поселения, ни то, что они были известны И. В. Фабрициусу и обследованы разведками П. Н. Шульца (ср.: Оленковский 2008: 12, 13).

В последние дни экспедиции П. Н. Шульц и И. Д. Ратнер (1919–1993) определили ближайшие планы совместной исследовательской работы. В будущем у двух археологов сложатся крепкие дружеские отношения (рис. 2). Помимо увлеченности одним делом в работе на трассе Северо-Крымского канала их объединял опыт работы в Ольвийской экспедиции: И. Д. Ратнер принимал участие в ее работах под руководством Л. М. Славина (1906–1971) в 1952 г., а П. Н. Шульц работал вместе с Л. М. Славиним в 1931, затем 1938–1940 гг. (Шульц 1940: 71; Костенко 2019: 14). Исследователи продолжают совместные работы вплоть до середины 1960-х гг. (рис. 3), о чем свидетельствуют материалы работ и переписка (НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 67. Л. 1).

Во время работы по подготовке отчета об исследованиях Каланчакской группы курганов И. Д. Ратнер по просьбе П. Н. Шульца составил машинописную копию найденной в Херсоне рукописи И. В. Фабрициус. Так она оказалась в Крыму в 20-х числах февраля 1962 г. В сопроводительном письме И. Д. Ратнер отмечал:

«Херсон, 23 февраля 1962.

Расчищая ящики, я обнаружил дополнительные копии машинописи работы И. В. Фабрициус, которые считали утерянными. Таким образом, имею возможность выслать не только интересующую Вас часть, но и все, что было перепечатано, что я и делаю одновременно с настоящим письмом.

Рис. 2. Сотрудники Северо-Крымской экспедиции в Каланчаке (ноябрь 1963 г.):
2-й справа — И. Д. Ратнер; 3-й справа — П. Н. Шульц; 4-я справа — Л. И. Костюк

Fig. 2. Staff of the North-Crimean Expedition in Kalanchak (November 1963):
2nd from the right — I. D. Ratner; 3rd from the right — P. N. Schultz; 4th from the right — L. I. Kostyuk

Рис. 3. Осмотр раскопа в урочище Лисьи могилы (октябрь 1963 г.): 3-й слева — И. Д. Ратнер;
5-й слева — П. Н. Шульц

Fig. 3. Visit to the excavation at Lisii Moghily stow (October 1963): 3rd from the left — I. D. Ratner;
5th from the left — P. N. Schultz

В отношении Перекопского залива, который Вы указали, [он] отсутствует, — странная вещь: он есть, но только лишь несколько строк. Пропусков страниц нет. Идут подряд; остается считать, что залив является белым пятном данной работы.

Высылаемый экземпляр перепечатан в Киеве, при наличии явных и не явных опечаток. Например, встречаются инвентарные номера Херсонского музея, которые по [таким] у нас, музейщиков, огромным размерам, никогда не существовали. Чья это ошибка: перепечатававшей машинистки или оригинала машинописи — сказать трудно. В работе есть ссылки на приложенные к ней таблицы, однако мною за недостатком времени не было выполнено их калькирование.

В редакции договорился о статье, когда окончу — вышлю ее Вам для просмотра и подписи.

Привет от Людмилы Ивановны [Костюк. — Н. Ч.],

с уважением, Ваш И. Ратнер» (НА ИАКр РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 1).

Таким образом, по сведениям И. Д. Ратнера, части работы И. В. Фабрициус, обнаруженные в Херсоне, имеют «киевское происхождение». Следует отметить, что в 1938 г. в Киеве руководство Института археологии АН УССР выдвинуло инициативу собрания всех работ И. В. Фабрициус для подготовки совместно с ГАИМК им. Н. Я. Марра «Археологической карты Причерноморья УССР» (Костенко, Шевченко 2016: 129). Затянувшиеся редактирование и перевод текста на украинский язык сдвигали сроки издания работы, в результате ей так и не суждено было выйти из печати до начала Великой Отечественной войны. Вместе с тем рукописи и черновики карты, составленные И. В. Фабрициус в до- и послевоенный периоды в Киеве, хранятся теперь в Научном архиве Института археологии НАН Украины (Костенко, Шевченко 2016: 129; НА ИАКр РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 1).

Обнаружение неизвестного ранее фрагмента рукописи «Археологической карты Причерноморья Украинской ССР» имеет важное значение в деле собирания и подготовки труда И. В. Фабрициус к переизданию. Отметим, что некоторые существенные данные до сих пор не выявлены. Доступные на сегодняшний день неопубликованные варианты карты имеют многочисленные несовпадения и противоречия. Поэтому поиск новых полных текстов рукописи и их фрагментов продолжается. Этот процесс неразрывно связан с восстановлением отдельных эпизодов биографии И. В. Фабрициус. Так, совершенно нераскрытым и перспективным для изучения следует признать продолжительный период жизни исследовательницы после 1951 г. Неясными представляются истории отдельных экземпляров рукописи. Немаловажны попытки переосмысления археологической карты современниками И. В. Фабрициус и последующими поколениями исследователей.

Литература и источники

- Костенко 2019 — *Костенко А. В.* Израїль Ратнер. Живе слово часові невідвладне. Херсон: б. и., 2019. 182 с.
- Костенко, Шевченко 2016 — *Костенко А. В., Шевченко А. В.* І. В. Фабриціус (1882–1966): археолог та музеєзнавець // *Археологія*. 2016. № 2. С. 122–133.
- Костенко, Шевченко 2017 — *Костенко А., Шевченко А.* Виктор Гошкевич и его мир: семья, окружение, древности. Херсон: Херсонська централізована бібліотечна система, 2017. 116 с.
- Кутайсов 2016 — *Кутайсов В. А.* От Керкинитиды к Евпатории. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 208 с.
- Оленковський 2000 — *Оленковський М. П.* Вони прославили наш край. Видатні херсонські учні-археологи: бібліографічний довідник. Херсон, 2000. 60 с.
- Оленковський 2004а — *Оленковський М. П.* Археологічні пам'ятки Каланчацького району Херсонської області. Археологічна карта. Херсон: Айлант, 2004. 58 с.

- Оленковський 2004б — *Оленковський М. П.* Археологічні пам'ятки Скадовського району Херсонської області. Археологічна карта. Херсон: Айлант, 2004. 60 с.
- Оленковський 2008 — *Оленковський М. П.* Археологічні пам'ятки Голопристанського району Херсонської області. Археологічна карта. Херсон: Айлант, 2008. 132 с.
- Славин 1966 — *Славин Л. М.* И. В. Фабрициус // СА. 1966. № 3. С. 296–297.
- Фабрициус 1951а — *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 131 с.
- Фабрициус 1951б — *Фабрициус И. В.* До питання про топографізацію племен Скіфії // Археологія. 1951. Т. 5. С. 50–80.
- Шульц 1940 — *Шульц П. Н.* Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 71–75.
- ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 115.
- НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 24, Д. 67; Оп. 4. Д. 18; Оп. 5. Д. 24.
- НА ИАКр РАН. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 7.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1, 2.

**“THOUGHT LOST”: UNKNOWN FRAGMENTS
OF I. V. FABRITZIUS' MANUSCRIPT “ARCHAEOLOGICAL MAP
OF THE BLACK SEA REGION OF THE UKRAINIAN SSR”**

N. N. CHEMODUROV

Keywords: *manuscript, “Archaeological Map of the Black Sea Region of the Ukrainian SSR”, I. V. Fabritzius, P. N. Shultz, North-Crimean Expedition, Kherson Regional Local Lore Museum.*

The Scholarly Archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences stores numerous documents shedding light on the many-sided activity of P. N. Schultz, a talented Soviet archaeologist. One of the most interesting finds from the researcher's personal archive is the hitherto unknown manuscript entitled “Archaeological Map of the Black Sea Region of the Ukrainian SSR”. The present paper analyzes the contents of the manuscript, compares it with the other, both published and unpublished, manuscripts of the “Archaeological Map ...”, considers the problem of its origin, and elucidates some details in creative biographies of I. V. Fabritzius, P. N. Schultz, I. D. Ratner.

НОВОЕ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ФИНАЛА СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ОТ ДОНА ДО ПРУТА¹

А. В. КИЯШКО, О. П. ЛАРЕНОК²

Ключевые слова: историография, финал среднего бронзового века, культура многоваликовой керамики, бабинская культура, каменско-ливенцовская группа, Нижний Дон, Северное Причерноморье, В. А. Городцов, С. Н. Братченко, С. С. Березанская, И. А. Писларий, В. В. Отрощенко, Бабино III, Ливенцовская крепость.

В статье проанализирована история изучения памятников финала среднего бронзового века (СБВ) в степи и лесостепи Причерноморья. В зависимости от степени изученности материалов и методологических новаций в историографии выделены три этапа. Первые упоминания о находках керамики с налепными валиками и характерных костяных пряжек относятся к концу XIX в. Впервые погребальные комплексы описаны В. А. Городцовым в начале XX в., но тогда были отнесены к срубным древностям. Дальнейшее исследование связано с раскопками поселений (прежде всего Бабино III), интерпретацией полученных материалов и выделением отдельной культуры многоваликовой керамики (КМК). На втором этапе наряду с термином КМК в работах С. Н. Братченко утверждается название «бабинская культура», выделен каменско-ливенцовский тип памятников. В ходе обширных раскопок курганов были раскопаны сотни новых погребальных комплексов КМК–Бабино. Исследования С. С. Березанской, В. А. Дергачёва, В. В. Отрощенко, Е. Н. Савы, Э. С. Шарафутдиновой сформировали представление о локально-хронологическом членении памятников финала СБВ. Третий этап характеризуется не количественным ростом материалов, а совершенствованием методики и методологии их изучения. Речь идет о новой хронологии степных культур и концепции блокового развития культур в очагах культурогенеза (В. С. Бочкарёв), что позволило расширить хронологические рамки КМК–Бабино. Значительный вклад здесь внесли С. Н. Братченко, Р. А. Литвиненко, Р. А. Мимоход. Недавние открытия специфических памятников финала среднего — позднего бронзового века Тамани и Крыма, вероятно, маркируют начало нового этапа в историографии.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-191-204

Анализ историографии является неотъемлемой частью любого исследования, призванного обобщить новые источниковые, экспериментальные и теоретико-методологические данные. Изучение памятников финала среднего бронзового века (далее СБВ) (культура многоваликовой керамики Бабино (КМК–Бабино)) в последние десятилетия получило стимул

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-39-90033 и 20-09-00469.

² А. В. Кияшко, О. П. Ларенок — кафедра археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет; г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.

в процессе осмысления новых материалов с территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, степного Предкавказья и предгорий Северного Кавказа, в частности, с Таманского полуострова. Другими основаниями прогресса в изучении названных памятников стали калиброванные радиоуглеродные датировки, удлинившие периоды бронзового века, и методологические новации: переход от теории культурно-исторических общностей к представлению о формировании блоков культур в очагах (центрах) культуриногенеза.

Изучение финала СБВ началось с конца XIX в. и продолжается по настоящее время. В зависимости от степени изученности древностей и методологических новаций в историографии выделены три этапа: 1-й этап — с конца XIX в. по 1950-е гг.; 2-й этап — с 1960-х гг. по середину 1990-х гг.; 3-й этап — с конца 1990-х гг. по настоящее время.

1-й этап (с конца XIX в. по 1950-е гг.)

Выделяемый этап характеризуется открытием, накоплением и первыми попытками осмысления памятников финала СБВ. Был исследован ряд поселенческих и погребальных комплексов, давших первоначальные представления о традициях КМК–Бабино. Большую часть поселенческих материалов на раннем этапе изучения удревяняли и относили к позднекатакомбным из-за близости керамического комплекса этих культур. Обрядовые признаки погребений КМК–Бабино, напротив, омолаживали, нередко включая найденные комплексы в состав срубной культуры.

Первые случаи нахождения керамики финала СБВ с характерным валиковым орнаментом относятся к концу XIX в. В основном это исследования на территории современной Украины. При раскопках поселения Княжеская гора Н. Ф. Беляшевский обнаружил керамику с валиками, явно не похожую на характерную для этого памятника славянскую посуду (Беляшевский 1892: 73). К одним из первых находок костяных поясных пряжек относится изделие, найденное при раскопках курганов в Бессарабии членом ИАК профессором Ф. И. Кнауэром (Кнауэр 1893: 85).

Основополагающим на данном этапе является исследование В. А. Городцова, который впервые заметил и описал памятники финала СБВ Восточной Европы и разработал периодизацию бронзового века бассейна Северского Донца. В категории «срубные древности» ученым были описаны отличающиеся от классической срубной культуры погребения с деревянным перекрытием ямы, в которых умерший был уложен на левом боку, скорченно, головой на запад (Городцов 1905: 202). Важными находками стали круглые костяные поясные пряжки, характерные для рассматриваемых в статье погребений и являющиеся хронологическим маркером финала СБВ (Там же: 393, табл. XIII). Большое значение имело и описание жертвоприношений животных: «При четырнадцати погребениях найдены остатки голов и ног овец и коров. Ноги животных отрезались с копытами в костных сочленениях» (Там же: 203). Места расположения были отмечены следующим образом — в срубе, между стеной сруба и стеной ямы, на крыше сруба (Там же). Такой специфический обряд жертвоприношения характерен для населения бабинской культуры и наряду с костяными пряжками является ее отличительным признаком. Благодаря такой детальной фиксации материалов в настоящее время можно уверенно относить эти захоронения к финалу СБВ.

Дальнейшее изучение культур финала СБВ связано с находками при раскопках поселений керамики с рядами налепных валиков (Козубовский 1933: 98; Добровольский 1957: 40). Одним из таких поселений стало выявленное в 1951 г. Д. И. Блифельдом Бабино III, расположенное у одноименного села в Верхнерогачинском р-не Херсонской обл. Украины. Аналогичные материалы при раскопках урочища Городок в Сумской обл. Украины обнаружила С. С. Березанская. Материалы этих памятников вызвали большой научный интерес, и в 1954 г. А. В. Добровольский приступает к исследованию поселения Бабино III, в результате чего были обнаружены две жилые постройки и различный инвентарь, включающий

керамику с валиками, изделия из металла, кости, кремня (Там же: 42). Датировка комплекса была определена ученым как середина II тыс. до н. э., но с оговоркой дальнейших уточнений (Там же: 45). А. В. Добровольский отмечал: «Исследованием поселения Бабино III положено начало изучению памятников, характерной особенностью которых является наличие так называемой многоваликовой керамики» (Там же). Благодаря увеличению объема работ на новостройках и накоплению материалов с валиковой керамикой, возрастает интерес к интерпретации и хронологии таких древностей.

В конце первого этапа исследований (в 1950-е гг.) формируются два основных взгляда на культурную принадлежность данных памятников. О. А. Кривцова-Гракова и ее ученица Т. Б. Попова считали, что керамика с валиковой орнаментацией характерна для поздних катакомбных древностей и не является отличительным признаком какой-либо культурной группы. В своей монографии О. А. Кривцова-Гракова на основании типологических особенностей керамики срубных поселений и захоронений на территории бассейна Дона выделила два периода срубной культуры (Кривцова-Гракова 1955: 17). При этом памятники с керамическими комплексами КМК–Бабино были причислены к позднекатакомбным. В своей монографии по катакомбной культуре Т. Б. Попова четко определила место КМК в пласте поздних катакомбных древностей: «Керамика этого этапа довольно специфична. <...> Появившиеся на предшествующем этапе налепные валики широко применяются для орнаментации всех сосудов» (Попова 1955: 30). Отличительная черта в виде валиков не единственная, также исследовательница отметила упрощение самих форм: «Вместо прежних красивых, аккуратных сосудов, покрытых орнаментом, мы видим сосуды более крупных размеров, почти с незаглаженной поверхностью...» (Там же).

В 1960 г. в журнале «Советская археология» выходит статья С. С. Березанской, в которой опубликованы результаты анализа материалов с поселения Бабино III. Автор сопоставляет их с другими памятниками с аналогичными керамическими комплексами и каменными жилищами, отметив при этом особую специфику постройки последних: «Оно указывает на какую-то совершенно особую традицию домостроительства, не находящую себе аналогий среди культур бронзового века на юге Украины и ближе стоящую к трипольскому домостроительству» (Березанская 1960: 38). Грубую и большого размера керамику С. С. Березанская распределила по типам, выявив наиболее встречаемые, а также она определила характерные примеси в тесте сосудов. Маркером культуры автор считает украшение горшков богатым валиковым орнаментом и врезными линиями (Там же: 39). Относительную хронологию изучаемых материалов исследовательница определила по стратиграфии поселений и сделала вывод об их синхронности на определенных этапах с катакомбной и срубной культурами. Сама же КМК, по мнению С. С. Березанской, существовала короткий промежуток времени (Там же: 40).

В специальной статье того же выпуска журнала Т. Б. Попова критикует работу С. С. Березанской, оценивая как необъективные и слабые приведенные аргументы о КМК как особой культурной группе (Попова 1960: 44). Дискуссия шла о принадлежности сосудов с налепными валиками, культурной атрибуции памятников в целом и о территории их распространения. Т. Б. Попова отмечала, что малообъясним факт появления племен КМК на такой большой территории вне связи с предшествующим населением (Там же). Критике подверглись и определенные С. С. Березанской хронологические рамки и периоды синхронности с катакомбной и срубной культурами: «...между тем оказывается, что на территории, занятой этими памятниками, в то же самое время существуют памятники катакомбной и срубной культур...», — писала Т. Б. Попова (Там же). Как видим, споры о датировках и последовательности культур бронзового века в тот период проходили в рамках «короткой хронологии», которая практически не предоставляла КМК–Бабино временной ниши.

2-й этап (с 1960-х гг. по середину 1990-х гг.)

Второй этап изучения памятников финала СБВ связан с бумом новостроечных работ на территории Нижнего Дона, Приазовья, Поволжья, Украины, пополнивших преимущественно базу курганных погребальных комплексов. В то же время следует отметить значимые для нашей темы исследования в начале 1960-х гг. Ливенцовского поселения и крепости (Братченко 1969: 210).

Основным результатом масштабных раскопок 1960–1990-х гг. стала разработка многочисленных региональных схем культурно-хронологического развития памятников бронзового века, основанная в значительной степени на типологии материалов погребений и курганной стратиграфии. Достижением этого этапа явилось четкое типологическое обособление погребений КМК–Бабино от предшествующих катакомбных и последующих срубных комплексов.

Начало второго этапа в историографии финала СБВ неразрывно с концом первого этапа и априори не имеет четких границ. Ряд работ первой половины 1960-х гг. продолжают дискуссии, начатые на первом этапе. Так, несмотря на прозвучавшую критику, С. С. Березанская настаивала на особой культурной принадлежности погребений с сосудами, украшенными характерным валиковым орнаментом. Данные для исследования исследовательница брала из раскопок первой половины XX в. на Нижнем Днепре и в пределах Одесской, Херсонской, Николаевской и Днепропетровской областей Украины (Березанская 1962: 6). В итоге она сделала два важных наблюдения. Во-первых, выявила такую особенность КМК, как скорченность скелетов на левом боку, головой в западный сектор. Во-вторых, взаимовстречаемость в некоторых комплексах украшенных многорядными валиками сосудов с баночной и острореберной керамикой автор посчитала подтверждением своего вывода о синхронности КМК со срубной культурой (Там же: 15).

Иное объяснение места КМК среди культур бронзового века предложил Б. А. Латынин. Ученый считал, что работы Т. Б. Поповой и С. С. Березанской лишены комплексного подхода и представляют лишь типологию вещественного материала (Латынин 1964: 66). По его мнению, для полноты исследования необходимо учитывать всю зону степи и лесостепи Евразии от Днестра до Енисея и от Оки до Южной Туркмении в III, II и начале I тыс. до н. э. (Там же: 70). Проведя сравнение изучаемых материалов с катакомбными и срубными древностями, Б. А. Латынин заключил, что они не относятся к катакомбной культуре, но и не образуют самостоятельного культурного явления. Он утверждал, что речь может идти об «украинском» варианте срубной культуры, образованном под влиянием местной катакомбной культуры, а не в результате миграции племен (Там же). Такое ответственное предположение заставило автора предпринять обширный источниковедческий анализ, учитывая все характеристики памятников КМК.

Важным событием в исследовании финала СБВ является открытие Ливенцовско-Каратаевского комплекса, включающего в себя поселение Ливенцовка I, могильник, а также два монументальных укрепления — Каратаевскую и Ливенцовскую крепости (Братченко 1976). При анализе полученных археологических данных из крепостей С. Н. Братченко сделал два значительных вывода: первый — об отличии материалов Ливенцовской крепости и Ливенцовского поселения, относимых им к одному периоду — финалу СБВ; второй — что керамика с наличием валика в крепости не является преобладающей (Там же). В связи с этим С. Н. Братченко предложил новое название для изучаемой культуры: вместо «культура многоваликовой керамики» — «культура Бабино», по названию памятника, изученного А. В. Добровольским в Днепровском Надпорожье Бабино III, ставшего эталонным (Братченко 1977: 23). Позднее к предложению С. Н. Братченко о переименовании культуры присоединился И. А. Писларий (1991). Находки с поселения Ливенцовка I были соотнесены С. Н. Братченко с Бабино III, а материалы Ливенцовской крепости — с древностями Северного Кавказа и

Восточного Крыма. Ученый отмечал, что «проведенный анализ показывает, что Ливенцовская и Каратаевская крепости относятся к особой культурной группы, неизвестной ранее на Дону» (Братченко 1976: 127). Наиболее полное описание бабинской культуры и каменско-ливенцовской группы было дано С. Н. Братченко в авторской статье коллективной монографии «Археология Украинской ССР». Появление КМК–Бабино ученый связывал с трансформацией катакомбных культур и появлением смешанных памятников с участием племен лесостепной харьковско-воронежской катакомбной группы и среднеднепровской культуры (Братченко 1985а: 457). Угасание Бабино, по мнению С. Н. Братченко, было связано с миграцией срубной и сабашиновской культур (Там же: 458). При описании каменско-ливенцовской группы памятников ученым было отмечено основное отличие от бабинской культуры, которое прежде всего заключалось в керамике, а именно в отсутствии собственно многорядных валиков и прочерченных сложных узоров, покрывающих зачастую всю поверхность сосуда (Братченко 1985б: 462). Также различия были определены в домостроительстве: каменные постройки Каменки и Ливенцовской крепости контрастировали с полужемлянками и глинобитными сооружениями Бабино (Там же).

В 1975 г. И. А. Писларий провел сопоставительный анализ двух групп погребений в срубах на территории бассейна Северского Донца. За основу была взята работа В. А. Городцова 1905 г., дополненная материалами из новых раскопок. В результате исследователь разделил погребения на две большие группы (Писларий 1975: 89). Отличия заключались в размерах ям, конструкции, погребальном инвентаре, позе захороненного и наличии либо отсутствии костей жертвенного животного (Там же: 90). При этом I и II группы сопоставлялись как ранняя — КМК и поздняя — срубная. Важным наблюдением было соотношение костяных поясных пряжек: «костяные кольца с одним большим отверстием в центре, особыми роговыми с выступом...» были отнесены к ранней группе. Те костяные пряжки, у которых было сбоку дополнительное маленькое круглое отверстие, ученый посчитал поздними (Там же). В 1991 г. исследователь окончательно определил рациональность использования термина «культура Бабино» и привел ряд отличительных характеристик КМК от катакомбной и срубной культур (Писларий 1991; 1992). Основные различия заключались не только в инвентаре и, в частности, в керамическом комплексе. Это были особенности в топографии и планировке курганных могильников, надмогильных сооружений, расположении самих погребений в насыпи, способе захоронений и очистительных обрядах, выделяя при этом значимость в племенах КМК–Бабино обряда трупосожжения и изначального возведения курганных насыпей (Писларий 1991: 57). В возведении каменных надмогильных сооружений он прослеживал связь с Кавказом и Закавказьем (Там же: 59). Также основным показателем отличия от других культур бронзового века является положение захороненного с преобладанием направления головой на запад, как правило, скорченно, на левом либо правом боку (Там же: 56).

При исследовании Э. С. Шарафутдиновой Гамовской балки на Северном Кавказе было отмечено явное сходство с находками поселения Каменка в Восточном Крыму и Ливенцовской крепости на Нижнем Дону, что позволило говорить об отнесении этого комплекса к каменско-ливенцовской группе памятников. «Сходство гамовской и ливенцовской керамики по основным характерным типам с их богатой и разнообразной орнаментацией указывает, скорее всего, на культурно-генетическое родство обоих памятников», — отмечала исследовательница (Каминская, Шарафутдинова 1999: 96). Этот факт стал катализатором для дальнейшей дискуссии о культурной принадлежности каменско-ливенцовских материалов. Оппонентом С. Н. Братченко и Э. С. Шарафутдиновой в этом вопросе выступил А. Е. Кислый. По его мнению, памятники каменской культуры Восточного Крыма схожи по материалам с КМК–Бабино и ливенцовскими и в то же время являются более ранними, имеют четко определенную территорию, ограниченную лишь Крымским

полуостровом (Кислый 2000: 208). Продолжением в дискуссии о наименовании и культурном определении выступил в своих работах Г. Н. Тощев. Ученый предложил иное название — «каменско-планерская культура» (Тощев 2007: 171), указывая на значимость материалов поселения Планерское I, что может быть отражено в названии археологической культуры (Там же: 170).

С появлением новых археологических источников С. С. Березанской удалось сопоставить и выявить варианты КМК–Бабино с характерными чертами для каждой определенной территории: юго-западный, среднеднепровский, восточный и нижнеднепровский. Основные отличия заключались в разнообразии орнаментации керамики и своеобразии различных форм погребального инвентаря (топоры, украшения, изделия из кости) (Березанская 1986). Хронологически исследовательница выделила два периода: ранний и поздний (Там же: 39). Каждый этап был сопоставлен с синхронными культурными явлениями. В результате первый период был соотнесен с поздним этапом катакомбной культуры, второй — с ранними покровскими группами (Там же: 35–37).

Локальную классификацию погребений КМК–Бабино для бассейна среднего течения р. Северский Донец предложила О. Р. Дубовская. В основу были положены следующие категории: тип погребального сооружения, ориентация скелета и наличие инвентаря. В качестве отдельного маркера рассматривалось наличие или отсутствие костяных поясных пряжек в захоронении (Дубовская 1985: 19). Результатом стала разработка двух групп, которые в свою очередь делились на подварианты, при распределении на которые учитывалась детальная характеристика положения скелета, особенно положение рук (Там же: 19, 20).

Позже В. В. Отрощенко согласился с критериями О. Р. Дубовской для ранней группы КМК–Бабино, согласно которым определялось отнесение к ней погребений с богатым погребальным инвентарем. Захоронения такого типа были отнесены к женским, из-за наличия разного рода украшений в виде двурожковых бус, очковидных подвесок и т. д. (Отрощенко 1992).

Параллельно работам С. С. Березанской по локально-хронологическому делению памятников КМК–Бабино на территории Украины Э. С. Шарафутдинова проводила анализ имеющихся материалов известных памятников бабинского типа для региона Нижнего Дона. В результате ее наблюдений были выделены основные признаки КМК–Бабино, отражающиеся в типах инвентаря и специфике погребального обряда. Исследовательницей были выделены категории костяных поясных пряжек с их видовыми изменениями в различные периоды формирования КМК–Бабино. Проанализирован керамический комплекс, в котором шло подразделение по типам форм сосудов и их орнаментации (Шарафутдинова 1987: 30–35).

Также Э. С. Шарафутдинова и С. С. Березанская в своих работах проводили сопоставительный анализ между памятниками Бабино и ранними покровскими и северокавказскими комплексами, встречающимися на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Причерноморья. В итоге была предложена картина взаимодействия КМК–Бабино с племенами покровской культуры (Березанская 1987; Шарафутдинова 1990). Датированными изделиями Э. С. Шарафутдинова считала металлические ножи, костяные пряжки и псалии, каменные наконечники стрел и топоры (Шарафутдинова 1987: 44).

Анализ костяных поясных пряжек проводил и В. В. Отрощенко. Ученый выявил, что костяные пряжки с двумя отверстиями разных размеров также относятся к КМК–Бабино и могут являться надежным маркером в выделении культуры (Отрощенко 1978). Позже С. Н. Братченко сопоставил пряжки КМК–Бабино с пряжками гинчинской культуры Северного Кавказа (Братченко 1995: 11). Ученый отмечал, что, несмотря на различия в формах пряжек, кавказские изделия в основном были зооантропоморфной формы, а по системе

расположения отверстий предметы аналогичны (Там же). Анализируя их, С. Н. Братченко выделил три типа, основываясь на различиях формы и их региональной локализации (Там же: 18, 19). В итоге он сделал вывод, что территория распространения пряжек финала СБВ совпадает с предшествующими областями ямной и катакомбной культур, а сами пряжки являются «структурным возрождением в новых формах старых поясных и прочих наременных наборов с молоточковидными булавками» (Там же: 22, 23).

Изучение бабинских древностей приобретает актуальность в районах бассейна Днестра и северо-восточной части Балканского полуострова (В. А. Дергачёв, Е. Н. Савва, И. Пыслару). Публикуются две наиболее обширные работы по изучению проблематики Бабино и бронзового века в целом, включающие в себя все необходимые аспекты для раскрытия особенностей этой культуры: историографию, характеристику памятников, инвентаря, периодизацию и хронологию (Дергачев 1986; Савва 1992). В дальнейшем для балканского варианта Бабино И. Пыслару вводит в научный оборот новое название — «культура Делакэу–Бабино» (Пыслару 2009: 150), отмечая, что в сложение культуры входят как ямный, так и катакомбный элементы, заключающиеся в особенностях погребального обряда (Там же: 151).

Таким образом, второй этап истории изучения памятников КМК–Бабино может быть определен как период их окончательного обособления их от катакомбных и срубных древностей, а также от материалов каменско-ливенцовского типа (работы С. С. Березанской, С. Н. Братченко, И. А. Пыслария). Наметилась тенденция называть изучаемую культуру Днепро-Донского региона по эпонимному поселению на Днестре — «бабинская культура». При этом керамика Ливенцовской крепости, Каменского поселения, Гамовской балки, которая не содержала «богатых многоваликовых и прочерченных композиций» (Братченко 2006: 219), показала, что памятники финала СБВ не ограничиваются кругом древностей КМК–Бабино.

Много было сделано для характеристики локальных вариантов Бабино, в том числе к западу от Днестра и востоку от Дона, для хронологического членения культуры и анализа одного из основных ее маркеров — костяных пряжек (работы С. С. Березанской, Э. С. Шарфутдиновой, О. Р. Дубовской, В. В. Отрощенко и др.).

3-й этап (с конца 1990-х гг. по настоящее время)

Последний этап историографии финала СБВ, начавшийся в середине 1990-х гг., отличается от предыдущих небольшим спадом в накоплении информации и в то же время смещением археологических изысканий в сторону Крыма, Тамани, Кубани и Северного Кавказа. Выявление новых погребальных и поселенческих комплексов со своими интересными отличительными чертами внесло некоторые коррективы в сложившуюся систему. Определенно значимым достижением можно считать калибровку ¹⁴C-дат, благодаря которой древности финала СБВ уверенно заняли свою локацию.

Дальнейшую проработку тематика получила в работах В. С. Бочкарёва, который особое внимание уделил хронологической взаимосвязи культур финала среднего бронзового — позднего бронзового веков. В этих исследованиях КМК–Бабино синхронна с этапами развития покровской культуры, а каменско-ливенцовская группа памятников отнесена к первому этапу бабинских древностей (Бочкарев 2013: 484). В. С. Бочкарёв отметил большое значение изучения металла для понимания межплеменных связей и последующего преобладания Волго-Уральского очага культурогенеза (Там же: 485).

Происходит формирование понятия «блок посткатакомбных культур», обусловленное необходимостью отделения периода финала СБВ от более ранних и поздних древностей (Мимоход 2005; Литвиненко 2011).

Также ряд ученых продолжает развитие концепции С. С. Березанской о локальных вариантах КМК–Бабино. С середины 1990-х гг. Р. А. Литвиненко выпускает работы о месте

памятников КМК–Бабино в системе восточноевропейского бронзового века (Литвиненко 1995; 1996а; 1996б; 1996в; 1998а; 1998б; 1998в; 1999а; 1999б; 1999в). В эти же годы ученый уделяет немало внимания изучению отдельных обрядовых признаков и категорий предметов изучаемого периода. Речь идет и об особенностях каменной архитектуры бабинских курганов (Литвиненко 2000), и об инвентаре древнейших погребений КМК–Бабино (Литвиненко 1997), и об отдельных составляющих этого инвентаря: сурьмяных украшениях (Литвиненко 1996б), костяных пряжках (Литвиненко 1996а), наконечниках стрел (Литвиненко 1998б), производственных наборах (Литвиненко 1998в), отдельных типах керамики (Литвиненко 1999в). В более общих работах уже относительно недавнего периода ученый вводит понятие «культурный круг Бабино», объединяя в нем локальные варианты (Литвиненко 2011: 110). В основе наименований остался территориально-географический принцип, заложенный С. С. Березанской, но с некоторыми существенными коррективами. В итоге Р. А. Литвиненко выделяет следующие подразделения: днепро-донская бабинская культура и днепровско-прутская, последняя делится на днепро-днестровский, днепро-бугский и днестровско-прутский варианты. При этом Р. А. Литвиненко при анализе использует в основном материалы из погребальных комплексов, отмечая, что поселения из-за своей слабой изученности не могут подвергаться анализу (Там же). Общее территориальное расположение КМК–Бабино вписывается между реками Прут и Дон, с условными границами — Приазовье и начало лесной зоны с севера.

Ареал культурного круга Бабино расширился после того, как один из авторов настоящей статьи (А. В. Кияшко) провел исследование по культурам СБВ, комплексы которых найдены в курганах Волго-Донского междуречья. Из общего массива включенных в эту работу погребений был выделен пласт захоронений, по обряду аналогичных с бабинскими комплексами. Наличие в погребальном инвентаре таких характерных вещей, как костяные пряжки и керамика с валиками, позволило ученому соотнести их с первым этапом КМК–Бабино (Кияшко 2003: 31). Большая их часть локализуется в районе Кривой Луки, вследствие чего данному культурному явлению присваивается название «криволукская культурная группа». В дальнейшем тему развивает Р. А. Мимоход, подтверждая выводы А. В. Кияшко о том, что криволукская группа является не чем иным, как частью ареала бабинских племен, и вводит в научный оборот новое, измененное название — «волго-донская бабинская культура» (Мимоход 2014а: 110).

Используя новые данные археологических комплексов, Р. А. Литвиненко выявляет зоны распространения и развития во времени различных типов костяных пряжек днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко 2020: 336), тем самым продолжая работы Э. С. Шарафутдиновой, С. Н. Братченко, В. В. Отрощенко и И. А. Пислария. На основании этих данных и картографирования погребальных памятников Бабино исследователь выдвигает теорию о миграции бабинских племен с запада на восток. Проявлением этого ученый считает военные походы, а захоронения с так называемыми сосудами-амфорками — воинскими комплексами (Там же: 340). Важным аргументом своей теории Р. А. Литвиненко считает доминирование в Донском регионе погребений мужчин в возрасте 20–40/45 лет, захороненных по ритуалу днепро-донской бабинской культуры (Там же: 339).

На последнем этапе историографии были выделены новые культурные группы посткатакомбного блока. Спустя более 20 лет после раскопок на Осетинской равнине С. Н. Кореневский в совместной работе с Р. А. Мимоходом в полной мере публикует археологические материалы и дает им характеристику (Кореневский, Мимоход 2011: 5). При анализе полученных данных становится очевидным выделение новой культурной группы финала СБВ — архонской (Там же). Ученым удалось доказать на основе сопоставительного метода синхронность архонской культурной группы с бабинской и лонинской культурами на втором этапе их существования (Там же: 30). Одним из опорных моментов в определении

хронологии стали фаянсовые бородавчатые и двурожковые бусы с двумя или тремя выступами, являющиеся своеобразным маркером культуры финала СБВ (Там же: 50).

Одновременно в Северо-Западном Прикаспии Р. А. Мимоход на основании материалов курганных комплексов выделяет лолинскую культурную группу финала СБВ (Мимоход 2013). Важное значение в исследовании Р. А. Мимохода имеют полученные из некоторых лолинских и архонских комплексов калиброванные ¹⁴С-даты (Мимоход 2009). Благодаря этим данным произошло уточнение датировок и подтверждение отнесения вышеупомянутых культур к финалу СБВ (Мимоход 2013: 547; 2014б: 77). Сопоставление Лолы с другими синхронными культурными группами позволило выявить линии взаимодействия и контактные точки (Мимоход 2013: 228). Разработанная хронология лолинской культуры и определение характерных комплексов для каждого периода дали возможность сопоставить ее материалы с культурами круга Бабино (Там же: 551, 562).

Попытка деления бабинской культуры на группы была осуществлена С. И. Берестневым. На основании выявленных погребальных комплексов на территории восточнорусской степи ученый выделил две обрядовые группы. Их разграничение основывалось на «социальном критерии», а именно по объему общественного труда, затраченного в процессе самого захоронения и его материального обеспечения (Берестнев 2001: 62).

Особое мнение о культуругенезе финала СБВ принадлежит С. Н. Санжарову. Ученый на основании археологических материалов с поселений Северского Донца сделал вывод об отсутствии КМК–Бабино и покровской культуры в качестве самостоятельных археологических культур. Первую из них он «растворяет» среди позднекатакомбных памятников и именует «финальнокатакомбными древностями», а материалы второй определяет как позднеабашевские (Санжаров 2010: 415). Ученый пишет: «Если на Среднем Дону катакомбная культура эволюционировала, то на Северском Донце финальнокатакомбные древности сформировались в результате катакомбно-абашевского синкретизма и восприняли абашевскую традицию лимитирования всего погребального приданого» (Санжаров 2013: 76). Особенностью данного исследования является использование преимущественно поселенческих комплексов, в отличие от работ Р. А. Литвиненко и Р. А. Мимохода, которые опираются в основном на погребальные памятники.

Своеобразное противоречие двух, казалось бы, диаметрально противоположных взглядов на памятники финала СБВ на самом деле является обоснованием их глубинного единства. Поселенческие материалы, прежде всего керамика, используемые С. Н. Санжаровым, действительно подтверждают локальную преемственность между позднекатакомбными и посткатакомбными группами в различных регионах понто-каспийских степей. Можно утверждать, что глобальных процессов смены населения в финале СБВ не произошло. Помимо керамики преемственность прослеживается и в облике преобладающих изделий кавказской металлургии, и в элементах погребального обряда посткатакомбных погребений, и в ряде категорий украшений и амулетов. Однако общая парадигма погребального обряда претерпела радикальное изменение, не менее значимое, чем смена ям катакомбами в начале СБВ. Достаточно отметить такую радикальную социокультурную трансформацию, как гендерная дифференциация погребального ритуала, в целом не свойственную катакомбному обряду. Таким образом, в отношении древностей изучаемого периода вполне закономерно употреблять термин «блок посткатакомбных культур» финала СБВ.

Поселения этого времени немногочисленны, но в основном очень информативны. Поселение Ливенцовка I в полной мере было исследовано и опубликовано С. Н. Братченко (2006). Материалы выделенной ученым каменско-ливенцовской группы являются своеобразным связующим звеном с культурами Тамани, Крыма, Кубани и Северного Кавказа. Археологические работы, проводимые на Таманском полуострове и в Крыму, связанные со строительством Керченского моста и сопутствующей ему инфраструктуры, открыли

новые материалы синхронного времени. Причем это в значительной степени поселенческие памятники. Поселения, исследованные на Таманском полуострове в 2016 г. — Балка Лисовицкого 4 (раскопки Ю. К. Гугуева и А. В. Кияшко) и Балка Хреева III (раскопки Д. В. Кутукова и В. П. Мокрушина) — являются опорными для этого региона и уникальными памятниками. Их инвентарь обнаруживает близость с материалами Ливенцовской крепости, Каменского поселения, а также с находками Гамовской балки (Кияшко, Ларенок 2020: 101). Однако керамический комплекс еще в большей степени, чем в названных памятниках, далек от традиций КМК–Бабино. Ведущим типом керамики является горшок со слабо- или средневыделенной прямой или отогнутой шейкой, украшенный на горловине одним или двумя рядами наколов. Подобная керамика недавно была в большом количестве встречена при раскопках Дивноморского селища на побережье Черного моря южнее г. Геленджика (Федосов, Белоусов 2020). Вполне возможно, что речь может идти о новой культуре финала СБВ, истоки которой — в дольменной культуре Северо-Западного Кавказа, родственной катакомбным древностям.

В заключение следует отметить, что важной особенностью современного этапа историографии изучения древностей финала СБВ является введение в научный оборот и анализ большого массива новых археологических данных, полученных при раскопках памятников Тамани, Крыма и Северного Кавказа. Полученные материалы имеют специфические характерные черты, существенно отличающиеся от памятников КМК–Бабино, и являются связующим звеном в цепочке взаимоотношений Кавказ — Нижний Дон — Северное Причерноморье.

Литература

- Беляшевский 1892 — *Беляшевский Н. Ф.* Раскопки на Княжьей горе в 1891 г. // Киевская старина. Киев, 1892. Т. 29. С. 61–104.
- Березанская 1960 — *Березанская С. С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. 1960. № 4. С. 26–42.
- Березанская 1962 — *Березанская С. С.* О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. 1962. Вып. 4. С. 5–15.
- Березанская 1986 — *Березанская С. С.* Культура многоваликовой керамики // *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 5–43.
- Березанская 1987 — *Березанская С. С.* Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) // *Артеменко И. И.* (отв. ред.). Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 26–37.
- Берестнев 2001 — *Берестнев С. И.* Восточнукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков: Амет, 2001. 264 с.
- Бочкарев 2013 — *Бочкарев В. С.* К вопросу об относительной хронологии металлопроизводства позднего бронзового века южной половины Восточной Европы (зоны степи и лесостепи) // *Пиотровский Ю. Ю.* (ред.). Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 477–525.
- Братченко 1969 — *Братченко С. Н.* Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. 1969. Т. 22. С. 210–231.
- Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.
- Братченко 1977 — *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // *Телегин Д. Я.* (отв. ред.). Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977. С. 21–43.

- Братченко 1985а — *Братченко С. Н.* Культура многоваликовой керамики // Телегин Д. Я. (отв. ред.). Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985. С. 451–458.
- Братченко 1985б — *Братченко С. Н.* Каменско-ливенцовская группа памятников // Там же. С. 458–462.
- Братченко 1995 — *Братченко С. Н.* Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Бочкарев В. С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпох энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. 2: Материалы конф. и дискуссии (21–25 августа 1995 года, Саратов). СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 8–26 (Археологические изыскания. Вып. 25 (2)).
- Братченко 2006 — *Братченко С. Н.* Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Санжаров С. М. (ред.). Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск: Изд-во Восточнoукраинского национального университета, 2006. Вып. 6. С. 32–307.
- Городцов 1905 — *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Уварова П. С. (ред.). Тр. XII Археологического съезда в Харькове (1902). 1905. Т. 1. С. 174–404.
- Дергачев 1986 — *Дергачев В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. 224 с.
- Добровольский 1957 — *Добровольский А. В.* Поселение бронзового века Бабино III // КСИА АН УССР. Киев, 1957. Вып. 7. С. 40–45.
- Дубовская 1985 — *Дубовская О. Р.* Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья // Археология и краеведение — школе: Тезисы областного семинара (15–16 марта 1985 г.). Донецк: б. и., 1985. С. 19–21.
- Каминская, Шарафутдинова 1999 — *Каминская И. В., Шарафутдинова Э. С.* Жилой комплекс Гамовская балка — новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-Западном Кавказе // АВ. 1999. Вып. 6. С. 86–101.
- Кислый 2000 — *Кислый А. Е.* Каменская культура Восточного Крыма // Научные работы исторического факультета Запорожского ГУ. Запорожье: Изд-во Запорожского ГУ, 2000. Вып. 9. С. 206–228.
- Кияшко 2003 — *Кияшко А. В.* Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 26–37.
- Кияшко, Ларенок 2020 — *Кияшко А. В., Ларенок О. П.* Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове // XV всерос. археологическая конф. студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (материалы конф.). Ростов н/Д.; Таганрог: б. и., 2020. С. 97–106.
- Кнауэр 1893 — *Кнауэр Ф. И.* Раскопки в Бессарабской губернии // Отчет ИАК за 1891 г. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1893. С. 82–86.
- Козубовський 1933 — *Козубовський Ф. А.* Археологічні дослідження на території БОГЕСу 1930–1932 рр. Київ, 1933. 96 с.
- Корневский, Мимоход 2011 — *Корневский С. Н., Мимоход Р. А.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 121 с.
- Кривцова-Гракова 1955 — *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 166 с. (МИА. № 46).
- Латынин 1964 — *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // АСГЭ. 1964. Вып. 6. С. 53–71.
- Литвиненко 1995 — *Литвиненко Р. А.* Территориально-хронологическое соотношение культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской // Бочкарев В. С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 80–83 (Археологические изыскания. Вып. 25 (1)).

- Литвиненко 1996а — *Литвиненко Р. А.* Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: ТД и материалы Российско-украинской науч. конф. и Второго украинско-российского полевого археологического семинара. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 46–50.
- Литвиненко 1996б — *Литвиненко Р. А.* К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): ММК. Донецк: Изд-во Донецкого ГУ, 1996. Ч. 1. С. 65–71.
- Литвиненко 1996в — *Литвиненко Р. А.* Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: МК, посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 98–101.
- Литвиненко 1997 — *Литвиненко Р. А.* Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецкого регіону: Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару. Київ; Вороніж; Перевальськ: б. и., 1997. С. 29–33.
- Литвиненко 1998а — *Литвиненко Р. А.* Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // Кияшко В. Я. и др. (редкол.). Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: ТД VII Донской археологической конф. (22–26 ноября 1998 г., Ростов н/Д.). Ростов н/Д.: б. и., 1998. С. 48–50.
- Литвиненко 1998б — *Литвиненко Р. А.* Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (материалы 4-го Украинско-Российского полевого археологического семинара). Воронеж: б. и., 1998. С. 46–52.
- Литвиненко 1998в — *Литвиненко Р. А.* Погребения КМК с производственным инвентарем // Тощев Г. Н. (отв. ред.). Проблемы изучения катакомбной культурной общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье: Изд-во Запорожского ГУ, 1998. С. 97–105.
- Литвиненко 1999а — *Литвиненко Р. А.* К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в Доно-Волжской лесостепи // Бессуднов А. Н. (отв. ред.). Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: ТД НК. Липецк: Изд-во Липецкого ГПИ, 1999. С. 68–72.
- Литвиненко 1999б — *Литвиненко Р. А.* К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // Зданович Д. Г. и др. (редкол.). Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей: ММК (25 августа — 2 сентября 1999 г., Челябинск, Аркаим). Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 1999. С. 130–132.
- Литвиненко 1999в — *Литвиненко Р. А.* Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Ковальова І. Ф. (відп. ред.). Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя): Матеріали міжнар. археол. конф. Дніпропетровськ: Изд-во Дніпропетр. ГУ, 1999. С. 83–86.
- Литвиненко 2000 — *Литвиненко Р. А.* Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Крыжицкий С. Д. (науч. ред.). Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий: ТД. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 12–19.
- Литвиненко 2011 — *Литвиненко Р. А.* Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 108–123.
- Литвиненко 2020 — *Литвиненко Р. А.* Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 333–357.
- Мимоход 2005 — *Мимоход Р. А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Матеріали

- II-ї Луганської міжнар. історико-археол. конф., присв. 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею (Київ, 26–29 вересня 2005 року). Київ: Шлях, 2005. С. 70–74.
- Мимоход 2009 — *Мимоход Р. А.* Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья // Марченко И. И. (отв. ред.). Пятая кубанская археологическая конференция: МК. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 2009. С. 253–257.
- Мимоход 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).
- Мимоход 2014а — *Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криво-лукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100–119.
- Мимоход 2014б — *Мимоход Р. А.* Радиоуглеродная хронология архонской культурной группы // Коробов Д. С. (отв. ред.). Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: ММНК (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН, 2014. С. 76–80.
- Отрощенко 1978 — *Отрощенко В. В.* О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // Генинг В. Ф., Черненко Е. В. (редкол.). Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.: ТД XVII конф. ИА АН УССР (Ужгород, апрель 1978 г.). Ужгород: б. и., 1978. С. 34–35.
- Отрощенко 1992 — *Отрощенко В. В.* О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины: ТД НК. Харьков: Изд-во Харьковского ГУ, 1992. С. 163–165.
- Писларий 1975 — *Писларий И. А.* О двух культурно-хронологических группах погребений в срубках в бассейне Северского Донца // Баран В. Д. (ред.). Новейшие открытия советских археологов: ТД конф. В 3 ч. Киев: б. и., 1975. Ч. 1. С. 89–91.
- Писларий 1991 — *Писларий И. А.* Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины. Киев: Киево-Печерск. гос. ист.-культ. зап.-ведник, 1991. С. 52–66.
- Писларий 1992 — *Писларий И. А.* О содержании некоторых археологических понятий // Теоретические проблемы исторического исследования. Киев: б. и., 1992. С. 105–116.
- Пислару 2009 — *Пислару И.* Культура Делакэу-Бабино и киммерийская проблема // Старожитності степного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Вып. 15. С. 149–156.
- Попова 1955 — *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до н. э. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 188 с. (Тр. ГИМ. Вып. 3).
- Попова 1960 — *Попова Т. Б.* К вопросу о многоваликовой керамике // СА. 1960. № 4. С. 42–46.
- Савва 1992 — *Савва Е. Н.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). Кишинев: Штиинца, 1992. 226 с.
- Санжаров 2010 — *Санжаров С. Н.* Восточная Украина на рубеже эпох средней–поздней бронзы. Луганск: Изд-во Восточноукраинского национального университета, 2010. 488 с.
- Санжаров 2013 — *Санжаров С. Н.* Проблемы финала катакомбного культурогенеза и керамический комплекс поселения Бабино III // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. 2013. Вып. 12. С. 53–81.
- Тощев 2007 — *Тощев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во Запорізького НУ, 2007. 304 с.
- Федосов, Белоусов 2020 — *Федосов М. Ю., Белоусов А. В.* Археологические раскопки на селище Дивноморское в 2017–2018 гг. // Лопатин Н. В. (отв. ред.). АО 2018 года. М.: ИА РАН, 2018. С. 262–264.
- Шарафутдинова 1987 — *Шарафутдинова Э. С.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Ковалева И. Ф. (отв. ред.). Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ГУ, 1987. С. 27–48.

Шарафутдинова 1990 — Шарафутдинова Э. С. Нижнедонские памятники культур многоваликовой керамики в системе древностей Юго-Восточной Европы // Кершнер-Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. (редкол.). Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (Эпоха бронзы и раннего железа): Краткие ТД НК, посвящ. 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Л.: б. и., 1990. С. 27–47.

NEW DEVELOPMENTS IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE FINAL MIDDLE BRONZE AGE OF THE BLACK SEA STEPPES AND FOREST-STEPPE BETWEEN THE DON AND THE PRUT

A. V. KIYASHKO, O. P. LARENOK

Keywords: *historiography, final Middle Bronze Age, Multiroller Ware culture, Babino culture, Kamensk-Liventsovka group, Lower Don, North Black Sea region, V. A. Gorodtsov, S. N. Bratchenko, S. S. Berezanskaya, I. A. Pislariy, V. V. Otroshchenko, Babino III, Liventsovka fortress.*

The paper is devoted to the history of the study of the final Middle Bronze Age in the steppes and forest-steppes of the Black Sea region. The authors distinguish three stages, each of which differs from the others in the exploration degree and the character of methodological approaches. The finds of relief band ceramics and peculiar bone buckles were first mentioned in the late XIX c. The first burial assemblages were described by V. A. Gorodtsov in the beginning of the XX c., but initially they were ascribed to the Srubnaya culture. The further developments took place in connection with the excavations of settlements (first of all, Babino III), interpretation of new materials and identification of the distinct Multiroller Ware culture (MWC). During the second stage, S. N. Bratchenko introduced the term «Babino culture» synonymous to MWC, and the Kamensk-Liventsovka type of sites was distinguished. Hundreds of new burial assemblages of the MWC/Babino culture were excavated. S. S. Berezanskaya, V. A. Dergachev, V. V. Otroshchenko, E. N. Sava, E. B. Sharafutdiniva elaborated the question of the spatial and chronological division of the final Middle Bronze Age sites. The third stage is characterized first of all not by the quantitative increase of materials, but by improvements in the techniques and methodology of their study. Of special note is the new chronology of steppe cultures and the conception of the block development of cultures in the so called hearths of culturegenesis (V. S. Bochkarev), which allowed to broaden the chronological limits of the MWC/Babino culture. A significant contribution to this subject was made by S. N. Bratchenko, R. A. Litvinenko, R. A. Mimokhod. Recent discoveries of peculiar Middle and Late Bronze Age sites in the Crimean and Taman peninsulas are likely to mark the beginning of a new stage in this historiography.

ЮЖНАЯ СИБИРЬ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАРАСУКСКОГО ВРЕМЕНИ ПОД ГОРОЙ ГЕОРГИЕВСКОЙ В 2006 г. (МОГИЛЬНИК ТЕСЬ-IX)¹

О. В. КОВАЛЁВА, П. Б. АМЗАРАКОВ, А. В. ПОЛЯКОВ²

Ключевые слова: Минусинские котловины, Минусинский район Красноярского края, период поздней бронзы, курган, погребение, элитарные сооружения.

В статье публикуются материалы раскопок в 2006 г. четырех курганов, датируемых периодом поздней бронзы (XIII–XII вв. до н. э.). Два из них за счет размеров ограды и сохранившейся насыпи могут рассматриваться как элитарные сооружения. Удалось проследить дополнительные признаки подобных сооружений: наличие облицованной камнем насыпи над могилой и многочисленные остатки сопроводительной мясной пищи, представленные костями различных видов домашних животных (коров, овец).

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-205-218

Центральная часть Минусинских котловин в районе впадения р. Абакан в Енисей в карасукское время (XV–IX вв. до н. э.) приобретает особое значение. Она отличается многочисленностью курганов в составе могильников и большим числом сопроводительного инвентаря в погребениях. К сожалению, этот регион не попал в зону работ Красноярской экспедиции в 1960-х гг. В результате на его территории не исследованы крупные кладбища, за исключением могильного поля Тагарский Остров IV (Лысуха I), где раскопано 74 захоронения (Вадецкая 1986: 74). Таким образом, любые, даже не очень значительные, раскопки приобретают большое значение.

К числу подобных, весьма ограниченных по объему, исследований относятся раскопки могильника Тесь-IX, которые проводились О. В. Ковалёвой и П. Б. Амзараковым в 2006 г. Могильник расположен на склоне горы Георгиевской в 3,5 км к западу от с. Тесь Минусинского района Красноярского края. В июле–августе 2006 г. были проведены исследования курганов 10, 17, 19, 40. Раскопки велись экспедицией Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова под руководством научного сотрудника отдела фондов музея О. В. Ковалёвой при участии П. Б. Амзаракова. Финансирование проекта осуществлялось на общественных началах за счет спонсорской помощи А. Наглера и коммерческих организаций г. Минусинска.

Могильник расположен в долине крупной реки Тубы на пологом западном склоне и подошве горы Георгиевской. Гора Георгиевская и противостоящая ей с юго-запада гора

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие».

² О. В. Ковалёва — Хакасский НИИЯЛИ; г. Абакан, 655017, Республика Хакасия, Россия; П. Б. Амзараков — АНО «Археология Хакасии»; рп. Пригорск, 655156, Республика Хакасия, Россия; А. В. Поляков — ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

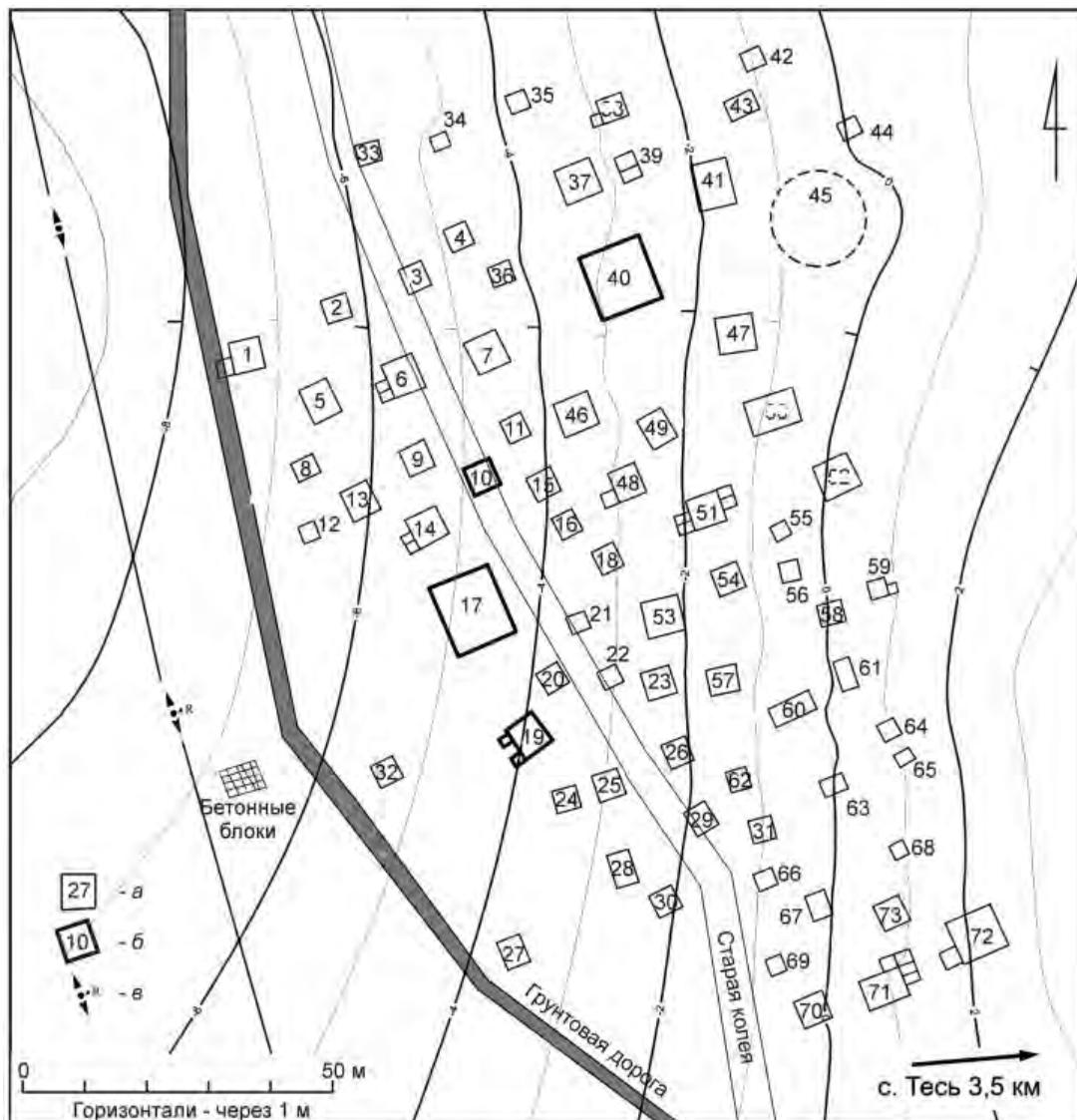

Рис. 1. План части могильного поля Тесь-IX (а — ограда и номер кургана; б — исследованный курган; в — столб электроопоры, репер)

Fig. 1. Plan of a part of Tes'-IX burial field (a — enclosure and barrow number; b — excavated barrow; в — power tower, datum)

Ильинская являются господствующими вершинами местности. Между ними пролегает небольшая, сужающаяся к выходу к реке (к северу) межгорная долина. Предположительно в древности по этой долине протекал ручей. В северной части долина резко обрывается высокой надпойменной террасой, спускающейся к пойме р. Тубы. Вся территория долины и пологих склонов гор Георгиевская и Ильинская изобилует разновременными памятниками археологии, от эпохи энеолита до раннего средневековья. Помимо погребальных и поселенческих памятников на горах Георгиевской и Ильинской расположены большие комплексы петроглифов различных эпох.

Протяженность непосредственно могильника Тесь-IX — более 2 км. Ширина варьирует от 200 до 400 м. Он насчитывает не менее 500 курганов, поэтому производилась инструментальная съемка только отдельного его участка (рис. 1). В южной части могильника концентрируются курганы малых и средних размеров. В северной части встречаются

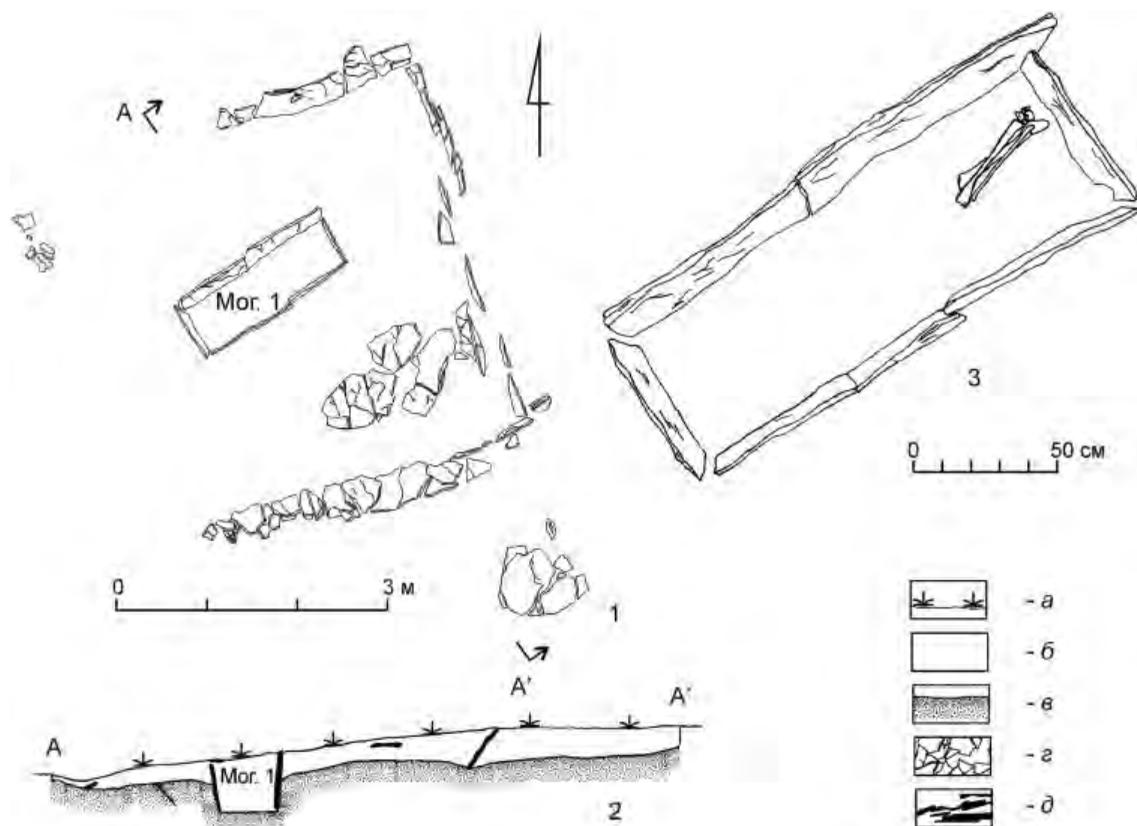

Рис. 2. Тесь-IX, кург. 10: 1, 2 — план и разрез ограды; 3 — мог. 10, план (здесь и далее: *a* — дерновый слой; *b* — насыпь; *v* — материк; *z* — камни в плане; *d* — камни в разрезе)
 Fig. 2. Tes'-IX barrow 10: 1, 2 — plan and cross-section of the enclosure; 3 — grave 10, plan (hereafter: *a* — turf later; *b* — mound; *v* — native soil; *z* — stones in plan; *d* — stones in cross-section)

очень крупные (для карасукского времени) курганы размерами 10 × 10 м и более с сильно оплывшей насыпью, высотой в отдельных случаях более 1 м. Такой тип погребальных конструкций и надмогильных сооружений нетипичен для периода поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины и ранее практически не исследовался.

Курган 10

Долгое время по поверхности кургана пролегла грунтовая дорога, от которой осталась колея местами глубиной до 0,6 м от уровня дневной поверхности. В результате была полностью уничтожена западная стенка ограды кургана и частично нарушена западная часть погребального каменного ящика. В ходе расчистки установлено, что ограда из вертикально вкопанных плит имела прямоугольную форму размерами 4,0 × 4,5 м (рис. 2, 1, 2). В центральной части находилось единственное погребение — могила 1.

Могила 1. В центре ограды — каменный ящик прямоугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 1,75 × 0,60 м и высотой 0,5–0,6 м, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 2, 3). Плиты перекрытия в процессе ограбления были отброшены к югу от могилы. Осевые линии ограды и могилы не совпадают. Конструкции могилы развернуты на 15° против часовой стрелки по отношению к ориентации стенок ограды. Погребение было ограблено в древности. Основная часть костей человека была обнаружена в заполнении могилы. На дне в положении *in situ* сохранились только кости голеней, которые позволяют предположить, что погребенный (мужчина 30–40 лет)

был положен в могилу головой в юго-западном направлении на левом боку или полубоку. Сопроводительный инвентарь в захоронении не обнаружен.

Курган 17

Этот курган — одно из крупнейших сооружений в этой части могильника. До начала раскопок представлял собой сильно оплывший земляной холм диаметром около 15 м и высотой до 1 м без видимых каменных конструкций. После снятия насыпи была выявлена прямоугольная ограда кургана из вертикально вкопанных плит девонского песчаника красноватого цвета размерами 11,5 × 9,0 м, ориентированная длинными сторонами по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 3). В центральной части находилось единственное погребение — могила 1. Внутри ограды вокруг могилы прослежено кольцо диаметром около 8 м из горизонтально лежащих плит песчаника. Вероятно, это сохранившаяся часть облицовки надмогильного сооружения.

Могила 1. В центре ограды — каменный ящик прямоугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 1,80 × 0,85 м и высотой около 0,75 м, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 4, 1). Погребение потревожено в древности — в заполнении могилы были найдены кости человека и животных, а также фрагменты донной части керамического сосуда (рис. 4, 3). Не было найдено ни одного фрагмента тулова и венчика сосуда, что позволяет предположить, что в погребение был помещен горшок с отбитым венчиком. На дне могилы зафиксированы сдвинутые к южной стенке кости левой руки, несколько ребер и левая ключица мужчины 35–45 лет. В восточной части погребения зафиксировано скопление костей коровы (ребра) и двух овец (лопатки, ребра, плечевая, бедренная и берцовые кости). В западной части погребения на дне могилы найден фрагмент сильно окислившейся бронзовой бляшки, возможно, небольшого зеркала (рис. 4, 2).

Курган 19

До начала работ на поверхности степи прослеживались верхние края вертикальных плиток ограды и пристроек к ней. В результате работ была выявлена прямоугольная конструкция основной ограды кургана размерами 7,5 × 4,5 м, развернутая длинными сторонами по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 5). С ЗЮЗ стороны к ней были сделаны две детские пристройки из вертикально вкопанных плит песчаника. Пристройка 1 с могилой 2 имела размеры 1,5 × 1,5 м, а пристройка 2 (возле южного угла основной ограды) с могилой 3 — 2,5 × 2,0 м.

В центральной части основной ограды кургана было обнаружено надмогильное сооружение в виде куполовидной конструкции из горизонтально положенных плит песчаника. Она представляла собой небольшую овальную земляную насыпь 5 × 4 м, высотой до 0,3 м, покрытую сверху 1–2 слоями плиток песчаника. В центре конструкции зафиксирован грабительский лаз.

Могила 1. В центре основной ограды находился каменный ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 1,75 × 0,90 (ЗЮЗ) × 0,85 (ВСВ) м и высотой около 0,60 м, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 6, 1). Перекрытие могилы сохранилось только частично и, вероятно, было сделано из одной или нескольких плит песчаника. Погребение было сильно потревожено, ни одна из костей не была обнаружена *in situ*. В заполнении и на дне могилы были встречены переотложенные грабителями кости женщины старше 50 лет, кости овцы (правая лопатка, ребра, позвонок), пяточная кость коровы и фрагменты лощёного керамического сосуда со слегка уплощенным дном (рис. 6, 2). В ЗЮЗ части погребения на дне могилы была найдена массивная полусферическая бронзовая пуговица (рис. 6, 7), одно целое бронзовое височное кольцо и два фрагмента от другого височного кольца (рис. 6, 3–5), фрагмент бронзовой

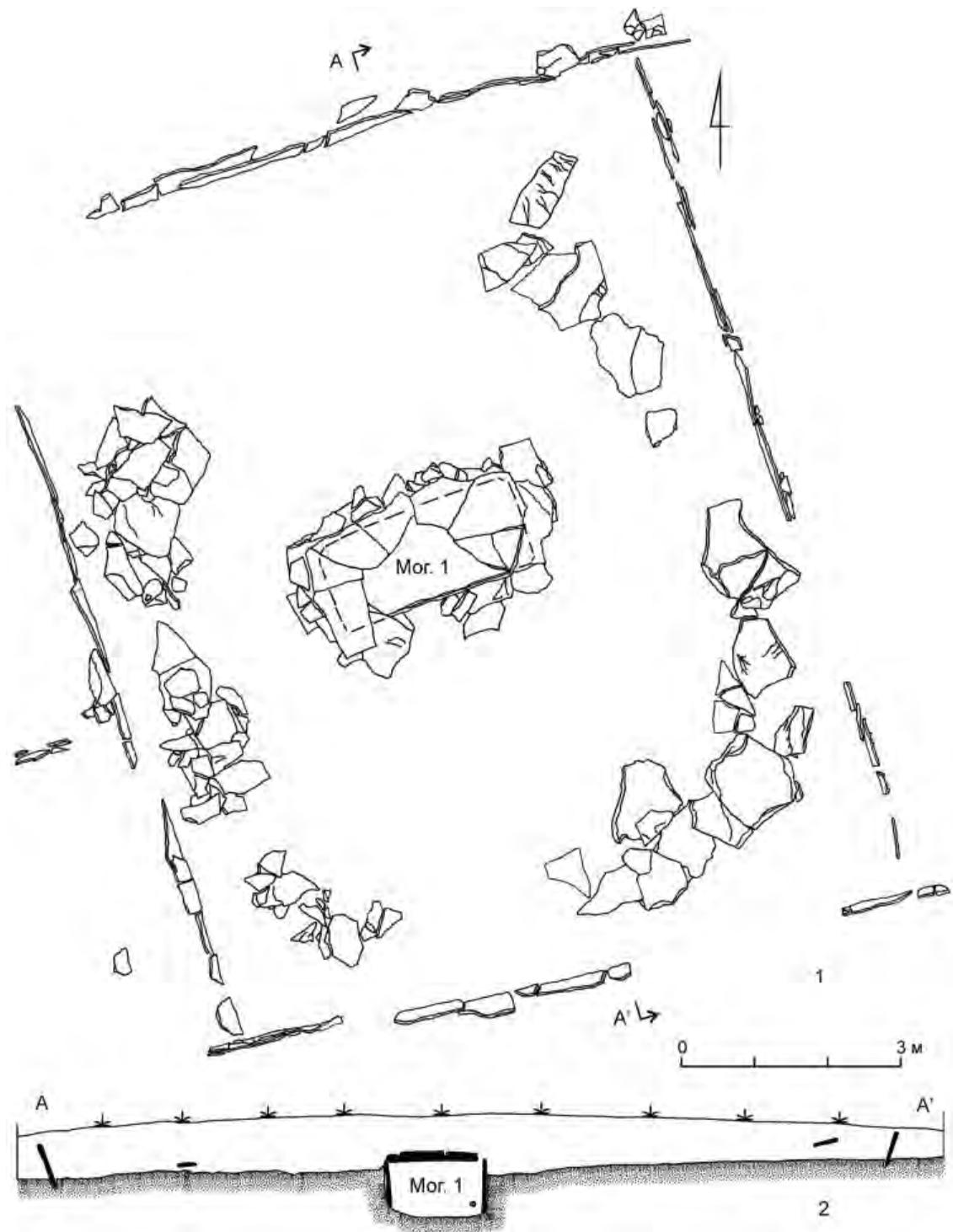

Рис. 3. Тесь-IX, кург. 17, план и разрез ограды

Fig. 3. Tes'-IX barrow 17: plan and cross-section of the enclosure

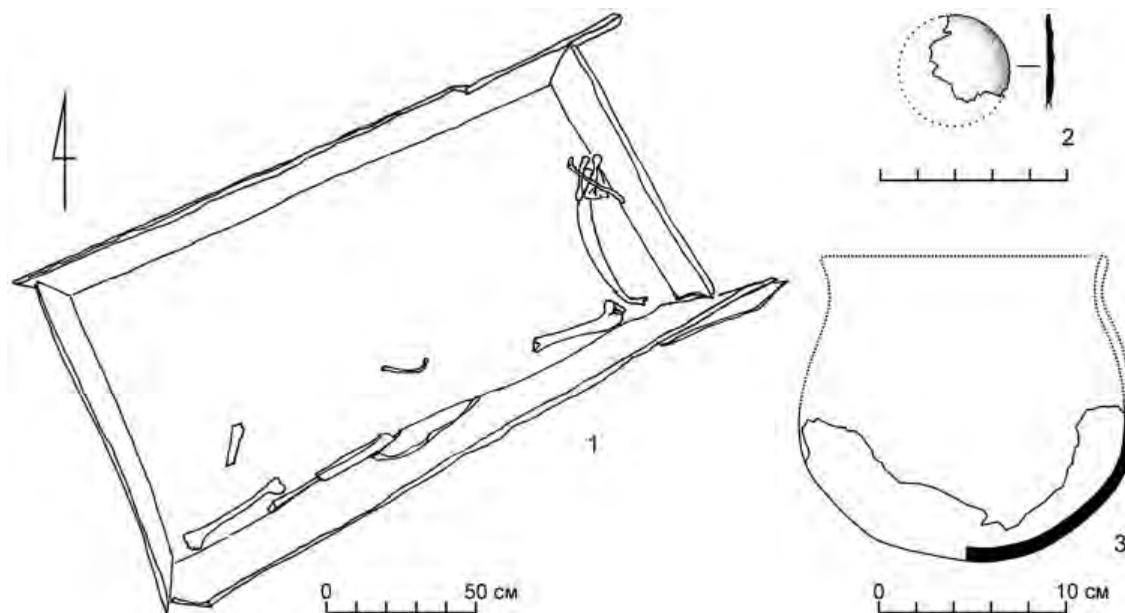

Рис. 4. Тесь-IX, кург. 17, мог. 1: 1 — план; 2, 3 — инвентарь. 2 — медь (?); 3 — керамика
 Fig. 4. Tes'-IX barrow 17, grave 1: 1 — plan; 2, 3 — inventory. 2 — copper (?); 3 — ceramics

бляхи (рис. 6, 6). На основании положения останков погребенной можно определить только ориентацию — головой на ЗЮЗ.

Могила 2 находилась в пристройке 1. Она представляла собой каменный ящик прямоугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 0,85 × 0,50 м и высотой около 0,45 м, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 6, 8). Погребение было ограблено в древности. В заполнении и на дне могилы встречены переотложенные грабителями останки погребенного (ребенок, возраст 1,5–2,0 г), кости молодой овцы (правая лопатка, ребра, большая берцовая и плечевая), а также бронзовые украшения — две пронизки (рис. 6, 9, 10), три небольших височных кольца (рис. 6, 11–13), четыре восьмеркообразные выпуклые бляшки (рис. 6, 14–17), одна плоская удлиненная бляшка в виде трех соединенных окружностей (рис. 6, 18) и три бронзовые выпуклые бляшки с двумя отверстиями по краям (рис. 6, 19–21). В западном углу погребения был обнаружен стоящий *in situ* неповрежденный лощеный круглодонный керамический горшок без орнамента (рис. 6, 22).

Могила 3 находилась в пристройке 2. Она представляла собой каменный ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 0,60 × 0,45 (ЗЮЗ) × × 0,30 (ВСВ) м, высотой около 0,40 м, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 6, 23). По отношению к стенкам ограды пристройки ящик смещен на 5° по часовой стрелке. Погребение ограблено в древности. В заполнении могилы были встречены кости двух новорожденных младенцев и кости овцы. Других находок нет.

Курган 40

Этот курган — одно из крупнейших сооружений в этой части могильника. До начала раскопок представлял собой сильно оплывший земляной холм диаметром около 14 м и высотой до 1 м без видимых каменных конструкций. После снятия насыпи была выявлена прямоугольная ограда кургана из вертикально вкопанных плит девонского песчаника красноватого цвета размерами 12,0 × 9,5 м, ориентированная длинными сторонами по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 7). В центральной части находилось единственное погребение — могила 1.

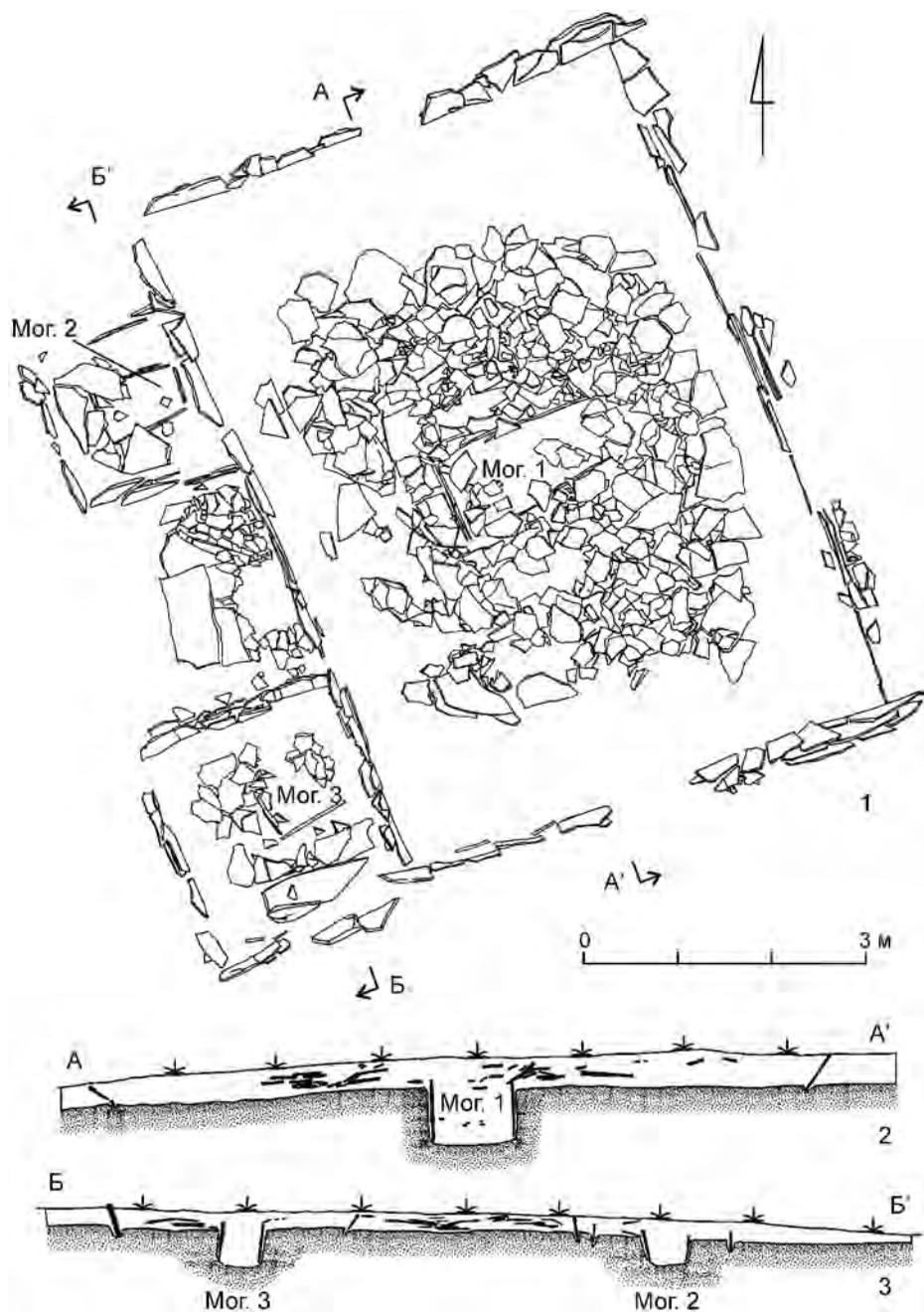

Рис. 5. Тесь-IX, кург. 19, план (1) и разрезы оград (2, 3)

Fig. 5. Tes'-IX barrow 19: plan (1) and cross-section of the enclosures (2, 3)

Над ней было зафиксировано надмогильное сооружение в виде куполовидной конструкции из горизонтально положенных плит песчаника. Она представляла собой земляную насыпь $5,5 \times 5,0$ м, высотой до 0,45 м, покрытую сверху 1–2 слоями плиток песчаника.

Могила 1. В центре ограды расположен каменный ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами $2,00 \times 0,90$ (ЗЮЗ) \times $0,75$ (ВСВ) м и высотой около 0,60 м, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 8, 1). Погребение потревожено в древности — в заполнении могилы были встречены фрагменты керамики, костей человека и животных, а также два каменных куранта зернотерки (рис. 8, 4, 5).

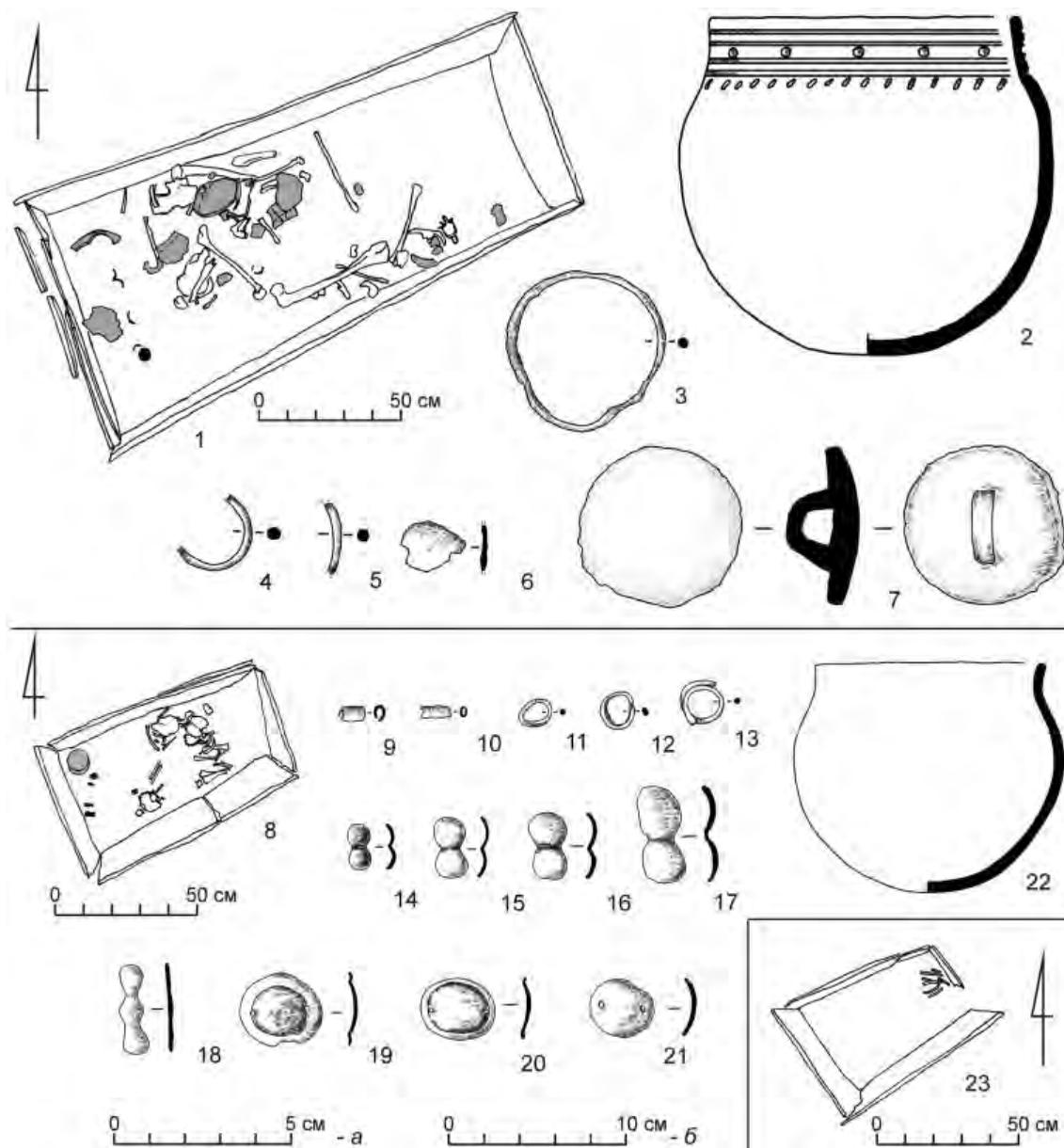

Рис. 6. Тесь-IX, кург. 19: 1-7 — мог. 1, план и инвентарь; 8-22 — мог. 2, план и инвентарь; 23 — мог. 3, план. 3-7, 9-21 — медь (?); 2, 22 — керамика. Масштаб: а — 3-7, 9-21; б — 2, 22

Fig. 6. Tes'-IX barrow 19: 1-7 — grave 1, plan and inventory; 8-22 — grave 2, plan and inventory; 23 — grave 3, plan. 3-7, 9-21 — copper (?); 2, 22 — ceramics. Scale: a — 3-7, 9-21; b — 2, 22

На дне могилы зафиксированы сдвинутые к южной стенке кости голенистопа человека. В южной части погребения были найдены кости передних конечностей и ребра взрослой коровы, а в северной части — лопатка взрослой коровы, кости передних конечностей и ребра молодой овцы. Здесь же, в северной части погребения, на дне обнаружено бронзовое височное кольцо (рис. 8, 2). В северо-западном углу погребения на дне, а также в заполнении могилы, были найдены фрагменты керамического сосуда (рис. 8, 3). В юго-западной части погребения на уровне 0,40 м от дна погребения находился череп человека, мужчины 45-50 лет. В заполнении могилы был также найден фрагмент теменной части черепа крупного мужчины, вероятно, переброшенный грабителями из другой могилы. Других находок в погребении нет.

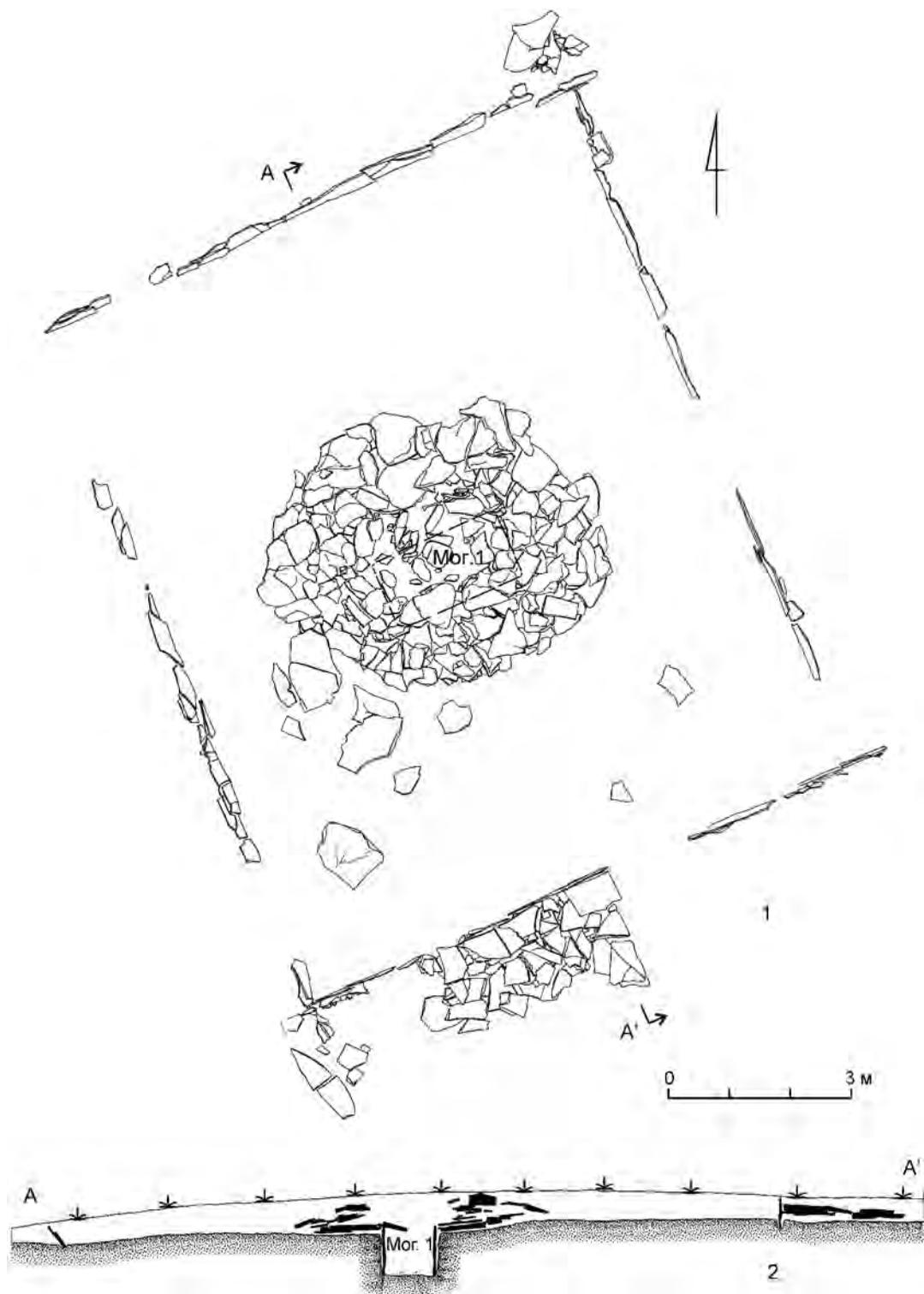

Рис. 7. Тесь-IX, кург. 40, план (1) и разрез ограды (2)

Fig. 7. Tes'-IX barrow 40, plan (1) and cross-section of the enclosure (2)

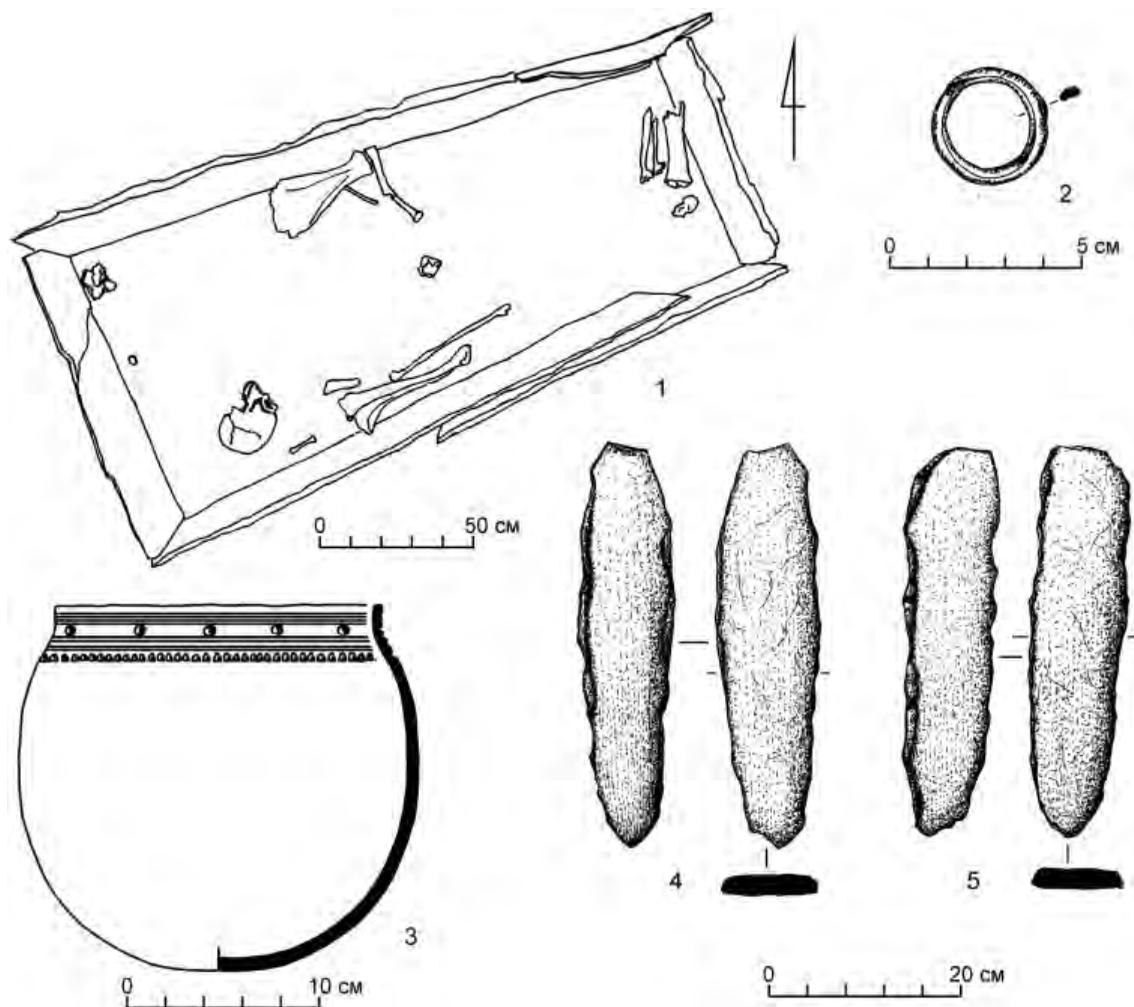

Рис. 8. Тесь-IX, кург. 40, мог. 1: 1 — план; 2–5 — инвентарь. 2 — медь (?); 3 — керамика; 4, 5 — камень

Fig. 8. Tes'-IX barrow 40, grave 1: 1 — plan; 2–5 — inventory. 2 — copper (?); 3 — ceramics; 4, 5 — stone

* * *

Анализируя конструкции курганов, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь изученных захоронений можно с полной уверенностью относить их сооружение ко II этапу периода поздней бронзы (ППБ) по хронологической схеме А. В. Полякова и И. П. Лазаретова (Поляков 2006; 2020; 2022: 266–274; Лазаретов, Поляков 2008). Согласно периодизации М. П. Грязнова, они датируются финальной частью карасукского («классического») этапа карасукской культуры (Вадецкая 1986: 51–76). На основании радиоуглеродных дат схожих памятников абсолютную дату можно определить в пределах XIII–XII вв. до н. э. (Поляков 2022: 296–310).

К сожалению, все изученные погребения оказались ограблены, и, следовательно, скелеты были потревожены и перемещены, а большинство бронзовых изделий из могил извлечены. Это затрудняет изучение погребального обряда данной группы курганов. Однако даже те немногочисленные свидетельства, которые сохранились, показывают, что в целом никаких радикальных отличий от ранее изученных памятников нет. Погребения совершались на боку или полубоку, головой в юго-западном направлении (Поляков 2009б). Такая

ориентировка более характерна для следующего, III, этапа ППБ, однако и для захоронений II этапа она отмечена для части могил, расположенных преимущественно в составе наиболее южных могильников (Грязнов и др. 2010: 100, табл. 11).

Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в погребениях, также не оставляет сомнений в отнесении этих четырех курганов ко II этапу ППБ. В первую очередь это керамические сосуды, орнаментированные по шейке резными линиями. Необходимо отметить, что композиция довольно редкая: две группы резных линий разделены наколами и дополнены ниже оттисками штампа (рис. 6, 2; 8, 3). Аналогии им очень немногочисленны. Среди наиболее близких следует обратить внимание на сосуд из могилы 1 кургана 114 могильника Малые Копёны III (Зяблин 1977: рис. 5, 21). Однако ключевое значение при сравнении имеют материалы могильника Тесь I, раскопанного С. В. Киселёвым в 1928 г., здесь же, под горой Георгиевской (Вадецкая 1986: 69). В его материалах в могилах 6 и 7 обнаружены сразу три сосуда со схожей орнаментацией (Киселёв 1929: табл. 2, 15, 20, 24). Таким образом, можно предполагать, что подобная композиция является региональной спецификой.

Бронзовые изделия очень типичны для погребений этого времени и представляют собой элементы погребального костюма и украшения, преимущественно женские (Поляков 2000; 2008; 2022: рис. 138). Это пронизки, височные кольца разных размеров, пуговицы, нашивные бляшки с отверстиями по краям и ярусные бляшки (рис. 6, 3–7, 9–21). Отметим, что практически все они найдены в могилах 1 и 2 кургана 19, где захоронены женщина старше 50 лет и, вероятно, девочка. В остальных курганах, где зафиксированы погребения мужчин, бронзовые изделия единичны.

Отдельно стоит отметить обнаружение в заполнении могилы кургана 40 двух курантов зернотерок (рис. 8, 4, 5). Нет уверенности, что они непосредственно были положены в могилу при совершении захоронения. Сейчас раскопано уже более 3500 могил, и ни одного подобного изделия в них найдено не было, что предполагает отсутствие такой традиции. Но учитывая, что погребение в кургане 40 элитарное, нельзя исключать возможный выход за рамки общепринятого обряда. Следует отметить, что детали зернотерок — очень распространенная находка на поселениях этого времени (Савинов 1996: 27, 28; Поляков и др. 2022: 50, 51). Однако их верхние куранты отличаются наличием закраин, отсутствующих на представленных образцах. Именно в карасукское время в рационе жителей Минусинских котловин впервые появляется такой злак, как просо, что влекло за собой использование зернотерок. Это установлено на основе изучения палеодиеты методом изотопного анализа костей человека (Svyatko et al. 2013).

Согласно погребальному обряду этого времени, практически во всех могилах обнаружены кости домашних животных, представляющие собой остатки сопроводительной мясной пищи (Грязнов и др. 2010: 52, 100, 101, табл. 13, 14). Обычно это несколько кусков мяса домашних животных (овцы, коровы), которые ставились в могилу на деревянном блюде. В отношении исследованных курганов следует отметить, что в могилах найдены остатки от разных особей. Так, в мужских захоронениях курганов 17 и 40 представлены кости от двух разных овец и коровы. В женской могиле 1 кургана 19 обнаружены кости овцы и коровы. Только в детской могиле 2 кургана 19 все зафиксированные кости относятся к одной особи овцы. Это является важным показателем престижности этих захоронений, а вкупе с внушительными размерами сооружений указывают на их элитарность.

Как отмечают сами исследователи, выбор части курганов для проведения раскопок был обусловлен их значительными размерами и огромными, по меркам карасукского времени, насыпями. Действительно, среднестатистические размеры курганов этого времени (II этап ППБ) невелики — 5 × 4 м (Поляков 2009а: 471, 472; 2022: 266). На этом фоне курган 17 (ограда 11,5 × 9,0 м) и 19 (ограда 12,0 × 9,5 м) могильника Тесь-IX, безусловно, являются очень значительными и указывают на их особый статус.

Однако наибольшее значение имеют размеры насыпей данных курганов. Чаще всего кладбища карасукского времени совершенно не выделяются на уровне современной степи, представляя собой абсолютно ровные участки, на которых с трудом прослеживаются едва выступающие верхние грани вертикально установленных плит оград и каменных ящиков. Наличие сохранившихся насыпей, чаще всего высотой не более 0,3–0,4 м, является исключительным случаем. Например, они были зафиксированы при раскопках некоторых курганов могильника Сухое Озеро II (Максименков, Вадецкая 2022: 32). Причем можно сразу отметить, что размеры этих курганов также заметно превышают среднестатистические.

Традиционно считается, что надмогильные сооружения карасукского времени были очень незначительны и представляли собой небольшой земляной холмик непосредственно над могилой. Он быстро разрушался и практически полностью нивелировался, не оставляя после себя следов. Наличие в отдельных случаях сохранившихся насыпей высотой около 1 м позволяет предполагать, что первоначально это были еще более масштабные сооружения, занимавшие значительную часть оград. То есть для элитарных сооружений карасукского времени можно считать доказанным существование значительных земляных надмогильных сооружений.

Одной из возможных причин столь хорошей сохранности высоких земляных насыпей могильника Тесь-IX является наличие под ними каменных конструкций. В двух случаях (кург. 19 и 40) были прослежены сооружения в виде «купола» диаметром 4,5 и 5,5 м. Их можно интерпретировать как облицовку земляной насыпи над могилой каменными плитами в один-два слоя. На площади кургана 17 вокруг центральной могилы прослежено кольцо из горизонтально положенных плит диаметром около 8 м. Вероятно, это остатки такого же «купола», от которого сохранилось только основание.

Существование подобных «куполов» ранее отмечалось исследователями. Однако ввиду крайней редкости подобных конструкций хорошей сохранности детально они не исследовались. Можно предполагать, что первоначально это было не столь редким явлением, однако плиты облицовки были легкодоступны и, вероятно, активно переиспользовались в качестве строительного материала при сооружении более поздних курганов. Таким образом, сооружения могильника Тесь-IX являются наиболее яркой иллюстрацией существования в карасукское время традиции облицовки надмогильных сооружений курганов каменными плитами.

В процессе раскопок этого памятника сделано еще одно интересное наблюдение. В ходе исследования кургана 10 было обнаружено значительное расхождение осей оград и могилы (около 15°). Можно предположить только два варианта объяснения этого явления. Первый предполагает значительный хронологический разрыв между строительством оград и могилы. Большинство исследователей склоняются к мнению, что в качестве ориентира для оси сооружения кургана могла выступать точка на горизонте, где всходит или заходит солнце. Можно предположить, что вначале была построена ограда, а могила по какой-то причине сооружалась через значительное время, за которое эта точка на горизонте сместилась на 15°. Второй вариант предполагает обратную последовательность. Сначала возводилась могила и перекрывалась круглым по форме надмогильным сооружением, после чего осевая линия погребения переставала быть видна. Затем сооружалась ограда, и, с учетом отсутствия видимых надежных ориентиров, могли возникать ошибки в соосности двух основных элементов кургана. К сожалению, пока надежных аргументов для выбора одной из версий нет.

Подводя итог анализу исследованных сооружений могильника Тесь-IX, прежде всего следует обратить внимание на существование в карасукское время элитарных погребальных сооружений, которые присутствуют в составе преимущественно очень крупных могильных полей, насчитывающих не менее нескольких сотен курганов. Эти особые курганы

выделяются размерами ограды и значительным надмогильным сооружением (насыпью), иногда облицованным каменными плитами. Другой важный признак — наличие в погребениях в качестве следов сопроводительной пищи костей нескольких животных, иногда разных видов (овцы, коровы и изредка лошади). К сожалению, практически повсеместное ограбление могил этого периода не позволяет добавить в список этих признаков «богатство» и многочисленность сопроводительного инвентаря.

Особое значение могильника Тесь-IX заключается в хорошо сохранившихся надмогильных сооружениях, которые предоставляют возможность проследить строительные особенности этих конструкций. Наиболее интересны «купола» — облицовка земляного надмогильного сооружения плитками песчаника в один-два слоя. Они позволяют не только уточнить технические параметры этих сооружений, но и дают возможность оценить размеры земляной насыпи, которая возводилась над могилами.

Литература

- Вадецкая 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Грязнов и др. 2010 — Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 200 с.
- Зяблин 1977 — Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копёны 3. М.: Наука, 1977. 144 с.
- Киселёв 1929 — Киселёв С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году. Минусинск, 1929. 162 с. (Ежегодник гос. музея им. Мартьянова. Т. 6, вып. 2).
- Лазаретов, Поляков 2008 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Шамшин А. Б. (отв. ред.). Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы: Сб. науч. тр. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Максименков, Вадецкая 2022 — Максименков Г. А., Вадецкая Э. Б. Могильник Сухое озеро II как отражение раннего этапа карасукской культуры. СПб.: ИИМК РАН; Вологда: Древности Севера, 2022. 383 с.
- Поляков 2000 — Поляков А. В. Соотношение половозрастных определений и бронзового инвентаря (по материалам погребений карасукской культуры) // Материалы XXXVIII Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГУ, 2000. С. 25–27.
- Поляков 2006 — Поляков А. В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2006. 26 с.
- Поляков 2008 — Поляков А. В. Хронология и локализация некоторых типов украшений (по материалам погребений карасукской культуры) // Тишкин А. А. (отв. ред.). Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: Сб. науч. тр. Барнаул: Азбука, 2008. С. 79–82.
- Поляков 2009а — Поляков А. В. Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры // *Stratum plus*. 2009. № 2. С. 451–482.
- Поляков 2009б — Поляков А. В. Положение тела погребённого в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Тугужекова В. Н. (отв. ред.) и др. (редкол.). Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы: ММНК, посвящ. 65-летию Хакасского НИИЯЛИ. 3–5 сентября 2009 г. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 40–43.
- Поляков 2020 — Поляков А. В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2020. 54 с.

- Поляков 2022 — Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков и др. 2022 — Поляков А. В., Марсадалов Л. С., Лурье В. М. Поселение Каменный Лог I на Среднем Енисее (по материалам раскопок М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой). СПб.: ИИМК РАН, 2022. 188 с.
- Савинов 1996 — Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 112 с.
- Svyatko et al. 2013 — Svyatko S. V., Schulting R., Mallory J. P., Murphy E. M., Reimer P. J., Khartanovich V. I., Chistov Y. K., Sablin M. V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journal of Archaeological Sciences. 2013. No. 40. P. 3936–3945.

STUDIES OF THE KARASUK TIME SITES AT THE FOOT OF GEORGHIEVSKAYA MOUNTAIN IN 2006 (TES²-IX CEMETERY)

O. V. KOVALEVA, P. B. AMZARAKOV, A. V. POLYAKOV

Keywords: *Minusinsk depressions, Minusinsk district of the Krasnoyarsk region, Late Bronze Age, barrow, burial, prestigious constructions.*

The paper presents the materials of four barrows excavated in 2006 and dated to the Late Bronze Age (XIII–XII cc. BC). Two of them can be considered as prestigious constructions, as is evidenced by the size of their enclosures and mounds. It proved possible to record some additional traits of such constructions, such as the presence of stone-faced mounds over the graves, and numerous remains of meat food represented by bones of domestic animals (cows, sheep).

КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ И. Б. БРАШИНСКОГО (1928–1982) И И. Г. ШУРГАЯ (1934–1982)

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, С. В. КАШАЕВ

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-27-219-220

27 апреля 2022 г. в Дубовом зале Института истории материальной культуры РАН состоялось заседание Круглого стола, посвященного памяти Иосифа Беняминовича Брашинского и Игоря Георгиевича Шургая. Научное мероприятие было организовано Отделом истории античной культуры ИИМК РАН. На заседании присутствовали сотрудники ИИМК РАН, Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа; некоторые антиковеды из различных городов нашей страны приняли участие в работе Круглого стола в удаленном режиме.

Заместитель директора ИИМК РАН С. А. Васильев, открывая это заседание, признал большие заслуги И. Б. Брашинского и И. Г. Шургая перед отечественной археологической наукой. Он обратил внимание присутствующих, что в Отделе истории античной культуры очень бережно относятся к памяти об ушедших сотрудниках.

Затем Ю. А. Виноградов, проводивший заседание Круглого стола, выступил со «Словом о двух ученых». Кратко охарактеризовав их жизненный путь, он отметил, что эти яркие личности были непохожи друг на друга, в науке они шли разными путями, да и отношения между ними были далеко не идеальными. Тем не менее И. Б. Брашинский стал ученым европейского уровня, особенно в изучении греко-варварской торговли, а И. Г. Шургая сделал очень многое для формирования Отдела истории античной культуры в современном его виде. Судьба распорядилась так, что эти исследователи ушли из жизни в один год — сначала Игорь Георгиевич, а через небольшое время и Иосиф Беняминович.

Далее И. Ю. Шауб совместно с С. А. Яценко сделал сообщение «Меотский псалий с уникальным изображением из собрания Объединенных музеев Свято-Алексиевской пустыни». Это изображение — голова оленя — действительно уникально. Авторы усмотрели здесь символ солнца и плодородия и предположили, что на псалии представлен образ мужской ипостаси женского божества плодородия.

В. И. Кац (г. Саратов) сделал сообщение «Трагическая страница биографии И. Б. Брашинского». Он рассказал о ситуации, сложившейся вокруг защиты докторской диссертации исследователя. Причиной неудачи, на его взгляд, стало то, что для очень многих влиятельных фигур того времени И. Б. Брашинский был человеком нежелательным. При проведении голосования оказалось, что «против» не было подано ни единого голоса, но в результате всякого рода «подковерных игр» 2/3 членов Ученого Совета ИА АН СССР вообще не проголосовали. Защита таким образом была провалена, что в конечном итоге привело к гибели И. Б. Брашинского.

А. Н. Коваленко (г. Ростов-на-Дону) представил доклад «К вопросу о греческом населении Елизаветовского городища (по материалам исследований последних лет)», в котором

показал возрастание греческого населения на этом памятнике в IV в. до н. э. Боспорская колония, образованная на акрополе городища, просуществовала до конца первой трети III в. до н. э. До недавнего времени не удавалось обнаружить греческих погребений, относящихся к этому памятнику. Однако в последние годы к востоку от городища были найдены грунтовые погребения, которые, возможно, являются частью греческого некрополя.

С докладом «Памятники лапидарной коллекции Восточно-Крымского музея-заповедника в составе выставки „Крым — золото и секреты Черного моря“» (Амстердам) выступила *Н. Л. Кучеревская* (г. Керчь). Она рассказала об юридических аспектах, подтверждающих право собственности Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (как преемника Керченского музея древностей) на музейные предметы, отправленных в январе 2014 г. в Амстердам для экспонирования на выставке «Крым — золото и секреты Черного моря». Для этой выставки были выбраны 14 предметов из лапидарной коллекции Восточно-Крымского музея-заповедника, в том числе акротерий с изображением змееногой богини, скульптура «Синдского воина», капитель храма Аполлона и др. Возвращение этих памятников в Керчь, к сожалению, проблематично.

Н. А. Павличенко в своем докладе «Новое свинцовое письмо-опистограф из Фанагории» представила находку, сделанную в прибрежной части городища в 2015 г. Сохранившийся текст позволяет предположить, что это было частное письмо, относящееся ко второй половине V — началу IV в. до н. э.

Доклад *С. В. Ушакова* (г. Севастополь) «О значении археологических данных в изучении ранней истории Херсонеса Таврического» был посвящен принципиально важной научной проблеме — оценке значения археологических данных для определения времени основания греческой апойкии, становления полиса, создания территориального государства. Исследователь продемонстрировал находки аттической чернофигурной и краснофигурной посуды, ионийской полосатой керамики, раннего амфорного материала и т. д. Массово они встречаются на городище с конца VI или рубежа VI–V вв. до н. э. По мнению докладчика, исходя из археологических данных, можно считать, что поселение на месте Херсонеса было основано приблизительно в середине VI в. до н. э.

С. В. Кашаев выступил с небольшим сообщением «Тарные амфоры из некрополя Артющенко-2 (V–II вв. до н. э.)». Эти важные для понимания памятника находки происходят из захоронений взрослых и младенцев, а также из тризн.

В заключение *А. Е. Терещенко* (Государственный Русский музей) сделал сообщение «Заметки о сюжетах одной группы пантикапейского серебра конца III в. до н. э.». Его внимание привлекла группа серебряных монет конца III в. до н. э. с точки зрения особенностей их реверсного сюжета. Тогда в боспорской монетной типологии появилась пара «голова Аполлона — орел». Исследователь поставил вопрос о причинах возникновения такого странного тандема.

После завершения научной части заседания Ю. А. Виноградов поблагодарил всех выступавших и пригласил присутствовавших на заседании в Отдел истории античной культуры, где воспоминания о коллегах продолжились в неформальной обстановке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА — Археологический альманах. Донецк
АВ — Археологические вести. СПб.
АГЭ — Архив ГЭ
АзССР — Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
АИ — Археологические изыскания. СПб
АКМ — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинёв
АН — Академия наук
АНО — Автономная некоммерческая организация
АО — Археологические открытия. М.: Наука
АрмССР — Армянская Советская Социалистическая Республика
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник ГЭ. Л./СПб.
БАН — Библиотека Российской академии наук. Л./СПб.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ГАИМК/РАИМК — Государственная/Российская академия истории материальной культуры. Л./Пг.
ГАН — государственные академии наук
ГАРК — Государственный архив Республики Крым. Симферополь
ГИМ — Государственный исторический музей. М.
ГПИ — Государственный педагогический институт
ГПУ — Государственный политехнический университет. СПб.
ГУ/НУ — Государственный/Национальный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ГЭС — гидроэлектростанция
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия. СПб.
ИАКр — Институт археологии Крыма. Симферополь
ИВ — Институт востоковедения
ИГИ АН ЧР — Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской республики. Грозный
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
КБГУ — Кабардино-Балкарский ГУ. Нальчик
КМК — культура многоваликовой керамики
КСИИМК/КСИА — Краткие сообщения ИИМК/ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
Л. — Ленинград
л. ф. — литейная форма
ЛГУ/СПбГУ — Ленинградский/Санкт-Петербургский ГУ
ЛОИИМК/ЛОИА — Ленинградское отделение ИИМК/ИА АН СССР
М. — Москва

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАК	—	Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями МАО
МАО	—	Московское археологическое общество
МАСП	—	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Одесское книжное издательство
МГЛУ	—	Московский государственный лингвистический университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК	—	Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИИKNCK	—	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
м-к	—	могильник
ММНК	—	материалы международной научной конференции
МНК	—	международная научная конференция
НА	—	научный архив
НАН	—	национальная АН
Нег.	—	негатив
НИИ	—	научно-исследовательский институт
НИИЯЛИ	—	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НК	—	научная конференция
НМЮО	—	Национальный музей Республики Южная Осетия. Цхинвал
НЦ	—	Научный центр
ОАВЕС/ОИПК	—	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири/ Отдел истории первобытной культуры, ГЭ
ОАК	—	Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
Отп.	—	отпечаток
ПБВ	—	поздний бронзовый век
Пг.	—	Петроград
погр.	—	погребение
ПОММ	—	Прикубанский очаг металлургии и металлообработки
пос.	—	поселение
РА/СА	—	Российская/Советская археология. М.
РАН	—	Российская академия наук
РАО	—	Императорское Русское археологическое общество. М.
РИО	—	редакционно-издательский отдел
РНФ	—	Российский научный фонд. М.
РО	—	рукописный отдел
САИ	—	Свод археологических источников. М.; Л.
Сб.	—	сборник
СБВ	—	средний бронзовый век
случ. нах.	—	случайная находка
СМ	—	Совет Министров
Сн.	—	снимок
СОГОМ	—	Северо-Осетинский государственный объединенный музей. Владикавказ
СОИГСИ	—	Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Владикавказ
СПб.	—	Санкт-Петербург
СССР	—	Союз Советских Социалистических Республик
ТД	—	тезисы докладов
Тр.	—	труды
УССР	—	Украинская Советская Социалистическая Республика
ФАН	—	филиал Академии наук
ФНИ	—	фундаментальные научные исследования

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ФО	—	фотоотдел
ЧИ АССР	—	Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЧР	—	Чеченская Республика
AS USSR	—	Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics. Moscow
ESA	—	Eurasia Septentrionalis antique. Helsinki
ИИМС	—	Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
ЛБИА	—	Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the AS USSR. Moscow
ЛВИИМС	—	Leningrad Branch of the ИИМС AS. Leningrad
Man. Dep.	—	Manuscript Department
MVF	—	Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin
NHM	—	Naturhistorisches Museum. Wien
RAS	—	Russian Academy of Sciences
SA	—	Scientific Archive
s. n.	—	serie nova
Photo Dep.	—	Photographic Department

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 27**

Главный редактор: В. А. Лапшин

Корректор: О. К. Чеботарева

Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН

Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 311

Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271

<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-36835 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 13.12.2022. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,6. Тираж 300 экз. Заказ 4726.

Дата выхода из печати 27.12.2022

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»

195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.

Тел. +7(812) 380-79-50

E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная